

Д
О
Н
С
К
О
Й
В
Р
Е
М
Е
Н
Н
И
К

ДОНСКОЙ ВРЕМЕНИК

Выпуск 31

<http://www.donvrem.dspl.ru>

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА WWW.POROVFOUNDATION.ORG

Задачами Фонда имени священника Илии Попова являются культурно-просветительская работа по истории казачества и церковной истории, благотворительная деятельность, прославление подвига новомучеников.

Краеведческий альманах «Донской временник» издаётся при содействии Фонда имени священника Илии Попова

Священник Илия Попов, сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц четырёх округов Области войска Донского, с 1916 года — в станице Великокняжеской (с 1925 года — в станице Пролетарской). После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в день Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года.

В настоящее время материалы к канонизации священника Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении в Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

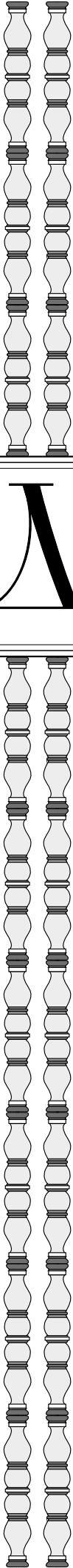
Священник Илия Попов
1871 — 1937

**Блаженны изгнанные за правду,
ибо их есть Царство Небесное**

(Мф. 5:10)

Министерство культуры Ростовской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
«Донская государственная публичная библиотека»

Д

ОНСКОЙ Временник

В

Краеведческий альманах
Выпуск тридцать первый

Ростов-на-Дону
2022

К ЧИТАТЕЛЮ

Тридцать первый выпуск «Донского временника» представляет собой сборник краеведческих статей, не публиковавшихся ранее, и отражает новые исследования учёных и краеведов о донском крае, его истории и культуре.

Читателю откроются неизвестные факты из истории заселения Восточного Приазовья. Он совершит путешествие в средневековую Европу в поисках корней рода Сабо, узнает о древних святилищах на донской земле, о первых опытах подземной газификации и деятельности германских сельскохозяйственных концессий на Дону. Среди героев этого выпуска альманаха — фотохудожник и краевед Карп Пашиньян, искусствовед Валерий Рязанов, зодчий Пётр Любимов, предприниматель и издатель Николай Парамонов, писатели Алексей Библик и Георгий Шолохов-Синявский, историки Анатолий Горбенко и Виктор Зайдинер.

Событием в культурной жизни области стали Восьмые Коршиковские чтения «Краеведение на Дону: история и современность», состоявшиеся на двух площадках в Ростове и Таганроге. Несколько статей в альманахе подготовлены по материалам Чтений.

Библиографические ссылки в примечаниях к статьям альманаха выполнены в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008, сокращения — с ГОСТом — Р 7.0.12— 2011. Дополнительно принятые сокращения приведены в Списке сокращений.

РЕДАКЦИЯ

Составитель, редактор Л. А. Штавадакер
Ответственный за выпуск Е. М. Колесникова

Сборник подготовлен при участии Ю. А. Безугловой, Н. Н. Зайцевой, Л. К. Поповян, О. Б. Мяловой

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. В. Венков
Л. Ф. Волошинова
Е. Д. Ломановская

ISBN 978-5-6048093-3-4

© ГБУК РО «Донская государственная публичная библиотека», 2022
© А. С. Козаченко, художественное оформление, 2022

Перепечатка и воспроизведение материалов, а также их фрагментов возможны только с письменного разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЕЛЕНИЯ

МАТЕРНОВСКИЙ Д. С. Водяная балка. Глафировка. Николаевка. <i>Из истории заселения Восточного Приазовья (1784–1861)</i>	5
--	---

НАШИ КРАЕВЕДЫ

Вспоминая Карпа Пашина: <i>Полеваго И. С.</i> В фокусе памяти. — <i>Штавакер Л. А.</i> «Неправда, друг не умирает...»	21
КОВЫНЕВА С. А. Историк и краевед Зернограда (<i>В. И. Зайгинер</i>)	35
Виктор Храмов. Штрихи к портрету: <i>Петров В. С.</i> Привет Эмилю из Ростова! — <i>Высоцкая Е. П.</i> Он горел любимым делом. — <i>Зенюк Д. И.</i> Редкое имя, редкая личность... ..	42

МУЗЕИ

ФЕДОТОВА Т. А. За честь и верность профессии! (<i>А. А. Горбенко</i>)	46
ГОЛОВКИНА Г. И. Он ведал искусством (<i>В. В. Рязанов</i>)	54

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕКИ В ЛИЦАХ

ШТАВДАКЕР Л. А. Книжные истории, или Полвека в библиотеке	57
---	----

ГЕНЕАЛОГИЯ

ВЫСОЦКАЯ Е. П. Семья Сабо	84
---------------------------------	----

ВЕСТНИК РОСТОВСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА КРАЕВЕДОВ РОССИИ

АГЕЕВА В. А. «Донской краевед» в Таганроге	109
ЗАЙЦЕВА А. С., НАЛИВАЙЧЕНКО И. В. Краеведение на Дону: история и современность	114

ВОСЬМЬЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(*Ростов-на-Дону – Таганрог, 29 – 30 сентября 2022 г.*)

ТОКАРЕНКО С. Ф. Древние святилища близ Мелиховской и Семикаракорска	120
БАНДУРИН Н. С. Во имя Рождества Пресвятой Богородицы. (<i>Из истории церкви в Верхне-Лютовке Миллеровского района</i>)	126
ХАЛДАЕВ Е. В. Цепочка добра к часовне памяти	133
МОРОЗОВА О. М. Злоключения немецких концессионеров в Советской России	155
РУДЬ М. А., ЗАЙЦЕВ Д. Н. Шахтинская опытная станция «Подземгаз»	165
ВАЛУЙСКОВА О. В. Документальное кино на Дону. 1920–1940-е гг.	170
ТАРАСОВА М. Н. От Ростова-на-Дону до Байройта (<i>Н. Е. Парамонов и его семья в эмиграции</i>)	175
ЗАЙЦЕВА А. С. Степанковские в истории Александровска-Грушевского	191
ВОЛОШИНОВА Л. Ф. Ростовский зодчий Пётр Любимов	197
ЧИБИСОВА С. П. Художник Алексей Шишов	203
ШОЛОХОВА Т. А. Эх, друже, Георгиопуло! (<i>А. П. Бибик и Г. Ф. Шолохов-Синявский в письмах 1920–1960-х гг.</i>)	211

ЕДИНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	227
------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	230
-------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	231
------------------------------	-----

Мой соплеменник, современник,
Читатель потаённых книг
Сидит безвыходно, как пленник,
И пишет новый временник.
<...>
О чём подумает потомок,
Вникая в этот временник?

Леонид Григорьян

ПОСЕЛЕНИЯ

Д. С. МАТЕРНОВСКИЙ

ВОДЯНАЯ БАЛКА. ГЛАФИРОВКА. НИКОЛАЕВКА

*Из истории заселения Восточного Приазовья
(1784–1861)*

Южная оконечность бывшего Ростовского уезда Екатеринославской губернии, по историческому недоразумению ныне причисленная к Щербиновскому району Краснодарского края — необычная часть Приазовья. Узкую полосу земли вдоль Таганрогского залива с двух сторон сжимали два казачьих войска, Донское и Черноморское (Кубанское), а прибрежные территории, отошедшие к Российской империи в 1783 году вместе с Крымом, заселялись не казаками, а помещичьими крестьянами.

К моменту прихода сюда русских поселенцев земли эти были дикие и фактически незаселённые. Из ближайших населённых пунктов можно отметить разве что основанное ещё в 1774 году Ейское укрепление и возникшее в 1794 году куренное селение Щербиновское (современная Старощербиновская), но практически всё южное побережье Таганрогского залива после подавления Суворовым Ногайского восстания 1783 года и переселения ногайцев за Кубань, оставалось безлюдным. Сегодня, глядя на бескрайние распаханые поля и тенистые широкие улицы Глафировки, самого южного населённого пункта Екатеринославской губернии, трудно представить, что ещё в начале XIX века места эти были малообжитыми. Удалённость от центров цивилизации, нехватка пресной воды, палящий зной летом и пронизывающий ветер зимой, а также полное отсутствие деревьев делали этот степной край малопривлекательным для переселенцев с севера, несмотря на плодородие почв и небывалое обилие рыбы.

Массовое переселение крестьян сюда началось лишь с 1810-х годов и продолжалось почти полвека, вплоть до отмены крепостного права. Параллельно с организованным помещиками официальным переселением шло и неофициальное — берег Азовского моря облюбовали беглые крестьяне и дезертиры из разных частей Российской империи; их счёт шёл на тысячи, и в 1820-х годах, когда правительство приняло меры по искоренению бродяжничества на юге

России путём принудительной приписки беглых к ближайшим помещичьим или казённым поселениям, население той же Глафировки не на много превышало число проживавших поблизости беглых, судя по всему давших название косе Найденной (Глафировской).

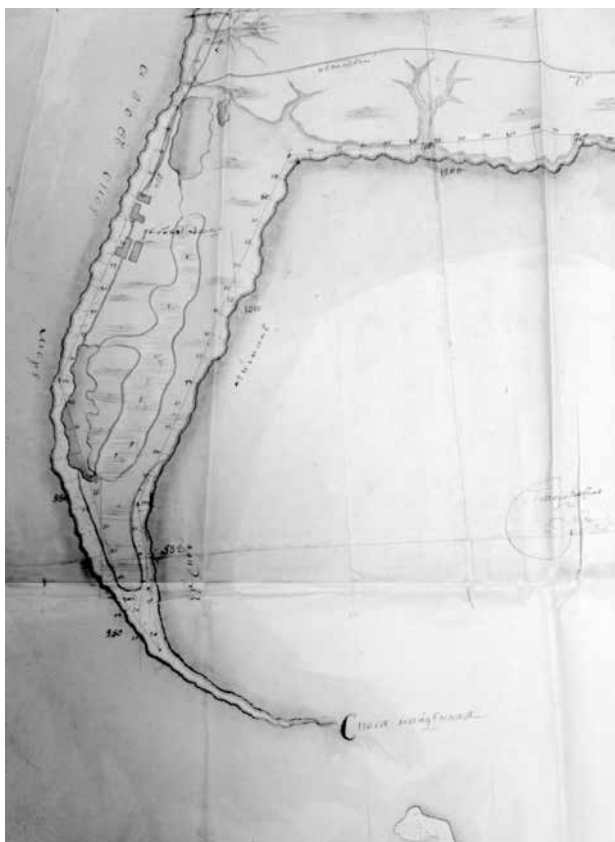
Данная статья — попытка на основе архивных источников реконструировать историю заселения этих земель, понять, как шло их хозяйственное освоение, откуда и когда пришли сюда первые поселенцы, потомки которых и ныне живут в Глафировке и соседних сёлах.

Ейская пустошь — Водяная — Глафировка (Основание и владельцы)

Данные межевания Ейской пустоши за 1784 и 1802 годы [1] позволяют однозначно определить дату основания приазовской деревни Водяной — 1801 год (она же хутор Водяной или Водяная Балка; не путать с Водяной Балкой в Кущёвском районе Краснодарского края. — Д. М.). Под Ейской пустошью на рубеже XVIII — XIX веков понималась самая южная оконечность Ростовского уезда Екатеринославской губернии в районе нынешнего села Глафировка, ограниченная с запада Таганрогским заливом, а с юга Ейским лиманом. После окончательного присоединения всего Приазовья к Российской империи в 1783 году, эти земли стали раздавать помещикам (преимущественно военным) для последующего заселения. Впрочем, процесс этот растянулся на десятилетия. Наиболее удалённая от уездного города Ейская пустошь (расстояние до Ростова — 150 км, до губернского Екатеринослава — 600 км, при этом до земель Черноморского казачьего войска было рукой подать) — не исключение: несколько раз сменились её хозяева, прежде чем здесь появились постоянные жители.

Интересующий нас участок (названный «порозжими казёнными землями», т. е.

Денис Сергеевич Матерновский, генеалог, краевед, г. Москва

Карта Ейской пустоши. Из межевания 1784 года

пустующими, незаселёнными) был по указу от 8 мая 1784 года отдан во владение сержанту лейб-гвардии Преображенского полка Степану Ларионовичу Алексееву. Примечательно, что согласно данным межевания 1784 года Ейскую пустошь отнесли к Таганрогскому уезду Азовской губернии, при том, что уже год бывшая Азовская губерния вошла в Екатеринославское наместничество, а сами эти земли стали частью Ростовского уезда. Год рождения Степана Ларионовича не известен, но отец его, Ларион Спиридонович Алексеев родился в 1744 году и в 1782 году был вице-губернатором Азовской губернии [2].

Получается, новый владелец Ейской пустоши был очень молодым человеком, возможно даже подростком (на это же указывает и то, что к тому времени он был всего лишь сержантом). Должность его отца в период деления приазовских земель, возможно, указывает на nepoтизм (сам Ларион Алексеев, кстати, и подписал межевание 1784 года), но, с другой стороны, земли эти в тот период с огромным трудом можно назвать лакомым куском: были они совсем дикие, и на их освоение требовались огромные затраты. Как бы то ни было, Степан Алексеев не оставил какого-либо следа в истории Приазовья, хотя на склоне лет и умудрился вместе с братом

Дмитрием, предводителем Екатеринославского дворянства, пройти по делу декабристов [3].

В 1801 году всё ещё незаселённую Ейскую пустошь приобрёл генерал-майор Николай Яковлевич Трегубов (1756–1845). Причём, согласно межеванию 1802 года, приобрёл он её не у первого владельца Алексеева, а у Захара Константиновича Зотова (1755–1802). Купил ли Зотов земли у Алексеева или был ещё промежуточный владелец, установить не удалось.

Зотов был личностью крайне примечательной: таганрогский грек, соратник князя Потёмкина, ставший доверенным лицом Екатерины II и её личным камердинером. За верную службу «Захарушке», как его называла императрица, были пожалованы огромные поместья в Крыму. Владел он землёй и по другую сторону Азовского моря. После смерти Екатерины в ноябре 1796 года (сам Зотов первым и нашёл её бездыханное тело [4]) и восхождения на трон Павла I, любимый слуга императрицы попал в опалу. Он был заключён в Петропавловскую крепость, где, по многочисленным свидетельствам, «потерял навсегда рассудок» [5]. Выпустили его уже при Александре I, в 1801 году, и вскоре Зотов скончался. В этом же году и состоялась сделка по продаже земли в Приазовье Трегубову.

Новый владелец земли (как минимум третий за 17 лет), ветеран русско-турецких войн, генерал-майор в отставке, проживающий в Таганроге, впоследствии сделал блестящую карьеру, став градоначальником Одессы и сенатором. Именно Трегубов в 1801 году основал на берегу Азовского моря деревню Водяную. Из своей деревни Велисово Владимирского уезда Владимирской губернии Трегубовым были переведены 15 душ м. п. и 13 душ ж. п. На момент межевания в 1802 году в Водяной было шесть дворов, где проживали 17 душ м. п. и 14 душ ж. п. [6, л. 5 об.].

В «Экономическом описании Ростовского уезда» (1816) содержится указание на то, что по 4-й ревизии (т. е. в 1782 г.) в Водяной было шесть дворов, 15 мужчин и 13 женщин [7]. Эти же данные приводит исследователь Приазовья В. И. Литвиненко и делает вывод, что Водяная возникла в 1780-е годы [8]. Этой точки зрения придерживался и создатель музея Глафировки краевед Н. И. Новак [9], с его же лёгкой руки 1784 год в качестве года основания Глафировки можно найти в интернете, эта же дата указана на стеле при въезде в село. На самом деле это год первого межевания этих земель, то есть их регистрации, или введения в официальный оборот, а первое постоянное поселение — Водяная — появилось только через 17 лет, а собственно

сама Глафировка, расположенная чуть южнее — ещё позднее, в 1810 году.

Судя по всему, авторы «Экономического описания...», дающие отсылку к 4-й ревизии, попросту ошиблись и имели в виду не 4-ю ревизию, а последние имевшиеся в распоряжении данные. Иначе не совсем понятно, зачем приводить информацию более чем 30-летней давности и уже после ревизии 1811 года и межевания 1802 года. К тому же обращает на себя внимание, что число приведённых жителей точно совпадает с числом ревизских душ по переписи 1795 года, которых Трегубов перевёл в Водяную в 1801 — 1802 годах. Похоже, именно эти данные и использовал составитель «Экономического описания...».

Наиболее весомый довод в пользу того, что Водяная возникла только при Трегубове, это повторяющиеся формулировки в данных по межеванию. В повестке землемеру Чистякову от 5 августа 1802 года прямо говорится: *«немедленно ехать тебе Ростовского уезда в пустошь Ейскую, на которой поселена деревня»*. А дворовый Трегубова Михайло Макеев, свидетель межевания, говорит ещё более определённо: *«пустошь Ейская, на которой ныне господином моим поселена деревня Водяная»* [6, л. 20]. К тому же, на плане межевания Ейской пустоши на месте Глафировки пустота, на месте будущей Водяной — рыбные заводы, а на верху карты стоит пометка *«на состоящей же пустоши селения никакого не было, а лежало в пусте»* [1, план межевания].

Также на карте обращает на себя внимание старое название Глафировской косы — Найденная. Название намекает на то, что там могли проживать беглые. Об этом напрямую говорится в документах более позднего периода: в составленном в 1901 году церковно-археологическом описании прихода Глафировки отмечается, что приход возник *«частью из беглых крестьян, укрывающихся на косе, именуемой Найденной»* [10]. Название это вышло из употребления; последний раз оно зафиксировано на карте Азовского моря 1964 года как Глафировская (Найденная), хотя весь XIX век и вплоть до Великой Отечественной войны использовалось исключительно Найденная или Найденая [11].

«Большое пространство земли, состоявшее из пустынной степи, поросшей бурьяном, было обитаемо только дикими зверями, да служило укрывательством беглецам, разной сволочи людей, занимавшихся недобрым промыслом» [12, с. 515] — так выглядела Глафировка в начале XIX века.

В 1809 году Ейскую пустошь с крохотной деревней Водяной приобретают супруги Савва

Васильевич и Глафира Васильевна Романовы. Именно с них начинается полноценное заселение этих мест — массовый перевод крестьян и основание села Глафировка. Савва Васильевич (1773 — 1814) был представителем старшинного слобожанского рода Романовых, владевшего обширными землями на территории бывшего Сумского слободского казачьего полка — в Миропольском, Сумском и Лебединском уездах. Место рождения Саввы неизвестно, но, скорее всего, родился он в селе Гоптаровка, где проживали его родители поручик Василий Яковлевич Романов (1748 — 1785) и Ульяна Семёновна Романова (1753 — после 1800). Мать Саввы Васильевича была дочерью графа Семёна Егоровича фон Волькенштейна и сестрой Гаврилы Семёновича фон Волькенштейна, вошедшего в историю русского театра, как человек, чьим крепостным по рождению был великий русский актёр Михаил Семёнович Щепкин. Согласно исповедальным ведомостям Гоптаровки, всё семейство Василия Яковлевича, включая двухгодовалого Савву, в 1775 году проживало в Гоптаровке [13].

Савва рано потерял отца, бывшего в 1780-е предводителем дворян Миропольского уезда, и, как и подобало дворянину его круга и происхождения, выбрал военную стезю. Данные о его боевом пути крайне фрагментарны. Хронологически Романов должен был участвовать в войне 1812 года и Зарубежных походах, но подтверждений этому найти не удалось. В ведомости о дворянах, проживающих в Миропольской округе в 1795 году, в Гоптаровке указана мать Саввы, 52-летняя *«вдова поручица»* Ульяна Семёнова дочь Романова и его сестра Марьяна 12-ти лет, а про Савву и его младшего брата Ивана сказано, что они состоят вахмистрами в лейб-гвардии Конном полку [14]. Известно, что 28 января 1796 года Савву Романова назначили капитаном Военного ордена Кирасирского полка [15]. Далее его следы теряются: в сохранившихся формулярных списках Кирасирского полка за 1798, 1803 и 1812 годы его имя среди офицеров отсутствует. В ревизиях 1811 года Савва Романов назван майором [16, л. 368], но состоял ли он на тот момент ещё на службе, не понятно.

Судя по всему, Романов перевёлся в другой полк (либо вышел в отставку) вскоре после перевода в Кирасирский полк (1796 — 1797). Хронологически это совпадает с его женитьбой на Глафире Васильевне Похвисневой, представительнице древнего дворянского рода с обширными вотчинами в Курской, Орловской и Слободско-Украинской губерниях. Когда и где точно состоялся брак, неизвестно (в ревизии

Похвисневки, принадлежавшей матери Глафиры Васильевны, вдове Надежде Ивановне Похвисневой, есть пометки о передаче её дочери «в приданство» части будущих глафировских поселенцев в 1797 году [17]: вероятно, это как раз год замужества). Молодожёны поселились в Гоптаровке, в метрической книге которой за 24 марта 1801 года есть запись о рождении их сына и наследника Николая [18]. 17 марта 1802 года там же родилась дочь Юлия (умерла в 1805 г.). Записи о рождении ещё одной дочери Саввы Романова Надежды в метрических книгах Гоптаровки нет, впервые она упоминается в 1808 году, когда вместе с братом Николаем выступила восприемницей при крещении. Учитывая, что сам Николай впервые стал восприемником в четыре года, в 1805 году, можно предположить, что Надежда Саввична родилась не позднее 1804 года. Обращает на себя внимание, что Николай и Надежда, а также их мать Глафира Васильевна достаточно часто выступали восприемниками при крещении (Николай чаще всех — 13 раз (с 1805 по 1814 гг.), Надежда, в большинстве случаев вместе с братом — 11 раз (с 1808 по 1814 гг.). Глафира Васильевна была восприемницей в мае 1806 года, июне 1809-го и октябре 1814-го. Сам глава семейства восприемником в этот период не был ни разу, что может быть косвенным указанием на то, что он находился постоянно в разъездах по службе и дома бывал не часто. Савва Романов скончался в Гоптаровке 28 ноября 1814 года [19], оставив вдову Глафиру Васильевну, которой тогда было 35—40 лет, с двумя детьми, 13-летним Николаем и Надеждой. Впрочем, вдовой она оставалась недолго, снова выйдя замуж за офицера-кавалериста, только на этот раз не кирасира, а улана.

Хотя о новом муже Глафиры Васильевны Казимире (Козьме) Ивановиче Нарецком (Норецком) (ок. 1790—28.12.1864 ст. ст.) известно значительно больше, чем о Савве Романове, ключевые вопросы пока остаются без ответа. Ничего не известно о его происхождении и месте рождения. Непонятно, как и где он познакомился с будущей женой и когда они поженились, а также был ли он знаком с Романовым. Их брак выглядит откровенным мезальянсом. Глафира, примерно на 15 лет старше, — представительница одного из самых влиятельных семейств курского дворянства и богатейшая наследница с обширными владениями в нескольких губерниях. Казимир, даром что герой войны и кавалер множества орденов, — из незнатной и небогатой семьи и к тому же слаб здоровьем.

Согласно метрическим книгам села Гоптаровка, после смерти Саввы Романова в 1814 году

его вдова и дети продолжали жить в Курской губернии. 25 сентября 1818 года при крещении дочери крестьянки Александры Коваленковой Ксантиппы восприемниками выступили помещик Козма Иванович Нарецкий и Надежда Саввична Романова [20]. Это первое упоминание Нарецкого в Гоптаровке. Непонятно был ли он на тот момент уже женат на Глафире, но менее чем за год до этого, 7 октября 1817 года, в той же метрической книге Глафира ещё значится как «майорша Романова». При этом сам брак был заключён не в Гоптаровке: записи об этом в приходской метрике, полностью сохранившейся за эти годы, нет.

Тот факт, что Нарецкий выступил восприемником совместно с малолетней дочерью Глафиры, как минимум означает, что он на тот момент уже был другом семьи, а возможно, и отчимом Надежды Саввичны. Вместе с ней Нарецкий был восприемником в Гоптаровке ещё неоднократно: 5 января 1819 года, 30 сентября и 5 октября 1823 года, 30 декабря 1828 года и 16 ноября 1830 года. Выступал он крёстным и без падчерицы — 21 мая 1821 года, 28 августа 1822 года и 18 апреля 1826 года. Сама Глафира после 1817 года впервые упомянута в метрике Гоптаровки только 26 января 1830 года и тогда она уже однозначно указана, как «подполковница Нарецкая». Любопытно, что до 1823 года Нарецкий состоял на военной службе. Каким образом он совмещал службу с проживанием в Гоптаровке (или, как минимум, постоянными наездами туда) не понятно.

Некоторые детали биографии Нарецкого известны благодаря данным, внесённым в «Родословную книгу Курской губернии» за 1827 год [21]. В «Родословной и доказательствах рода Нарецких» утверждается, что он «из дворян Екатеринославской губернии». При этом, полностью отсутствует информация о его родословной. В генеалогическом дереве только один человек — сам Казимир Иванов сын. Для сравнения, в аналогичном документе для сына Саввы Романова Николая, пасынка Нарецкого, в дереве указаны пять поколений, начиная с воеводского сотника Ивана Романова [22].

Нарецкий был внесён в третью часть «Родословной книги Курской губернии». В третьей части губернских родословных книг вносили роды дворянства, приобретённого на гражданской службе, а также получившие право потомственного дворянства по ордену. То есть Нарецкий, судя по всему, сам дослужился до дворянского звания или, возможно, не мог подтвердить своё происхождение — достаточно распространённая ситуация для мелкопоместной или

безземельной шляхты с вновь присоединённых территорий Речи Посполитой.

Вызывает вопросы и то, что Нарецкий в курской родословной книге назван дворянином Екатеринославской губернии. Скорее всего, это отсылка к Глафировке, где ему на тот момент уже принадлежали крестьяне, подаренные Глафирой в 1819 году (о чём есть запись в ревизии Глафировки 1835 года [23, л. 50 об.]). У самого Нарецкого или его родителей, как указано в формулярном списке 1837 года [24], не было родового имени, а все его владения были благоприобретёнными (по-видимому, исключительно в браке с Глафирой). В родословных книгах Екатеринославской губернии (или любой другой губернии Российской империи, кроме Курской) Нарецкие отсутствуют. В 1827 году, согласно «Родословной», Казимир Иванович с Глафирой Васильевной проживали в селе Пристенное Тимского уезда Курской губернии, где его жене принадлежало 149 душ мужского пола. Не исключено, что там же и был заключён их брак.

Косвенным доказательством того, что до брака с Глафирой у Нарецкого не было поместий, являются «Списки Татарского уланского полка», где Казимир Иванович служил в 1810–1816 годах и в рядах которого прошёл Отечественную войну 1812 года и Заграничный поход. В списке 1814 года содержатся краткие биографии офицеров полка, включая Нарецкого [25]. Данные о происхождении Казимира Ивановича, одного из немногих среди офицеров полка, крайне неинформативны: указано только, что он «из дворян». При том, что для большинства его офицеров-однополчан даётся достаточно развернутая информация о происхождении: «из польского шляхетства Литовско-Виленской губернии», «из саксонских дворян», «из татар дворянин Литовско-Гродненской губернии Новогрудского уезда» и пр. Единственная подсказка, кроме имени Казимир (хотя в полковых документах он Козьма), это указание на то, что «*грамоте российской и польской читать и писать умеет*». То есть, скорее всего, он был либо поляком, либо литовцем. Также, судя по всему, Казимир Нарецкий был по рождению католиком, а потом принял православие под именем Козьма, хотя продолжал использовать и имя по рождению.

Татарский уланский полк, с которым связаны наиболее яркие годы военной карьеры Нарецкого, преимущественно формировался из уроженцев Польши с упором на польско-литовских татар. Среди однополчан Нарецкого множество татарских мурз, людей с экзотическими сочетаниями мусульманских имён и польских

фамилией: Осман и Мустафа Корицкие, Бекир Халецкий, Сулейман Бутлер и пр. Относился ли сам Нарецкий к польско-литовским татарам, сказать однозначно сложно. Известно, что службу он начал в 1806 году в качестве пятидесятника Вяземского земского подвижного войска (части ополчения 1806–1807 годов, созданного по всей России в ходе войны Четвёртой коалиции против наполеоновской Франции). Было Нарецкому тогда около 15–16 лет, и не исключено, что он был родом со Смоленщины или из соседней западной губернии на территории Белоруссии. Земское войско формировалось по территориальному признаку.

Известно, что Нарецкий принял самое деятельное участие в Отечественной войне 1812 года, за «отличия, оказанные в сражении против французских войск» 4 декабря 1812 года был награждён орденом Св. Анны 4-й степени, в 1813–1814 годах стал кавалером орденов св. Анны 2-го класса и св. Владимира 4-й степени с бантом, имел золотую медаль и медаль за участие в войне 1812 года. 31 декабря 1812-го «за отличие» был произведён в штабс-ротмистры, а уже 2 ноября 1813-го снова «за отличие» — в ротмистры.

В «Списках» Татарского полка указано, что Нарецкий в ходе Зарубежного похода русской армии воевал на территории Герцогства Варшавского, Саксонии и Пруссии, ходил «за Рейн»

И. К. Орурк. Мастерская Дж. Доу,
Военная галерея Зимнего дворца, Государственный
Эрмитаж (Санкт-Петербург)

по 14 августа 1814 года. В 1816-м он перевёлся во Владимирский уланский полк, а в 1818-м его назначили адъютантом командира 2-й уланской дивизии генерал-лейтенанта графа Иосифа Корниловича Орурка (1772–1849) [26], героя войны 1812 года. В феврале 1820-го Нарецкий майором переводится в Ябургский уланский полк. Известно, что Орурк вышел в отставку в конце 1819 года и, вероятно, способствовал переходу своего адъютанта в другой полк с повышением. 26 января 1823 года Нарецкий уходит в отставку «за болезнь» с присвоением звания подполковника и с правом ношения мундира [27], и селится в Курской губернии с женой Глафирой Васильевной.

Сын Саввы Романова Николай умер рано [28], не оставив потомства. 13 февраля 1831 года его сестра Надежда Саввична Романова, оставшаяся единственной наследницей многочисленных владений Саввы Васильевича, вышла замуж за Катона Павловича Шабельского, а уже 9 ноября того же года у них родился первенец Николай Катонович (1831–1896).

В результате курские владения Романовых (Гоптаровка, Романовка) и деревня Николаевка в Приазовье перешли к Надежде Шабельской, а за её матерью Глафирой и отчимом Казимиром Нарецкими осталась Глафировка; в 1832 году супруги Нарецкие переехали из Курской губернии на постоянное жительство в Глафировку. Вскоре Нарецкий стал предводителем дворянства Ростовского уезда, сменив на этом посту Григория Коваленского, и занимал этот пост до 1839 года, когда эту должность занял Помпей Павлович Шабельский [29].

Экономическая сказка

28 сентября 1802 года со слов дворового Михайло Макеева, «без доверенности прикащика дворового человека» Трегубова, была составлена подробная «сказка о примечании» или «экономическая сказка», где описываются местность и быт жителей Водяной [6, л. 20–21]. Это первое описание тех мест. Подробно описывается огромное рыбное богатство Азовского моря и Ейского лимана, в частности осетровые и другие рыбы, которые в изобилии водились в местных водах, и отмечается, что рыбу ловят на рыбных заводах «приезжающие по найму господина моего из разных мест люди» и продают «приезжающим из разных городов и селений людям по разным ценам».

Любопытно, что для вылова рыбы приходилось нанимать работников со стороны, по-видимому, как из-за крайней малочисленности

местного населения, так и из-за не приученности крестьян-переселенцев к морскому рыболовству. Согласно «сказке», первые поселенцы Водяной «промышляют хлебопашеством, к чему они рогательны» и на «господином издзеле» (т. е. барщине – Д. М.) обрабатывают на помещика 40 десятин, а женщины же «сверх полевой работы упражняются в домашних рукоделиях – прядут лён и поскона, ткнут холсты и сукна для своего употребления, а от части и на продажу».

В 1845 году в двух выпусках «Земледельческой газеты» вышла «статистическая монография из сообщённых сведений» под названием «Местечко Глафировка» за авторством ростовского журналиста Христофора фон Бока.

№ 65.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

Выходить по вторникам и пятницам. Годовая цена за 124 листа, с доставкой, за обиход стамбула за лист, а вступил Империю, из Губернии и Уездные города, для рубля серебром. — Гр. подписчики доставляют деньги на Ростовский банк и имеют название своего жительства.

Подписка принимается в С. Петербурге: в Ревальском, в Вас. отъ по 2 рубля за лист Марона, 20% в Мессин; в которых Кожа, Базис; в Горе, Правлен; в Кожа, ели; жина война, ели; и в Кавказской Власти. В Гр. и Уездных городах: в Уездных Канцеляриях.

14 АВГУСТА.
1845.
ВТОРНИКЪ.

МЕСТЕЧКО ГЛАФИРОВКА.

(Статистическая монография из сообщённых сведений).

Приветствую тебя я, мирный уголок, —
Привет свойствен, трудов и размышленья!
А. Вржало.

Отдѣлъ I.

Общій взглядъ на землю съ ея жилищами и произведеніями.

1. Математическое положеніе. М. Глафировка съ д. Водяной-Балкой (Ростовск. уездъ, Екатеринославской губ.), принадлежатія поднаковнику Куз. Ша. и суруетъ его Га. Вас.

Нарѣкннѣ, находится въ средоточіи между 55° и 56° восточной долготы и между 46° и 47° северной широты; въ длину простирается на 7 верстах, а въ ширину на 9 верстах.

2. *Физическое предѣлы.* Почтеніе это граничитъ къ северу и востоку съ ильианами гг. Шабельскими, а съ запада и юга она является водами моря Азовскаго и заливою Эйскіи; отъ уезднаго г. Ростова отстоитъ оно въ 125, отъ губ. Екатеринославскія въ 610, отъ Тагаирова сухопутно — 193, а моремъ 60, и отъ границы Черноморіи въ 25-ти, а чрезъ землю въ 7 верстахъ.

3. *Пространство земли* заключаетъ въ 7,133 десятинахъ указаной вѣры; изъ этого числа подъ усадьбами господской, дворовой и крестьянской съ сажанами и огородами 145 десятинъ, подъ полеванами 2,460, и столько же подъ паромъ (толовой), подъ сѣновозомъ 2,088 и подъ дорогами 10 десятинъ.

В статье, больше похожей на рекламный буклет (включая идиллический эпиграф из Пушкина, «приветствую тебя я, мирный уголок, — приют спокойствия, трудов и размышленья!»), или даже бравурный репортаж из времён СССР о колхозе-миллионере, описывается во всех отношениях образцовое хозяйство. Был ли материал, как бы сейчас сказали, размещён на правах рекламы, или являлся результатом личного бескорыстного интереса г-на фон Бока именно к этому населённому пункту в Ростовском уезде, достоверно неизвестно, но он содержит множество интереснейших деталей о Глафировке.

Особо отмечаются не самые привлекательные природные условия, с которыми столкнулись поселенцы — «климат непостоянный: летом очень жарко, осенью и весной свирепствуют ветры, сгущаются туманы, земля превращается в глубокую и вязкую грязь» [12, с. 514] — на фоне полного безлесья (топили кизяком, т. к. «*дрова здесь весьма дороги, как и лес вообще* [12, с. 521]). Фон Бок, вероятно, со слов Глафиры Нарецкой, описывает «величайшие затруднения», с которыми столкнулись первые переселенцы: «*Переселенные из Курской губернии крестьяне долго не могли привыкнуть к этому безлюдью, к переменам климата и приморской жизни, так что после с трудом можно было принудить других к переселению в такие места... Однако же, при усиленном старании и приведении в лучший порядок хозяйства освоившихся с местностью мужиков, владельцы достигли наконец желанной цели. Посевы и постоянные урожаи пшеницы, также и выгодный сбыт ея, также рыбная ловля, приохотили поселенцев к новому хлебопашеству и домоводству*» [12, с. 515].

Фон Бок более чем комплиментарно отзывается о местных жителях: «*Глафиоровские крестьяне при благоразумном правлении и человеколюбивых распоряжениях господ составляют как бы редкое исключение из поселенцев Загонского края; они кротки, приветливы, радушны, непривержены к пьянству, буйству и другим порокам, свойственным малороссийской черни;... редко, очень редко бывают такие примеры и тотчас же искореняются в самом начале*» [12, с. 523].

Нарецкие переехали на постоянное жительство в Глафировку только в 1832 году, а до этого хозяйство там находилось в «*младенческом состоянии*». После переезда помещиков в село начинается активное строительство, появляются пять мельниц, амбары, постоялый двор, харчевня, питейный дом, а также «*помещения для приезжих торговцев*».

В 1833 году на юге России, включая Екатеринославскую губернию и Область войска Донского, разразился небывалый голод. Стал он «*тягостным испытанием*» и для Глафировки: Нарецкие были вынуждены потратить около 30 000 рублей серебром на продовольствие для крестьян [12, с. 515]. За «*особенные труды и усердие при распоряжениях для обеспечения народного продовольствия*» Нарецкий в 1834 году был награжден орденом св. Станислава 3-й степени [30].

В 1834 году для организации хлебной торговли в Глафировку были приглашены купцы

из Таганрога, а уже в 1839 году в селе было закуплено и погружено на суда более 20 000 четвертей пшеницы [12, с. 515]. 11 ноября 1841 года в Глафировке был освящен построенный на деньги Нарецких храм Иконы Ахтырской Божьей Матери. В 1842 году для купцов было открыто шесть лавок [12, с. 515].

Подробнейшее описание глафиоровского поместья на 1844 год действительно создаёт впечатление образцового хозяйства. Помимо земледелия (основной сельскохозяйственной культурой была пшеница-арнаутка, но на меньших площадях также выращивались рожь, овес, ячмень, просо и лён), в Глафировке было развито рыболовство. На 35-ти рыбных заводах трудилось около двухсот вольнонаёмных работников, приходящих в Приазовье на заработки [12, с. 516]. Крестьянам принадлежало 800 волов для возведения полей, 1 000 коров и 2 000 овец [12, с. 521].

Одним из важных источников дохода была «*продажа питей*», т. е. торговля алкоголем; в Глафировке находилось много пришлых наёмных работников, сезонных рабочих, что создавало постоянный спрос: вина в год продавалось до 2 000 вёдер (около 24 тонн), а годовой доход Нарецких от виноторговли достигал 5 000 рублей серебром. В 1843-м в Глафировке была разбита табачная плантация, где выращивалось несколько видов табака, который потом продавался в папушах (связках) торговцам в Таганроге.

Другим источником дохода было коневодство. На конном заводе Нарецких было восемь жеребцов и сто маток, и годовой доход от продажи лошадей достигал 2 000 рублей серебром. В Глафировке был разбит огромный сад с двадцатью тысячами плодовых деревьев и кустарников, было три тысячи лоз винограда и пятьсот тутовых деревьев. Дополнительный доход приносили сдача амбаров торговцам в аренду, постоялый двор и харчевня.

В Глафировке трижды в год проводились ярмарки: 26 апреля (Васильевская), 1 июля (Космодамианская) и 1 сентября (Семёновская), а ежегодные продажи пшеницы — основного местного товара — достигали 25 000 четвертей (около 4 500 тонн).

Всего с момента покупки земли и по 1844 год, по данным фон Бока, «*издержки по обзаведению и приведению в благосостояние Глафировки*» составили внушительную сумму — 150 000 рублей серебром. Впрочем, все эти траты были не впустую, и «*имение в настоящем его виде дороже многих владений внутренней России, в которых насчитывается более 1 000 душ с довольным количеством земли*» [12, с. 516].

Бурный рост Глафировки позволил Нарецким подать прошение о присвоении ей статуса местечка уже в 1843 году. Законодательство позволяло «каждому дворянину заводить в вотчинах его местечки и учреждать в них торги и ярмарки» [31]. Согласно опубликованному 7 января 1839 года высочайше утверждённому мнению Государственного совета «О позволении учреждать местечки в помещичьих имениях Новороссийского края и Бессарабской области» [32] разрешалось учреждать местечки в селениях, которые удовлетворяли следующим условиям: лежали на почтовой или купеческой дороге (именуемой также чумацкой) и имели не менее 100 ревизских душ, церковь, «заезжий двор с приличным обзаведением», две или три лавки. По учреждению местечка в нём позволялось селиться купцам, мещанам и ремесленникам «с правами по их состояниям», а также евреям.

Прошение Нарецких было удовлетворено, так как Глафировка соответствовала «всем условиям для переименования селений в местечки определённым». В деле о присвоении селу Глафировка статуса местечка [33] отмечается, что в нём проживает 593 ревизских души м. п., есть «заезжий двор с приличными помещениями для проезжающих», а также шесть лавок и что оно расположено на «большой чумацкой дороге» из Таганрога и Ростова в Черноморское войско. В Глафировке осуществляется погрузка зерна на мореходные суда и производится вылов белой и красной рыбы «отпускаемой на продажу внутри России».

Канун отмены крепостного права местечко Глафировка встретило крупнейшим из 20-ти помещичьих имений в Ростовском уезде, как по населению (732 души м. п., включая 50 дворовых м. п., 165 дворов — вместе с Водяной Балкой), так и по площади (3 166 десятин пахотной земли) [34, с. 30]. В соседней Николаевке было 89 дворов и 420 душ м. п. [34, с. 28].

В опубликованном в 1859 году фундаментальном «Описании Екатеринославской губернии и Новороссийского края» [35] местечко Глафировка приводится в качестве примера «образцового поместья», и ей посвящено описание, полностью основанное на статье фон Бока [12].

Переселенцы

Из ревизии 1811 года деревни Водяной следует, что Савва Романов приобрёл землю в 1809 году уже с крестьянами [16, л. 368 — 369]. Старожилы идут сплошным списком в начале ревизии (дворы №№1 — 11 с пометкой «куплены

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА		Л В Т А	
1811 года, Декабря 6, дня, Слободско-Украинской Губернии		По показанию тех же числа	
Михайловского двора помещика		Имя и фамилия	
Михайловского двора помещика		Половое и возрастное	
Васильев Савва	Слободско-Украинской Губернии	Мужчина	20
Михайлов Александр	Слободско-Украинской Губернии	Мужчина	16
Михайлов Иван	Слободско-Украинской Губернии	Мужчина	9
Михайлов Михаил	Слободско-Украинской Губернии	Мужчина	6
Михайлов Иван	Слободско-Украинской Губернии	Мужчина	1

Ревизские сказки 1811 года

1809 года»; для оставшихся дворов №№ 12 — 45 стоит пометка «переведены 1811 года»). Ревизские сказки 1811 года (6-я ревизия) — одни из наименее информативных, детали в них сведены к минимуму, так что не указано у кого были куплены крестьяне (по умолчанию предполагается, что у предыдущего владельца, хотя его имя даже не указано), а для переведённых не говорится, откуда конкретно их перевели. Также в ревизии 1811 года, в отличие от предыдущей (1795) и последующей (1816), не учитывались женщины.

Год покупки земли подтверждается в статье фон Бока, в ней же указывается, что вместе с участком был куплен «населённый хутор Водяная-Балка, в котором 30 дворов крестьян». Фон Бок приводит точную стоимость покупки: за 13,506 десятин земли и крестьян было уплачено 5,150 рублей серебром «то есть, каждая десятина земли обошлась по 28 1/2 коп. сер.

и ревизская гуша в 42 р. 80 к. сер.» [12, с. 514]. Путём несложных арифметических подсчётов получается, что Романов купил с землей 30 душ мужского пола (т. е. ревизских душ). В Водяной в 1811 году было тридцать пять старожилов. Делая скидку на округление, отданных в рекруты и родившихся между 1809 и 1811 годами, судя по всему все указанные в начале ревизии и есть крестьяне, которые проживали на этих землях до их покупки Романовым.

Хотя в самой ревизии на это нет никаких указаний, удалось установить, что практически все старожилы (кроме одного — 69-летнего старика Ивана Афанасьева сына Каламова) по ревизии 1795 года числились за секунд-майором Михаилом Юрьевичем Лесевицким в хуторе Калениковском (село Георгиевское) Валковского уезда Харьковского наместничества (на самой границе современных Харьковской и Полтавской областей) [36]. В ревизии 1811 года того же хутора стоит отметка о его продаже в 1805 году новым владельцам, а про проживавших там крестьян Лесевицкого сказано, что они «переведены в Екатеринославскую губернию с ведома Казённой палаты» [37].

Как в итоге часть крестьян Лесевицкого к 1809 году оказались в Водяной Ростовского уезда, можно только гадать. Возможно, Лесевицкий купил земли у Трегубова и через несколько лет по какой-то причине перепродал их Романову. Либо же Трегубов купил у Лесевицкого крестьян и потом их продал с землёй. Следов Лесевицкого или его потомков в Ростовском уезде не обнаружено, хотя сыну Михаила Юрьевича, капитану Ивану Михайловичу Лесевицкому, в 1816 году принадлежала часть деревни Наталовки Александровского уезда Екатеринославской губернии (север современной Запорожской области), где проживало несколько крестьян с хутора Калениковского [38]. Возможно, при переселении в Екатеринославскую губернию Лесевицкие продали часть крестьян. Так или иначе, именно выходцы из харьковских владений Лесевицких относятся к числу первых поселенцев Водяной. Любопытно, что среди крестьян, купленных Романовым, нет ни одного, который принадлежал бы Трегубову (за возможным исключением Каламова, происхождение которого не удалось установить — единственного среди более чем трёхсот первых поселенцев Водяной и Глафировки в ревизиях 1811 года). Возможно, это означает, что небольшую группу переселенцев, переведённых ранее из Владимирской губернии, Трегубов после продажи земли забрал с собой.

Остальные крестьяне, указанные в ревизии Водяной, были переведены туда из владений Саввы Романова в Суджанском уезде Курской губернии (село Гоптаровка, село Гуйва (Рождественское), деревня Романовка) и Лебединском уезде Слободско-Украинской губернии (село Пристайлово — сейчас это Сумская область). Село Гоптаровка (Гоптаревка) — негласная «столица» многочисленных владений Романовых на территории бывшей Миропольской сотни Сумского слободского казачьего полка (современный Беловский район Курской области), была заселена в начале XVIII века прадедом Саввы Васильевича ворожбынским сотником Иваном Романовым. Предки подавляющего числа будущих переселенцев в Приазовье жили в Гоптаровке и соседней деревне Романовке уже по первой переписи 1720 года [39]. Именно из Гоптаровки, Романовки и близлежащих хуторов Васильевского и Гнилицкого шло наиболее активное переселение крестьян Саввой Романовым, а впоследствии Глафирой и их дочерью Надеждой Саввичной Шабельской. Из Гоптаровки в 1811 году в Приазовье были переведены 65 душ м. п., из Гуйвы — 4, из Романовки — 21, из Пристайлова — 33.

Глафировка, названная в честь Глафиры Васильевны Романовой, была основана чуть к югу от деревни Водяной вскоре после покупки земли и прямо перед ревизией — в 1810 году. Об этом говорится в статье фон Бока, об этом же свидетельствует и пометка в ревизии Глафировки перед началом списка крестьян: «переведены и куплены 1810 года». Хотя и в ревизии Водяной, и в ревизии Глафировки владельцами указаны супруги Романовы, Глафировка, в отличие от Водяной, изначально заселялась не из романовских вотчин, а исключительно самой Глафирой Васильевной. Подавляющая часть поселенцев была ею куплена в 1810 году в Сумском и Лебединском уездах Слободско-Украинской губернии у помещика майора Аркадия Ивановича Лялина (по странному совпадению жена Лялина, Мария Степановна, урождённая Лесевицкая, была двоюродной племянницей упомянутого выше Михаила Юрьевича Лесевицкого, крестьяне которого были куплены Саввой Романовым вместе с землёй в Приазовье). 73 души м. п. были куплены и переведены из села Крыжик (Крыжны) Сумского уезда, 55 — из Белопольской Ворожбы Сумского уезда, 14 — с хутора Валки Лебединского уезда. Другая часть первых поселенцев Глафировки была из числа крестьян Глафиры Васильевны, полученных ею по наследству из владений Похвисневых в Тимском и Обоянском уездах Курской

губернии — 46 душ м. п. из села Кривец Тимского уезда, 10 — из села Пристенного Тимского уезда и 5 — из слободки Похвисневки Обоянского уезда. Как отмечает фон Бок капитал, «без которого нельзя было приобрести и устроить такого значительного поместья, поступил от родителей Глафиры Васильевны, которым принадлежало 1 800 крестьян» [40, с. 496].

При внимательном изучении ревизии Глафировки 1811 года обращает на себя внимание одна необычная деталь — обилие крестьян, умерших до переписи. Те самые «мёртвые души», воспетые Гоголем в его бессмертной поэме. Причём в этом случае ещё и дважды проданные «мёртвые души». Вначале в 1809 году их купил Лялин у надворного советника Яцыны, а в 1810 году уже перепродал Глафире Романовой, которая «перевела» мертвецов во вновь основанную Глафировку. Так, из пяти купленных глав семейств на хуторе Валки до Глафировки добрался лишь один, остальные умерли еще в 1801 — 1806 годах. Всего из четырнадцати,

купленных на этом хуторе душ мужского пола, мёртвыми на момент покупки были шестеро. Аналогичная ситуация среди купленных у Лялина крестьян в Ворожбе и Крижнах. Там из сорока глав семейств на момент перепродажи мёртвыми были 22, некоторые умерли за много лет до их продажи. Глафире удалось обзавестись такими «ценными кадрами», как бежавший еще в 1796 году Яков Тищенко и умерший в 1797-м Михайло Власенко (из Белопольской Ворожбы), братья Яков и Андрей Гайки, умершие в 1801 и 1799 году соответственно (из Крыжика), и выходец с хутора Валки Иван Мамай, умерший в 1801 году. Всего из 142 душ м. п., купленных Глафирой Романовой у Лялина в 1810 году, на момент переселения в Глафировку были мертвы 45, а ещё один — в бегах. Что характерно, среди крестьян самой Глафиры, переведённых из Курской губернии, не было ни одной «мёртвой души». Сложно отказаться от мысли, что перед нами какая-то афёра.

На то, что речь, судя по всему, действительно идёт о схеме, подобной той, которую хотел использовать незабвенный Павел Иванович Чичиков, свидетельствует тот факт, что Глафира Васильевна целенаправленно покупала именно мёртвых крестьян. Так, в хуторе Валки она в 1810 году купила крестьян Абрамовых — Михайлу, умершего в 1806 году, и его брата Трофима, умершего в 1805 году, а живые дети и внуки Михаила Абрамова её почему-то не заинтересовали, и они остались у Лялина [41].

На этом странности с первыми глафировчанами не заканчиваются. Метрические книги Гоптаровки, где в то время проживали Савва и Глафира Романовы, свидетельствуют, что значительная часть глафировских поселенцев были переведены исключительно на бумаге и продолжали проживать со своей барыней в Суджанском уезде. Так, Иван Евгеньев сын Афоничев, указанный среди переселенцев 1810 года, был восприемником в Гоптаровке в июле 1821-го, в мае 1826-го у него там же родился сын, а в декабре 1828-го дочь. Его мать Анна Григорьевна умерла в Гоптаровке в ноябре 1817 года. Другой якобы поселенец 1810 года Никита Семёнов сын Бабичев жил в той же Гоптаровке минимум до 1821 года. У ещё одного глафировчанина на бумаге — Алексея Прохорова сына Подбельцева — в Гоптаровке родился сын (в 1817 г.) и две дочери (в 1822 и 1824 гг.). Давид Васильев сын Матюхин, дворовый Глафиры Романовой, жил в Гоптаровке по меньшей мере до февраля 1831 года, когда там скончалась его супруга Екатерина Львова дочь, и, судя по всему, оказался в Глафировке лишь незадолго до собственной

С/Х 16 111 а		указано в ревизии	умерло после ревизии
1	Алексий шибидельно - Алексиевы дети	23 1810 года	44
	Василий	11	20
	Савва	2	18
	Алексиев брат родившийся 20		26
2	Матюхин паромашин	53	умер 1810 года
	Матюхины дети		
	Фроим	13	29
	Карп	12	умер 1811 года
	Матюхин Александр		8
	Карпов сын в 1805 г.		8
	Матюхин брат Александр	18	64
3	Алексей Савин	53	умер 1810 года
	Алексей дети		
	Григорий	28	умер 1811 года
	Михаил	25	11
	Григорьевы дети		

Титульный лист первой составленной ревизии деревни Глафировка вскоре после основания. 1811 г.

смерти в 1836 году. Семён Игнатов сын Садавской, ещё один «первопоселенец», как минимум до 1828 года тоже жил в Гоптаровке (что, согласно ревизии Глафировки, не помешало Глафире Васильевне подарить его Казимиру Нарецкому в 1819 году с группой крестьян) [23, л. 50 об].

Третий населённый пункт на купленном майором Романовым участке — деревня Николаевка, названная в честь сына и наследника Саввы мальчика Николая, возник почти одновременно с Глафировкой, в 12 километрах к востоку от неё на берегу Ейского лимана. Фон Бок (вероятно, со слов Глафиры Васильевны через тридцать с небольшим лет после события) пишет, что заселение Николаевки началось через год после Глафировки (т. е. в 1811 году). Судя по всему, это произошло уже после ревизии 1811 года, проведённой в Глафировке и Водяной в сентябре того же года, т. к. в ревизии Гоптаровки 1816 года есть записи о переводе нескольких семейств в Николаевку в 1812 — 1813 годах [42].

У Саввы Романова были большие планы на его новые владения в Приазовье. Об этом свидетельствует и то, что был приобретён огромный земельный участок (13 506 десятин — это 148 кв. км., 11% территории Щербиновского района или чуть больше площади современного Ейска), и то, что в течение пары лет там были основаны две деревни и туда переведены сотни крестьян. И хотя умершему в 1814 году Романову не удалось увидеть плоды своих трудов, его вдова Глафира Васильевна, пережившая мужа на 37 лет, и её второй муж Казимир Нарецкий вложили в развитие Глафировки огромные силы и средства, превратив её за несколько десятилетий в передовое по тем временам хозяйство и один из центров хлеботорговли на Азовском море.

В 1828-м был издан указ «О мерах по прекращению бродяжничества в Новороссийском крае и Бессарабии». В нём «беглым и бродягам из других губерний, зашедшим в Новороссийский край и Бессарабскую область» и находившимся там на 9 ноября 1827 года, предписывалось в срок до 15 сентября 1828 года приписаться к помещикам или в казённые селения. Это позволило владельцам Глафировки, как сейчас бы сказали, легализовать проживавших по соседству — не исключено, что ещё до основания села — беглых крестьян с косы Найденной. Безусловно, это те самые занимающиеся «недобрым промыслом» «разной сволочи люди», которые проживали рядом с Глафировкой на момент её основания.

2 сентября 1828 года, менее чем за две недели до истечения срока приписки беглых, Нарецкий подал ревизию деревни Глафировки «о

крестьянах в дополнении 7-й 1816 года ревизии на основании Именного высочайшего указа в 9 день ноября 1827 года состоявших» [43]. Характерно, что в списке причисленных к Глафировке было 212 мужчин и всего 9 женщин, дети отсутствовали. Не указано, откуда эти люди, а фамилии, кроме нескольких широко распространённых (Гончаренко, Новак, Ткачёв) почти не пересекаются с крестьянами Романовых и Похвисневых, составивших костяк первых переселенцев. Судя по фамилиям, среди беглых были как выходцы из великорусских губерний, так и из Малороссии и Слобожанщины: Шевченко, Баранов, Нестеренко, Шумаков, Супрунов, Иванов, Лобов, Шеремет, Сорокин, Зеленский. Одного из указанных крестьян, 34-летнего Александра Осипова сына Заровнятина, благодаря редкой фамилии удалось идентифицировать как уроженца деревни Тимофеевой Усть-Ницинской волости Тюменского уезда Тобольской губернии. В ревизской сказке данной деревни за 1816 год указано, что Александр Осипов сын отдан в рекруты в 1813 году [44]. Возможно, он стал дезертиром или был комиссован по состоянию здоровья и предпочёл вольницу ещё слабо заселённого Приазовья возвращению домой (как-никак расстояние между его родной Усть-Ницинской волостью и Глафировкой составляет около 2 700 км).

Любопытно, что беглых на себя записал только Нарецкий, не имевший собственных крестьян помимо доставшихся от Глафиры Васильевны. Анализ последующих ревизий показывает, что значительная часть причисленных беглых не задержалась в Приазовье и, возможно, опять ударилась в бега или вернулась домой. Уже к дополнительной ревизии 1828 года прилагалась выписка с указанием 8 душ м. п. и 4 душ ж. п. «пожелавших приписаться Ростовского уезда за помещиком подполковником Казимиром Ивановым сыном Нарецким во крестьянство, но после того учинивших побег и возвращённых помещиком» [43].

Ревизия 1835 года на имя Нарецкого не сохранилась, но из ревизии 1850 года следует, что к 1835 году из 212 приписанных в 1828 году беглых в Глафировке осталось лишь 58 человек (а из их числа трое — Григорий Бондаренко, Аким Кохан и Макар Шугайло — бежали в 1836-м, а ещё трое — Василий Галченко, Фёдор Баранов и Емельян Тарасенко — в 1846 году) [45, л. 859 об, 861 об, 862 об, 864 об, 866 об.].

Бежали не только вновь приписанные беглые и дезертиры, но и переведённые в Приазовье курские крестьяне, включая дворовых. Так в апреле 1838-го от Нарецкого в бытность его

предводителем ростовского дворянства бежали два писаря собственной канцелярии, дворовые Глафиры Васильевны, уроженцы Гоптаровки Павел Аврамов сын Григорьев и Христофор Евгениев сын Афоничев. Ставропольскому полицмейстеру было направлено их подробное описание с просьбой доставить их «за строгим караулом» обратно в Ростов-на-Дону [46]. В частности, сообщается, что Афоничев имеет при себе «флейточку» и беглые с высокой долей вероятности будут выдавать себя за музыкантов. Как и где их поймали, не понятно, но в ревизии Глафириновки 1850 года и для Григорьева, и для Афоничева стоит пометка «отдан по суду вечно в арестантские роты» [45, л. 855 об., 880 об.].

Не исключено, что готовность местных крестьян к побегу подстёгивалась не только близостью казачьих земель, но и жёстким обращением со стороны Нарецких. Подробный рассказ о царивших в Глафириновке порядках в последние годы крепостного права оставил революционер-народник Михаил Родионович Попов (1851 – 1909), родившийся в семье дьякона Глафириновской церкви. Попов провел в Глафириновке первые десять лет жизни. Глафира Нарецкая умерла в год его рождения, и о ней он даже не упоминает, но уже глубоко больного старика Казимира он застал и достаточно подробно его описывает:

«Наш помещик был единственным представителем Нарецких, не имел ни жены, ни детей, притом калека, с разбитыми параличом ногами и руками. Большую часть своей жизни, которая протекала на моих глазах, он провёл у себя дома в постели или кресле, и только изредка лакеи вывозили его в тележке из дому в церковь или для прогулки летом по аллеям. Был он, очевидно, человек не жестокого нрава и даже, как говорят, добряк, но это не мешало ему быть проникнутым насквозь принципами крепостничества, и потому ему ничто не мешало любоваться из своего окна, когда по воскресеньям хлестали по живому телу плети и розги провинившихся чем-нибудь в продолжение недели его крепостных» [47, с. 41].

Попов описывает Нарецкого крепостником до мозга костей, который, впрочем, «любовно» относился к самому Попову и другим детям, выступавшим «ходатаями» за провинившихся крестьян. Так, молодой крестьянин Никита постоянно сидел в барской тюрьме за побег.

«Как только его выпускали из тюрьмы, так он вновь бежал в донские степи и пользовался свободой до поимки. Его ловили, привозили в Глафириновку, предварительно наказывали розгами и сажали в тюрьму. Когда он сидел в тюрьме,

мы были его единственными посетителями и посредниками между ним и его невестой Зинаидой, из-за неразрешения жениться на которой он и бежал. <...> Мы часто, из опасности потерять столь полезного нам друга, обращались к нему с просьбой прекратить побег и жить, как все живут в Глафириновке, но на это он откровенно говорил так: “Ну, подумайте сами, за что я буду даром работать на него? Что он брат мне или сват; да и что он хорошего сделал мне? Скажем, к примеру, за что он не даёт нам с Зинкой разрешения жениться? А вот украду Зинку, и бежим к казакам”. И нам удалось в конце концов выхлопотать ему разрешение повенчаться с Зинаидой» [47, с. 42 – 43].

Согласно Попову, престарелого помещика-инвалида окружали «панинята», или фавориты из числа крепостных-лизоблюдов, которые задавали тон в издевательствах над глафириновскими крестьянами. Так, он описывает особо вопиющий случай, когда местные юноши и девушки собралась на улице попеть и потанцевать во время одного из религиозных праздников, и их в наказание за недостаточную набожность «заставили без всяких других орудий, приспособленных для этого рода труда, вычистить отхожие места при барской конторе голыми руками» [47, с. 42].

Рассказы народника Попова можно было бы считать преувеличением и списать на его необъективное желание обличить крепостничество, тем более что они расходятся с оценкой самого же Попова в его автобиографическом рассказе о глафириновском детстве «Люба», написанном в 1896 году: «помещик наш был, кажется, добрый человек, по крайней мере в моей памяти не сохранилось ничего о нем, что было бы похоже на те зверства крепостного права, о которых я узнал потом» [48]. Фон Бок в 1846 году также более чем комплиментарно отзывался о супругах Нарецких: Глафира Васильевна «любима и почитаема по светлому уму и доброму сердцу», а Казимир Иванович «доказал свое благородство и чистоту души многими делами, был Предводителем дворянства, и заслужил имя честного и правдивого человека» [40, с. 497]. Однако жестокость глафириновских порядков подтверждается и другими свидетельствами.

Так, согласно жалобе крестьян Ильи Паршкова из Баландинского городка (современный Калининск, Саратовская область) и Карпа Волкова из села Дмитриевка, которые в октябре 1837 года были наёмными работниками в Глафириновке, управляющий Глафиры Нарецкой коллежский регистратор Сухачёв «жёстко и бесчеловечно обращается с вверенными управлению

его крестьянами, что ему Г. Норецкая предоставила полную волю обращаться с ними как пожелает». Наблюдая за молотью и вейкой хлеба, Сухачёв, согласно жалобе, «без всякой причины начал азартно ругать всех рабочих крестьян Г. Нарецкой... придираясь к тому, что вороха хлеба поставлены будто бы нехорошо, потом принялся бить подчинённых управлению его крестьян и жестоким образом избил из них трёх человек... таскал за волосы, бил нещадно по лицу кулаками, и по бокам пинками, так жестоко, что едва могли оные идти с работы» [49, л. 3].

Сам Паршков был избит «почти до края гибели», а Волкову вырвали волосы из бороды (вырванные из бороды волосы были приложены в качестве доказательств к жалобе, поступившей в Ростовский земской суд). Крестьяне потребовали расчёт, но им в этом было отказано, вместо этого им угрожали «избить до полусмерти» и бросить с обрыва в море, а затем держали под караулом «вроде арестантов», заставив дать помещице расписку в получении денег [49, л. 4].

Судя по всему, Нарецкие охотно давали укрывательство беглым и после массовых санкционированных «приписок» 1828 года. Сохранился любопытнейший документ — расследование о «передержательстве» Казимиром Нарецким дезертира Полещука [50].

В 1832 году дезертир из 31-го Егерского полка Иван Полещук, с его слов, в Таганрогском земском суде познакомился с содержащимся там же под стражей беглым крестьянином Нарецких Иваном Баранченко, и тот посоветовал ему назваться именем другого беглого глафи ровского крестьянина — Ивана Швыдченко (как раз из числа «приписанных» 1828 года). Приказчик Нарецкого мещанин Чернышёв, принявший деятельное участие в обмане, в суде подтвердил личность беглого, после чего отвёл «Швыдченко» к помещику, который тогда тоже находился в Таганроге, и тот велел отправить его в деревню.

В феврале 1833 года Полещук-Швыдченко прибыл в Глафировку, где Глафира Нарецкая «признала его за собственного крестьянина и велела находиться на господском дворе» [50, л. 6 об.]. В апреле в Глафировку прибыли исправник и заседатель Земского суда, и в их присутствии Чернышёв дважды прочитал Полещуку ревизскую сказку бежавшего Швыдченко, тот «подтвердил» её и отдал приказчику 120 рублей ассигнациями за ходатайство о приписке. В деле особо отмечается (вероятно, с намёком на сговор между судом и Нарецкими), что после

«приписки» Полещука исправник и заседатель ещё неделю гостили в Глафировке и были на балу в честь именин Глафиры Нарецкой (вероятно, 26 апреля старого стиля в день Праведной Глафиры Амасийской).

Полещук прожил в Глафировке несколько месяцев, но, когда услышал, что помещики планируют отдать его в рекруты, отпросился на ярмарку в Старощербиновскую, где «добровольно открыл свои преступления» властям. В ходе последовавшего расследования Нарецкие и Чернышёв не сознались в содеянном, утверждая, что Полещука никто не признавал за крестьянина Нарецких, и он был прислан в Глафировку по решению Ростовского земского суда и отдан «под присмотр» до приезда помещика в деревню из Таганрога, но бежал в августе 1833 года до его возвращения. Опрошенный бывший исправник Ростовского земского суда подполковник Касперов заявил, что не принимал участия в признании Полещука глафи ровским крестьянином, однако отметил, что Нарецкие «без всяких предосторожностей по указу 1827 года ноября 9-го приписывали всех встречавшихся безгласных лиц», а их поиском занимался именно Чернышёв [50, л. 9 об.].

В 1820-х годах Нарецкими было принято решение перевести фактически всех жителей Водяной Балки в Глафировку и Николаевку. Причиной, судя по всему, оказалось более удачное местоположение Глафировки с выходом и в лиман, и в Таганрогский залив, чем у Водяной, лежавшей чуть севернее. Из 153 душ м. п. (и, предположительно, сопоставимого числа женщин) на 1811 год в ревизии 1835 года в Водяной остались всего лишь 17 мужчин и 16 женщин (5 дворов). То есть фактически ровно столько же, сколько упоминалось в межевании 1802 года на момент её основания. Большая часть крестьян была переведена в Николаевку в 1827 году (113 душ м. п.), ещё 37 душ м. п. перевели в Глафировку. Таким образом, первое поселение в этих местах было фактически сведено до небольшого хутора при Глафировке. Более туда крестьяне не переводились. Согласно «Спискам населённых мест Российской империи» по Екатеринославской губернии на 1859 год, там было всего 7 дворов (29 душ м. п. и 27 душ ж. п.) [51], а в 1872 году приговор Глафи ровского сельского схода подписали от Водяной Балки всего восемь человек [52]. Уже в советское время, согласно рассказам старожилов, в конце 1960-х годов оставшиеся жители Водяной Балки были переселены в Глафировку, хотя ещё на топографических картах 1989 года Водяная Балка обозначена; в настоящее время на её

территории находится радиолокационная станция пограничной службы.

Параллельно с легализацией беглых продолжается массовый перевод крестьян из Курской губернии. Ревизия Глафировки 1816 года не сохранилась, а в ревизии 1835 года из-за небрежности её составителя полностью отсутствуют записи о переводе крестьян, хотя соответствующие записи есть в местах исхода. Тем не менее, сопоставление ревизии Глафировки с ревизиями 1816 и 1835 годов других владений Глафиры Васильевны позволяют вычислить семьи, переведённые в Приазовье между первой волной 1810-го и 1835 годом. Среди 335 душ м. п., 289-ти ж. п., записанных за Глафирой Нарецкой в 1835 году, были переселенцы из Гоптаровки (часть перевели в 1831 году, вероятно вместе с Нарецкими, переселившись в Глафировку) (29 душ м. п., 6 – ж. п.), Пристайлова (8 м. п., 4 ж. п.), Кривца (3 м. п., 2 ж. п.), Пристенного (2 м. п., 1 ж. п.) и деревни Песочной Дмитриевского уезда Курской губернии (один мужчина, одна женщина). Были и редкие случаи обратного перевода крестьян. Так, несколько семей, в частности семейство Герасима Иванова сына Кочерги, были в 1814 году переведены из Глафировки обратно в Пристайлово [53].

Большая волна курских переселенцев была переведена Глафирой Нарецкой в Глафировку в 1842 году – из Гоптаровки, Романовки, а также хутора Васильевского (148 душ м. п. и 135 ж. п.) [23, л. 17 – 22].

На 1844 год в Глафировке и Водяной Балке проживали 612 мужчин и 503 женщины. Это были великорусы и малороссияне, «которые, от времени, чрез общежитие и родственные связи, при благодетельном управлении, сливаются в одно целое, нераздельное племя (славянское по происхождению); язык также смешался, а по соседству черноморцев и др. украинцев преобразовался в устах народа в одно малороссийское наречие» [12, с. 514]. Всего только за первые 15 лет после приобретения земли было переведено более 700 душ м. п., а общее население Водяной Балки, Глафировки и Николаевки на 1844 год составляло 892 человека (138 русских и 756 малороссиян) [12, с. 515].

Последнее массовое переселение состоялось буквально накануне отмены крепостного права – сразу вскоре после ревизии 1858 года Надеждой Шабельской из её владений в Курской губернии (Гоптаровки, Романовки) в её владения в Екатеринославскую губернию, включая Николаевку, были переведены 344 мужчины и 322 женщины [54].

Отмена крепостного права открыла новую страницу в истории Глафировки. Сюда, на берега Азовского моря, устремились переселенцы со всей России и даже иностранцы. Анализ метрических книг глафировского прихода за 1866 – 1869 годы показал, что в этот период в Глафировке проживали выходцы минимум из 18 (!) губерний Российской империи – от Эстляндской, Калужской и Тульской до Полтавской, Харьковской и Таврической. Впрочем, это уже следующая глава истории Глафировки, требующая особого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 485. Л. 1 – 6; Д. 486. Л. 1 – 23.
2. Русский биографический словарь в 25-ти т. Т. 2. СПб., 1900, С. 7; Высшие чины Российской империи (22.10.1721 – 2.03.1917) : биограф. слов. Т. 1. М., 2017. С. 27.
3. Декабристы : биограф. справ. / под ред. М. В. Нечкиной. М. : Наука, 1988. С. 7, 216.
4. Ростопчин Ф. В. Последний день жизни Императрицы Екатерины Второй... // Архив князя Воронцова. Кн. 8 : Бумаги графа Семёна Романовича Воронцова. Ч. 1. М., 1876. С. 159.
5. Листки из записной книжки «Русской старины» : Ист. рассказы и анекдоты. Цесаревич Павел Петрович и камердинер Секретарёв // Русская старина. 1874. Т. 11. Вып. 10. С. 154.
6. РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 486.
7. ГАРО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 15308. Л. 13.
8. Литвиненко В. И. Сёла Приазовья : ист.-краевед. материалы. Ростов н/Д., 2010. С. 101.
9. Новак Н. И. Ничьё богатство // Донской временник. Год 2010-й. Ростов н/Д., 2009. С. 142.
10. ГАРО. Ф. 697. Оп. 2. Д. 77. Л. 172 об.
11. Карта Азовского моря 1833 г. Манганари; Карта Ростовского уезда 1871 года; Карта Чёрного моря 1891 года; Карта Азовского моря 1892 года; Военно-топографическая пятивёрстная карта Кавказского края 1926 года; Карта Таганрогского залива 30-х годов; Карты РККА. 1937 – 1941; Карта РККА юга России • 2 км. 1932 – 1941; Карта Азовского моря 1964 года // Старые карты онлайн России и СССР. URL: www.etomesto.ru (дата обращения 21.03.2022 г.)

12. Бок, фон Х. Местечко Глафировка // Земледельческая газ. 1845. 14 авг. (№ 65). С. 513 – 516; 17 авг. (№ 66). С. 521 – 523.
13. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 4138. Л. 327.
14. ГАХО. Ф. 31. Оп. 141. Д. 116. Л. 244 об.
15. РГВИА. Ф. 2. Оп. 12. Св. 118. Д. 53. Л. 944 об.
16. ГАРО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 647.
17. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 344. Л. 513.
18. Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 4148а. Л. 181 об.
19. Там же. Д. 4150. Л. 39 об.
20. Там же. Д. 4151. Л. 4 об.
21. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 158. Л. 52 – 53.
22. Там же. Д. 149. Л. 9 – 10.
23. ГАРО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 183.
24. РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 201. Л. 64 – 67.
25. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2686. Л. 13 об. – 14.
26. Там же. Ф. 395. Оп. 65/230. 2 отд. 1 ст. Д. 1110.
27. Крестовский В. В. История 14-го Уланского Ямбургского... полка, составленная поручиком Крестовским 1-м. СПб., 1873. С. 716.
28. 24 августа 1829 г. Николай Романов был последний раз восприемником в Гоптаровке, в 1831 г. он уже был мёртв.
29. Месяцослов и общий штат Российской империи на [1830 – 1842]. СПб. : При Имп. акад. наук, [1829 – 1842]. ... на 1834. Ч. 2. ... С. 165; ... на 1835. Ч. 2. С. 163; ... на 1836. Ч. 2. С. 167; ... на 1837. Ч. 2. С. 189; ... на 1838. Ч. 2. С. 185; ... на 1839. Ч. 2. С. 180.
30. РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 201. Л. 65 об.
31. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный : изд. 1842 г. [в 15 т.]. Т. 9 : Свод законов о состояниях. [СПб.], 1842. Ст. 212. С. 43.
32. Полное собрание законов Российской империи: Собр. второе. Т. 13. Отд. ние второе. 1838. СПб., 1839. № 11746. С. 304 – 305.
33. РГИА. Ф. 1287. Оп. 4. Д. 66. Л. 2 об. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. 1843 г. С препровождением на заключение рапорта новороссийского и бессарабского генерал-губернатора о переименовании села Глафировки Екатеринославской губернии в местечко.
34. Приложения к трудам Редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости : Сведения о помещичьих имениях. Т. 6 : Извлечения из описаний имений по губерниям Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Витебской, Виленской, Ковенской и Минской. СПб., 1860.
35. Штукенберг И. Ф. Статистические труды Ивана Фёдоровича Штукенберга, издаваемые сыном автора Антоном Штукенбергом, корпуса инженера путей сообщения подполковником. Статья 35 : Описание Екатеринославской губернии и Новороссийского края вообще. Пер. с нем. СПб., 1859. С. 29 – 30.
36. ГАХО. Ф. 31. Оп. 141. Д. 64. Л. 355 – 385 об.
37. Там же. Д. 127. Л. 594.
38. ГАЗО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 69. Ревизские сказки 1816 – 1835. Л. 29 – 31.
39. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3456. Л. 209 – 215 об.
40. Бок, фон Х. Ответ на статью Земл. газ. 1846 г. в 4 № под рубрикою «Некоторые замечания на статью Местечко Глафировка» // Земледельческая газ. 1846. 30 июля. (№ 61). С. 495 – 497.
41. ГАХО. Ф. 31. Оп. 141. Д. 137. Ревизские сказки 1811 года. Л. 170.
42. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 406. Л. 52 об, Л. 85 – 86 об.
43. ГАРО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 76. Л. 2.
44. ГАТО. Ф. И-154. Оп. 8. Д. 352. Л. 175 об.
45. ГАРО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 271.
46. ГАСК. Ф-8. Оп. 33. Д. 89. «...О розыске бежавших людей помещика Нарецкого» (1838).
47. Попов М. Р. Записки землепользителя. М., 1933.
48. Его же. Люба (из воспоминаний детства) // Вестник Европы. 1912. Кн. 2. Февраль. СПб., 1912. С. 117.
49. РГИА. Ф. 1088. Оп. 11. Д. 102. «Дело по расследованию жалобы крестьян Баландинского городка и с. Дмитриевки на притеснения управляющим имения помещицы Нарецкой с. Глафировки Ростовского у. Екатеринославской губ. во время нахождения их там на заработках» (1839).
50. РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 1217. «По указу Сената о доставлении заключения по делу о сложении денежного штрафа с помещика Екатеринославской губернии К. И. Норецкого и его жены, судимых за передержательство дезертира Полещука (1850 – 1851 гг.)».
51. Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом

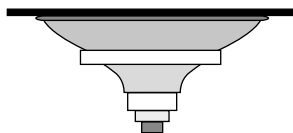
Министерства внутренних дел. Вып. 13 :
Екатеринославская губерния с Таганрог-
ским градоначальством : ... по сведениям
1859 года. СПб., 1861 – 1885. С. 113.

52. ГАРО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1417. Л. 22 об.

53. ГАХО. Ф. 31. Оп. 141. Д. 184. Ревизские
сказки 1816 года. Л. 1994 об.

54. Приложения к трудам редакционных
комиссий, для составления положений

о крестьянах, выходящих из крепостной
зависимости. Сведения о помещичьих
имениях. Т. 1. Извлечения из описаний
имений по Великокороссийским губерни-
ям. Извлечения из описаний помещи-
чьих имений в 100 душ и выше. Курская
губерния. СПб., 1860. С. 54.

НАШИ КРАЕВЕДЫ

ВСПОМИНАЯ КАРПА ПАШИНЬЯНА

И. С. ПОЛЕВОДА

В ФОКУСЕ ПАМЯТИ

Среди кривых зеркал «цивилизованного» общества небесная канцелярия расставляет иногда на нашем жизненном пути людей-маяков — примеров нравственности, стойкости, выживания. Одним из таких маяков для меня был и останется Карп Григорьевич Пашиньян. Успев оставить немалое наследие, он ушёл из жизни июньским утром две тысячи двадцать второго года в возрасте семидесяти одного года.

Когда-то Карп делал мой фотопортрет для буклета одной из выставок. В процессе фотосъёмки, настраивая световые приборы, жаловался: «...Я, как сапожник без сапог, всем знакомым портреты делаю, а своего хорошего фотопортрета до сих пор не имею...». С той поры мало что изменилось. Наиболее удачные портреты фотографа Пашиньяна, из обнаруженных, сделаны отнюдь не профи-мастерами, а фотографом-любителем доктором Поповым [1].

Впрочем, практический опыт художественной фотосъёмки любителя достигает почти сорока лет. Столько же лет, примерно, и знакомству доктора с Пашиньяном. Медицинских знаний у фотохудожника Пашиньяна от этой дружбы не прибавилось, а вот мастерство фотосъёмки доктора заметно выросло.

Попытаюсь исправить досадную несправедливость. Попробую создать свою версию образа Карпа Григорьевича Пашиньяна другими средствами — не оптическими, и теперь уже по памяти, только по памяти.

Писать о нём — задача непростая. Это был человек достаточно закрытый при всей внешней открытости и коммуникабельности. Никогда не выворачивал он свою душу наизнанку. Если такое и было, то исключительно с людьми самыми близкими. Я в число таковых не входил. Придётся что-то вспоминать, что-то анализировать, что-то констатировать.

Выбираясь из паутины Интернета набрёл я на материал о теории поколений и выяснил, что принадлежу к той же возрастной группе, что и мастер художественной фотографии, историк фотоискусства, педагог, член творческих

союзов, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности человека и природы [2], заслуженный работник культуры РФ [3], и мой друг Карп Пашиньян. По известной американской теории, мы, оказывается, «беби-бумеры» [4]. Для них, этих самых бумеров, характерно переосмысление традиционных ценностей, культурные изменения, умеренный консерватизм, оптимизм, командный дух, амбициозность, активность, бережливость. И как бы мы ни относились к американским учениям, всё же вынужден признать — очень похоже на правду.

Вот взять хотя бы бережливость. Многие представители обозначенного поколения действительно бережливы, иногда до абсурда. У Карпа Григорьевича это качество проявлялось часто и по-особенному. Например, какие-то предметы, ещё способные принести пользу ему самому, по мнению обывателя, могли быть легко подарены старому знакомому, если тот проявил к предмету неподдельный интерес. И напротив, ни за какие коврижки не расстался бы Карп Григорьевич с предметами бесполезными, на взгляд того же обывателя. А ему — кудеснику фотоискусства, эта ценность была известна, понятна, очевидна.

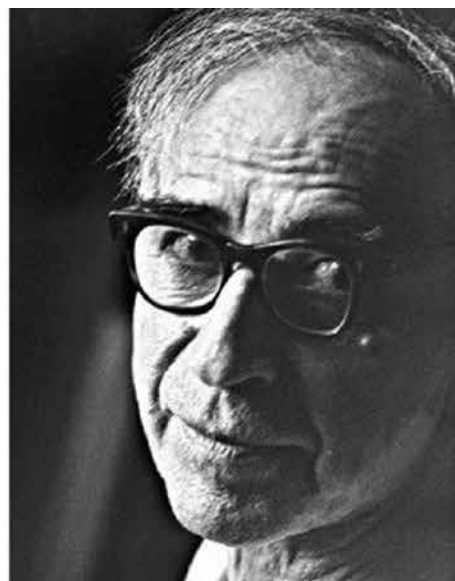
Многие старинные предметы, бережно сохраняемые, не просто натюрмортный фонд. Какие-то из них были молчаливыми свидетелями или участниками исторических событий минувших столетий. Некоторые привезены в Ростов из родительского дома, что в Кисловодске. Там он родился, там прошли его детские и юношеские годы, там жили родители и старшая сестра Беляночка, как он её всегда нежно называл. Эти предметы — часть истории, часть его семьи, часть его самого.

Иногда Карп снимал натюрморты, составленные из хорошо знакомых всем предметов и давно не способных, казалось, обращать на себя внимание. Но находился неожиданный ракурс или выгодная точка съёмки, долго устанавливалось или удачно выбиралось освещение

Игорь Станиславович Полевода, художник-реставратор, Ростовский областной музей изобразительных искусств

*Портрет Тамары Павловны Пашиньян. Фото 1932–1935 гг.
Фотограф неизвестен*

*Портрет отца. Фото К. Г. Пашиньяна.
Персональная выставка «За дверью».
ДГПБ. 2007 г.*

объекта. И... после нескольких дублей фотосъёмки рождался очередной шедевр, всякий раз настойчиво убеждавший — чудо было рядом и раньше, но узнали Вы об этом лишь теперь, увидев изображение, созданное фотохудожником Карпом Пашиньяном. И если это не форма переосмысления традиционных ценностей, то, что же?

В 2007 году в выставочном зале Донской публичной библиотеки открылась фотовыставка «За дверью» — одна из самых удачных и важных для автора. Выставка была посвящена столетию со дня рождения Григория Никитовича Пашиньяна — отца художника. Среди изображений натюрмортов, инсталляций, частей интерьеров было и несколько портретов в настоящих антикварных рамах начала XX века и выделенных намеренно. Такой деталью Карп Григорьевич попытался увести нас подальше от избитых стереотипов оформления работ и сфокусировал внимание на главных для него образах — людей, подаривших жизнь и счастливое время его детства. На изображении портрета матери Карпа Григорьевича мы заметим фотокамеру производства 20 — 30 годов. И это не случайно. Тамара Павловна (1914 — 1999) ещё до замужества увлекалась фотосъёмкой.

Задача выставки состояла ещё и в том, чтобы поместить эти ценности в души зрителей, наши души.

На открытии выставки, вспоминая начало своего увлечения фотографией ещё в детстве, Карп произнёс фразу, навсегда поселившуюся в памяти: «Первый фотоаппарат подарил мне

отец, не зная, что вкладывает в мои руки профессию».

Этот проект был обречён на успех. Создавался он не вдруг, и не к запланированной дате, а в течение очень длительного времени. Время, как известно, самый строгий и справедливый выставком. Оно и в этот раз совершило безошибочный отбор.

Не всегда Карп Григорьевич отчётливо осознавал цель своего творения, но всегда интуитивно чувствовал необходимость создания действительно актуального образа. Некоторые произведения этой выставки долго не могли найти повода для встречи со зрителем. Они не вписывались в другие проекты тематически или концептуально. Уж слишком откровенно и трогательно там было отражено понимание общечеловеческой культуры и духовных ценностей. Со зрительским успехом проекта придёт и понимание, что эта тема — один из способов достучаться до душ человеческих. Тогда же Пашиньян напишет текст — предисловие «Вещи живут своей жизнью» к последующим выставкам. Его можно встретить в некоторых авторских фотоальбомах, художественных календарях и буклетах.

Некоторые отпечатки стали экспонатами выставки лишь благодаря умению и навыкам восстановления старых и даже повреждённых негативов. Иногда изображения «вытягивались» из носителей почти безнадежных. Среди таких экспонатов окажется и портрет родной сестры матери Карпа Григорьевича — Захарьянц Нины Павловны [5].

Этот человек сделал очень много для семьи Пашинаьянов. Работая в библиотеке Ростовского государственного университета (РГУ) ещё с довоенного времени, жила она скромно, в небольшой комнате университетского общежития [6]. О выборе места продолжения учёбы после окончания школы Изабеллы и Карпа Пашинаьянов вопрос не обсуждался. Конечно, к тётушке в Ростов, в РГУ. Там есть, где жить, да ещё под присмотром близкого родственника. Но сестра Карпа проживет с тётей всего год. После окончания первого курса университета пошатнувшееся здоровье вынудит Изабеллу перевестись на заочное отделение РГУ и вернуться к родителям в Кисловодск. Изабелла Григорьевна смогла успешно завершить обучение и защитить диплом, но дальнейшая её жизнь активной не станет. Слабое здоровье ограничит её трудовой путь лишь одной из школ города Кисловодска.

Через некоторое время эту же комнату займёт студент биологического факультета Карп Пашинаян. Как и сестра, он успешно окончит университет, но из Ростова не уедет. У Нины Павловны к тому времени появятся большие проблемы со здоровьем и она переберётся в Кисловодск, а вскоре уйдёт из жизни. Карп Григорьевич унаследует жилплощадь и будет пользоваться ею ещё долго.

После завершения выставки портрет Нины Павловны займёт одно из почётных мест в квартире семьи Карпа Григорьевича, где находится и по сей день.

Трагический и неожиданный уход из жизни отца застанет Карпа Григорьевича врасплох, нарушив сложившийся порядок жизни. Григорий Никитович имел вполне сносное здоровье, несмотря на почтенный возраст, и продолжал заботиться о семье. Это очень помогало Карпу психологически. В жизни отца было немало тяжёлых испытаний, в том числе и в годы Великой Отечественной войны. А погиб он в мирное время, под колёсами автомобиля неопытного водителя. Молодая барышня не справилась с управлением транспортного средства, похожего на роскошь. Весть о трагедии скоро придёт в Ростовское художественное училище, где работал Карп, а затем и в Париж, где только что открылась его персональная фотовыставка. Супруга Карпа, Нина Яковлевна [7], часто сопровождавшая мужа в путешествиях, связанных с важными для семьи мероприятиями, будет рядом. И эту выставку они откроют вместе. Но видеть её успех и закрывать, возвращать произведения в Отечество в этот раз Карпу Григорьевичу не придётся. Всё это сделает Нина Яковлевна.

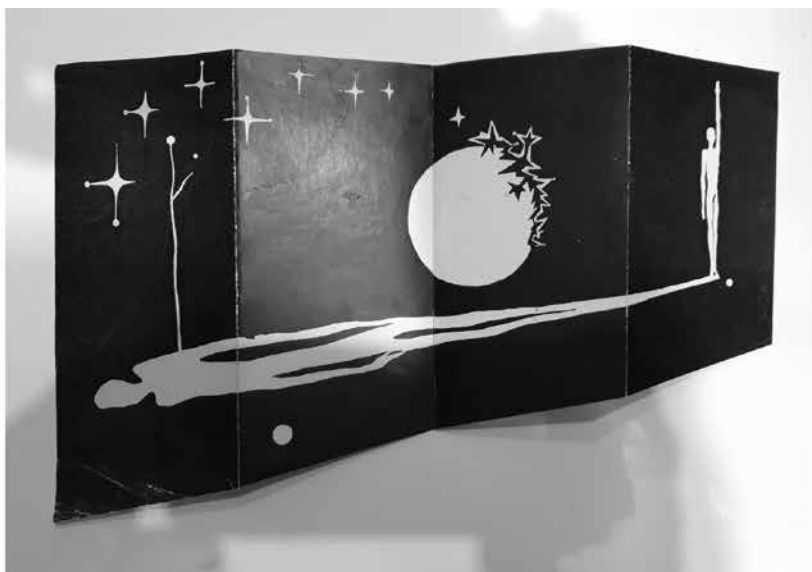
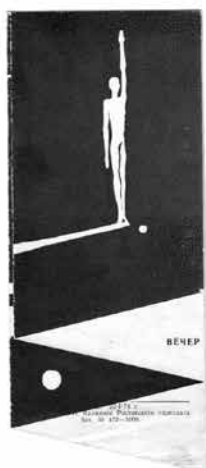
А автор скоро оформит в консульстве необходимые документы и помчится в Кисловодск. Он всё время будет строить в голове варианты скорого передвижения от Парижа до Кисловодска и сценарии траурных мероприятий. Психологическое состояние не позволяло сосредоточиться в огромных пространствах «буржуйского» международного аэровокзала [8]. Много из того, что радовало, удивляло и приводило в восторг всего трое суток назад, начинало раздражать. А вот и стойка, у которой будет объявлен рейс на Москву. Остаётся лишь дожидаться.

Мальчик-подросток, заметив на плече Карпа кофр с фотоаппаратурой, вдруг обратится с просьбой, не скрывая счастья на лице: *«пожалуйста, сфотографируйте нас с преподавателем. Мы не успели, а я хочу оставить память о самом счастливом дне в моей жизни. Сегодня я стал лауреатом международного конкурса пианистов»*.

Радость и печаль будут смотреть друг на друга несколько минут, пока в видоискателе фотокамеры не появится лучший вариант изображения и не раздастся глухой звук её затвора. Преподаватель поблагодарит фотографа за отзывчивость, они вежливо раскланяются и, не успев

*Н. П. Захарьянц, Кисловодск, 1950–1955.
Фотограф неизвестен. Реставрация фотонегатива
и фотопечать К. Г. Пашинаяна*

Буклет к творческому вечеру театра-студии пантомимы Ю. Попова. 1974 г. Автор К. Г. Пашиньян

толком обменяться контактной информацией, побегут на посадку своего рейса.

Через несколько лет Карп Григорьевич узнает своих новых знакомых в Денисе Мацуеве [9] и Владимире Спивакове [10] на экране телевизора. Фотоснимок, косвенно связанный с памятью отца Карпа Григорьевича, через несколько лет всё же найдет своего парижского заказчика, когда маэстро Мацуев окажется в Ростове-на-Дону в поисках новых молодых талантов страны.

За интригующим названием выставки «За дверью» автор скрыл святые смыслы облика и атмосферы родительского дома, наполненного любовью, добром, теплом, правдой, отзывчивостью, уважением. Таким ценностям всё реже находится место в современном пространстве.

Фотоснимки этой серии создавались разными техническими средствами, в разное время суток, в разные эпохи и периоды жизни, в цвете и монохроме, но в одном и том же святом для создателя пространстве — родительском доме, с которым Карп никогда не прерывал связи.

Оптимизм и активность — типичные качества пионеров, комсомольцев, коммунистов, неутомимых строителей самого прогрессивного общества планеты до самых последних дней существования Страны советов. В разгар этой эпохи Карп Григорьевич формировался и как личность и как мастер. Рискну предположить, что в отрочестве и юности довелось ему носить и пионерский галстук и комсомольский значок, как многим из нас — «беби-бумеров» Союза Советских Социалистических Республик. Комсомольской активности и оптимизма в деле построения коммунизма я за ним не замечал, а вот

энергии его пионерской в бытовой и профессиональной деятельности могли позавидовать многие.

После одного из спонтанных разговоров в первые дни нашего знакомства с Пашиньяном в архиве моём, не слишком организованном, рядом с предметами, как-то связанными с именем мастера, хранится буклет творческого вечера театра-студии пантомимы ростовского режиссёра Юрия Попова [11], очень известного в Ростове 70-х годов.

Начало семидесятых в жизни Карпа Григорьевича — время непростое, переломное. Фотография становится для него уже не увлечением, а профессией. А я в ту пору ещё студент первого курса Ростовского художественного училища и о существовании аспиранта-биолога, но будущего фотографа-дизайнера даже не догадываюсь. Собираю всё, что поможет овладеть навыками художника промышленной графики: журналы, буклеты, этикетки. Слово «дизайн» уже у границ СССР, но пока не пересекает их, боится. «Железный занавес» надёжно закрывает оконный проём в Европу, с таким трудом прорубленный при императоре российском.

О самом театре до этого момента я ещё не слышал, а буклет оставил у себя из-за необычного художественного оформления очень скуными средствами. На чёрном фоне лицевой стороны силуэтами белых пятен изображены смысловые символы спектакля — планеты, звёзды. В правой части фигура человека, от которой почти до самого левого края тянется такая же белая тень, символизирующая жизненный путь. Из области сердца тени поднимается нить или неровный луч, превращающийся в новую

звезду на небе. Нижняя часть листа обрезана по диагонали. При складывании листа буклета гармошкой образуется ритм из белых угловых лучей на чёрном фоне. Всё, как в жизни — в полоску. У кого-то чаще в белую, а у кого-то в чёрную.

Наш разговор, едва знакомых ещё людей, незаметно вырвался на тему истории дизайна в стране вообще и в Ростове-на-Дону, в частности. Слово «дизайн» ко времени нашего разговора уже пересекло границу СССР. Пытаясь быть убедительным в том, что в советскую эпоху у ростовских художников тоже были интересные творческие находки, я подкрепил своё предположение примером этого буклета. Без конфуза не обошлось. С нарочитым интересом Карп осмотрел буклет и, не проронив ни слова, указал на перечень его создателей, где среди нескольких имён было отпечатано: «фото: К. Пашиныйн».

В годы учёбы в Ростовском государственном университете студент, а с 1976 года аспирант-биолог, не оставит увлечения фотографией. Более того, он очень активно будет оттачивать навыки фотосъёмки и пополнять

знания в области истории фотографии. С 1977 года его творческие работы уже регулярно будут встречаться со зрителями областных и всесоюзных выставок [12]. Участие в фотоконкурсах журнала «Советское фото» [13] станет реальностью. В конце семидесятых годов на его фотографиях появятся авторские штампы на русском и иностранных языках.

Ростовский фотограф Карп Пашиныйн посетит с рабочим творческим визитом советскую границу — Литву, а затем и Польшу, пообщается с зарубежными коллегами. Придёт время настоящего творческого успеха.

Для биологии так продолжаться долго не могло. Нервы науки сдали: «Все эти годы я терпела твоё хобби [14], создала все условия для научной карьеры — от аспирантуры до младшего научного сотрудника, в коллективе учёных. Неблагодарный!!!». Биология поставила вопрос ребром: «Или я, или она — твоё фотография!». Карп Григорьевич тихо хлопнет дверью и уйдёт к фотографии. Тогда же он создаст семью. Семья всегда будет поддерживать его в этом выборе. Семья окажется крепкой и устойчивой к вызовам совсем неустойчивой жизни

Аспирант биофака РГУ К. Г. Пашиныйн. Ростов, 1978 г.; Авторские штампы К. Г. Пашиныйна. 1976—1979 гг.

Преподаватель РХУ К. Г. Пашиныйн. 2012—2015 гг. Фото из домашнего архива семьи К. Г. Пашиныйна

Торговые площади и фасад гастронома «Театральный» (Театральная площадь, 2). Фото И. С. Полеводы

с финансовыми кризисами и многочисленными бытовыми проблемами.

Многие творческие личности наделены уникальными способностями творить при любой погоде и в любых условиях. Карп Григорьевич в этом смысле не исключение. Совсем другое дело — члены семьи творца. Они же не подписывались на страдания от нищеты и голода, нередко приходящие вместе с творческим успехом.

Приходилось постоянно искать практическое применение приобретённым навыкам фотосъёмки. Иногда эксплуатировался и ресурс своей известности в реализации проектов дизайнера. Приходилось заниматься и журналистикой [15], и преподавательской деятельностью в Ростовском художественном училище [16], где он подарил знания студентам нескольких выпусков.

Были и неудачные проекты, такие как «Школа фотомастерства», просуществовавшая в Ростове-на-Дону совсем недолго. Но таких примеров в его практике мы обнаружим немного.

В центре борьбы за выживание в творческой жизни был не только сам творец, но и его семья. Короткий рассказ супруги Карпа Григорьевича о начале их совместной жизни хорошо иллюстрирует и начало творческого пути. Поскольку денег семье постоянно не хватало, Карп Григорьевич и Нина Яковлевна решили поработать мастерами чистоты в модном тогда заведении — Доме кино, что неподалеку от их общежития. Там же, в фойе, часто проходили выставки молодых, начинающих художников и фотографов. Эти стены помнят и первые персональные выставки Пашиньяна с парадными речами и букетами цветов. Но это вечером. А всего через несколько часов, наутро, Карп Григорьевич с Ниной Яковлевной, облачившись в синие казённые халаты, убрали мусор, оставленный

гостями, дарившими им вчера цветы и поздравления.

Умеренный консерватизм Карпа Григорьевича проявлялся во многом, если не во всём. Он умудрялся пропитать и некоторые дизайнерские проекты идеологией защиты и сохранения традиционных ценностей, культуры, истории. Главная задача дизайнера какая? Правильно, — заработать денег, чтобы семья не испытывала чувство нужды хотя бы некоторое время. Но только не для Пашиньяна. Оформляя магазин, пусть даже и фирменный, он мог вложить в проект столько труда, что деньги в нём становились совсем не главным элементом. Один из примеров таких проектов мы можем видеть и сегодня в одном из гастрономов Ростова-на-Дону. Торговые площади гастронома «Театральный» (Театральная площадь, 2) — скорее путеводитель по старому Ростову и Нахичевани-на-Дону. И место гастроному досталось идеальное — межа территорий двух городов начала XX века.

Одна из его любимых поговорок «Если за это ничего не заплатят — это наш проект» стала теперь и моей. А появилась она, по преданию, после затратных и не окупившихся совместных проектов с его давним другом Валерием Чесноком [17].

Реконструкции исторических событий притягивали внимание Пашиньяна всегда. Это было заметно по длительным и эмоциональным рассказам по возвращении из мест, где удавалось отснять богатый материал батальных сцен, созданных реконструкторами. Да ведь Карп Григорьевич и сам становился реконструктором, создавая образы прошлых эпох для некоторых творческих проектов — например, многолистных художественных календарей [18].

Доподлинно неизвестно, что более всего заставляло его стоять в дыму у топки паровоза, сидеть в окопах, бегать с фотокамерой под

холостые выстрелы современников, переодетых в военную форму или в светский исторический костюм давно ушедшей эпохи. Может это была попытка получить представление об ощущениях военкора на линии огня или жажда добычи «в бою» выразительного изображения. Могло быть и просто желание оказаться, хотя бы на короткое время, в трёхмерном пространстве, знакомом лишь по книгам, рассказам, архивным источникам и музейным предметам. А может всё дело и в потребности участия в неповторимом творческом процессе временного творческого коллектива, состоящего из настоящих знатоков и профессионалов: пиротехников, историков-консультантов, художников, сценаристов, реставраторов и многих других бойцов фронта, невидимого для многотысячной толпы людей, собравшихся восхититься результатом многолетней кропотливой работы. Теперь об этом можно лишь догадываться. Как жаль, что сохранилось совсем немного фотографий, иллюстрирующих сам процесс фотосъёмки мастера в таких условиях. Творческая командировка 2000 года принесла художнику ожидаемый успех. Серия фотоснимков, добытая в «боях» Бородинских сражений реконструкторов экспонировалась на выставках несколько раз в разных вариантах. Ростовский зритель увидит её впервые в том же году на персональной выставке Пашиньяна. А буклет выставки украсит конный портрет знатока наполеоновской эпохи, президента общероссийского военно-исторического общественного движения Олега Соколова в мундире генерала

французской армии. Обладая несомненными актёрскими способностями и харизмой, Соколов часто будет оказываться в центре внимания многочисленных фотографов, отдавая приказы солдатам на чистейшем французском языке. Один из таких моментов и зафиксировала фотокамера Карпа Григорьевича Пашиньяна.

У Пашиньяна получалось многое. От того, наверное, и закончились скоро чистые листы в его трудовой книжке. В 1984 году в ней уже завели вкладыш. По странному, на первый взгляд, совпадению в том же году на карте культуры страны появится ещё один очень заметный объект — Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова. А в январе 2011 года во вкладыше трудовой книжки мастера отдел кадров музея сделает запись о приёме на работу в ГМЗШ на должность фотографа-консультанта. Эта запись станет последней в документе. За названием должности мы не увидим многого. Пашиньяну удастся выполнить в научно-фондовом отделе музея важнейшую работу по систематизации, созданию условий нормативного хранения, изучению и копированию большей части фотоархива М. А. Шолохова. Выпала редкая возможность применить свои профессиональные знания и опыт в работе с оригиналами фотодокументов золотого фонда страны.

Были ли амбиции у Пашиньяна — фотохудожника? Так любому художнику без них не обойтись. Но Карп никогда не выпускал их на свободу. Выгуливал только на рабочем столе, долго выбирая лучший фотоснимок из нескольких похожих или принимая решение подняться

Реконструкции военно-исторических клубов. К. Пашиньян.
Ростовская область, 2001.

Бородино 2000 г.
Фото К. Г. Пашиньяна

на летательном аппарате сомнительной надёжности ради выгодной точки фотосъёмки, до которой ещё никто до него не добирался.

Кстати, о точках съёмки. Выгодная точка съёмки, как и точка зрения, способна на многое. Карп Григорьевич знал это давно, поэтому всегда не упускал возможности оказаться с фотокамерой там, где ещё никто не бывал. В фотоархиве Пашиньяна есть панорамные фотоснимки станции Старочеркасской и её окрестностей, снятых с высоты птичьего полёта. С момента изобретения чуда техники — квадрокоптера такие виды уже не слишком удивляют. Но эти кадры сняты даже не с вертолёта. Карп Григорьевич упросил конструктора и владельца дельтосамолёта взять его с собой в полёт для уникальной фотосъёмки панорамных видов исторических мест. Пилот согласился на эту авантюру не сразу, а лишь после письменного разрешения органов власти. Летательный аппарат создавался не для аэрофотосъёмки, поэтому пришлось под Карпом Григорьевичем мастерить аэротабуретку для улучшения обзора под крылом.

Эта история странная. Она совсем не совпадает с характером осторожного и совсем не склонного к риску Пашиньяна. Но ведь она была. Через несколько месяцев после исторического полёта этот летательный аппарат потерпит крушение, а пилот погибнет.

Однажды амбициозность чуть было не подвела Карпа Григорьевича. За несколько первых месяцев работы на обширной территории музея-заповедника М. А. Шолохова был снят богатый материал, пейзажный в основном. Отсутствие летательных аппаратов и квадрокоптеров при фотосъёмке компенсировала машина с подъёмной площадкой для ремонта электросетей станции Вёшенской.

Из этого материала была подготовлена большая серия работ, составлявших очередную персональную выставку, пропагандирующую на этот раз масштаб музея-заповедника. Открытие мероприятия было плановым, а для станции Вёшенской — знаковым событием. Выставка должна была открыться в новом выставочном зале станции.

Любая новая выставка Пашиньяна отличалась от предыдущих какой-то новинкой: технологическими приёмами обработки фотоматериала, необычными форматами фотографий, приёмами оформления изображений и т.д. Вот и в этот раз автор решил удивить всех большим форматом фотопечати с ламинирующим покрытием, которого до этого в донских степях ещё не видели. Оборудование только что вступило в строй в Ростове-на-Дону. Подготовка проекта

шла без сбоев до последних дней. Но за несколько суток до открытия выставки что-то пошло не так, и печать изображений оказалась невозможной в запланированные сроки. Отдавая всю энергию подготовке экспозиционного зала и уже размечая на стенах места для шедевров в станции Вёшенской, Карп Григорьевич получил сообщение, от которого могла пошатнуться репутация не только его самого, но и всей Ростовской области. Великий без пяти минут мастер позвонил домой в Ростов и произнес: «Всё пропало...».

На этот раз Ростовскую область спас оптимизм его супруги — Нины Яковлевны. Выведав у мужа все необходимые контакты с Мосфильмом, собрав без колебаний в узелок деньги, предназначенные для оплаты печатных работ и негативы фотоизображений, она помчалась в Москву. Гарантий спасти проект не было, но чудо произошло. Был конец рабочего дня, и мастера-печатники собирались домой. Посмотреть негативы согласились неохотно, предполагая, что увидят там нечто заурядное и невысокого качества съёмки. Но через несколько минут изучения фотоматериала Нина Яковлевна услышала: «А это интересно, это нужно печатать». Москвичи работали всю ночь. Они спасли престиж не только всей Ростовской области, но и фотохудожника Карпа Пашиньяна. А Нина Яковлевна ещё долго отходила от нервного перенапряжения, пытаясь отыскать в душе чувство выполненного долга.

Культурные изменения Пашиньяна — словосочетание странное. На протяжении не одного десятка лет нашего знакомства не заметил я таких изменений. В поведении и в отношении к ближним он был всегда трудно-копируемым образцом христианского отношения к жизни. Не находится рационального объяснения и тому, что сформировало его таким. Возможно, повлияло небогатое, но счастливое детство, возможно, повлиял уклад его армянской семьи, возможно. Но ведь и я воспитывался в любви и заботе. И я, просыпаясь в детстве, слышал неторопливый разговор родителей, звяканье посуды на кухне, не зная ещё, что так и выглядит счастье. И я, как и он, с рождения, слышал звуки глухих ударов молотка по туфельной подошве. Мы помнили одинаковые запахи кожи, резинового клея и пчелиного воска, доносящиеся из отцовской мастерской. И я видел эти мотки суровой льняной и капроновой нити, лежащие на заготовках подошв, рантовые ножи и деревянные гладилки, отполированные нелёгким трудом, и ещё много чего, создающего образ нелёгкой профессии. Наши отцы, оказалось,

в совершенстве владели одним ремеслом, в одну эпоху, но в разных городах.

Как много общего оказалось у нас в детстве, и как немного совпадений осталось теперь. Неужели дело в разнице традиций пить по утрам турецкий кофе в армянских семьях, а в русских — чай?

Заметное культурное изменение, впрочем, всё же было. По свидетельству близких Карпа Григорьевича, примерно в тридцатилетнем возрасте произошло его воцерковление и крещение в храме Русской православной церкви. Не от того ли результат разный?

В контексте обнаруженной разницы не могу обойти вниманием очень заметное качество — заботу о ближних. Более всего оно проявлялось в запредельно нежном отношении к сестре — Изабелле Григорьевне. Она была старше Карпа на двенадцать лет, проживала в Кисловодске со стареющими родителями. К 1995 году все они уже столкнулись с заметным ухудшением здоровья. Карп стал волноваться. Тогда же мне довелось поработать преподавателем по программе факультативных занятий в Ростовском художественном училище, где Карп Григорьевич уже несколько лет преподавал предмет «Фотодело» [16]. Часы наших предметов по расписанию иногда совпадали, и мы сталкивались в конце дня в учительской комнате, заполняя классные журналы. Каждый день, выполнив работу, он не спешил покидать помещение, где стоял телефон с междугородной связью. Мобильная связь тогда в мире, наверное, существовала, но только не в нашем городе. Это чудо техники дойдёт до нас значительно позднее. А пока, почти ежедневно, Карп слышит родные голоса лишь из пластмассовой трубки с проводом, игриво закрученным спиралью. Каюсь, я любил подслушать начало их телефонного разговора. Общение всегда начиналось на армянском языке. На третьем предложении словарный запас Карпа иссякал, он переходил на русский, и я выходил из помещения, чтобы не мешать их общению.

Не будет точного портрета Пашиньяна-художника, если не вспомнить примеры его поведения в неформальной обстановке. Как-то Карпа Григорьевича упростили сделать фотосъёмку ювелирных изделий. Такая работа сама по себе является сложной, поэтому потребовался опытный мастер. Впрочем, упрасивать долго не пришлось. Узнав, что съёмку планируется провести в частном доме на берегу реки он сразу согласился. Частные домовладения всегда воздействовали на Карпа магически. Возможно, это от того, что вся его жизнь прошла в квартирах,

не очень-то приспособленных к масштабным творческим экспериментам. Впервые попав в частное домовладение ювелира Юрия Андреевича Копытина [19], незаурядной личности, Карп Григорьевич пришёл в полный восторг. У самого берега Дона, на исторической территории казачьей станицы Гниловской, где сад, где огромный куст крапивы, надёжно охраняющий ствол старой яблони и скрывающий спелые душистые плоды, падающие прямо в траву. Не успев расчехлить кофр с фотоаппаратурой, мастер скоро спустился к реке по крутому склону и наткнулся на сад камней из донского ракушечника. Ювелир оказался поклонником японской культуры.

Работать не хотелось. Тем не менее, работа была завершена, и скоро. Мы с хозяевами, как водится на казачьих территориях, хлопотали вокруг обеденного стола на свежем воздухе. А мастер ходил с фотокамерой по двору, изучая каждый его метр. Из кузницы, расположившейся здесь же среди деревьев и кустов, доносился звон молотка по раскалённому металлу. Ещё один творец — Морозов [20] колдовал над своими железными шедеврами. Магия превращения ржавого железа в арт-объект почему-то не впечатлила фотохудожника. Возможно, он боялся повредить дорогую фотокамеру в этом облаке из дыма и искр. А стол уже ломился от даров донской природы. Мы налили по третьей, но мастер упорно отказывался присоединиться. Его голос доносился откуда-то из-за бетонных блоков, сложенных наспех. Оказалось, увидел он необычное падение тёплых лучей осеннего солнца, уставшего от летней работы, на огромную паутину. Причудливая вязь серебряных нитей её, собранных в строгую геометрическую форму, переливалась перламутровыми стразами. По мнению фотохудожника, это чудо природы однозначно нужно было зафиксировать и оставить яркое впечатление потомкам. И было сделано несколько пробных дублей. Но мастеру не хватало важной смысловой детали в этой истории — паука, не желающего перемещаться в центр композиции.

Командный дух и Пашиньян — отдельная тема. Американская теория здесь точно промахнулась. Карп, может и мечтал познакомиться с этим духом, но не сложилось. Большие творческие личности чаще всего творят в одиночку и предпочитают тратить энергию на процесс создания своего творения, а не на организацию коллектива, пусть даже и единомышленников.

Вроде бы всё так, но не выходят из головы и просятся в текст события, способные совсем

нешуточно повлиять на человека, заставить его определиться с отношением к обществу в целом и наиболее непонятной её части — к представителям власти, в частности.

Карп Пашиныйн был уже достаточно известным мастером художественной фотографии не только в России, но и за её пределами. Но сие не означало, что он ни в чём не знал нужды. Мечта работать в съёмочном павильоне, подобно старым мастерам, не оставляла многие годы. После нескольких заметных выставочных проектов, реализованных мастером на донской земле, Ростовское областное министерство культуры всё же предоставило такую возможность. На правах аренды ему была сдана часть площади верхнего этажа элитного здания [21] города, в котором располагалось и само министерство. Я помогал Карпу перевозить туда съёмочное оборудование. И, пользуясь случаем, конечно, не упустил возможности полюбоваться на центр города из самого верхнего окна памятника архитектуры, что в угловой башне. Помещение начинало обретать черты съёмочного павильона. Там же был отснят материал в нескольких вариантах для буклета нашей выставки «Бенефис реставратора» [22]. Не пройдёт и двух месяцев, как фотохудожник — арендатор ознакомится со счётом на оплату помещения. Он впервые узнает, что головную боль и нервный стресс может вызвать и простой бумажный бланк с цифрами, о которых не договаривались. Освобождал помещение мастер уже сам, без моей помощи, не очень-то афишируя историю с павильоном.

С той поры головные боли будут беспокоить мастера, всякий раз, когда он окажется у стен очень памятного здания. Со временем всё станет на свои места — боли прекратятся с момента переезда министерства в другое здание, подальше от главной улицы города. Видно, не судьба была творить художнику в съёмочных павильонах.

В 2016 году был успешно завершён проект персональной выставки «Гений места» [23], где автору удалось с блеском показать богатство культуры своей страны средствами художественной фотографии. Первые фотографии из проекта были сделаны в Мелихово ещё в 1986 году. А к 2014 году серия была дополнена фотосъёмками в других усадьбах писателей, поэтов, композиторов, художников, составляющих цвет культуры Отечества.

Такое событие не могло остаться незамеченным. И музей-заповедник М. А. Шолохова инициировал создание нового масштабного фотопроекта «Кабинет и мир писателя» [24]. Карп

Григорьевич уже был болен и физически вряд ли смог бы успешно его реализовать. Фотосъёмками необходимо было охватить более двадцати регионов страны. Условия съёмок планировались далеко не всегда комфортные. В течение нескольких месяцев требовалось жить в гостиницах. Борьба амбиций со здоровьем завершилась разумным компромиссом. На этот раз супруга, Нина Яковлевна, согласится на создание временного творческого семейного коллектива и разделит с мужем тяготы походной жизни на просторах всей европейской части России.

На сороковой день молитв о спасении души Карпа Григорьевича Галина Скопцова [25] справедливо подметит: «*Нина Яковлевна стала для него не только ангелом-хранителем, но и носителем штативов и осветительных приборов*». Супруга успешно справилась в этой длительной творческой командировке с функциями и рабочего-осветителя, и медсестры, и диетолога. После завершения съёмок здоровья у временного творческого коллектива не прибавится, но появится ощущение, что чем-то укрепили они здание культуры Отечества. Усилия окупятся. В четырнадцати регионах страны выставку увидит большое количество людей, в том числе и совсем молодых. А ведь это в их руках совсем скоро окажется Отечество. В буклете выставки среди фотоиллюстраций есть и портрет Карпа Григорьевича с внуком Никитой, как символ надежды на преемственность поколений.

Ну вот и проанализированы все качества «беби-бумера». Не всё совпало с американской теорией, да и не могло совпасть. Другой менталитет, другая культура, другая история страны, другие мы, другие.

Задаваясь неизбежно традиционным вопросом о смысле жизни, люди чаще всего ответа не находят. Карп Григорьевич Пашиныйн, похоже, знал его и примером своего жизненного опыта сохранял, оберегал и копировал увядаемые истинные ценности — культуру, порядочность, уважение к труду и профессиональному мастерству людей многих поколений.

Ранним июньским утром десятого дня две тысячи двадцать второго года от Рождества Христова, не достигнув возраста семидесяти двух лет, в Бозе почил Карп Григорьевич Пашиныйн. Не чувствуя более сил для борьбы за культурное пространство своей страны, он оставил нас на планете со страстями и грехами, проблемами, падениями и сложными подъёмами, иногда с трагедиями, очень редко с чудесами, чаще с миражами надежд и неуверенными мерцаниями счастья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Попов Олег Викторович, кандидат медицинских наук, фотограф-любитель, близкий друг семьи К. Г. Пашиньяна.
2. В 1999 году К. Г. Пашиньян избран членом-корреспондентом Международной академии наук экологии и безопасности человека и природы (Ростов Великий / Проект «Меценат -2000». Ростов-на-Дону, 1999).
3. Указ Президента РФ о присвоении звания «Заслуженный работник культуры РФ» К. Г. Пашиньяну от 23 марта 2012 г.
4. Поколение «беби-бумеров» (англ. baby boomers) – термин, применяемый в теории поколений Уильяма Штрауса и Нила Хоува к людям, родившимся в период с 1943 по 1962 годы (Из Википедии).
5. Захарьянц Нина Павловна, урождённая Бояджян. Библиотекарь НБ РГУ с 1935 г. После Великой Отечественной войны работала в библиотеке Научно-исследовательского физико-математического института при РГУ. (Из характеристики зам. директора и парторга Научно-исследовательского физико-математического института на Захарьянц Н. П. [архив семьи Пашиньян]).
6. Общежитие Ростовского государственного университета находилось на улице Журавлёва, 122.
7. Туровская Нина Яковлевна (1946), супруга К. Г. Пашиньяна
8. Международный аэропорт Париж – Шарль-де-Голь, известный также под названием Руасси – Шарль-де-Голь – аэропорт Парижа, расположенный в 25 км к северо-востоку от города в регионе Иль-де-Франс, крупнейший аэропорт Франции. Назван в честь первого президента Пятой Республики, военного и политического деятеля Франции Шарля де Голля (Из Википедии).
9. Мацуёв Денис Леонидович (род. 11 июня 1975) – российский пианист-виртуоз и общественный деятель. Народный артист РФ (2011). Лауреат Государственной премии РФ (2009) (Из Википедии).
10. Спиваков Владимир Теодорович (род. 12 сентября 1944 г.), советский и российский дирижёр и скрипач, наиболее известный своей работой с камерным оркестром «Виртуозы Москвы» (Из Википедии).
11. Театр-студия пантомимы Юрия Попова: воспоминания студийцев. Ч. 1. (См.: *Фрейглин Л. Л.* Театр с главного входа. Ростов н/Д., 2009. С. 251 – 258.).
12. Выставки К. Г. Пашиньяна: Персональная выставка. Ростов-на-Дону, 1981; Персональная выставка. Дортмунд, 1985; Старый Крым. Ростов-на-Дону, 1987; Ретро-фото. Ростов-на-Дону, 1989; Персональная выставка. Сомюр (Франция), 1996; Персональная выставка / РОМИИ. Ростов-на-Дону, 1996; Светопись / РОМК. Ростов-на-Дону, 1998; Встреча на Пасху. Ростов-на-Дону, 1998; Ростов Великий / Проект «Меценат -2000». Ростов-на-Дону, 1999; Облики и лики / ДГПБ. Ростов-на-Дону, 2001; Мир фото. Персональная фотовыставка / РОМИИ. Ростов-на-Дону, 2002; Шолохов. Время и судьба. /Издательский авторский проект. ДГПБ. Ростов-на-Дону, 2005; Время и вещи / Гос. музей-заповедник М. А. Шолохова. Вёшенская, 2005; За дверью / ДГПБ. Ростов-на-Дону, 2007; Крылья над Доном / Гос. музей-заповедник М. А. Шолохова. Вёшенская, 2008; Время и вещи / Гос. музей-заповедник М. А. Шолохова. Вёшенская, 2010; Гений места / Гос. музей-заповедник М. А. Шолохова. Вёшенская, 2016; Кабинет и мир писателя. Москва, 2018; На волне щедрой памяти / ДГПБ. Ростов-на-Дону, 2020.
13. «Советское фото» – журнал о фотографии, основанный в 1926 г. и выпускавшийся ежемесячно до 1997 г. Перерыв в издании был с июня 1941 по 1956 годы.
14. В 1980 г. К. Г. Пашиньян руководил фотостудией РГУ (Приказы по РГУ №36/20.11.1980; № 39/15.01.1981).
15. В 1982–1984 гг. К. Г. Пашиньян работал в редакции газеты «Комсомолец» в должности корреспондента на гонораре.
16. К. Г. Пашиньян принят на должность преподавателя предмета «Фотодело» 26 мая 1984 г.
17. Чеснок Валерий Фёдорович (1942), первый директор музея-заповедника «Танаис» (1972–2002). Автор книг: Танаис (1986), «Вначале была легенда» (1987), «Клад» (1992), «Ветвь священной оливы» (2007), «Танаис в круте земном: легенды и факты» (2007), «Олимпийские боги в образе Большой Садовой» (2010).
18. Страницы военной истории России в миниатюре : [календарь на 2001 г.] / Изд. «РИМ-V; Издат. и выставочный проект

- «Прошлое: облики и лики»; Карп Паши-
ньян, Сергей Деркач : [б.м.], 2000; Дол-
гий путь к тому, что рядом : [календарь
на 2001 г.]. /Фотохудожник Карп Паши-
ньян; Художественная студия «Аверс».
Ростов н/Д., 2000; 140 лет ВЛКЖД –
СКЖД : Календарь 2004 – 2005 /Карп Па-
шиньян: проект, авторская съёмка, ди-
зайн. Ростов н/Д., [б.г.]; ОАО Ростовский
порт : [календарь на 2008 год]. [Ро-
стов н/Д., 2007].
19. Копытин Юрий Андреевич, художник-
ювелир, художник-реставратор рестав-
рационной фирмы «Юг». 1993 г.
  20. Морозов Вадим Викторович (14 ноя-
бря 1958, Ростов-на-Дону – 21 апре-
ля 2020, там же), художник, музыкант,
изобретатель.
  21. Дом купца Генч-Оглуева – первый
многоэтажный доходный дом в Росто-
ве-на-Дону. Построен в 1883 г. по про-
екту А. Н. Померанцева. Расположен
на углу Большой Садовой улицы и пе-
реулка Семашко. Здание построено
в духе эклектики и имеет статус объекта
культурного наследия федерального зна-
чения.
  22. Полевога И. Бенефис реставратора : [Вы-
ставка реставрир. произведений мастер-
ской И. Полеводы] / Дон. гос. публичная
б-ка. Ростов н/Д., 1999.
  23. Пашиньян К. Гений места : персон. фо-
товыставка / Гос. музей-заповедник
М. А. Шолохова. Вёшенская, 2016.
  24. Выставка «Кабинет и мир писателя» за
2 года побывала в тринадцати россий-
ских музеях и Донской публичной би-
блиотеке (См.: Каминская М. В. Вдохнов-
ляющая тишина // Наше время. 2019.
22 нояб. С. 5)
  25. Скопцова Галина Сергеевна, искусство-
вед. Заслуженный работник культуры
РФ. Директор Ростовского областно-
го музея изобразительных искусств
(1982 – 1998), Ростовского художествен-
ного училища имени М. Б. Грекова
(2000 – 2014). Автор монографии «Из
века в век» (2009).

Л. А. ШТАВДАКЕР

«НЕПРАВДА, ДРУГ НЕ УМИРАЕТ...»

Известный мастер художественной фото-
графии Карп Григорьевич Пашиньян состоялся
и как исследователь-краевед.

Мы знакомы с 80-х годов. Однажды он напи-
сал в «Вечёрку», с которой тогда сотрудничал,
статью о краеведческом отделе Донской пуб-
личной библиотеки [1].

Мне понравился его стиль и слог, и с тех пор
я читала все его краеведческие заметки. Их
было немало в 80 – 90-е: об истории города [2],
о событиях, происходивших в учреждениях
культуры [3], об увлечённых людях [4] и более
всего – о людях искусства [5]. Тогда же опре-
делилась и главная тема краеведческих изыска-
ний Карпа Григорьевича, связанная с профес-
сией всей его жизни [6].

В этот период в Ростовском книжном изда-
тельстве издавались хорошие краеведческие
книги. Среди них – сборники воспоминаний,
очерков и документов «Донские страницы»
(1975 – 1987). В редакционную коллегию входили
журналист и краевед Борис Петрович Агу-
ренко, почти сорок лет отдавший работе в «Ве-
чернем Ростове», историк Борис Владимирович
Чеботарёв и директор Государственного архива

Наталья Александровна Чумакова. А среди авто-
ров 5-го выпуска, архивистов и краеведов, был
и Карп Григорьевич Пашиньян [7]. Когда в этот
сборник ещё только собирали материалы, в кра-
ведческий отдел Ростовской областной научной
библиотеки имени К. Маркса (ныне Донская
публичная) пришёл Андрей Макарович Ахна-
зарян, ученик Андрея Семёновича и Марии
Михайловны Чиненовых, основателей Художе-
ственной школы Донпрофобра в Ростове 1920-х
годов. Он принёс папку из своего домашнего
архива с рисунками и этюдами А. С. Чинено-
ва, множеством фотографий из семейного аль-
бома, письмами дочери Чиненовых Елены Ан-
дреевны, проживающей в Москве. Я помогла
ему подготовить очерк о любимых учителях [8].
Он был благодарен им и помнил всю жизнь. Этот
очерк стал моим первым опытом как редактора,
но главное – открытием почти забытых Чине-
новых, имена которых по праву должно было
бы носить Ростовское художественное училище
имени М. Б. Грекова. Автор подарил мне книжку
с дарственной надписью: «*Лариса Александров-
на, благодарю за совет опубликования очерка о
Чиненовых в Ростиздате. Ахназарян.*»

*К. Г. Паши́ньян.
Фото из семейного архива*

И ещё один сборник Ростиздата объединил нас с Карпом Григорьевичем — «Богатый колодезь» (1991). Я рассказывала об одной забытой книге [9], Паши́ньян — о фотографе, художнике, изобретателе фотоплёнки И. В. Болдыреве [10].

В «Донской временник» Карп Григорьевич сначала пришёл как фотохудожник, автор обложек к выпускам за 1996 и 1997 годы.

Наше творческое содружество состоялось лишь спустя двадцать лет.

А началось всё с простой школьной тетради, исписанной рукой Григория Ивановича Стененко, потомственного органного мастера, изобретателя, с которым Карп Григорьевич был дружен. Записки Г. И. Стененко в своё время подарил Паши́ньяну; они хранились в его личном архиве. Мастера давно не было в живых; и публикация К. Г. Паши́ньяна его записок, основанных на воспоминаниях отца, органного мастера, стала не только данью памяти талантливым изобретателям, но и открытием для современного читателя давно забытых музыкальных инструментов [11].

В этом же выпуске альманаха опубликовано исследование К. Г. Паши́ньяна о фотографиях М. А. Шолохова и их авторах — классиках фотографии [12]. И с того времени каждая статья, а по сути краеведческое исследование, Карпа Григорьевича сопровождалась в альманахе его великолепными художественными фотографиями.

О личном архиве краеведа К. Г. Паши́ньяна следует сказать особо. В нём воспоминания и письма известных людей, которые впервые опубликованы (или цитировались) в «Донском временнике». Среди них: автобиография Е. В. Переслени, внука поэта и декабриста В. Л. Давыдова из домашнего архива Е. Н. Беляевой [13], «К родословной Флёровых. Запись рассказа Александра Фёдоровича Флёрова, немного дополненная» его сыном В. А. Флёровым» [14], уже упомянутые «Записки» Г. И. Стененко [11], личные воспоминания о встречах с замечательными людьми и их рассказы [15].

Мне как редактору работать с ним было легко и интересно: мы были единомышленниками, полагая главным для краеведческого ежегодника достоверные ссылки на архивные документы, письма и воспоминания, литературные источники.

Пять лет назад Карп Григорьевич задумал серию статей (воспоминаний) под названием

ДОНСКОЙ ВРЕМЕНИК
Год 1996-й

*Донская государственная
публичная библиотека*

На обложке: Медаль в память взятия Азова. Серебро. (Россия. Адмиралтейский монетный двор). Неизвестный русский медалиер. Начало XVIII в. Из фонда Азовского краеведческого музея. Фото К. Г. Паши́ньяна

ДОНСКОЙ ВРЕМЕНИК

Год 1997-й

Донская государственная
публичная библиотека

На обложке: Портрет А. М. Каледина.
Худ. М. Б. Греков. Из фонда Новочеркасского
музея истории донского казачества.
Публикуется впервые. Фото К. Г. Пашиньяна

«Мои великие старики». Первая статья вышла к 100-летию ростовского историка Б. В. Чеботарёва и краеведа, литературоведа Арк. А. Айрумяна [16]. Название так понравилось Карпу Григорьевичу, что следующую статью, о художнике Т. Ф. Теряеве, он хотел назвать также, но мне удалось отговорить его (Представьте, как будет выглядеть ваша библиография с одинаковыми названиями статей, это запутает читателя!). И он согласился, упомянув любимое название в самой статье [17], а затем в предисловии к следующей [13, с. 36].

Тогда он здесь же признался: «У меня были хорошие учителя по краеведению: Аркадий Александрович Айрумян, Борис Владимирович Чеботарёв. <...> Занимаясь фотографией, её историей на Дону, старался “расшифровать” старые снимки. Если в кад্রে есть название улицы, банка или магазина, если у портретируемого в руках газета или книга с текстом, который можно прочесть, — это повод начать поиск, краеведческое исследование».

Одну из своих ранних статей о фотовыставке Евгения Халдея в областном краеведческом музее Карп Григорьевич назвал строчками из стихотворения К. Симонова «Смерть друга», — «Неправда, друг не умирает...» [18]. Они так же созвучны мне, когда я думаю о Карпе Пашиньяне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пашиньян К. Работа — знать свой край // Вечерний Ростов. 1984. 8 дек.
2. Его же. В порту, на набережной : [К истории Ростова порта] // Там же. 1986. 16 сент.; Его же. От бунта — к стачке [1902 г.] // Там же. 20 сент.; Его же. На пути борьбы и побед : [Из хроники 1905 г. на Дону] // Там же. 1985. 22 янв.; Его же. Реликвии с яхты «Колхида» : [окт. 1917 г. — 1920 г.] // Красное знамя. 1989. 5 марта.
3. Его же. ТЮЗ : вчера, сегодня, завтра // Комсомолец. 1983. 19 нояб.; Его же. Донской народный костюм : [о выставке в Новочеркас. музее истории дон. казачества] // Красное знамя. 1987. 22 нояб.
4. Его же. Коллекция, ставшая книгой : [о М. П. Корнелио, любителе-энтомологе из Персиановки] // Молот. 1987. 3 янв.; Четыре мгновения судьбы : [о Н. П. Глебова-Авилове, первом директоре. Ростсельмаша] // Вечерний Ростов. 1989. 16 мая.
5. Его же. Именинник : [Этюд к портрету О. Лусегенова] // Комсомолец. 1983. 15 нояб.; Его же. Занятие для рук и души : [о самодеят. художнике Н. П. Крюкове] // Вечерний Ростов. 1985. 5 июля; Его же. Человек на родной земле : [о художнике О. Лусегенове] // Вечерний Ростов. 1986. 20 марта; Его же. Перекрёстным огнём : [о художнике К. Г. Кашеёве] // Молот. 1988. 6 февр.
6. Его же. Искусством фотографии : [о выставке работ фотолюбителей Дона] // Молот. 1985. 13 нояб.; Его же. Фотосалон и его экспозиция // Вечерний Ростов. 1986. 21 нояб.; Его же. Снимаю, проявляю, печатаю : [о фотоаппарате, находке В. и С. Ершовых] // Комсомолец. 1989. 20 июня; Его же. По следам старых фотографий : [о дон. фотографе В. Ф. Петрыковском] // Вечерний Ростов. 1990. 3 янв.; Его же. Автомобили, автомобили... : [об истории фотодела на Дону, о рост. спортсмене и фотолюбителе З. Рыгельском] // Вечерний Ростов. 1990. 10 февр.
7. Его же. Член первого Донкома РСДРП: [В. И. Невский]; Его же. Час ученичества и жизнь в искусстве : [история Рост. художеств. училища им. М. Б. Грекова] // Донские страницы. Вып. 5. Ростов н/Д., 1987. С. 36 — 40, 122 — 124.
8. Ахназарян А. М. У истоков художественного образования // Донские страницы. Вып. 5. Ростов н/Д., 1987. С. 101 — 121.

9. *Штавгакер Л.* «Краткая биография шефа и памятка 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка»: (по страницам забытой книги): [о М. Г. Власове, одном из славных героев Отечественной войны 1812 года, донском казаке] // *Богатый колодезь: ист.-краевед. альм.* Ростов н/Д., 1991. Вып. 1. С. 187 – 192.
10. *Пашиныйн К.* Казак станицы Терновской и его «Собрание видов и типов из Донской области» : (И. В. Болдырев) // *Богатый колодезь.* Ростов н/Д., 1991. Вып. 1. С. 193 – 205.
11. *Пашиныйн К.* Механик от Бога Григорий Стененко; *Стененко Г. И.* Как появился русский переносный орган на Дону. *Публикация К. Г. Пашиногона* // *Донской временник.* Год 2015-й. Вып. 23. Ростов н/Д., 2014. С. 57 – 62.
12. *Пашиныйн К.* Шолохов: фотографии, негативы, автографы // Там же. С. 163 – 165.
13. *Его же.* На волне щедрой памяти // Там же. Вып. 28. Ростов н/Д., 2019. С. 36 – 46.
14. *Его же.* Корни и крона. Флёровы // Там же. Год 2021-й. Вып. 29. Ростов н/Д., 2020. С. 5 – 13.
15. *Его же.* Палыч // Там же. Год 2017-й. Вып. 25. Ростов н/Д., 2016. С. 161 – 162.
16. *Его же.* Мои великие старики // Там же. Год 2018-й. Вып. 26. Ростов н/Д., 2017. С. 166 – 171.
17. *Его же.* Какой художник был! // Там же. Год 2019-й. Вып. 27. Ростов н/Д., 2018. С. 131 – 133.
18. *Его же.* «Неправда, друг не умирает...» // *Вечерний Ростов.* 1984. 18 дек.

С. А. КОВЫНЕВА

ИСТОРИК И КРАЕВЕД ЗЕРНОГРАДА

«Хочу, чтобы страницы истории нашего своеобразного небольшого города вошли в большую историю страны».

В. И. Зайдинер

1 октября 2022 года исполнилось 100 лет со дня рождения Виктора Изаровича Зайдинера, историка и краеведа Зернограда, почётного гражданина этого города, почётного работника высшего профессионального образования РФ, почётного профессора Азово-Черноморского инженерного института. Он был автором «Донского временника» и не однажды рассказывал о своём городе и его замечательных людях [1]. В преддверии юбилея Сталина Андреевна Ковынева, жена и соавтор Виктора Изаровича, по нашей просьбе собрала воспоминания о нём, отзывы в печати и предоставила читателям альманаха.

Виктор Изарович Зайдинер родился в городе Кременчуг Полтавской области УССР.

Судьба не подарила ему безмятежного детства и безоблачной юности; молодость пришлось на период Великой Отечественной войны. 1920 – 1940-е годы – времена, трудные для всей страны, – для семьи Зайдинеров оказались особенно тяжёлыми.

«Жили мы бедно, – вспоминал Виктор Изарович. – Отец был инвалидом Первой мировой войны, зарабатывал скромно. Мама была домохозяйкой. Образование имела начальное, но женщиной была мудрой и очень доброй. Мы, трое сыновей, беззаветно любили её, старались не огорчать и больше радовать» [2].

Виктору едва исполнилось тринадцать, когда умерла мама. Осиротевших детей (старшему было 15 лет, младшему – 10) воспитывала сестра Марии Яковлевны Софья Яковлевна, простая работница швейной фабрики. О каком-то материальном достатке в семье говорить не приходилось, но учились все на «отлично».

«Учились в Кременчугской средней школе № 2. Преподавание велось на украинском языке. Особенно любил русский язык и литературу. Эти предметы преподавал замечательный учитель и человек Г. И. Сахович. Он был очень требовательным к ученикам и в то же время внимательным и уважительным. Прекрасно рассказывал о выдающихся поэтах и писателях А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, Л. Н. Толстом,

Н. А. Некрасове, Н. В. Гоголе, А. П. Чехове и пробуждал в нас, учениках, любовь к великому русскому языку и к великой русской литературе. Глубокое, искреннее уважение к Григорию Ивановичу Саховичу я сохранил на всю жизнь.

Любимыми предметами были также история, география и математика. В 1939 году на городской математической олимпиаде занял второе место. Политикой интересовался со школьных лет. В комсомол вступил 5 апреля 1938 года. Два года был секретарём комитета комсомола школы» [2].

В 1940 году Виктор Зайдинер окончил среднюю школу с отличием. Это давало право на поступление в вуз без экзаменов. Документы послал в Москву, в Высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана с просьбой зачислить студентом только что открывшегося артиллерийского факультета. Но по новому закону о всеобщей воинской обязанности, принятому 1 сентября 1939 года Верховным Советом СССР, лица со средним образованием подлежали призыву в армию с 18 лет. Документы вернули с припиской: «Мы с удовольствием примем Вас после завершения службы в Красной Армии».

31 октября 1940 года Зайдинер был призван в армию и начал службу в 1-й учебной роте 131-го стрелкового полка элитной 78-й стрелковой дивизии Дальневосточного округа. В этой роте за год из выпускников средних школ и вузов усиленно готовили командиров стрелковых взводов. В связи с началом Великой Отечественной войны занятия уплотнили, срок обучения сократили и в августе 1941-го из 150 курсантов тридцати семи, сдавшим экзамены, присвоили звание «младший лейтенант».

Младшего лейтенанта В. Зайдинера назначили командиром стрелкового взвода во вновь формируемую часть. Далее служил адъютантом командира полка, старшим адъютантом стрелкового батальона 2-й Краснознамённой армии 2-го Дальневосточного фронта. Принимал непосредственное участие в подготовке кадров для действующей армии. В сентябре 1942 года, когда немецко-фашистские войска были у стен Сталинграда, вступил в ряды Коммунистической партии. В ноябре-декабре 1944-го был в командировке на Первом Белорусском фронте. Будучи начальником штаба стрелкового батальона 2-й Краснознамённой армии 2-го Дальневосточного фронта участвовал в боевых действиях против милитаристской Японии (1945).

Виктор Изарович — инвалид Великой Отечественной войны. Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За

В. И. Зайдинер. 2017 г.

боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией», медалью Жукова, знаком «Фронтовик 1941 — 1945 гг.».

В июне 1946-го В. И. Зайдинер демобилизовался. В родной город не вернулся, так как дома не было (его сожгли фашисты); не осталось в Кременчуге и родных (отец погиб в 1943 году) — и решил приехать в Ростов-на-Дону.

«В Ростове жили родственники. Мамина сестра и её муж, потерявшие на фронте обоих сыновей, с радостью приняли меня и сделали всё, чтобы и я, и мои братья (тоже участники войны) получили высшее образование. Не желая злоупотреблять их добротой, я подал заявление на историческое отделение историко-филологического факультета Ростовского университета, где в то время учиться надо было всего четыре года. Но с 1 сентября 1946 года и здесь ввели пятилетний срок обучения. Однако случайность обернулась закономерностью. Историю я всегда любил, учился с интересом и удовольствием. И оказалось, что, выбрав эту специальность, никогда не жалел, сумел себя в ней реализовать. Университет окончил в 1951 году с отличием» [3, с. 1 — 2]. Во время учёбы в университете студент Зайдинер вёл активную общественную жизнь. На младших курсах

был старостой учебной группы; три с половиной года — заместителем секретаря комитета ВЛКСМ РГУ и почти год — секретарём вузовского комитета комсомола.

Под руководством профессора Петра Васильевича Семернина, своего любимого преподавателя, в студенческом научном кружке изучал историю комсомола Дона. Первая публикация В. И. Зайдинера появилась в сборнике студенческих работ РГУ в 1948 году.

После окончания университета Виктор Изарович был направлен на работу в среднюю школу № 103 г. Сталино (Донецк). Учил детей шахтёров, а также самих шахтёров в школе рабочей молодёжи. Был секретарём партийной организации школы.

В 1953 году В. И. Зайдинера пригласили в Азово-Черноморский институт механизации сельского хозяйства, и этому вузу он отдал шестьдесят шесть лет своей жизни. Работал ассистентом, старшим преподавателем, доцентом кафедры марксизма-ленинизма. В 1959 году защитил кандидатскую диссертацию по истории комсомола (П. В. Семернин был официальным оппонентом на её защите в Киевском государственном университете).

Виктора Изаровича неоднократно приглашали в разные вузы, в частности, в Новочеркасский политехнический институт, Ростовский

государственный университет, Институт повышения квалификации преподавателей общественных наук при РГУ. Но он остался верен Азово-Черноморскому институту и Зернограду, который считал своей второй родиной.

Десять лет В. И. Зайдинер заведовал кафедрой марксизма-ленинизма (1971 — 1981). «Неустанно заботился о том, чтобы молодёжь, работающая рядом с ним, не останавливалась в своём профессиональном росте. Многие могут назвать его своим учителем. И не только обществоведа...», — вспоминала доцент кафедры В. Н. Белоусова [4].

Кафедра в те годы уделяла большое внимание изучению аграрной истории России и пользовалась заслуженным авторитетом. В 1977-м и 1981-м годах на её базе в АЧИМСХ по инициативе В. И. Зайдинера проводились симпозиумы историков-аграрников Дона, Кубани и Северного Кавказа. В них принимали участие видные российские историки, доктора исторических наук, профессора И. Е. Зеленин (Москва), Е. Н. Осолков, П. Г. Чернопицкий (Ростов-на-Дону), И. И. Алексеенко (Краснодар), учёные Ставрополя, Нальчика, Пятигорска, а также других научных центров Юга России.

В. И. Зайдинер внёс и свой вклад в исследование аграрной истории России. Результаты изучения проблем совхозного строительства

В. И. Зайдинер (крайний справа) с грузьями-однополчанами. 23 февраля 1942 г. Дальневосточный фронт. Фото из семейного архива

отражены в монографии «Партийное руководство совхозами в годы довоенных пятилеток», опубликованной в 1984 году и отмеченной Дипломом I степени Северо-Кавказского научного центра высшей школы и Почётной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования по итогам республиканской книжной ярмарки в г. Смоленске.

В том, что монография смогла увидеть свет, большую роль сыграл ректор РГУ Ю. А. Жданов. Публикация монографии позволила выйти на защиту докторской диссертации, которая состоялась в 1985 году в диссертационном совете по историческим наукам Ростовского государственного университета [5].

С 1986 по 2017 годы Виктор Изарович работал в должности профессора кафедры социально-экономических и политических наук, истории, философии и политологии, гуманитарных дисциплин и иностранных языков.

«Своим примером Виктор Изарович “сподвиг” членов нашей кафедры на активную научную работу, в результате из девяти членов кафедры — 4 доктора наук, 5 кандидатов наук», — вспоминала Т. Н. Зуева, доктор философских наук, профессор, в то время (2012) — зав. кафедрой истории, философии и политологии [3, с. 4].

В. И. Зайдинер — автор ряда монографий и книг, посвящённых истории института [6].

К научно-исследовательской работе В. И. Зайдинер привлекал студентов. С 1957 года в течение многих лет он руководил студенческими научными кружками, изучавшими историю института и Зернограда в годы Великой Отечественной войны. Его студенты (А. Акинитова, Ю. Ефименко, И. Кравченко, С. Ниловкина, И. Хасаншин и другие) стали лауреатами и дипломантами всесоюзных и республиканских конкурсов студенческих работ по общественным наукам, выступали с докладами в вузах Москвы, Ленинграда, Челябинска, Харькова, Ташкента. Некоторые кружковцы стали учёными.

Научная эрудиция, профессионализм, творческая активность снискали В. И. Зайдинеру заслуженный авторитет не только в Азово-Черноморском институте, но и среди коллег других вузов. Многие годы он был членом диссертационного совета по историческим наукам при РГУ, неизменным участником симпозиума историков-аграрников Восточной Европы, проводимого Институтом истории Российской академии наук, деятельно участвовал в работе Ростовского отделения Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург), академиком которой был избран в 2011 году.

Краеведением Виктор Изарович увлёкся в 70-е годы, издав небольшие книжки о родном городе вместе с Г. И. Забегайловым [7].

К началу 90-х им был собран уникальный материал по истории Зернограда, Зерноградского района, крупных сельскохозяйственных предприятий района. Так появились книги о совхозе «Гигант» (1993), учебно-опытном зерносовхозе № 2 (в соавторстве с В. К. Горбенко). Но главным соавтором учёного и краеведа стала Сталина Андреевна Ковынева. Книги об учхозе Зерновое (2004), «Зерноград и зерноградцы» (2006, 2012), «Край родной» (1999, 2014, 2019), «Люди твои, Земля» (2000), «Родина малая — Большая Таловая» (2002), «Станица моя, Мечётинская» (2009), «Село Гуляй-Борисовка» (2018) написаны вместе с Ковыневой [8].

«Сталина Андреевна — гость моего старшего коллеги по кафедре Андрея Захаровича Ковынева. — рассказывал Виктор Изарович в одном из интервью в газете «Донской маяк. — Когда мы познакомились, она была студенткой МГУ. Я благодарен ей за то, что она доверила мне свою судьбу и всю жизнь стараюсь это доверие оправдать. Сталина Андреевна — надёжный друг и самоотверженный помощник. Мы единомышленники. Не случайно наше сотрудничество переросло в сотворчество» [2]. Значение такого сотворчества для науки справедливо отмечено в рецензии на одну из их книг: *«Авторы поставили непростую задачу: воссоздать подлинную научную историю одной из ячеек нашего Отечества — историю Зерноградского (Мечётинского) района. И эта задача была блестяще выполнена на основе широкой источниковой базы, включающей в себя архивные материалы, сборники документов, периодические издания, воспоминания современников и очевидцев событий. Бесспорным является то, что разносторонний документальный материал, глубокие авторские суждения и выводы делают книгу «Край родной. Зерноградскому (Мечётинскому) району — 75 лет» уникальной среди фундаментальных историко-краеведческих исследований, опубликованных в России в последние годы» [9].*

«Особое место в наших со Сталиной Андреевной исследованиях занимает тема Великой Отечественной войны, — не однажды подчёркивал Виктор Изарович. — На эту тему написаны книги «На пути к Победе» (1998), «Во имя Победы» (2003, 2005), «Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия в годы Великой Отечественной войны» (2005). Эти книги нам особенно дороги» [10].

Публикация новых материалов по этой же теме продолжались и позже в монографиях

В кругу семьи. Слева-направо: 1 ряд: В. И. Зайдинер и его жена С. А. Ковынева, правнук Арсений Ярмашевич, 2 ряд: муж внучки Дарья В. М. Чернышёв, внучка Д. В. Чернышёва, их дочь Меланья, зять В. А. Суценко, дочь М. В. Ковынева, внучка Н. В. Суценко, муж внучки Наталья А. С. Ярмашевич. 9 мая 2019 г., г. Зерноград. Из семейного архива.

«Зерноград и зерноградцы» (2012), во 2-м и особенно в 3-м изданиях книг «Край родной» (2014, 2019). К сожалению, не осуществилось заветное желание Виктора Изаровича написать глубокую, более подробную книгу о Великой Отечественной войне, материалы к которой он собирал многие годы, считая это своим долгом перед теми, кто не вернулся с войны.

Всего по аграрной истории России, проблемам Великой Отечественной войны, истории Зернограда и Зерноградского района, Азово-Черноморского инженерного института, патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодёжи В. И. Зайдинером издано 37 книг (18 из них — в соавторстве с С. А. Ковыневой). Статьи по научно-техническим и социально-экономическим проблемам, по воспитанию молодёжи публиковались в ряде научных сборников Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург), симпозиумов историков-аграрников Восточной Европы, в журналах «Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС», «История СССР», «Партийная жизнь», «Вестник высшей школы» и других.

За вклад в историческую науку В. И. Зайдинер в 2017 году стал лауреатом премии имени М. В. Ломоносова Петровской академии наук и искусств.

«... Виктор Изарович делает огромное дело, сохраняя память о прошлом, о людях, которые обустроивали и защищали нашу землю. Справедливо сказано, что народ, лишённый исторической памяти, превращается в пыль, которую носит ветер времени. В. И. Зайдинер своим неустанным трудом, своими книгами противостоял уничтожающей силе времени. И за это ему великая благодарность» (В. Н. Белоусова, кандидат исторических наук, доцент) [3, с. 4].

«Мы, гуляй-борисовцы, очень благодарны Виктору Изаровичу Зайдинеру и Сталине Андреевне Ковыневой за титанический труд, который позволил сегодня с помощью книги о Гуляй-Борисовке знать историю нашего села, начиная со времени 1858 года. Книга написана с душой и любовью» (Т. И. Бурлакова, руководитель музея МБОУ Гуляй-Борисовская СОШ, Л. Руденко, учитель русского языка и литературы) [11].

Об общественной деятельности Виктора Изаровича следует сказать особо.

По его инициативе с 1960 года отмечается День рождения вуза; в 1967 году учреждена «Книга Славы выпускников института»; две улицы Зернограда названы именами студентов АЧИМСХ — Георгия Павловича Шукшина (Героя Социалистического Труда) и Павла Ивановича Колодина (руководителя партизанского отряда в месяцы немецко-фашистской оккупации Зернограда); с помощью участников руководимых им научных кружков были подготовлены материалы к открытию мемориальной доски и памятника, на которых высечены имена преподавателей, сотрудников и студентов института, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Благодаря Виктору Изаровичу мы знаем место захоронения одного из студентов института, лейтенанта, механика-водителя тяжёлого танка КВ Альберта Буюкяна, погибшего при защите Сталинграда. Стало традицией посылать группы лучших студентов для возложения цветов к памятнику над братской могилой, в которой похоронен А. П. Буюкян.

Последние двенадцать лет Виктор Изарович руководил студенческой группой «Поиск». Ребята занимались розыском родных и близких воинов, погибших при освобождении хутора Каменный, но долгие годы числившихся в списке пропавших без вести, а также судьбами студентов АЧИМСХ, участвовавших в Великой Отечественной войне. Эта работа продолжается и сегодня.

Общественная деятельность В. И. Зайдинера не ограничивалась стенами института. Лектор-международник со студенческих лет, для трудящихся 28-ми районов Ростовской области он прочитал более 5000 лекций по вопросам истории России, международного и внутреннего положения страны, истории Великой Отечественной войны, Зернограда и Зерноградского района, проблемам патриотического и духовно-нравственного воспитания молодёжи. И это только по путёвкам общества «Знание»!

Более тридцати лет (с 1963 по 1993 гг.) Виктор Изарович руководил созданной им школой лекторов-международников, которая считалась лучшей среди вузовских школ Ростовской области и одной из лучших в Российской Федерации. Школу окончили более 500 студентов. Молодые лекторы шефствовали над строительством Атоммаша, выезжали в составе агитпоезда ЦК ВЛКСМ на БАМ и в Тюменскую область. Учёба в школе помогла многим питомцам вуза стать умелыми руководителями трудовых коллективов. За многолетнее плодотворное руководство

школой молодого лектора В. И. Зайдинера был награждён Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Дважды Виктор Изарович избирался депутатом Зерноградского городского совета депутатов трудящихся Зерноградского района (1967, 1969). По предложению В. И. Зайдинера и С. А. Ковыневой на здании акционерного общества «Учхоз Зерновое» открыта мемориальная доска основателям города Л. С. Марголину и Г. В. Кравкову. В. И. Зайдинер участвовал в создании районного историко-краеведческого музея и музея Азово-Черноморского инженерного института.

За многолетний безупречный труд Виктор Изарович отмечен многими наградами и благодарностями, среди которых медаль ордена «За заслуги перед Ростовской областью» (2017), памятный знак «80 лет Ростовской области», нагрудный знак «За заслуги перед Зерноградским районом» (2012).

Его имя занесено в энциклопедии «Лучшие люди России» (2005), «Золотые имена России» (2018) [12].

22 марта 2021 года в годовщину со дня смерти доктора исторических наук, профессора, ветерана Великой Отечественной войны В. И. Зайдинера в родном вузе состоялось открытие аудитории его имени [13]. К 100-летию со дня рождения Виктора Изаровича в вестибюле главного корпуса Азово-Черноморского инженерного института была открыта мемориальная доска.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Зайдинер В. И., Ковынева С. А.* Великий оружейник родился на Дону // Донской временник. Год 2006-й. Ростов н/Д., 2005. С. 46 — 49; *Их же.* По Задонскому почтовому тракту // Там же. Год 2009-й. Ростов н/Д., 2008. С. 100 — 102; *Их же.* Непобедимый командарм // Там же. Год 2011-й. Вып. 19. Ростов н/Д., 2010. С. 92 — 93.
2. Цит. по: *Куричева Г.* Жизнь, наполненная смыслом // Донской маяк. 2017. 2 сент. С. 6.
3. Цит. по: *Вговикина С.* Оставить след в истории / Интервью с В. И. Зайдинером // Инженерные кадры. 2012. Сентябрь. Спецвыпуск.
4. Цит. по: *Бережная Л., Яранова И.* И это всё о нём... // Донской маяк. 1997. 28 сент. С. 4.

5. *Зайгинер В. И.* Партийное руководство совхозным строительством в годы довоенных пятилеток (1928 – 1941 гг.) : (на материалах парт. организаций РСФСР) : автореф. дис. на соиск. учён. степени д-ра ист. наук. Ростов н/Д. : [Б. и.], 1985. 49 с.
6. *Зайгинер В. И.* Страницы студенческих лет : Очерки истории Азово-Черномор. ин-та механизации сел. хоз-ва. 2-е изд., доп. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1990. 165 с. : ил.; *Зайгинер В. И., Ковынева С. А.* Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия: история и современность : [70 лет]. Ростов н/Д. : Терра, 2000. 291 с. : ил.; *Их же.* Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия в годы Великой Отечественной войны : историко-краевед. исследование. Ростов н/Д. : Терра, 2005. 191, [1] с. : ил.; *Их же.* Студенческие строительные отряды Азово-Черноморского инженерного института. История и современность. Ростов н/Д. : Терра Дон, 2018. 151 с., [34] л. ил.; *Их же.* Наука в Азово-Черноморском инженерном институте: прошлое, настоящее, будущее : [моногр.] Ростов н/Д. : Терра Дон, 2019. 286 с., [36] л. ил., цв. ил., портр. : ил.
7. *Зайгинер В. И., Забегайлов Г. И.* Город в степи / зерноград. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1971. 68 с. : ил., портр.; *Их же.* зерноград : историко-краевед. очерк. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1979. 96 с., [4] л. ил. : ил.
8. *Зайгинер В. И., Ковынева С. А.* Колыбель зернограда : (открытому акционерному обществу «Учхоз зерновое» – 75 лет). Ростов н/Д. : Терра, 2004. 355, [4] с., [2] л. ил. : ил.; *Их же.* зерноград и зерноградцы. Изд. 2-е, доп. Ростов н/Д. : Терра, 2012. 569 с., [32] л. ил. : портр., нот. ил.; *Их же.* Край родной. зерноградскому (Мечётинскому) району – 95 лет; [в авт. ред.]. Изд. 3-е, перераб. и доп. Ростов н/Д. : Терра Дон, 2019. 759 с., [28] л. ил.; *Их же.* Люди твои, Земля : Закрытому акционерному обществу «СКВО» – 80 лет. Ростов н/Д. : Терра [Гефест], 2000. 223 с., 20 л. ил. : 20 л. ил., табл.; *Их же.* Станица моя, Мечётинская : (к 200-летию со дня основания). Ростов н/Д. : ТЕРРА ПРИНТ, 2009. 534, [1] с., [4] л. ил. : ил., ноты; *Их же.* Село Гуляй-Борисовка. История и современность Ростов н/Д. : Терра Дон, 2018. 430 с., [32] л. ил.; *Зайгинер В. И., Ковынева С. А., Чернопицкий П. Г.* Родина малая – Большая Таловая : история с.-х. произв. кооператива им. Ф. М. Литунова. Ростов н/Д. : Терра, 2002. 350 с., [4] л. ил. : ил.
9. *Циткилов П. Я., Бондарев В. А.* История малой родины // Донской маяк. 2000. 15 июля. С. 2.
10. *Зайгинер В. И., Ковынева С. А.* Во имя Победы : зерноградский (Мечётинский) район в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д. : Терра, 2005. 447 с. : портр., ил.; *Их же.* Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д., 2005.
11. *Бурлакова Т., Руденко Н.* Гуляй-Борисовка: вехи истории // Донской маяк. 2018. 26 окт. С. 7.
12. Лучшие люди России : энцикл. Вып. 7. Ч. 2. М., 2005. С. 231; Золотые имена России : автобиобиблиогр. энцикл. 1992 – 2017 гг. / под ред. д.и.н. проф. И. И. Рогозина. СПб. : Северная звезда, 2018. С. 101 – 102.
13. Человек жив, пока жива память о нём. В связи с открытием аудитории им. В. И. Зайдинера // Инженерные кадры. 2021. Март (№ 2). С. 2 – 3.

ВИКТОР ХРАМОВ. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В. С. ПЕТРОВ

ПРИВЕТ ЭМИЛИЮ ИЗ РОСТОВА!

Когда в конце прошлого года в Центральном Доме литераторов в Москве проходила презентация альманаха «День поэзии», то в кулуарах мы разговорились с одним из его авторов, довольно известным литературным критиком. Он, зная, что я из Ростова, просил непременно передать при личной встрече привет Эмилю Сокольскому. Увы, этому не случилось быть.

Мы с Эмилем разминулись — в последних числах декабря его уже не было в Донской публичной библиотеке (ДГПБ), где как раз проходило торжество по случаю вручения различных наград работникам культуры Ростовской области, в том числе и вашему покорному слуге как победителю литературного конкурса в честь А. В. Калинина.

Обычно при каждом посещении ДГПБ мы встречались с Эмилем Сокольским и по поводу, и без оно, чтобы хотя бы просто обменяться новостями. Так и вижу его в отделе краеведения — быстрого в движениях, улыбочивого, много начитанного и знающего толк в хороших книгах, весьма сведущего в современном литературном процессе.

Эмиль, вероятно, уже был в очередном отъезде — давно собирался на Вологодчину, на Русский Север, где глубокие снега, деревни да храмы, лесные красоты... Я ещё тогда подумал: увидимся в новом году.

Не стало же Виктора Храмова, избравшего себе литературный псевдоним — Эмиль Сокольский, как раз на новый 2022-й год там, в заснеженном краю, вдалеке от Ростова, от донских мест, которые, кстати, он также изъездил, бывая в самых разных уголках области и описывая свои поездки в многочисленных публикациях. А псевдоним, по словам Виктора, появился у него в память об одном замечательном музыканте, что стал для него дорог и близок как душевно щедрый человек.

Круг интересов был обширен — музыка, история, живопись, православие... В своё время вёл на радио цикл музыкальных передач. Как сотрудник отдела краеведения расширял свои профессиональные знания, и это нашло

отражение в разнообразном творчестве. Виктор Храмов — автор ряда серьёзных и в то же время лирично написанных работ как очеркового плана, так и в книжном формате [1]. Желающие легко могут с ними ознакомиться, зайдя на сайт ДГПБ.

Я же поделюсь своим восприятием того, что успел сделать в литературе Эмиль Сокольский. А успел он без преувеличения немало, в первую очередь, даже количественно. Существует целый массив им написанного и опубликованного: статьи, эссе, рецензии о современных отечественных авторах. С его уходом многое потеряно.

Мне как главному редактору журнала «Дон» Эмиль Сокольский стал известен по публикации, кажется, в газете «Литературная Россия», в подписи обратило внимание указание на Ростов. Я разыскал Эмиля, и вскоре он стал сотрудничать с нашей редакцией, тем не менее не оставляя основную работу в библиотеке.

Виктор Сергеевич Петров, главный редактор журнала «Дон», поэт, публицист, критик, член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии имени М. А. Шолохова

Время — как и всегда за последние три десятка лет — для журнала было непростое. Требовалось выживать. Перед этим прежний главред, а следом и те, кто не столько любил журнал «Дон», сколько себя в нём, оставили редакцию, посчитав Фадеевское и Шолоховское издание тонущим кораблём. Я же вот держу в руках один из номеров за 2004 год, где в выходных данных литературным редактором указан Виктор Храмов.

Новоиспечённый сотрудник без отрыва от работы в библиотеке, жертвуя свободным временем, редактировал и готовил к печати рукописи, предлагал новых авторов, благо у него уже были налажены определённые связи в этом смысле, публиковал на донских страницах и свои материалы. В дальнейшем, когда Виктор полностью сосредоточился на соцсетях, куда стала переходить литературная жизнь, журнальный опыт, конечно, ему пригодился. При этом единственным местом постоянной работы был отдел краеведения.

Главное, что Виктор Храмов уже как Эмиль Сокольский смог определить для себя уровень «творений» возрастающего числа местных писателей и сравнить его с книгами тех, кто по-настоящему талантлив и известен не в пределах надуманных организаций. Это было не просто. Его пытались привлечь на свою сторону дельцы от литературы, знали, что он может по-редакторски привести их поделки хотя бы в боже-ский вид.

Случалось всякое. Однажды его упростили быть редактором затеянной теми самыми членами СП газеты, издаваемой дотоле хуже некуда. Хватало и ляпов, и ошибок, и опечаток. Дело до суда доходило. А что получилось — очередной номер за подписью нового редактора вышел, но те, кому надо, изготовили его по-старому, то бишь тяп-ляп. Эмиль Сокольский понял, куда его втянули. Ушёл. Но зато отвёл душу, написав и напечатав хлёсткий разбор графоманских опусов так называемых писателей [2].

Хочу сказать, что Эмиль способен был увлечься и порой отойти от истины. Только однажды после ухода из «Дона» он попробовал печатно засомневаться в качестве журнальных публикаций [3]. И мне пришлось также печатно ответить ему [4]. На этом инцидент был исчерпан. Вот подход к своему творчеству честного и талантливого человека!

Счастье Эмиля Сокольского, что, не связывая себя в дальнейшем с теми, кто в силу обстоятельств вершит литературный процесс на низовом уровне, он вышел на Москву, стал членом

Союза писателей XXI века, где обрёл крылья. Несть числа его публикаций: журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Аврора», «Музыкальная жизнь», «Театральная жизнь», «Берегиня дома твоего», «Встреча», «Московский журнал», «Наша улица», «Подъём», «Слово», «Дон», «Плавучий мост», «Научная мысль Кавказа», «Prosōdia»; альманахи «Отечество», «Донской временник» и «Эолова арфа»; газеты «Литературная Россия», «Литературные известия», «Независимая газета»... Он автор ряда талантливо написанных книг [1], под его редакторством многие годы выходил «Донской временник» [5].

Прощальное слово от московского СП XXI века опубликовала «Независимая газета» [6]. А его коллеги по Союзу известные писатели Евгений Степанов и Нина Краснова в газете «Поэтоград» не скрывали горечи: «...Он столько всего написал, что читать не перечитать и нам, и нашим потомкам. Светлая память!» [7].

...И хотел бы завершить тем, что ношу в себе.

Мы только познакомились, и Виктор поразил меня тем, что прилюдно читая на память любимые стихи разных поэтов, например, Юрия Кузнецова, вдруг процитировал и мои строки из ростовской книги «Летучая метка» [8]. Это миниатюрное издание разошлось много лет тому назад. Откуда оно у него было? Я не знаю.

А уже сравнительно недавно, когда у меня вышла в издательстве журнала «Юность» книга «Твердь» [9], Виктор узнал об этом и попросил подарить её. Я принёс ему это издание в библиотеку, он ещё настоял на автографе, и мы беседовали, конечно, о литературе, помню, договорились, что он сделает что-либо для журнала...

Через некоторое время Эмиль Сокольский сообщил о публикации своей рецензии на «Твердь» в журнале «Дети Ра». Мне дороги его слова оттуда: «В стихах Виктора Петрова — вечный непокой, прерывистое дыхание, заклинания, мольба... — и странное дело: при таком душевном напряжении у них твёрдая, уверенная поступь. Случай, когда поэт не соглашается на стихотворческую игру, не прибегает к иронии, не демонстрирует холодноватую отстранённость взгляда, не моделирует "лирического героя"... он — сам всё то, о ком и о чём пишет» [10].

Позволил себе эту цитату, предполагая не столько имярек, а создание автором в целом образа пишущего. Поэта ли, прозаика, критика... И в данном случае он проговаривал сокровенное, заветное. Ведь, по сути, Эмиль Сокольский в своих произведениях и есть «сам всё то, о ком и о чём пишет». Он там присутствует.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сокольский Э. А. Дон потаённый : краевед. очерки. Ростов н/Д. : Ростовкнига, 2017. 297, [2] с., [20] л. ил.; *Его же. Церковная старина : очерки истории некоторых православных храмов Области войска Донского // Лазарев А. Г., Кириллов А. А., Сокольский Э. А. Православное зодчество Донского края. Ростов н/Д., 2005. С. 84–170. См. также перечень статей, рецензий, интервью Э. А. Сокольского: Донской временник : указатели к ст. альм. 1993–2021 /сост. Л. А. Штавдакер. Ростов н/Д., 2021, с. 34, 58–63.*
2. *Его же. Заполнив непредвиденный балласт // Литератор Дона. 2011. Октябрь. № 2 (08). С. 5.*
3. *Его же. Приливы и отливы «Дона» // Донской временник. Год 2005-й. Ростов н/Д., 2004. С. 231–234.*
4. Идеальный просчёт, или Песня о Сокольском [подпись: Пат Мурин] // Культура Дона. 2005. № 1. (Январь). С. 8.
5. В течение 15 лет В. Ю. Храмов работал в редакции «Донского временника» (2004–2005 гг. – литературный редактор; с 2006 по 2012 гг. – составитель, литературный редактор и корректор; с 2013 по 2017-й гг. – редактор в соавторстве с С. А. Племой, Р. В. Устименко и Л. А. Штавдакер).
6. История, эстрада, путешествия... Светлой памяти Эмиля Сокольского // Независимая газ. 2022. 13 янв. (№ 4). С. 11.
7. Краснова Н., Степанов Е. Светлой памяти Эмиля Сокольского // Поэтоград. 2021. № 12. С. 2.
8. Петров В. Летучая метка : Любовная лирика. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1990. 128 с.
9. *Его же. Твердь : Стихотворения. М. : Изд. журн. «Юность», 2019. 160 с.*
10. Сокольский Э. А. Виктор Петров «Твердь» // Дети Ра. 2020. № 2 (183). С. 118.

Е. П. ВЫСОЦКАЯ

ОН ГОРЕЛ ЛЮБИМЫМ ДЕЛОМ

Заочное знакомство с Эмилем Сокольским, так я долгое время называла Виктора Храмова, не подозревая, что Сокольский – его творческий псевдоним, началось с очерка «Порт-Катон» [1]. Занявшись семейной генеалогией, я пустилась на поиски материалов о греческом роде Сарандинаки. «Порт-Катон» сделался для меня отправной точкой в виртуальном путешествии по следам предков. Но на этом роль, ставшей для меня знаковой статьи Сокольского, не ограничилась. «Порт-Катон» оказался удачным симбиозом истории и литературы. События из прошлого в ёмком и небольшом по объёму эссе представлялись живо, интересно и образно.

Следом за первым литературным знакомством последовали другие. Статьи Сокольского увлекли. Автор, подобно итальянскому чичероне, брал читателя за руку и водил по дорогим его сердцу местам. Он романтично описывал отжившие свой век дворянские усадьбы, скромные провинциальные городки, покрытые патиной времени храмы, заражая желанием посетить их вслед за ним, и по-своему, по-Сокольски, знакомил со светочами русской поэзии и литературы, делая классиков понятнее и ближе. Его статьи

о Рахманинове [2; 3] по праву можно назвать научным исследованием.

Начав писать самостоятельно, я попыталась следовать стилю Эмиля Александровича. Первой пробой пера стала статья, посвящённая прадеду, выходцу из станицы Раздорская, русскому автомобильному конструктору Д. Д. Бондареву [4]. Работа была сыровата и требовала советов. Сокольский моментально откликнулся: сделался моим первым читателем и критиком и вызвался предложить статью в «Донской временник». Оказаться начинающему автору на страницах серьёзного историко-краеведческого альманаха было настоящей удачей!

Статью Эмиль читал вёдливо: подробно разбирал её по абзацам, убирал повторы, сокращал излишне детальную информацию, за которой порой не разглядишь основного. Он учил строго оценивать собственное творчество, упрощать без сожаления текстовые обороты и экономно относиться к эпитетам и сравнениям, которые мне, дилетанту, казалось, украшают работу. Он убеждал: «Вместо эпитетов – факты. Читатель разберётся сам». Сокольскому статья обязана названием – «Огонь творчества».

Затем мы познакомились по-настоящему, встречались в Москве и Ростове, в праздники обменивались поздравлениями. Эмиль в жизни оказался таким же, как в литературе: общительным, искренним, доброжелательным романтиком.

Став постоянным автором «Донского временника» и почувствовав уверенность, я не забывала об уроках, преподанных Сокольским. Эмиль Александрович следил за моими публикациями, откликался на них и даже написал по собственному почину рецензию на книгу «Рок генерала Бориса Шуцкого» [5], к авторству которой я имела отношение. Как всегда, его дружеская помощь была очень к месту.

Эмиль Александрович, без преувеличения, горел любимым делом. «Огонь творчества» — это и про самого Сокольского.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сокольский Э. Порт-Катон // Донской временник. Год 2004-й. Ростов н/Д., 2003. С. 167–180.
2. Его же. «Желательный и дорогой гость» : С. В. Рахманинов на Дону // Дон. 2002. № 7–8. С. 238–255.
3. Его же. Рахманинов на Дону // Relga. 2009. 10 янв. (№1 [181]). (дата обращения 23.08.2022).
4. Высоцкая Е. П. Огонь творчества // Донской временник. Год 2009-й. Ростов н/Д., 2008. С. 68–80.
5. [Шуцкой Б. И.] Рок генерала Бориса Шуцкого : Письма из эмиграции. Избранная проза. /сост., вступ. ст., подготовка текста и примеч. Е. П. Высоцкой. М. : Русский путь. 2016. 334 с. : ил. . — Рец.: Сокольский Э. А. // Донской временник. Год 2018-й. Вып. 26. Ростов н/Д., 2017. С. 221–223.

Д. И. ЗЕНЮК

РЕДКОЕ ИМЯ, РЕДКАЯ ЛИЧНОСТЬ

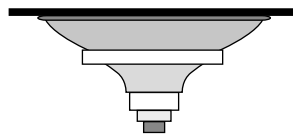
Ещё в детстве, заинтересовавшись историей села Маргаритово, я очень долго не мог найти никаких исторических сведений о нём. Лишь в 2004 году, когда учился на первом курсе истфака РГУ, мне рассказали, что упоминание об этом селе есть в книге про Порт-Катон¹. Я сразу же отправился в краеведческий отдел ДГПБ, где познакомился с работавшим там приветливым молодым человеком, который представился Эмилем. Я попросил ту самую книгу, но он скептически покачал головой и, протянув «Донской временник. Год 2004-й», сказал: «Возьмите лучше это» (как позже выяснилось, в книге про Порт-Катон о Маргаритовке было лишь пару слов). Я стал жадно читать главу «Капитанский берег», передо мной стали открываться картины прошлого села Маргаритово, и я до сих пор помню то чувство погружения в историю родного для меня места.

Тогда я и решил самостоятельно продолжить изучение истории приазовских сёл.

Увидев мой искренний интерес к теме, к которой он сам был равнодушен, Эмиль с радостью отвечал на вопросы, возникшие у меня в процессе чтения. Так завязалась дружба, которая сохранялась до последнего времени (совсем недавно я пришёл к нему с просьбой поделиться материалом о селе Семибалки, необходимым для написания новой статьи).

Возвращая «Донской временник», я поблагодарил Эмиля за полезный совет и удивлённо отметил: «Надо же, имя такое редкое, а тут и у автора статьи, и у вас оно совпало». Он обаятельно улыбнулся, но так и не сказал, что он и есть автор этой статьи.

Таким он мне и запомнится: скромным, харизматичным, талантливым.

¹ Оленев А., Чеботарёв А. Порт-Катон. Ростов н/Д., 2000.

МУЗЕИ

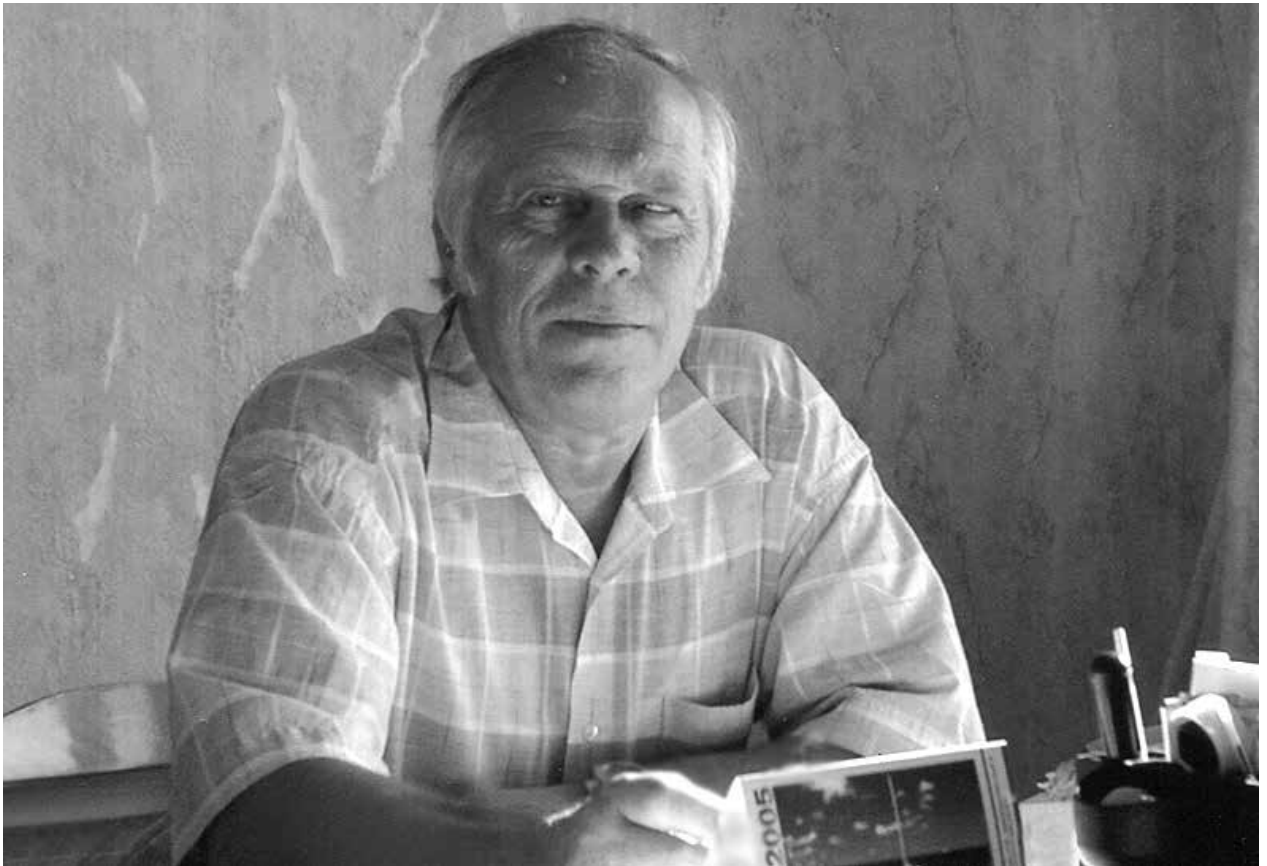
Т. А. ФЕДОТОВА

ЗА ЧЕСТЬ И ВЕРНОСТЬ ПРОФЕССИИ!

2017 год останется памятным годом в истории Азова, его музея: в мае коллеги из музеев Ростовской области, члены Союза музеев России поздравили Азовский музей-заповедник со 100-летием образования. В июле в городе отгремели залпы пушек и звон клинков участников XIII Всероссийского фестиваля военно-исторических клубов «Осада Азова», посвящённого Азовскому осадному сидению донских казаков 1641 года. А в декабре город простился с одним из своих почётных граждан, с заслуженным работником культуры РФ, директором Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника Анатолием Александровичем Горбенко.

Переоценить значение личности этого человека для Азовского музея и музейного дела в Ростовской области невозможно. За те сорок четыре года, в течение которых А. А. Горбенко возглавлял музей, с учреждением случились глубокие перемены. Реально воспринимая вызовы, предъявлявшиеся жизнью, он точно определял приоритеты в развитии музейного дела в Азове и области. Благодаря ему в древнем Азове сегодня есть прекрасное учреждение культуры — Азовский музей-заповедник!

Начало пути в профессию «музейщика» у Анатолия Александровича пришлось на послевоенное детство. Оно проходило в селе Приморка Неклиновского района Ростовской области.

А.А. Горбенко в рабочем кабинете. 2005 г. ОФ_31248-11

Татьяна Александровна Федотова, учёный секретарь Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника

*Первокурсники истфака РГУ после студенческой практики.
Анатолий Горбенко — 3-й ряд, 1-й слева. 1968 г., август, г. Ростов-на-Дону. АМЗ_ОФ_31248-8*

Подростком он любил осматривать окрестности села, пробираться на косу Курячья к остаткам старой крепости. Как и многих послевоенных мальчишек его привлекали окопы, оставшиеся со времён Великой Отечественной. Подростку всё было интересно. Поэтому занятия Анатолия Горбенко в школьном кружке истории никого не удивляли.

Для получения среднего образования (на тот момент оно было 11-летним), родители отправили Анатолия в Таганрог, к родной тётке. По окончании школы юноша остался в городе и попробовал себя в рабочих профессиях: сначала на заводе «Красный котельщик», а после неудачной попытки поступить в вуз, пошёл работать в механосборочный цех завода «Виброприбор».

Но в 1968 году мечта стать студентом исторического факультета Ростовского госуниверситета стала для него реальностью. В те годы студенты-первокурсники не только дневного, но и вечернего отделений перед началом первого в их жизни семестра проходили практику. В фондах Азовского музея-заповедника от того времени хранится фотография из личного архива Анатолия Горбенко. На ней группа студентов

и руководитель практики Т. Жидкоблинова. После окончания, как водится, фото на память. На фотографии для Анатолия Горбенко руководитель практики Т. Жидкоблинова сделала надпись, оказавшуюся пророческой: «Упорно, настойчивому "историку" на добрую память о жарких предстуденческих днях лета 1968 года» [1].

Эти качества действительно помогли Анатолию Александровичу стать грамотным историком-археологом, а крестьянская основательность, умение видеть чуть больше других — хорошим хозяйственником и руководителем.

Учёба на вечернем отделении вуза — занятие не из простых. В Советском Союзе студенты-вечерники, как и заочники, обязаны были совмещать учёбу и работу. Поездки из Приморки в Ростов отнимали много времени. Поэтому Горбенко пришлось искать место работы поближе к месту учёбы.

Так в октябре 1970 года студент-вечерник РГУ стал научным сотрудником Азовского краеведческого музея. Именно здесь он окончательно увлёкся археологией. Тогда же директор музея Е. П. Чумакова обратила внимание

ещё на одно качество молодого специалиста: он умел слушать, но никогда не шёл на поводу мнения большинства, если в его представлении оно было ошибочным. Анатолий Александрович умел направить человека к размышлению. Поэтому председателя Азовского горисполкома Л. И. Измайлова не удивило предложение Евдокии Петровны Чумаковой, планировавшей перейти на преподавательскую работу, назначить на её место А. Горбенко. Правда, было одно обстоятельство, которое пришлось срочно «исправлять». А суть его заключалась в том, что учреждение культуры, на котором среди прочих задач лежала ещё и задача по идеологическому воспитанию населения, мог возглавлять человек с партбилетом. Так, решая кадровый вопрос, партийная организация городского отдела культуры в спешном порядке приняла Анатолия Александровича кандидатом в ряды КПСС. Пока продолжался кандидатский стаж, студент 6-го курса истфака РГУ А. Горбенко считался исполняющим обязанности директора музея. В декабре 1973 года он — уже директор Азовского краеведческого музея.

Хозяйство, принятое 25-летним руководителем, состояло тогда из двух объектов: помещения на площади III Интернационала (ныне Петровская) и порохового погреба (памятник конца XVIII в.) на территории бывшей Азовской крепости. Их общая площадь составляла 552 м². Пороховой погреб, не взирая на его плохое состояние, привлекал внимание уже с первого взгляда. «Главное» же здание музея ничем особенным не выделялось, и о том, что здесь расположен музей напоминала только вывеска.

Она появилась ещё в 1959 году, когда горисполком наконец-то выделил под музей помещения в обычном жилом доме, построенном для работников завода КПА. Музею отвели площадь трёхкомнатной квартиры и помещение, предназначавшееся изначально под магазин. При этом никого не смутила полутораметровая разница в уровнях размещения помещений. Их объединили путём устройства дополнительного дверного проёма в капитальной стене, а в нижний зал вели высокие ступени.

В 1960 году в этих помещениях и открылся музей. Здесь всё было крохотным, поэтому рабочие места научных сотрудников находились прямо в экспозициях. Вскоре для них приспособили подвальное помещение магазина, где не было окон. Кроме сотрудников, здесь же находилась выставка о происхождении жизни и человека на земле, а также около двух десятков кресел (по пять в блоке) для заседаний общественного совета музея и других мероприятий.

Столь же крохотное помещение, выделенное музеем в соседнем доме («дом Ковалёва»), использовалось для хранения фондов. Обеспечивать сохранность здесь музейных предметов оказалось верхом искусства музейных работников. Стараниями этих же сотрудников число музейных предметов увеличивалось. Росло и количество туристов.

Поэтому вопрос о новом здании для музея по-прежнему оставался открытым. Только в феврале 1966 года, затем в марте 1970-го, по предложению городской общественности и с согласия Ростовского облисполкома, Азовский горисполком передаст музею в долгосрочную аренду помещения на улице Московской, 38 — 40 [2]. Так спустя 70 лет после его постройки здание Азовской городской думы и управы станет ещё одним музеефицированным объектом в Азове. Но прежде, чем в нём разместится музей, пройдёт ещё несколько лет. По разным причинам ремонтно-восстановительные работы на объекте продвигались очень медленно, или не шли вовсе. К тому же часть здания продолжала занимать Азовская типография № 1.

Как раз на этой стадии вопроса о здании директором музея и был назначен А. А. Горбенко. Уже в первый год работы в этой должности Анатолию Александровичу удалось сдвинуть дело с мёртвой точки: в девяти залах первой очереди музея были оштукатурены стены, смонтированы отопительная и канализационная системы, у парадной лестницы появились перила, а на угловых башнях — шпиль с флюгерами. За 1974 год силами сотрудников музея (5 — 7 человек) было убрано, затем вывезено строителями 40 тонн мусора. Перед фасадом менявшегося на глазах горожан здания появились 12 юных елей. Большое внимание музею уделял председатель Азовского горисполкома Лукьян Иванович Измайлов. При всяком удобном случае он заглядывал на его объекты, оказывал практическую помощь, давал советы А. А. Горбенко.

К лету 1976 года музей переехал в новое здание. Азовский горком КПСС обязал руководителя музея открыть для посещения залы первой очереди к 59-й годовщине Октябрьской революции.

В канун праздника, 5 ноября 1976 года, просторные светлые залы в новом здании музея приняли первых посетителей. То, что они увидели в залах, было нетипично для города, а потому многих приятно удивило. И директор музея, и научный коллектив понимали, что подготовить и открыть большую полноценную краеведческую экспозицию за 4 — 5 месяцев непросто, а в условиях нарастающего дефицита

материалов — невозможно. Но открыть музей надо было. Анатолий Александрович предложил тогда необычный выход: пригласить в залы музея московских и ростовских художников.

Такого количества художественных полотен, выполненных в разных техниках, Азов ещё не видел. Впечатления азовчан и гостей города от знакомства с музеем в эти дни сохранились в Книге отзывов за 1976 год: *«Мы получили большое удовлетворение от встречи с произведениями художников Дона и московских художников», «Работники музея сделали достойный подарок жителям и гостям города Азова...», «Очень приятно, что в г. Азове появился ..., серьёзный центр культуры. Желаем ему всегда так волновать сердца и умы как сегодня, в день его открытия!»* [3].

В будущем коллектив музея во главе со своим директором ещё не единожды затронет умы и сердца своих посетителей. Но именно тогда в Азовском музее зародилась традиция формирования коллекции по изобразительному искусству. Предпочтение отдавалось работам местных и донских мастеров кисти. С тех пор минули почти пять десятилетий, но традиция продолжает жить. Более того, с 1993 года у Азовского музея-заповедника работает собственный выставочный зал «Меценат», где очень часто художникам, творческим людям и сотрудникам музея по-прежнему удаётся волновать сердца и умы людей.

Но выставки — это на время. Жителей Азова, туристов из разных уголков страны всегда интересовала история древнего города. За подготовку экспозиции для нового здания взялись специалисты Ростовских художественных мастерских. Правда, одним из условий, выдвинутых художниками, должно было стать обеспечение их необходимыми материалами со стороны музея. Однако в условиях острого дефицита в стране многие товары и материалы приобрести за безналичный расчёт оказалось почти невозможным. Тогда заказы музея на изготовление для экспозиции оборудования Азовский горисполком предложил разместить на местных предприятиях.

Правда, сроки по заказам нередко срывались, а сделанное оборудование не всегда отвечало требованиям. Не помогали звонки, письма, разбор ситуации на планёрках. Параллельно, как сказали бы сегодня, директор музея искал альтернативный вариант решения вопроса. Поиски привели его в низовья Волги, на Астраханский завод «Торгмаш», где изготавливались стеклянные витрины для торговых залов. Парадоксальность ситуации отметила газета

«Комсомолец [4]. Но «находка», сделанная Анатолием Александровичем, на два последующих десятилетия дала не только Азовскому, но и другим музеям области, возможность выставлять свои коллекции в неплохих по тому времени витринах.

С 1976 по 1980 годы музей подготовил и открыл сорок восемь выставок, в том числе на базе собственных фондов — двадцать одну. Благодаря музею и в первую очередь его директору жители Азова и гости города получили возможность увидеть картины знаменитых русских художников И. И. Шишкина, Ф. С. Рокотова, В. А. Серова, И. К. Айвазовского и других мастеров кисти из Русского музея, Эрмитажа, Государственного музея этнографии. В 1979 году Азовский музей посетило более двухсот тысяч человек (в 1974-м — менее 50 тысяч).

В следующем десятилетии коллектив музея вновь приступил к подготовке стационарной краеведческой экспозиции. На этот раз за её построение взялись проектно-художественные мастерские из г. Николаев УССР. Одновременно в музее заканчивались ремонтные работы в залах здания второй очереди. После их ввода экспозиционная площадь музея увеличивалась в два раза и составляла уже более полутора тысяч квадратных метров. Однако реализовать предложенный николаевскими художниками-оформителями проект не удалось: залы по истории советского периода, сдававшиеся первыми, получились не совсем удачными из-за многочисленных отступлений от проекта в связи с дефицитом расходных материалов. И снова директор музея начал поиски, на этот раз новых проектантов и исполнителей. Сложность состояла в том, что художников, специализировавшихся на создании экспозиций, в стране тогда почти не было, а имевшихся нужно было ждать.

Пока руководитель Азовского краеведческого музея решал организационные вопросы, сотрудники музея продолжали формировать и изучать коллекции, делать выставки. Ошеломляющий успех выпал на долю скелета трогонтериевого мамонта, обнаруженного у села Кагальник Азовского района в 1964 году. После долгих лет реставрации он в 1982 году вернулся в Азов [5]. В октябре того же года посетители музея уже разглядывали эту необычную и до сих пор достаточно редкую находку. Тогда никто не догадывался, что подобные находки ещё впереди, а палеонтологическая коллекция Азовского музея станет единственной в своём роде среди музеев Ростовской области и юга страны.

Удивительно, но при всей занятости, директор музея успевал не только

бывать на археологических и палеонтологических раскопках как руководитель учреждения, но и в качестве рядового рабочего. Такое «вхождение» Анатолия Александровича в область практической работы приносило свой результат.

От каждого научного сотрудника музея он требовал такого же подхода. Всякий раз, объясняя важность формирования научных коллекций, а не просто набора «древностей», А. А. Горбенко не устал повторять музейную истину: каждый предмет, попадающий в фонды музея, является тем «кирпичиком», из которого складывается история. Сегодня фонд музея насчитывает более 240 тысяч единиц, а археологические коллекции являются самыми многочисленными.

В 1970 – 1980 годы в Азове и в соседних с ним районах шло массовое строительство различных народно-хозяйственных и социально-бытовых объектов. Азовский музей как археологический отряд Азово-Донецкой экспедиции (с 1984 года – самостоятельная экспедиция) курировал эти объекты и вёл спасательные работы на археологических памятниках. Особую тревогу у директора музея и археологов вызывало отношение некоторых строительных организаций

к памятникам Азова. А. А. Горбенко не мог оставаться равнодушным наблюдателем за тем, как из-за стремления любой ценой выполнить план, а порой из-за безразличия и непонимания ситуации, под ковшом экскаваторов разрушались и гибли памятники истории.

Между строителями и музеем складывались непростые отношения. В отдельных случаях в споры приходилось вмешиваться прокуратуре Азова. В этой борьбе за памятники истории и культуры краеведческий музей поддержали тогда многие учёные Дона, Москвы, Ленинграда, депутат Верховного Совета СССР В. Тимченко. Специалисты музея и Азовское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в очередной раз предлагали утвердить для Азова специальные охранные зоны вокруг памятников истории и выделить зоны регулируемой застройки. Столь же важным для сохранения исторической памяти являлся вопрос музеефикации остатков Азовской крепости (земляные валы, пороховой погреб, Алексеевские и Генуэзские крепостные ворота). Но если вопрос охранных зон пусть медленно, но решался, то с музеефикацией крепости всё было намного сложнее.

Внутренний двор будущего здания Азовского краеведческого музея. Директор музея А. А. Горбенко только-что отправил каменщику ведро с раствором. 1974 г. ОФ_31248-12

Открытие выставки «Рекорды Азовского района», посвященной 80-летию Азовского района. А. А. Горбенко принимает азовский каравай. 2004 г. ОФ_31141-98

Понимая, что решение кардинальных вопросов может затянуться на годы, А. А. Горбенко продолжал работать над имиджем и содержанием музея. В 1980-е годы Азовский краеведческий музей окончательно определился с приоритетами в своей деятельности. Именно в этот период археологические отряды музея при содействии и участии учёных Ростовских вузов ведут спасательные и исследовательские раскопки в Азове, в Песчанокопском, Неклиновском, Азовском и других районах области. Археологические коллекции музея росли быстро. Некоторые из них почти сразу приобрели статус уникальных. К их числу следует отнести коллекции кашинной керамики, предметы кочевников Юга России, составившие так называемые курганные коллекции, где присутствовали изделия из золота и серебра.

В начале 1990-х годов эти коллекции Азовского краеведческого музея привлекли внимание зарубежных специалистов. С 1991-го по 2009 годы Азовский музей совместно с Эрмитажем и ведущими музеями Юга России принял участие в восьми зарубежных выставках, в том числе в Японии, Германии, Шотландии, Австрии, Франции. Лучшие находки Азовского

музея-заповедника увидели посетители Эрмитажа (2008 г.) и Казанского Кремля (2014 г.).

В ходе поисков города Асгард, основанного якобы героем скандинавского эпоса Одинем в низовьях Дона в середине I в. до н. э., в Азов в 2001 году приехал известный норвежский путешественник и исследователь Тур Хейердал. Знакомство с археологическими коллекциями Азовского музея укрепило его в выводах о роли античных городищ в развитии цивилизаций. Он профинансировал работу российско-норвежской археологической экспедиции 2001–2002 годов, а азовские археологи, учёные Дона получили убедительные доказательства наличия у средневекового Азака обширных связей с мировыми цивилизациями Востока, Запада, с Русью.

Оставаясь преданным профессии археолога, Горбенко прекрасно понимал значение «добытых» специалистами знаний для пополнения истории не только Донского края, но юга страны, а в некоторых случаях и мировой истории. По мнению Анатолия Александровича «*богатейшая археология Азова требует уважительного, серьёзного и фундаментального подхода*» [6, с. 5]. По такому же принципу в музее шла

работа над уникальной и единственной среди музеев Юга России палеонтологической коллекцией.

Специалисты знают, что путь музейного предмета, особенно археологического или палеонтологического, на выставку или в экспозицию требует участия реставраторов. Обращение к специалистам на стороне — дело дорогое и долгое. Решение этой проблемы Анатолий Александрович увидел в наличии у музея собственных специалистов.

Лаборатории по обработке и реставрации керамики и таксидермическому направлению появились в музее уже в конце 1970-х годов. С середины 1980-х реставраторское направление в деятельности музея получило дальнейшее развитие. Сегодня реставраторы музея возвращают вторую жизнь предметам из металла, дерева и бумаги, осуществляют консервацию и реставрацию палеонтологических костных останков. Специалисты отдела природы сами собирают и готовят гербарии, изготавливают чучела представителей фауны.

Но любая типологическая коллекция без должного изучения является обычным набором предметов. И только научно-исследовательская работа способна заставить её «говорить» языком эпохи, создать её образ в экспозиции или на выставке. Анатолий Александрович считал, что без этого вида деятельности *«любой музей даже с самой интересной экспозицией будет колоссом на глиняных ногах. Попытки оторвать вершину (экспозицию) от серьезной науки ведут к губельным последствиям для музеев»* [6, с. 6].

Поэтому в 1980–1990-е годы научный коллектив музея много времени проводит за изучением научной литературы, архивных документов, источников, хранящихся в фондах учреждения. Результатом этой работы стали научные разработки по разным темам, среди которых исследования памятников каменнобалковской культуры, археологические разведки и раскопки в разных районах Ростовской области, изучение курганных могильников, античных поселений на месте Азова, Азовские походы Петра I, Азовская крепость в войнах России.

Появилась потребность в издательской деятельности. И директор, как главный редактор, и научные сотрудники, как авторы статей, многому учились впервые. Первые издания музея сегодня воспринимаются как проба пера: скромные по объёму и дизайну, они до сих пор востребованы по содержанию [7]. Многовекторность исследований, осуществлявшихся научными сотрудниками музея, заставила руководителя

задуматься о серийных изданиях. Теперь это были «Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону» (с 1989 г.) [8], «Донские древности» [9] и «Очерки истории Азова» [10] (с 1992 г.). В них можно было найти статьи и монографии не только научных сотрудников Азовского музея, но коллег из музеев Ростовской области и Северного Кавказа, учёных донских вузов, археологов и историков из Москвы, Ленинграда. При этом научные статьи сотрудников Азовского музея-заповедника сегодня можно встретить не только в собственных, но и в научных изданиях страны и зарубежных изданиях. Так ещё в 1970-е годы недоступный для городского музея вид деятельности стал привычным уже к концу 1980-х годов.

Ведя исследовательскую работу, сотрудники музея не только собирали коллекции, но становились открывателями того или иного события в истории края, а нередко и истории страны. Впервые в 1981 году (и пока единственный в истории Азова раз) в городе состоялось выездное заседание Русского географического общества. В сентябре город принимал известных полярников, учёных страны в связи с празднованием 100-летия уроженца Азова, известного исследователя Арктики Р. Л. Самойловича. Сотрудники Азовского музея вернули отечественной истории имя этого незаслуженно забытого человека. Мемориальный музей, посвященный нашему знаменитому земляку и открытый в том же году, до сих пор остаётся единственным в стране.

С 1994-го по 2001 годы А. А. Горбенко сумел расширить материально-техническую базу учреждения. В эти годы двор музея снова превратился в строительную площадку, только ещё более масштабную, чем двадцать лет назад. При финансовой поддержке города и области, а также за счёт собственных средств во дворе музея один за другим появились четыре многоэтажных здания. И все эти годы, без полноценных выходных и отпусков, Анатолий Александрович совмещал должность директора музея с должностью прораба стройки.

К началу 2000-х годов площадь музея увеличилась почти в два раза. Теперь можно было расширить экспозицию, обустроить фондовые хранилища, реставрационные мастерские, рабочие места научных и технических работников. Разросшееся музейное хозяйство требовало внимания и заботы. Пришлось создать небольшую строительно-ремонтную бригаду, следившую за всеми объектами музея. Всегда нарядным и красивым оставалось главное здание музея, ставшее визитной карточкой города.

Но несмотря на грандиозные перемены в материальной базе музея, его руководителя и ведущих специалистов учреждения не оставляло в покое состояние остатков Азовской крепости, порохового погреба. В те сложные и непростые времена угроза наземным памятникам и культурному слою Азова, а также некоторым помещениям самого музея была реальностью. Аналогичные вопросы волновали и другие музеи области. Музейщиков услышали. В целях сохранения музейных объектов Малый совет областного совета народных депутатов, опираясь на постановление Верховного Совета РФ № 3020-1 от 27 декабря 1991 года «О разграничении государственной собственности», 25 февраля 1992 года принял решение №40 – «Об областной собственности». Согласно ему объекты историко-культурного наследия и художественные ценности учреждений культуры, а равно помещения ими занимаемые, были отнесены к объектам федеральной собственности. В соответствии с этим документом в подчинение Департаменту культуры и искусства администрации Ростовской области перешли все музейные объекты. Это решение спасло тогда многие учреждения культуры, памятники.

Музеи области, в том числе Азовский, получили все свои объекты в управление. Постепенно пришло понимание того, что в сложившихся условиях деятельность музея уже не может оставаться прежней: наличие разных по значению и времени появления объектов, создание новых экспозиций, работа над другими проектами требовали закрепления этого не только в структуре, но в статусе самого музея.

Постановлением Губернатора Ростовской области № 370 от 7 августа 2002 года Азовский краеведческий музей был переименован в Государственное областное учреждение культуры «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник». Отныне статус музея полностью соответствовал его задачам и содержанию. С 2004 года музей приступил к оформлению регистрационных документов на каждый музейный объект. Теперь памятники истории оказались под защитой. Охранное обязательство на памятник федерального значения «Остатки Азовской крепости» музей получил в 2010 году.

Но ещё раньше, в течение 2006 – 2009 годов, преобразилась территория вокруг памятника конца XVII века – порохового погреба: появились служебно-хозяйственное помещение для сотрудников, интерактивная площадка, зелёные насаждения. В самом погребе, ставшем главным экспонатом, открылась новая экспозиция. Год

от года опрятный и ухоженный вид приобретают валы Азовской крепости, ставшие с 2005 года местом для реконструкции баталлий 1641 года между турками и донскими казаками.

Мечта Анатолия Александровича Горбенко о признании территории Азова памятником истории и культуры пока не превратилась в реальность, но для дела всегда хорошо, когда профессия и личные интересы совпадают во времени и пространстве. У Анатолия Александровича всё это совпало. И совсем не случайным событием в его жизни стало вручение ему в 2010 году в Москве, на Всероссийском музейном фестивале «Интермузей», диплома «За честь и верность профессии». Тогда же Азовский музей-заповедник был признан лучшим музеем фестиваля!

Сегодня Азовский музей-заповедник, оставаясь одним из ведущих музеев Ростовской области, имеет все возможности приумножить сделанное коллективом под руководством А. А. Горбенко и развить намеченное им. Пожелаем же ему удачи в достижении новых успехов!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. АМЗ. ОФ_1248/8. ПИ1_12207.
2. Там же. ОФ_ АМЗ КП-27894/7, ПИ1-10808; КП-27894/18, ПИ1-10810.
3. Там же. Архив. Книга отзывов за 1976 год. С. 6.
4. *Рашин В.* В Астрахань... за табуретом, или Почему в Азове нет краеведческого музея // Комсомолец. 1977. 15 дек. С. 3.
5. *Семёнова С. В.* Азовская диковина // Донской временник. Год 2009-й. Ростов н/Д., 2008. С. 146 – 148.
6. *Горбенко А. А.* Юбилейный выпуск // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 году. Вып. 20. Азов, 2004.
7. Материалы к семинару «Итоги исследований объединённой Азово-Донецкой археологической экспедиции Азовского краеведческого музея, Ростовского ордена Трудового Красного знамени государственного университета и Ростовского ордена «Знак Почёта» государственного педагогического института в 1976 – 1981 гг.» /Азов. краевед. музей. Азов, 1981; Итоги исследований Азово-Донецкой археологической экспедиции в 1982 году: (материалы к семинару). Азов, 1982; Исследования Азово-Донецкой археологической экспедиции в 1983 году: (материалы к семинару) Азов, 1983; Итоги

исследований объединённой Азово-Донецкой археологической экспедиции Азовского краеведческого музея, Ростовского ордена Трудового Красного знамени государственного университета имени М. А. Суллова и Ростовского областного музея краеведения в 1984 году : (тезисы докл. к семинару)/Азов, 1985.

8. Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 году. Вып. 8. Азов, 1989; ... в 1993 г. Вып. 13. Азов, 1994; ... в 2009. Вып. 25. Азов, 2011; ... в 2013–2014 гг. Вып. 29. Азов, 2016. и др.
9. Очерки истории Азова /Азов. краевед. музей. Вып. 1. Азов, 1992; То же. Вып. 2. Азов, 1994; *Перепечаева Л. Б.* Азов – пограничная крепость России конец XVII – нач. XIX вв. Азов, 2006. (Очерки истории Азова. Вып. 11); *Бурлака В. О.* Азов – город с тысячелетней историей. Азов : Изд-во Азов. музея-заповедника, 2009. (Очерки истории Азова. Вып. 12). и др.
10. Донские древности /Азов. краевед. музей. Вып. 1. Азов, 1992; Донские древности. Вып. 2. Азов, 1994; *Горбенко А. А., Косяненко В. М.* Некрополь Паниардуса (Крепостного городища). Азов, 2011. (Донские древности. Вып. 11) и др.

Г. И. ГОЛОВКИНА

ОН ВЕДАЛ ИСКУССТВОМ

4 февраля 2022 года ушёл из жизни Валерий Васильевич Рязанов — искусствовед, член Союза художников России, заслуженный работник культуры РФ. Кажется, вместе с ним ушла целая эпоха. Так оно и есть — эпоха его большой творческой художественной жизни. Мы были знакомы почти полвека. Казалось, что будем вечны в этом нескончаемом потоке жизни, незабываемых встреч, открытий новых выставок и художников, бесконечных споров об искусстве. Мы не спешили, мы просто жили...

Валерий Васильевич пришёл в Ростовский областной музей изобразительных искусств в 1964 году и был предан ему до конца жизни. Нет, нет, однажды, а точнее в 1975 году, он работал в течение четырёх лет секретарём Ростовского отделения Союза художников. И все-таки любовь к музею победила, в 1978-м он вернулся в музей.

В. В. Рязанов окончил искусствоведческий факультет Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина в 1971 году. Искусствовед-исследователь и художественный критик, он занимался атрибуцией, выявляя авторство произведений неизвестных художников России и западноевропейского искусства, а также много внимания уделял истории культуры Дона прошлого и настоящего. Ему принадлежит открытие таких имён, как Сергей Корольков, Дмитрий Фёдоров, Андрей Чиненов, сыгравших

большую роль в художественной жизни Дона начала XX века. Рязанов всегда умел соединить эту преемственность традиций искусства с современными мастерами. Он достаточно объективно относился как к известным мастерам, так и к молодым, начинающим художникам — умел отметить важные стороны таланта и творчества, искренности и образованности, юмора и деликатности авторов, тактично дать советы.

Валерий Васильевич был инициатором многих выставок; выстраивая их концепцию, он лично каждому художнику находил тему и поддерживал его в работе. Такие выставки он проводил в Семикаракорске, Сальске, Константиновске, Волгодонске, Новочеркасске. Он всегда находил время побывать в мастерской художника, увидеть процесс работы, поговорить в неофициальной обстановке. Рязанов был первым, открывая нам самобытных талантливых художников — Евгения Филимонова, Николая Медведева, Людмилу Оганову, Рубена Мурадяна. Один из его успешных долгосрочных проектов — постоянные выставки современных художников в Донской публичной библиотеке. Двадцатилетие сотрудничества Рязанова с библиотекой оказалось достаточным, чтобы о библиотеке заговорили как о серьёзном культурном центре [1].

Старший научный сотрудник Ростовского областного музея изобразительных искусств

Галина Ивановна Головкина, искусствовед, заведующая научно-исследовательским отделом Ростовского областного музея изобразительных искусств

*Л. Д. Мальцева, В. В. Рязанов, В. Н. Романенко и А. П. Токарев
в Ростовском областном музее изобразительных искусств. 2007 год*

В. В. Рязанов был рецензентом и председателем дипломной комиссии на художественно-графическом факультете Педагогического института Южного федерального университета. Он прекрасно знал студентов-дипломников, следил за их творческим ростом, приглашал на выставки; интуитивно и, конечно, профессионально угадывал в начинающих художниках творческую искорку.

Валерий Васильевич был моим соавтором в создании ежегодных выставок-конкурсов молодых художников Дона с 1999 года (она действует и по сей день). Александр Семергей, Александр Савеленко, Оксана Бегма, Татьяна Лусегенова, Наталья Курманаевская, Михаил Аржанов и другие тогда молодые участники этих выставок стали известными художниками.

Валерия Васильевича любили и уважали в коллективе музея. Он помогал молодым сотрудникам, умел настроить их на творческую работу, рассказать о ценности музейной коллекции.

Запомнился такой случай. В залах, где была обновлена экспозиция русского искусства, проходил научно-методический совет, и Валерий Васильевич обратился к сотрудникам, объясняя,

как можно переставить работы, чтобы каждая заиграла по-новому, а экспозиция смотрелась интересней.

Мы все его любили слушать, готовить с ним выставки, проекты, обсуждать новые веяния в искусстве, делать разборы произведений художников.

В конце 1980-х Рязанов с Галиной Алексеевной Коробовой выезжали в Москву и Петербург за пополнением коллекции музея произведениями современных художников. И, когда они привозили новые работы, проходили целые дебаты о живописи.

Рязанов был хорошим рисовальщиком, и часто на наших научно-методических советах делал наброски и шаржи на сотрудниц; они были узнаваемы, с юмором и с характером. Валерий Васильевич работал в женском коллективе и всегда это помнил. Каждый год 8 марта он приходил с портфелем полным весенних фиалок и поздравлял всех женщин музея. Он любил музей, любил книги, кстати, у него — большая библиотека и не только по искусству. Он любил птиц, прекрасно знал их разновидности, и его веранда в доме была наполнена их пением и трелью.

Многочисленные статьи Валерия Рязанова (а их более ста!) опубликованы в местных и центральных изданиях, в том числе энциклопедиях [2], в альманахе «Донской временник» [3], в каталогах и художественных альбомах [4]. Среди «героев» Рязанова — художники С. С. Скопцов, В. М. Клёнов, А. Д. Чередниченко, Г. К. Артёмов, Г. С. Запечнов, Т. Ф. Теряев, О. М. Лусегенов.

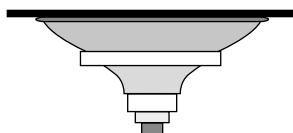
Много лет Рязанов собирал и работал над большим материалом по истории изобразительного искусства Нахичевани-на-Дону. В 2011 году вышла его книга «От первого приюта до наших дней». «*Авторская рукопись-исследование буквально с первых же строк властно тягивает и увлекает*, — так отозвался о книге Рязанова художник А. Ф. Мартиросов. — *Поток исторических фактов, их достоверность, понимание и осмысление последствий геноцида, потрясавших мир, а главное, — позиция самого автора, утверждающая суть победы добра над злом, достойны особого внимания и уважения*» [5].

Работа Валерия Васильевича отмечена и в области и на российском уровне. Заслуженный работник культуры Российской Федерации Рязанов награждён знаком «Лучший работник культуры Ростовской области» и золотой медалью Союза художников России «Василий Суриков» (2014), высшей медалью в изобразительном искусстве за заслуги в области культуры Республики Армения «Арчил Горки»; избран почётным членом Российской Академии художеств (2017).

Светлая ему память!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Исачкин В. В.* Двадцатый проект // Донской временник. Год 2015-й. Вып. 23. Ростов н/Д., 2014. С. 168 — 170.
2. *Рязанов В. В.* История изобразительного искусства // Новочеркасск : энцикл. Новочеркасск, 2005. С. 189 — 206.
3. *Его же.* Александр Васильевич Тимофеев // Донской временник. Год 2001-й. Ростов н/Д., 2000. С. 4 — 85; *Его же.* У фонтана мечты : (рост. период творчества Г. К. Артёмова) // Там же. Год 2002-й. Ростов н/Д., 2001. С. 15 — 16; *Его же.* Мастер экслибриса Александр Силин // Там же. Год 2003-й. Ростов н/Д., 2002. С. 140 — 142; *Его же.* Его вдохновляла Россия : [о С. С. Скопцове]; Знакомые всё лица : [об А. Д. Чередниченко] // Там же. Год 2007-й. Ростов н/Д., 2006. С. 133 — 135; *Его же.* Земля пахла полынью... : [о Г. Запечнове] // Там же. Год 2009-й. Ростов н/Д., 2008. С. 117 — 118; *Его же.* Поэмы в красках // Там же. Год 2010-й. Вып. 18. Ростов н/Д., 2009. С. 109 — 110; *Его же.* Образы в камне : [о К. Коляде] // Там же. Год 2014-й. Ростов н/Д., 2013. С. 173 — 175.
4. *Его же.* Экслибрисы Дмитрия Уздемира // Уздемир Д. Экслибрисы. Ростов н/Д., 2006. С. 7 — 9; *Его же.* «Ваши картины трепетно чисты» // Николай Медведев : пастель. Ростов н/Д., 2007. С. 6 — 10; Таганрогская картинная галерея : Живопись, графика. XVIII — XX вв. /вступ. ст. В. В. Рязанова. С. 7 — 12. Таганрог, 1998; Изобразительное искусство Российской Федерации. Юг России : [авт. вступ. ст. В. В. Рязанов]. М., 2013.
5. *Его же.* От первого приюта до наших дней : из истории изобраз. искусства Нахичевани-на-Дону. Ростов н/Д., 2011. С. 7.

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕКИ В ЛИЦАХ

Л. А. ШТАВДАКЕР

КНИЖНЫЕ ИСТОРИИ, ИЛИ ПОЛВЕКА В БИБЛИОТЕКЕ

«Хранить память о других — это оставлять добрую память о себе».

Д. С. Лихачёв¹

Встречам с замечательными людьми я обязана краеведению.

На заре моей юности в Пятигорске писатель-краевед Иван Константинович Гаустов [1] привёл меня в центральную городскую библиотеку и передал в руки Татьяне Аркадьевне Марутовой, моему первому директору и наставнику в выборе профессии [2]. Михаил Васильевич Капустин, директор Ростовской областной научной библиотеки имени К. Маркса [3], создал отдел краеведения в библиотеке и, доверив его мне, определил мою дальнейшую судьбу.

Библиотека всегда была духовным центром притяжения. Неудивительно, что за эти годы я соприкоснулась со многими интересными людьми, для которых, как и для меня, КНИГА, БИБЛИОТЕКА, КРАЕВЕДЕНИЕ стали важной частью жизни. На страницах «Донского временника» появились «книжные» истории. К некоторым и я оказалась причастна [4].

Однако, неожиданная смерть Вити Храмова [5], который был рядом многие годы, резко встряхнула: я поняла, что должна оставить свою память о библиотеке и людях, с которыми меня свела жизнь.

Нет худа – без добра!

Виктора Храмова в 1993 году в библиотеку привёл журналист и краевед С. С. Гурвич [6]. Соломон Самуилович считался здесь своим по праву самого старого читателя. Он рассказывал сотрудникам, что вырос в нашей библиотеке и в доказательство показывал свою фотографию – мальчика, сидящего на руках у отца, директора библиотеки имени Карла Маркса 1920-х годов.

Самуил Миронович Гурвич (1885–1938) руководил нашей библиотекой (она тогда называлась Книгохранилищем имени Карла Маркса) в 1925–1927 годах. Он был профессиональным революционером, председателем первого (1905 года) горсовета в Ростове. За участие в революционном движении отбывал каторгу в Шлиссельбурге, затем был сослан в Сибирь на поселение. В Ростов вернулся в январе 1917 года. Решив приобрести мирную профессию, чтобы кормить семью, Гурвич стал довольно-таки пожилым студентом медфака Донского университета (учёбу закончил в 1926 году, после 25 летнего разрыва). В это же время «не вполне понятным образом чередовал или

С. С. Гурвич (слева) с поэтом Н. М. Скрёбовым в Литературной гостиной Донской публичной библиотеки. 1997 г.

¹ Лихачёв Д. С. Русская культура. СПб., 2007. С. 168.

соединял врачебную практику в школе» с руководством областной библиотекой [7]. Из такого симбиоза ничего толкового не получилось. С 1925-го до середины 1927 года в библиотеке, которая получала обязательный экземпляр всех изданий РСФСР, т. е. 3–4 тысячи томов в месяц, скопились залежи необработанных книг. «Из 250000 книг только 90000 была заинвентаризована, а остальная масса даже не разобрана и к читателю не поступала» [8]. С. М. Гурвич был освобождён от занимаемой должности. В истории библиотеки он остался ещё и как «борец» с отделом краеведения. Ему принадлежит фраза, ставшая в какой-то степени крылатой: «*Меня больше всего интересует, чтобы отдел краеведения не мешал работать библиотеке*» [9]. К счастью, тогда, в начале 90-х, я этого ещё не знала; иначе, думаю, такого «открытия» Соломон Самуилович мне бы не простил.

К Соломону Самуиловичу сотрудники нередко обращались в поиске сведений о разных личностях, имеющих отношение к культуре Ростова; он охотно помогал, советовал и в то же время нередко настойчиво вмешивался в дела библиотеки.

Так случилось и в этот раз: позвонив мне, Гурвич предложил взять в отдел краеведения Виктора Храмова. Я не согласилась: молодой человек двадцати девяти лет без специального образования, что называется — «кот в мешке» меня как руководителя отдела не устраивал. А тут ещё осаждал своими заявлениями будущий историк и казачий писатель Василий Вареник [10]. Получив от него очередное заявление, спросила:

— А почему отдел краеведения? Он, не задумываясь, ответил:

— Собираюсь писать диссертацию.

Но у Василия не было Гурвича, а Храмова в библиотеку приняли, и не куда-нибудь — в справочно-библиографический отдел.

Библиографический и методический отделы в областной библиотеке считались элитными подразделениями. После окончания Ленинградского института культуры я восемь лет работала в отделе библиографии и оставила его в 1977 году только ради краеведения [11].

Гурвич считал себя не только краеведом, но и специалистом в области библиографии: в своё время составил несколько библиографических памяток, изданных библиотекой в серии «Наши знатные земляки» (1955–1956), и библиографический указатель «Иван Мушкетер» (М.; Л., 1958). Мой отказ он воспринял как личную обиду и строптивости не простил. Изучив внимательно первые два выпуска ежегодника

«Донской временник», вышедших в 1993 году, обнаружил, что «куда ни глянь, везде — Штавдакер». Об этом он заявил директору А. Д. Бочаровой, потребовав собрать сотрудников и публично разобраться с моим «непрофессионализмом». Алла Дмитриевна не возражала. Коллектив собирали дважды. В читальном зале человек тридцать сотрудников, недоумевая, зачем они здесь, слушали Гурвича, и меня, пытающуюся объяснить, что по правилам нужно указывать составителей в библиографических описаниях.

Третьего собрания не последовало: я предложила директору посадить на моё место Гурвича; на такой вариант она не согласилась и «эксекюция» прекратилась.

Правда, неприятность неожиданно обернулась положительной стороной: у меня родилось методическое решение! И уже в следующем и других выпусках ежегодника повторяющиеся библиографические описания мы стали давать в сокращении.

Так что, «нет худа — без добра»!

Но вернёмся в библиотеку на несколько лет назад....

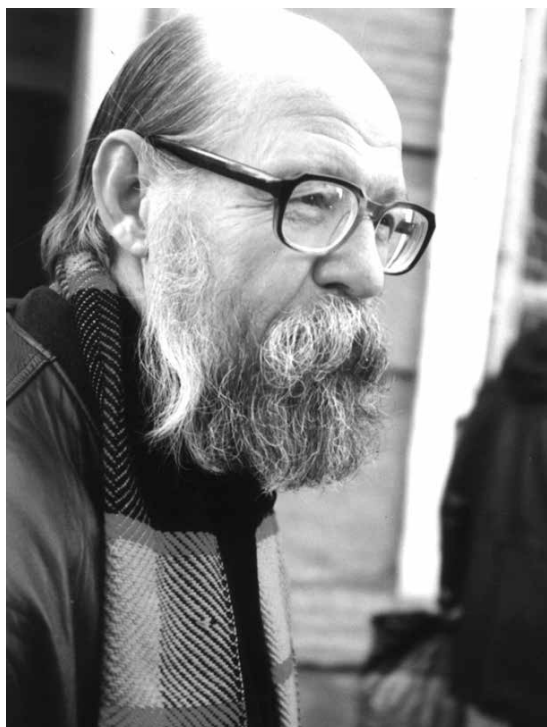
В старом особняке на улице Серафимовича

В начале 1980-х я познакомилась с Владимиром Сергеевичем Сидоровым [12].

Я собирала тогда библиографию ростовских писателей для справочника «Писатели Дона» [13]. Сидоров, не в пример другим авторам, был скрупулёзен в отборе своих материалов. К тому же подсказал, как мне следует вести себя с Ростовским книжным издательством при заключении договора.

Владимир Сергеевич был человеком открытым, приятным в общении, и я не заметила, как он стал для меня незаменимым при решении многих вопросов — личных, профессиональных. Найти его было легко: Сидоров днями просиживал в старом особняке на улице Серафимовича в маленькой проходной комнатке между канцелярией и спецхраном, или в редком фонде, обложившись книгами и дореволюционными газетами, и что-то выписывал. В такие часы он был доступен каждому, кто хотел с ним пообщаться, и я нередко этим пользовалась.

Однажды я показала Владимиру Сергеевичу библиографический ежегодник «Край донской. События и даты...», библиотека выпускала его с 1970-х годов [14].

В. С. Сигоров

— Пятнадцать лет мы делаем всё те же библиографические списки, а на дворе уж девяностые. Так хочется что-то изменить...

— Прежде всего — название никуда не годится, — не задумавшись, обронил Владимир Сергеевич. — Может быть — «Донской временник»...

Так он и родился — краеведческий журнал (впоследствии — альманах) библиотеки. Его первым редактором и автором был писатель и историк Сидоров.

**Алла Дмитриевна Бочарова,
или Перестройка в 1980-х годах**

В 1985 году директором библиотеки стала Алла Дмитриевна Бочарова. Она пришла из управления культуры со своей командой и своим видением нового дела. Её не устраивало всё — от внешнего вида библиотеки и отдельных сотрудников — до содержания работы.

*Здание Ростовской областной научной библиотеки
им. К. Маркса. 1960-е годы*

А. Д. Бочарова

Перестройка началась с движения кадров. Кто-то из заведующих отделами ушёл «по собственному желанию». Не устроила директора её заместитель О. И. Кузина [15]. Ольга Ивановна многие годы была главным библиографом-краеведом, я стала её преемницей. Свой уход с должности она пережила болезненно, в библиотеке не осталась, серьёзно заболела и вскоре умерла.

А. Д. Бочарова среди сотрудников библиотеки. Встреча Нового 1990 (?) года в Ленинском зале Ростовской областной научной библиотеки им. К. Маркса. Слева направо: Н. Б. Благодарёва, Л. А. Штавакер, А. Д. Бочарова, И. М. Рагелс.

Ко мне А. Д. Бочарова отнеслась настороженно. Я, как и Кузина, не была членом партии, да среди библиотекарей таковых почти не было, хотя иные и занимали руководящие должности. Впоследствии я узнала, что Ольгу Кузьмину, члена КПСС, перевели работать в мой отдел с поручением присмотреться ко мне: достойна ли я занимаемой должности. К чести Кузьминой на партбюро она отозвалась обо мне положительно, в чём призналась лишь много лет спустя, уже не работая в библиотеке.

Вокруг Аллы Дмитриевны всегда было много людей: кто с открытой душой приезжал к ней в Старочеркасскую — помочь на даче, а кто приходил в кабинет «посплетничать» (увя, Алла Дмитриевна и это принимала). Вначале такой слабостью директора воспользовались мои «доброжелатели» и, что называется, настроили Бочарову против меня. Она упразднила краеведческий отдел, сделав его сектором информационно-библиографического [16]. Решение себя не оправдало: заведующая библиографическим отделом, выступая по местному телевидению, демонстрировала краеведческие издания отдела, библиографы-краеведы выполняли текущую работу за общих библиографов, а на развитие библиотечного краеведения

времени не оставалось. По итогам девяти месяцев нашей совместной работы я подала директору служебную записку, и всё вернулось на круги своя [17].

Меня А. Д. Бочарова проверяла делом. Поручила подготовить буклет по истории библиотеки [18]. Изучая архивные документы, я неожиданно открыла, что в 1986 году библиотеке исполнится 100 лет. Госархив подтвердил эту дату, но часть коллектива, поддерживаемая парторганизацией, стояла на том, что история библиотеки началась в советский период. И случилась почти анекдотическая ситуация: в 1986 году в зале филармонии, где собралась общественность Ростова на празднование 100-летия своей первой публичной библиотеки, на атласном полотнище, обвивающем стол президиума, было написано с одной стороны — «100», а с другой — «Нам — 65 лет!» [19]. А в следующем году Алла Дмитриевна собралась отпраздновать своё 55-летие в Таганрогской центральной городской библиотеке. Она любила Таганрог, где начинала учителем русского языка и литературы в школе, а с 70-х возглавляла отдел культуры и работала заместителем председателя горисполкома. Почему-то для этого ей понадобилось организовать областную краеведческую конференцию.

Я же должна была подготовить доклад о красотах родного края.

Хотелось угодить директору. Но Бочаровой доклад не понравился, и со свойственной ей прямоотой Алла Дмитриевна высказала своё мнение... на профсоюзном собрании коллектива. Это прозвучало обидно: что-то вроде того, как некоторые, проработав в библиотеке 18 лет, ничему не научились.

Я разозлилась и ночью на одном дыхании написала злополучный доклад «О возрастающей роли краеведческой литературы в коммунистическом воспитании трудящихся и задачах библиотек в выполнении решений XXVI съезда КПСС» (такое название вполне было в духе времени). Наутро принесла директору.

— Вот это другое дело, — сказала Алла Дмитриевна, хотя там не было требуемых красот, как впрочем, и ни одного слова в своём выступлении перед библиотекарями области, гостями из Ленинграда и библиотек Северного Кавказа, из моего доклада директор не использовала [20].

Но я тогда поняла, что в жизни следует делать то, в чём убеждён, а не ломать себя, под кого-то подстраиваясь.

Да этого, впрочем, и не требовалось. Алла Дмитриевна чувствовала людей, умела выхватить главное, что составляет суть человека, и направить каждого из нас в нужное русло.

И справедливости ради, должна заметить, что её властный характер удивительно сочетался с широтой души. Алла Дмитриевна нередко проявляла сердечность и даже сентиментальность. Многим в библиотеке есть за что её благодарить: она умела в нужную минуту прийти

на помощь, поддержать; была не мелочна и, как сильный человек, обид не помнила.

***

В вестибюле старинного особняка купца Велликанова на Серафимовича, 15, где библиотека жила с 1920 года, появился во всю стену барельеф Карла Маркса. Маркс, конечно, был неуместен в историческом здании, но тогда особо об этом не задумывались.

Бочарова меняла застойный, как она считала, стиль работы библиотеки. И к поставленной задаче — во что бы то ни стало сдвинуть с мёртвой точки двадцатилетний долгострой нового здания библиотеки — шла «как танк» (это выражение употребляли некоторые сотрудники, не принявшие новый, «не интеллигентный» стиль руководства).

Чтобы привлечь внимание власти и показать, что в библиотеке нет места для новых книг, она приказала развязать пачки с книгами, упакованные в конце 60-х — начале 70-х годов и хранившиеся «до лучших времён» в сухих «дедовских» подвалах (так называли хранилища под зданием библиотеки и по улице Московской).

Книги развязали и разместили в хранилищах по всему городу.

Сколько наломали дров, сколько книг потеряли, переезжая по разным, совершенно не приспособленным для этого подвалам троллейбусного парка на Ларина, на 13-й линии, на Сельмаше... До сих пор перед глазами стоят бесконечные живые «цепочки» из сотрудников на погрузках и разгрузках книг. Своего Алла Дмитриевна добилась: двадцатилетний

В книгохранилище по ул. Серафимовича, 15. 1960-е гг.

В книгохранилище по ул. Московской. Конец 1960-х — начало 70-х гг.

Встреча с художником В. М. Баклановым, иллюстратором произведений М. А. Шолохова. 1989 г.

долгострой с места сдвинула, новое здание построила.

Развивала она и другие направления работы.

В структуре библиотеки появился массовый отдел в лице заведующей Г. А. Токаревой. Помощников у неё не было, и Галина Андреевна взяла на себя роль организатора массовых мероприятий силами сотрудников других подразделений. Прежде всего, в обойме оказались библиографы-краеведы (какое же мероприятие без краеведения!). А нас, краеведов, тогда было всего трое.

Мы готовили книжные выставки, приглашали заинтересованных людей, а Галину Андреевну хвалили на совещаниях за хорошую работу.

И я подумала: уж если проводить массовые мероприятия, то свои, отличные от других отделов — например, заново открывать несправедливо забытые имена, рассказывать о малоизвестных событиях в истории края.

Постепенно так и получилось: Токарева, привлекая сотрудников, за чашкой чая встречалась с писателями и художниками в клубе «Библиофил», а я проводила свои «Донские среды» и в библиотеке и за её пределами (в старом здании не всегда хватало места).

Это было началом просветительской деятельности в области краеведения. А подвигла меня к этому невольно Алла Дмитриевна.

В штате библиотеки появился фотограф Николай Владимирович Атаров, симпатичный, интеллигентный человек. По заданию директора все запечатлённые на плёнку события он оформлял в фотоальбомах. Они помогают многое вспомнить...

1989 год — «Донские среды»: «Малоизвестные страницы жизни Нестора Кукольника». У нас в гостях коллеги из Таганрога («Музыкальная суббота» Таганрогской ЦБС) и артисты Ростовской областной филармонии; «Мир Шолохова» (встреча с художником В. М. Баклановым, иллюстратором шолоховских произведений).

1990-й — «Среды» проводились почти каждый месяц. В январе — с художником Николаем Полюшенко и искусствоведом Валерием Рязановым («Антон Павлович Чехов в графике»); в мае пригласила лауреатов областного конкурса тещцов («По страницам любимых книг Михаила Шолохова»); в ноябре вместе с отделом редкой книги отметили 70-летие Ростовского книжного издательства.

Я почувствовала вкус к общению с интересными людьми, появилась возможность изучать жизнь края не только по книгам. Мы выезжали в музей Сурб-Хач, чтобы увидеть выставку картин Мартироса Сарьяна и послушать

выступление ансамбля «Ани» [21], вместе с базовой профсоюзной библиотекой завода Ростсельмаш во Дворце культуры завода встречались с политологами, журналистами, народными депутатами. «Донская среда» «Демократическое движение Дона. Год 1990-й» обернулась дискуссией. Это был политический прогноз глазами людей, принадлежавших к разным «лагерям».

Пожалуй, самой впечатляющей из всех была «среда», посвящённая 120-летию со дня рождения Фёдора Дмитриевича Крюкова. Имя это я открыла для себя, когда вместе с другими библиографами разбирала спецхран библиотеки. В руки попала книжка «Родимый край», отпечатанная в 1918 году в Усть-Медведицкой типографии на газетной бумаге (сборник, посвящённый 25-летию творческой деятельности писателя). Завораживающие строки перевернули душу: «Родимый край ... Как ласка матери, как нежный зов её над колыбелью, теплом и радостью трепещет в сердце волшебный звук знакомых слов...».

Встреча, посвящённая памяти Крюкова, в переполненном зале профсоюзной библиотеки завода Ростсельмаш, открывшаяся звуком колокольчика из крюковского дома (привезли из Новочеркасска сотрудники Музея истории донского казачества), длилась пять часов! Слушали литературоведов — гостя из Ленинграда А. А. Зайца, приглашённого Ростовским краеведческим музеем, и ростовчанина М. Т. Мезенцева; фрагменты из произведений Крюкова читал актёр Ростовского театра драмы Виктор Царьков [22].

И потом по центральному радио сообщили, что в Москве, Ленинграде и Ростове-на-Дону отметили 120-летие бытописателя донского края Фёдора Дмитриевича Крюкова.

Наступали новые времена. Мы упивались свободой слова: взахлёб читали газеты, критиковали советскую действительность, открывали неизвестные факты и имена.

Библиотека из идеологического учреждения превращалась в институт культуры.

Ягода на терновом венце

У Бочаровой было чутьё на деловых людей. Сидоров ходил в «советниках», или, как сам он говорил, — «в референтах» директора, ещё не будучи в штате библиотеки. Алла Дмитриевна ухватила за его идею переиздания краеведческих книг из редкого фонда.

Это было в 1990 году. Тогда же Владимир Сергеевич придумал для серии название «Донская вивлиофика». «Донская — потому, что это книги о казаках или написанные казаками, вивлиофика (старинное произношение слова «библиотека»)». Так он сам объяснил в предисловии к первой, переизданной библиотекой книге иеромонаха Илиодора «Святой чёрт».

Эта книга и другие вышли из печати в издательстве «Гефест» (владелец Борис Иванович Киселёв). Издательство и типография Б. И. Кисилёва располагались в подвальном помещении библиотеки. А В. С. Сидоров был руководителем редакционно-издательского отдела библиотеки (кстати, в единственном лице!).

Он наметил переиздать такие уникальные книги, как «Донцы XIX века», «География Всевеликого войска Донского» В. Богачёва, «Донское дворянство» Л. Савёлова, «Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим» Е. Савельева, «Общежитие донских казаков в XVII—XVIII столетиях» В. Сухорукова, «Сведения о казацких общинах на Дону» М. Харузина и другие, имеющие «национально-культурное значение для возрождения донского края». Увы,

Обложка альбома «Донские среды» 25 ноября 1990 г. На фото: в центре Ф. Д. Баев, директор Ростовского книжного издательства

далее Илиодора дело не пошло. Проект историко-культурной значимости для библиотеки был убыточным.

Следующим шагом стало репринтное воспроизведение раннего романа Александра Дюма-отца «Ущелье дьявола» (1992). Бочарова настояла на этом, а Сидоров, скрепя сердцем, согласился, представляя роман читателям. Несомненно, Владимиру Сергеевичу было жаль тратить своё время на такие пустяки. А время манило и дразнило, рождало новые идеи.

Читаю сегодня его публицистику начала 90-х в сборнике «Ягода на терновом венце» и поражаюсь, сколько же их было у него тогда, общественно значимых, — от возрождения храма Христа Спасителя в Москве — до сопротивления «большевистскому» плану возвести монумент Димитрию Ростовскому в Ростове, «*го-роде осквернённых храмов и памятников*», на месте памятника царю-освободителю Александру II [23].

Идей хватало и на библиотеку.

Едва перебрались в новое здание, Владимир Сергеевич предложил формулу её нынешнего статуса — Донская государственная публичная [24]. Ему удалось убедить директора убрать из названия имя Маркса, хотя как историка Сидорова не оставляла мысль, что, «*согласно национальной традиции, книгохранилище масштаба ДГПБ не может оставаться безымянным*» [25].

В 1992 году по инициативе Владимира Сергеевича библиотека приступает к изданию ежегодника «Донской временник» (сдан в набор 3.08.92; вышел в свет в январе 1993 года). Рамки сугубо библиотечные Сидорову тесны. Он мечтает о региональном журнале литературы, культуры, истории, в котором можно было бы «*представить себе всю золотую цепь могучей культурной традиции от Алопекии и Танаиса до цветного стекла Лили Игнатовой и стихов Владимира Межеры...*» [26].

1994 и 1995 годы — с грифом библиотеки и издательства «Гефест» выходят два номера журнала «Донская волна». На этом издание прекратилось, возможно и потому, что его главному редактору пришлось все силы бросить на подготовку «Энциклопедии старого Ростова и Нахичевани-на-Дону» [27].

По замыслу её автора, проект этот означал продолжение издательской деятельности библиотеки, начатой «*репринтом книги иеромонаха Илиодора "Святой чёрт"*». Но главное заключалось в осознании необходимости подобного издания.

«Дефицит культуры — важнейший, фундаментальный в числе терзающих страну дефицитов, — писал Сидоров в предисловии к первому тому, — у культуры же две составляющие: память и совесть. Историческую память только и можно воспитать, давая людям объективные, в полном объёме, сведения о прошлом...» [28].

Таким источником достоверной краеведческой информации о Ростове и Нахичевани-на-Дону стал многотомный, неоконченный труд писателя и историка Сидорова. Подчёркивая, что это «*авторская, писательская работа*», что «*слово "энциклопедия" в заглавии следует понимать всего лишь как обозначение жанра, как направленность авторских усилий, но не результат*» [28], Сидоров всё же в этом никого не убедил. Да и многие ли читают предисловия?

Выпуск первого тома в серии «Донская вивлиофика» принёс автору первую премию на литературном конкурсе «Возрождение Дона». Читатели на ура приняли книгу: ведь нигде более в таком объёме не найдёшь сразу столько краеведческого материала о Ростове. Были и отклики, замечания, критика [29]. Выпуск каждого следующего тома ожидали с нетерпением.

Однако, возникли проблемы, тормозившие выход в свет такого нужного для истории края издания. Не было денег, а тут ещё разногласия (Сидоров и Бочарова, не смогли найти общего языка, в чём-то не смогли уступить друг другу).

Владимир Сергеевич продолжал писать, но уже, как оказалось, «в стол».

Официальное содружество Сидорова с библиотекой длилось всего четыре года (1991—1994). У Владимира Сергеевича был свободный распорядок дня при отсутствии постоянного рабочего места в библиотеке. В старом здании, как говорилось, Сидоров сидел в проходной комнатке между канцелярией и спецхраном, а в новом, куда библиотека переехала в 1992 году, своего места у него и вовсе не было. Работал в редком фонде, краеведческом отделе, а чаще всего в читальном зале. Он был в курсе всех событий, происходивших в библиотеке, которые в шуточной форме изобразил в спецвыпуске «Кто есть who в ДГПБ».

С уходом Сидорова издательский отдел в библиотеке ликвидировали. Но издательская деятельность продолжалась. Копирайт «Донская публичная библиотека» стоит и на сидоровской «Вуркалаке» (1994), и на книге С. Елагина «История русского флота» (1996), изданных по заказу библиотеки издательством «Гефест».

СПЕЦВЫПУСК

Кто есть who в ДГПБ

Иллюстрированное приложение к "Донскому Временнику"

Из книги Гиннесса:
"Абсолютный рекорд в подвиги культуры -
Алла Бочарова, Россия".

Есть одна у МБА мечта -
Высота, высота!

На Ботаниковском открылись библиотеки,
И что случилось сенишко жва...
Городская параша.

Во всем - опора и основа,
Работница неслабая,
По дути дела - Мужикова,
По документам - Бабина.

1001-й вариант штатного расписания.

Великая культурная традиция:
пирамида Хосепа ...
рабыня Изаура ... Большой Скачек ...

Маленький Мук.

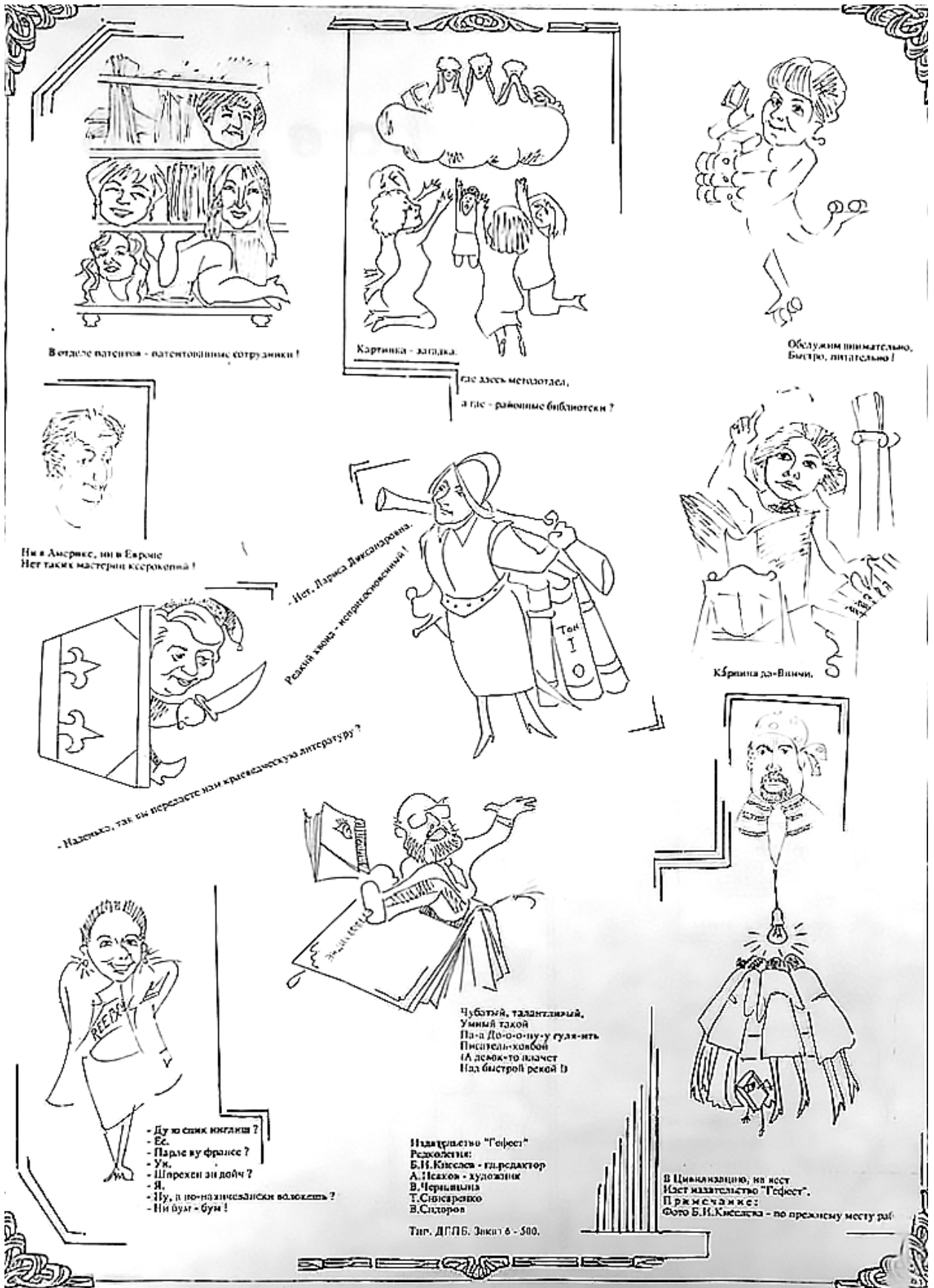
Нет, но окаркиатурена
Галина Федоровна Степурина:
Под стать Степуриной - всем
И вклад ее в наш общий дом!

Михаил Ивановичу - поклон,
За то, что наш товарищ он.

У нашего вице-премьера
Хорошее имячко - ВЕРА.

Русская книга о Доне и Северном Кавказе

В 1990 году библиотека жила на два фронта: в старом здании на улице Серафимовича шла привычная работа — обслуживание читателей; на строительстве нового здания силами библиотекарей убирался мусор; сюда же, на Пушкинскую, свозились книги. Живые «цепочки» из сотрудников передавали их к местам будущего хранения.

В новом здании работала группа списания из сотрудников отделов книгохранения и каталогов. Они должны были определить состояние книги и принять решение о дальнейшей её судьбе — станет ли она на полку или будет списана из каталога и исключена из фонда по ветхости или иной причине. Такая работа требовала от сотрудников особой компетентности — знания книги. К сожалению, именно этого качества не доставало некоторым горе-специалистам.

Однажды пришлось в этом убедиться.

По дороге на работу я зашла в новую библиотеку за книгой. В хранилище на полу лежала гора старых книг малого формата, некоторые — уже без обложек.

Я присмотрелась и — обомлела: в макулатуру были отброшены краеведческие книжки, в том числе отдельные оттиски статей краеведческого содержания из сборников, научных трудов дореволюционного времени и первых лет советского периода, специально переплетённых и записанных в каталоге как книги для вечной сохранности. Поодаль лежали старые дореволюционные издания учебной и справочной литературы, которым была уготована та же судьба.

Схватив несколько книг, возмущённая, я прибежала в библиотеку и выложила книги на стол директору. Эмоции захлёстывали, и, кажется, я наговорила лишнего, но Алла Дмитриевна

Вестибюль старого здания библиотеки на ул. Серафимовича, 15

поняла. Она тут же распорядилась всё, что приготовили для макулатуры (полный грузовик!) привезти в библиотеку на Серафимовича. Книги сгрузили в вестибюле, и здесь, под лестницей, с утра до вечера в течение нескольких дней сотрудники краеведческого и справочно-библиографического отделов разбирали их заново и возвращали в фонд.

Сотрудники на стройке библиотеки. Слева направо: О. И. Тоценко (Абрамова), А. П. Гуртовая, В. Редковская, за ней Т. Н. Константинова

Шарж на события в библиотеке. Конец 1980-х — начало 1990-х гг. А. Д. Бочарова

Это был лишь один из запомнившихся случаев книжной беды. В 70-е годы в результате аварии отопительной системы вода хлынула в хранилище, и мы сушили книги на верёвках во дворе библиотеки. Но именно благодаря последнему случаю пришла мысль собрать и описать то, что издавалось о нашем крае в широком историческом аспекте. Идею поддержала Надежда Михайловна Балацкая, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки. Под её руководством проект получил название «Русская книга о Доне и Северном Кавказе XVIII век – 20-е годы XX века». Предполагалось создание сводного электронного каталога-репертуара краеведческой книги и на его основе библиографического указателя одноимённого названия. Методическую помощь оказывал и Евгений Кириллович Соколинский, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки.

«Большинство библиографов-библиотековедов – писал Е. К. Соколинский, – пришли к выводу, что единственный реальный путь создания репертуара лежит через создание национальных или, иначе, федеральных каталогов. Это помогает решить сразу две задачи: дать наиболее полное представление о памятниках письменности, рождённых на территории страны, и предоставить информацию о месте

нахождения тех или иных изданий в конкретных библиотеках» [30].

В проекте приняли участие Ставропольская, Краснодарская краевые научные библиотеки, национальные библиотеки Адыгеи, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Калмыкии, Карачаево-Черкессии, Северной Осетии-Алании.

Библиотеки взялись изучить состояние краеведческих фондов в своих регионах совместно с музеями, архивами и ведомственными библиотеками, располагающими уникальными книжными собраниями дореволюционного периода, чтобы создать репертуар краеведческой книги своего края, области, республики, а затем передать базу данных на дискетах или бумажных носителях в Донскую публичную библиотеку. Донская публичная библиотека в свою очередь, работая по созданию базы данных о донском крае, обязалась исследовать и обработать библиографические издания общего характера, касающиеся Северного Кавказа в целом, завершить работу в виде сводного электронного каталога, снабдив каждую книгу сиглой хранения, а при отсутствии книги в регионе отразить её в каталоге с сиглой хранения в крупнейших национальных книгохранилищах [31].

Партнёрами Донской публичной библиотеки в этом проекте также стали Государственный

Участники краеведческих чтений «Книги Юга России XVIII в. – 20-х гг. XX в. как источник изучения культуры региона». Первый ряд справа: сотрудники Пятигорского краеведческого музея, 1-я слева директор Л. И. Краснокутская; за ней Л. А. Штавакер (во втором ряду); Второй ряд: вторая слева Т. А. Марутова, директор Пятигорской городской центральной библиотеки в 1963–1985 гг.; Третий ряд: в центре Н. М. Балацкая, за ней слева А. Р. Румянцев, научный сотрудник Российской национальной библиотеки; крайняя справа Л. К. Поповян. Пятигорск, июнь 1994 г.

Участники краеведческих чтений «Книги Юга России XVIII в. — 20-х гг. XX в. как источник изучения культуры региона» на ступеньках здания Бальнеологического института. В первом ряду вторая слева Е. М. Колесникова; во втором ряду первая слева А. И. Краснокутская; в четвёртом ряду слева А. К. Попоян и Н. М. Балацкая; в пятом — в центре А. А. Штавакер и Н. И. Бунина. Пятигорск, июнь 1994 г.

архив Ростовской области, Зональная научная библиотека Ростовского государственного университета и Новочеркасская центральная городская библиотека имени А. С. Пушкина. В нашей библиотеке «Русской книгой...» занимались Лариса Капреловна Поповян [32] и Маргарита Бедросовна Мартиросова [33], подготовившие предварительные списки для участников проекта [34].

9–10 июня 1994 года Донская государственная публичная библиотека совместно с Пятигорским краеведческим музеем в Пятигорске на базе музея провели краеведческие чтения «Книги Юга России XVIII в. — 20-х гг. XX в. как источник изучения культуры региона». Одновременно Чтения были рабочим совещанием по проблемам создания каталога-репертуара краеведческой книги [35].

С этого времени без малого десятилетие шла активная работа по изучению книги как памятника культуры [36]; разрабатывалась и обсуждалась методика отражения содержания документов в каталоге [37]; воплощалась в жизнь важная для краеведения идея — взаимодействие библиотек, архивов и музеев в едином культурном пространстве [38].

Итогом десятилетнего взаимодействия стало создание Зонального объединения библиотек, музеев и архивов Юга России по краеведческой деятельности [39].

Закончился проект неожиданно: Ларису Капреловну перевели на заведование отделом комплектования [32], а для Маргариты Бедросовны, получившей после меня отдел краеведения, важными оказались другие приоритеты.

Порт-Катон

Как-то я заметила, что в отделе за стеллажами часто кто-то прячется и листает книжки. Оказалось — Витя Храмов, сотрудник соседнего справочно-библиографического отдела, в свободное время от своего дежурства так интересуется краеведением. От Виктора Петрова, главного редактора журнала «Дон», я знала, что Храмов в журнале работает по совместительству, поэтому предложила ему что-нибудь написать для «Донского временника».

Тема нашлась быстро — 85-летие со дня рождения журналиста-краеведа С. С. Гурвича, с которым Виктор был близко знаком. И статья

не заставила себя долго ждать — получилась тёплой, искренней, с юмором и, главное, Соломон Самуилович предстал перед читателем таким, каким был в жизни [6].

В. Ю. Храмов

«Соломон Самуилович занял такое прочное место в моей душе, что даже его смерть не смогла отдалить его от меня. — размышлял автор. — Может и он откуда-то наблюдает за мной, волнуясь — огорчаясь и радуясь?». А подписал он свою статью псевдонимом: Эмиль Сокольский, публицист.

Тогда же я предложила ему перейти в краеведческий отдел. Он отказался; позже признался, что боялся. Однако, сотрудничать продолжал. Для рубрики журнала «История библиотеки в лицах» написал очерк, посвящённый Ирине Ивановне Сафроновой, своей первой заведующей в библиотеке и наставнику [40]; предложил и новую рубрику для журнала — «Путешествия по родному краю», которую сам же вызвался вести.

В обращении «К читателю» он представил себя так:

«В данном выпуске [Год 2004-й. — Л. Ш.] появилась новая рубрика "Путешествия по родному краю", которую ведёт литератор Эмиль Сокольский, автор многих публикаций об исторических местах России в журналах и альманахах "Аврора", "Московский журнал", "Музыкальная жизнь", "Отечество", "Погъём" (Воронеж), "Слово", "Театральная жизнь", "Дон" и "Ковчег" (Ростов-на-Дону) и др.».

Рубрика открылась очерком Эмиля Сокольского «Порт-Катон» [41].

Это было настоящее краеведческое исследование, пожалуй, лучшее из многих, написанного им позже и опубликованного в «Донском временнике». У него появились свои читатели и почитатели.

«Порт-Катон» сделался для меня отправной точкой в виртуальном путешествии по следам предков. <...> — писала Елена Высоцкая, — оказался удачным симбиозом истории и литературы. События из прошлого в ёмком и небольшом по объёму эссе представлялись живо, интересно и образно» [42].

Шёл 2003-й год... «Порт-Катон» и решил дальнейшую судьбу Виктора Храмова в библиотеке. С июня следующего года он вошёл в редакцию краеведческого журнала «Донской временник».

Молитва

«Донской временник» целиком и полностью делала Наташа Зайцева [43]. Филолог по профессии, она пришла в библиотеку, осуществив свою давнюю мечту — работать с книгой. Она просматривала справочники, словари, энциклопедии, периодическую печать и ежедневно создавала фактографическую базу данных о донском крае. В основе — были люди,

Н. Н. Зайцева

Награждение победителей областного этапа конкурса «Человек в истории. Россия – XX век» в кинозале Донской публичной библиотеки. 2002–2007 гг.

оставившие след в истории, культуре, науке и других областях.

До библиотеки Наташа работала в Донском издательском доме; её навыки верстальщика оказались как нельзя кстати.

Библиотекам до начала 90-х годов разрешалось издавать библиографические указатели типа календаря знаменательных дат. Наталья Николаевна, используя календарную форму, разработала свою оригинальную структуру ежегодника, размещая к датам авторские статьи, публикации из революционных краеведческих журналов и книг. «Практически каждая библиотека выпускает сборники, посвящённые памятным датам, — писал о «Донском временнике» В. Ф. Козлов, председатель Союза краеведов России (2007–2018; — Л. Ш.), — но здесь мы имеем дело с очень сильным периодическим изданием, включающем серьёзные краеведческие штудии, рецензии...» [44]. В этом несомненна заслуга Н. Н. Зайцевой. Я как редактор подключалась к работе в основном на стадии подготовки к печати.

В редакции «Временника» работала и Оксана Керасир (Мялова).

Храмов пришёл в журнал со своим видением — сделать его, как он говорил, «читаемым», поэтому предложил себя в качестве литературного редактора.

Спустя полгода после его прихода в отдел, я вдруг поняла, что хочу освободиться от административных обязанностей. Двадцать семь лет руководить отделом — это много! Тем более, что главные задачи выполнены — собран работоспособный и творческий коллектив; издаётся журнал, отмеченный на российском уровне как издание «библиотечно-библиографическими средствами разрабатывающее проблемы истории и культуры Отечества» [45]; изучение истории библиотеки стало одним из направлений краеведческой деятельности [46]; успешно продолжается и библиографический проект «Русская книга о Доне и Северном Кавказе».

С начала 90-х годов я занималась просветительской деятельностью в области краеведения: разработала свою программу факультативных занятий с учащимися в школе и библиотеке, защитив её в Институте повышения квалификации и переподготовки работников образования как учитель истории высшей категории [47]; проводила уроки краеведения в библиотеке, в школе, в колледже культуры; работала в жюри областного этапа Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век». Церемония награждения конкурсантов

в течение ряда лет торжественно проводилась в Донской публичной библиотеке.

В секции «Краеведение в современных библиотеках» Российской библиотечной ассоциации, будучи председателем рабочей группы под названием: «Распространение краеведческих знаний», обобщила опыт российских библиотек [48]. Этим я и хотела в дальнейшем заниматься, оставив за собой должность ответственного редактора журнала «Донской временник».

Моё решение нашло понимание и у Елены Дмитриевны Ломановской, заместителя директора по науке, куратора отдела, и у директора Евгении Михайловны Колесниковой, тем более, что замену себе я подготовила – Маргариту Мартиросову.

Однако развернувшиеся дальнейшие события в отделе оказались для меня полной неожиданностью. Произошла перестановка кадров, которая практически ударила по «Русской книге...» и «Донскому временнику» (на «Донском временнике» осталась я и Витя Храмов).

Ситуацию с «Русской книгой...» я как-то смогла принять, потому что в это время в библиотеке началась большая работа по изучению книжного фонда и бережному его восстановлению. Это направление возглавляла Елена Дмитриевна Ломановская, а потому была надежда на лучшее.

С «Донским временником» складывалось иначе: без объяснения причины собралась увольняться Н. Н. Зайцева. Я растерялась. Собравшись с духом, написала служебную записку директору и попросила разобраться в случившемся.

Накануне намеченного собрания у дирекции, куда пригласили меня, Храмова, Зайцеву и Мартиросову, Витя протянул мне исписанный листок и сказал:

– Вот молитва Николаю Угоднику. Обязательно поможет. Идите в храм.

Молилась искренне: *«О святой Николае, угодниче, преизрядный Господень, тёплый заступниче и везде в скорбях скорый помощниче! Помози мя, грешной и унылой, в настоящем сем житии...»*

Собрание было долгим. Мне первой дали слово: куда-то ушли душевное волнение, переживание; я была спокойна и убедительна и в конце спросила, обращаясь к директору:

– Нужен ли библиотеке «Донской временник»?

Е. М. Колесникова

Услышав утвердительный ответ Евгении Михайловны, сказала:

– Тогда помогайте, без Вас не справлюсь.

Евгения Михайловна убедила Н. Н. Зайцеву остаться в редакции журнала (с 2011 года «Донской временник» – альманах).

Забегая вперёд, скажу, что спустя четырнадцать лет, нападение на «Временник» повторилось. Маргарита предложила заменить печатное издание публикациями на сайте одноимённого названия. И ей почти удалось убедить дирекцию в равнозначности такой замены. Тогда, в 2018 году, 27-й выпуск краеведческого альманаха вышел из печати тиражом в 100 экземпляров только благодаря краеведу Д. А. Щербаку, на его личные средства. А в следующем году «Донской временник» взял под своё крыло Фонд имени священника Илии Попова. Президент Фонда А. Г. Сухарев [49] в ответ на мою просьбу поддерживать издание на постоянной основе писал: *«Выпуск "Донского временника" наш Фонд в обозримом будущем согласен поддерживать, если, конечно, альманах будет сохранять такой же высокий уровень, что и прежде. Думаю, что без Вашего участия это вряд ли возможно»* [50].

Однако и в этот раз «Донской временник» спасла Евгения Михайловна.

Мне дороги её слова: «Спасибо за "Донской временник"!» (из поздравления с Новым, 2022-м годом).

Писатель и критик

Итак, вернёмся в начало 2000-х. Наташа Зайцева, оставшись в редакции, отныне занималась подбором дат и иллюстраций.

Журнал мы делали с Витей вдвоём: я отвечала за исторический и библиотечный блоки, Витя — за литературу, искусство и рецензии. Он привёл в журнал новых интересных авторов, благодаря своим литературным связям, предложил изменить структуру ежегодника, придумал новые рубрики, многие из которых прижились и работают до сих пор.

В журнале, как и в жизни, он был писателем. Лучше всего ему удавалось редактирование статей краеведов-любителей. Здесь ему никто не перечил и не мешал вторгаться в авторский текст, который литературный редактор подчас буквально переписывал. В погоне за красотой слога и стиля Витя настолько увлекался, что иногда нарушал смысл авторского текста. Такое «редактирование» вызывало неприятие у специалистов — историков, архивистов, литераторов. Например, отказался от «своей» статьи Михаил Коломенский [51] (Витя вставил её в журнал, не показав автору); ушли из журнала сотрудники ГАРО, до этого охотно предоставлявшие нам свои статьи.

Витя любил писать критические статьи. Я поддерживала его, считая, что для читателей важно иметь профессиональное мнение о новых краеведческих книгах. Для этого мы привлекали в журнал специалистов; открыли рубрику «Обзоры и рецензии».

Одной из первых статей нашего критика стал разбор журнала «Дон» [52]. Тогда, признаюсь, меня не шокировали многочисленные колкости автора и его оценки типа — «убогая поэма», «откровенно серый роман», «извечная беда "Дона" — монотонность» и т. д. Я не вчитывалась, а просто доверилась Вите, так как доверяла все годы Наташе Зайцевой.

Прозрение пришло позже, когда увидела реакцию на статью Эмиля Сокольского Виктора Петрова, главного редактора журнала «Дон», и посмотрела на неё другими глазами.

В. С. Петров писал об этой рецензии и её авторе под псевдонимом:

«У него случился "не вполне зрелый" опус о журнале "Дон"... в ежегоднике, где на пару редакторствуют — ответственная Л. А. Штавакер и литературный Э. А. Сокольский.

Полноте, а читала ли материал перед сачей в набор Лариса Александровна, или ей недосуг было...» [53].

Это стало мне уроком. Принцип «доверяй — но проверяй» оказался главным в наших рабочих отношениях и, порой, тяжким испытанием — «двойное» редактирование отнимало много времени и сил, а сковывание инициативы творческого человека, каким был Витя Храмов, пользы делу не приносило. Наверно, потому и не родился у него больше «Порт-Катон».

Нашёл же себя Витя в социальных сетях, «Живом журнале», на сайте библиотеки, воспевая красоты родного края в своём блоге «Дон со всех сторон».

Светлая ему память...

Библиотека и школа

В школу — рассказывать детям о родном крае — меня пригласила Вера Михайловна Кислицына, моя соседка по подъезду, директор Ростовской школы № 22 (1982 — 2001).

Её предложение застало врасплох. Я сомневалась в своих педагогических способностях и школы боялась: пока росли мои мальчишки меня частенько вызывали туда «на ковёр» — по очереди, то за одного, то за другого.

Но сомнения оказались напрасными: после первых же уроков детвора из пятых-шестых классов бежала мне навстречу, встречая на пороге школы. И эта детская непосредственность покоряла и вдохновляла.

У меня была своя авторская программа факультативных занятий с учащимися в школе и библиотеке — «Донской край — твоя малая Родина» [47], которую я защитила как учитель истории высшей категории в Ростовском областном институте повышения квалификации и переподготовки работников образования. Это были уроки не в обычном школьном формате: они лишь начинались в школе; продолжались же — в библиотеке.

Дети росли, их связь с библиотекой крепла. Они учились здесь работать с книгой,

ДОНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Уроки краеведения
ДОНСКОЙ КРАЙ — ТВОЯ МАЛАЯ РОДИНА

Программа абонемента
Сезон 1998-1999 гг.

В. С. Хазизов (справа) в читальном зале отдела краеведения с сотрудниками (слева направо): Л. К. Петросян, О. Б. Керасир (Мялова), В. Ю. Храмов, М. Б. Мартиросова, О. С. Пронькина, Л. А. Штавдакер, Т. Д. Люкина

знакомились с выставками, писали первые исследовательские работы.

И не без участия краеведов! В эти годы в отделе краеведения буквально пропадал Виктор Сергеевич Хазизов (1922 – 2009).

Потомок известных нахичеванцев Чалхушьянов, он занимался своей родословной. Как-то я пригласила его в школу на урок к старшеклассникам. Неподалёку от 22-й школы находится старейшее в городе Армянское кладбище и Виктор Сергеевич предложил ребятам пойти на экскурсию.

Вот как об этом вспоминала десятиклассница Аня Шестых: *«В один из дождливых ноябрьских дней мы с одноклассниками в сопровождении краеведа Виктора Сергеевича Хазизова посетили Армянское кладбище. ... Хотелось посмотреть в каком состоянии находятся здесь захоронения знаменитых людей. Увиденное потрясло. Сухие деревья падают и разбивают надгробия; на многих могилах нет уже ни табличек, ни надписей. Внуки лежащих на армянском кладбище нахичеванцев забыли дорогу к могилам предков.<...>Я долго не могла успокоиться: написала письмо в местную газету "Нам стыдно было бродить по могилам*

предков" (Нахичевань-на-Дону. 2002. 29 янв. С. 3), а потом вместе со своими сверстниками занялась изучением старейшего некрополя» [54, с. 205].

История имела продолжение: *«Поисковая группа моей школы (МОУ СОШ № 22)... взяла шефство над могилой Г. Х. Чалхушьяна [55]. Наш выбор пал на эту могилу потому, что в течение нескольких лет мы занимались изучением жизни этого замечательного человека» [54, с. 208].*

Несколько поисково-краеведческих исследовательских работ учащихся, подготовленных в отделе краеведения Донской публичной библиотеки, получили высокую оценку на областных и всероссийских краеведческих конференциях [56]. И хотя я была научным руководителем у этих ребят, основная заслуга в их достижениях принадлежит Виктору Сергеевичу Хазизову. Он щедро делился с юными краеведами материалами из своего личного архива. Шесть томов родословной и два альбома фотографий по завещанию их автора сегодня хранятся в Государственном архиве Ростовской области [57].

По совместительству в школе и колледже культуры я работала одиннадцать лет.

В Союзе краеведов России

В конце 90-х годов при отделе краеведения библиотеки открылся клуб любителей родного края. Для читателей и посетителей библиотеки, учителей школ и учащихся, занимающихся краеведением, остались памятными так называемые «встречи в клубе "Донской краевед"», посвящённые разным датам и событиям в истории и культуре края. В них принимали участие преподаватели ростовских вузов, сотрудники музеев, архивов и библиотек области.

Клуб стал своеобразной формой просветительской работы отдела краеведения [58]. Частыми гостями и помощниками сотрудников были краеведы Виталий Трифионович Сидоренко, Михаил Алексеевич Вдовин, Евгений Иванович Малаховский, Иван Георгиевич Войтов, историки Владимир Иванович Афанасенко, Андрей Вадимович Венков, Николай Александрович Мининков, Александр Павлович Скорик, архитектор Любовь Феокистовна Волошинова, поэт Николай Михайлович Скрёбов.

Творчески отдел взаимодействовал с кафедрой обществоведения областного института повышения квалификации и переподготовки кадров работников образования, и особенно

с методистом-краеведом О. Г. Веряскиной, автором учебного пособия по истории донского края [59]. На встрече в клубе «Донской краевед» Ольга Георгиевна всегда приводила учителей, занимающихся на курсах повышения квалификации. И однажды сказала мне, что пора подумать о вступлении в Союз краеведов России.

Союз краеведов России (СКР) как общероссийская общественная организация был учреждён в 1990 году Учредительным съездом Российского фонда культуры в Челябинске, и в первое десятилетие (1990–2000) не имел своих местных отделений [60, с. 19–23]. К 2008 году, когда мы обратились с просьбой принять в СКР наше краеведческое общество, ситуация изменилась.

В ноябре 2007 года в Москве прошла отчётно-выборная конференция Союза краеведов России, где «была озвучена в качестве важнейшей на ближайшую перспективу задача укрепления организационной структуры СКР и формирования сети его отделений на местах». Речь шла о выстраивании «новой модели Союза как координирующего, организационного и научно-методического центра всероссийского краеведческого движения, зиждущегося не только на персональном и коллективном членстве, но и имеющего постоянную организационную опору

Встреча в библиотеке, посвящённая 75-летию со дня рождения В. С. Сидорова. 2011 г. Слева направо стоят: Н. Абрамова, А. В. Сидорова, дочь писателя, В. Ф. Чеснок, научный сотрудник музея-заповедника «Танаис», Л. Ф. Тартынский, библиофил, А. О. Кожин, председатель Ростовского отделения ВООПИК, Л. Ф. Волошинова, архитектор, О. П. Рыбальченко, директор «Донского издательского дома», Л. В. Левендорская, зам. директора ЦДНИРО, П. О. Липовко, краевед; сидят: Л. А. Штавакер, Н. М. Скрёбов

Слева направо: Е. И. Малаховский, И. И. Колодкин, Мамжиев, И. И. Войтов. г. Белая Калитва

в самых разных уголках России в лице местных краеведческих объединений – региональных отделений, представляющих региональное краеведческое сообщество» [60, с. 38].

31 октября 2008 года стало днём рождения ростовского областного общества «Донской краевед» как регионального отделения Союза краеведов России.

Новая модель СКР оказалась весьма удобной и для выстраивания структуры нашего отделения. В ростовское областное общество вошли общественные объединения «Константиновский краевед» (г. Константиновск) и «Азовский краевед» (г. Азов), общественные организации «Миллеровский краевед» (г. Миллерово) и «Наше наследие» (г. Красный Сулин), редакция историко-литературного альманаха «Вехи Таганрога» (г. Таганрог), Совет краеведов Песчанокопского района (с. Песчанокопское), клуб «Корни твои» (г. Шахты), Зимовниковское краеведческое общество (пос. Зимовники). Их взаимодействие с областным краеведческим обществом построено по образцу деятельности Совета СКР: электронная переписка (информирование о важнейших предстоящих мероприятиях, годовой отчёт, получение информации о событиях в регионе), участие в областных краеведческих мероприятиях, личные встречи с председателем и его заместителем Натальей Николаевной Зайцевой.

Главным форумом Союза краеведов России в течение десяти лет (2007 – 2016) были ежегодные Всероссийские краеведческие чтения. «На

Всероссийских краеведческих чтениях краеведение впервые после 1920-х гг. представлено как сфера и научной (научно-исследовательской, научно-просветительской и памятнико-охранительной) работы, и общественной деятельности» – писал С. О. Шмидт [61]. Идея проведения Всероссийских чтений принадлежит Владимиру Фотиевичу Козлову, председателю СКР с ноября 2007 года. В. Ф. Козлов в эти годы был руководителем Отделения краеведения и историко-культурного туризма Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (ИАИ РГГУ) – ведущего центра российского вузовского краеведения, одновременно выполняющего роль базового центра регионального и всероссийского общественного краеведения и краеведческого движения [60, с. 88 – 95]. Он же вместе со своим заместителем кандидатом исторических наук, доцентом Александрой Геннадьевной Смирновой (в 2013 – 2016 – заведующая кафедрой москвоведения) – организаторы Чтений.

Мне посчастливилось принимать участие во Всероссийских краеведческих чтениях, начиная с 2008 года. Открывались Чтения в Москве, в главном зале Историко-архивного института. Пленарные и секционные заседания первого дня завершались вечером дружеским ужином и незабываемым общением с коллегами-единомышленниками из разных уголков России и ближнего Зарубежья. На этих неформальных встречах непременно присутствовал и Сигурд

Краеведы в читальном зале отдела краеведения. 28 января 2011 г. Л. Ф. Волошинова (стоит), Сидят: В. П. Граф, В. И. Вегерин, руководители общественного объединения «Константиновский краевед», М. П. Витюк (у окна)

Пятые всероссийские краеведческие чтения. А. Г. Смирнова представляет материалы Чтений. Слева В. Ф. Козлов

Отгович Шмидт (1922 – 2013), академик РАО, почётный председатель СКР (с 2007 г.). Он обладал природным артистизмом, а солидный возраст нисколько не мешал ему блестяще говорить, оставляя у слушателей неизгладимое впечатление. Продолжались Чтения в Подмошье (Волокаламск, Дмитров, Коломна, Можайск, Подольск, Верей) и в других регионах России (Владимир, Воронеж, Челябинск, Златоуст, Миасс, Копейск, Великие Луки, Омск), где участники не только обменивались опытом краеведческой работы, но и знакомились с местными достопримечательностями.

Чтения стали замечательной школой для организаторов современного краеведческого движения. Они охватили весь срез современного краеведения, выстроили новую модель «СКР как координирующего, организационного и научно-методического центра всероссийского краеведческого движения объединяющего ... широкое российское региональное краеведческое сообщество через местные краеведческие общественные объединения (отделения) СКР на местах...» [60, с. 48].

Заметным явлением в историографии современного краеведения стали материалы чтений [62]. Для их издания был создан общественный Издательский центр «Краеведение» (В. Ф. Козлов, А. Г. Смирнова, К. А. Смирнова),

который взял на себя на безвозмездной основе всю работу по допечатной подготовке сборников (составление, редактирование, корректирование).

Большое значение для развития краеведения в регионах имели всероссийские конкурсы краеведческого характера с активным участием СКР. Мне вспоминается конкурс организованный Фондом имени Д. С. Лихачёва совместно с СКР и Российской национальной библиотекой в 2010 году, направленный на поддержку лучших региональных краеведческих журналов. Библиотека представила на конкурс «Донской временник». Он был отмечен Почётным дипломом и денежной премией в 180 тысяч рублей. Премия пошла на развитие «Донского временника». Редакция получила два компьютера, ноутбук; библиотека разработала сайт одноимённого названия.

О другом Всероссийском конкурсе региональной и краеведческой литературы «Малая родина» напоминает диплом имени С. О. Шмидта «Подвижник краеведения», который висит над моим рабочим столом.

2018 год, 11 мая. Я получила письмо от А. Г. Смирновой:

«Здравствуйте, уважаемая Лариса Александровна! Вы, вероятно, знаете, что Федеральное агентство по печати и массовым

коммуникациям проводит уже 14 лет единственный в стране такого уровня конкурс краеведческой литературы, как "Малая родина" с большим числом номинаций. С 2014 г. была введена новая номинация в память о С. О. Шмидте, который был членом жюри Конкурса (как и Владимир Фотиевич) – специальный Диплом им. С. О. Шмидта "Подвижник краеведения". В этом году мы (СКР) на соискание этого Диплома выдвинули двух человек: Вас и А. Н. Акиньшина (Воронеж)... За ту большую подвижническую по своей сути, работу, которую Вы проводите не только в рамках своей профессиональной деятельности как сотрудник библиотеки, что тоже исключительно весомо, но и как общественник, как один из самых активных и последовательных деятелей современного российского краеведческого движения...»

Серьёзным испытанием для СКР стала незапланированная и ничем не оправданная ликвидация в апреле 2016 года в ИАИ РГГУ всех учебно-научных краеведческих подразделений, закрытие Отделения краеведения и историко-культурного туризма. Это не просто перечеркнуло эффективный и во многом уникальный почти 20-летний опыт работы, но ликвидировало общероссийский вузовский центр, долгие годы служивший опорой СКР [60, с. 36]. Однако наши руководители не опустили руки. Из вуза они в знак протеста ушли, но ежемесячные конференции представления новой краеведческой литературы «Встречи на Никольской» – «одной из важнейших публичных форм текущей работы СКР» [63, с. 97] – продолжились в Заиконоспасском монастыре, а затем в Институте Наследия на Берсеневке. Здесь москвичи

познакомились и с краеведческим альманахом «Донской временник», который в 2017 году отметил своё 25-летие.

А. Г. Смирнова писала мне 4 января 2018 года: «26-го декабря на "Встречах" хорошо презентовали "Донской временник" и сам юбилейный выпуск, и я рассказывала об истории и особенностях "Временника" (чуть-чуть используя Ваше интервью), показали и Вашу презентацию, обратили внимание, что есть электронная версия, где всё можно подробно посмотреть. И, хотя, мы ведь уже не первый раз показывали "Временник" на "Встречах", но так подробно – впервые, слушали внимательно и просили Вам передать поздравления с юбилеем, что я и делаю с удовольствием».

В феврале 2018 года в Институте Наследия (РНИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва) был создан Центр историко-культурного краеведения и москвоведения, который по своим целям, задачам, содержанию работы является прямым преемником Отделения краеведения и историко-культурного туризма ИАИ [60, с. 96 – 102]. Ныне – Центр краеведения, москвоведения и крымоведения (ЦКМК). Руководитель Центра кандидат исторических наук, доцент В. Ф. Козлов, председатель Московского краеведческого общества, Российского общества по изучению Крыма, почётный председатель СКР (с 22 июня 2018 г.). Вместе с ним работают кандидат исторических наук, доцент А. Г. Смирнова, ведущий научный сотрудник Центра, первый заместитель председателя СКР (2007 – 2018), в настоящее время – заместитель председателя Московского краеведческого общества, и научный сотрудник К. А. Смирнова.

В июне 2018 года согласно Уставу СКР планировалась отчётно-выборная конференция. Как показало время, конференция внесла большие изменения в организационную структуру СКР. В какой-то степени этим событиям предшествовала ситуация в Совете СКР.

Из письма А. Г. Смирновой 4 января 2018 года: «...20 декабря [2017 г. – Л. Ш.] прошёл Совет (СКР и Московского общества – объединённый). К сожалению, большая часть членов Совета СКР как-то от дел отошла, тихо и ненавязчиво, просто люди перестали поддерживать контакты, а, кто в Москве, приходиться на Совет. <...> В последние годы атавизм «общественности или общинности» отмирает очень явно. Жизнь, конечно, тоже непростая, но она ведь у всех непростая: мы все живём в одно время, но кто-то при этом всё же понимает значение СКР, краеведения и проч., и, несмотря на

Книжный фестиваль Красная площадь.
31 мая – 3 июня 2018 г., г. Москва. Номинанты диплома имени С. О. Шмидта «Подвижник краеведения»
Л. А. Штавакер (Ростов-на-Дону) и А. Н. Акиньшин (Воронеж), в центре – В. Ф. Козлов

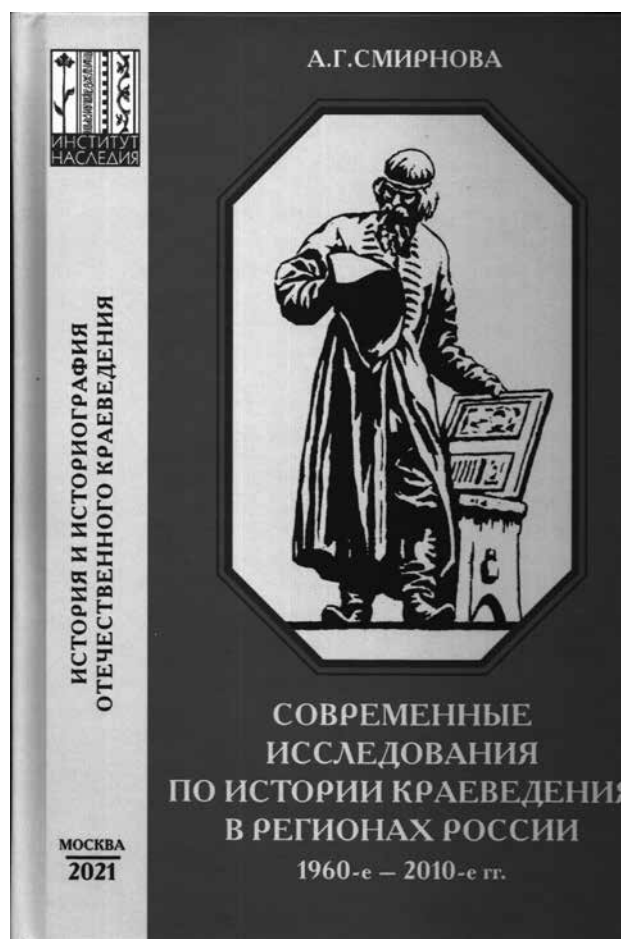
непростую жизнь, по-прежнему работает. И отделения новые у нас прибавляются: появилась Уфа, Архангельск, сейчас Рязань готовит документы — и это все общества не новые, существующие по 20–25 лет. С Ростовом, Псковом, Омском я на связи постоянно, в отличие от большинства москвичей...».

Отчётно-выборной конференции предшествовало расширенное дистанционное заседание Совета СКР, на котором обсуждались основные направления и формы деятельности Совета и кандидатуры на пост председателя СКР. Забегая вперёд, скажу, что В. Ф. Козлов и А. Г. Смирнова отказались выдвигать свои кандидатуры на следующий срок (руководители ЦКМК в состав Совета СКР не вошли); желающих на этот пост из членов Совета СКР также не нашлось. И тогда родился новый механизм руководства организацией — из состава Совета избрали бюро (пять человек), которые поочерёдно в течение одного года (с июля 2018-го) председательствуют в СКР (остальные четыре члена бюро являются заместителями председателя) [63, с. 101].

Председателями СКР активно проявили себя Анна Филипповна Грушина, создатель и главный редактор «Московского журнала» (2018–2019), Александр Николаевич Акинъшин, доцент Воронежского государственного университета (2019–2020) и Пётр Петрович Вибе, директор Омского государственного историко-краеведческого музея (2021–2022).

А. Н. Акинъшин совместно с Воронежским историко-культурным обществом и Центром краеведения, москвоведения и крымоведения Института Наследия провёл в заочном формате (в период пандемии) всероссийскую конференцию по истории краеведения, результатом которой стал сборник материалов «Страницы истории российского краеведения. XVIII — середина XX в.» (Воронеж, 2021). Сборник издан по решению Учёного совета РНИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва при непосредственном участии В. Ф. Козлова и А. Г. Смирновой. П. П. Вибе создал виртуальную площадку для общения членов Союза краеведов Вконтакте. Здесь обсуждаются насущные для краеведения вопросы и размещается информация о краеведческих мероприятиях, проводимых в регионах России.

Сегодня ЦКМК — мозговой центр российского краеведения, научно-методический центр современного краеведческого движения. Здесь обобщён опыт современного краеведческого движения, успешно продолжается научная работа [60;62].

Партнёрство с СКР руководители Центра сохраняют. Ещё одно свидетельство тому — всероссийская научно-практическая конференция «Краеведение и краеведческое движение в Советском Союзе: история, опыт, наследие», посвящённая 100-летию отечественного краеведческого движения и 100-летию со дня рождения первого председателя Союза краеведов России Сигурда Оттовича Шмидта (15–16 апреля 2022 г.), организованная ЦКМК и Московским краеведческим обществом — региональным отделением СКР.

Мне посчастливилось побывать на этом замечательном мероприятии по приглашению руководителей Центра краеведения, благодаря поддержке администрации Донской публичной библиотеки.

***

Ловлю себя на мысли, что воспоминания мои — некий калейдоскоп дат, событий, встреч; я коснулась лишь 80-х — 2000-х, а всё, что было раньше осталось где-то позади. Тем не менее, именно полвека назад, в 70-е годы, в библиотеке возрождалось краеведение, насильственно

уничтоженное в 1930-е и заложившее основу современного библиотечно-библиографического краеведения. Мне посчастливилось участвовать в этом процессе; и если будет угодно судьбе, я об этом ещё расскажу.

ПРИМЕЧАНИЯ

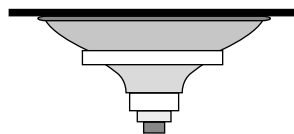
1. Гаустов Иван Константинович (1901 – 1985), писатель, краевед, г. Пятигорск. Автор книг, изданных в Ставрополе: «Отважный исследователь-альпинист (1957), «Цветок-невидимка» (1961), «Сиреневый факел» (1962), «Лесная сказка» (1973), «Белый уголь» (1974).
2. Марутова Татьяна Аркадьевна (1930 – 2014), директор Пятигорской городской центральной библиотеки им. М. Горького (1963 – 1985). (См.: *Штавдакер Л. А. Подвижник культуры // Донской временник. Год 2005-й. Ростов н/Д., 2004. С. 211 – 215).*
3. Капустин Михаил Васильевич, директор Ростовской областной научной библиотеки имени К. Маркса (1975 – 1984). (См.: *Штавдакер Л. А. Учитель // Донской временник. Год 2003-й. Ростов н/Д., 2002. С. 231 – 235).*
4. *Штавдакер Л. А. Страсти по краеведению, или Донская публичная в 1920 – 1930-е годы // Донской временник. Год 2009-й. Ростов н/Д., 2008. С. 165 – 173; Её же. (в соавт. А. Н. Коваленко) Жить не во времени, а в вечности // Там же. Год 2018-й. Вып. 26. Ростов н/Д., 2017. С. 156 – 165; Её же. Под стук колёс // «Чему душа свой трепет отдала...» : Воспоминания о Н. М. Скрёбове. Ростов н/Д., 2017. С. 218 – 223.*
5. Храмов Виктор Юрьевич (1964 – 2022; псевдоним Эмиль Сокольский), сотрудник Донской публичной библиотеки (с 1993 г. – в справочно-библиографическом отделе; с июня 2004 – в отделе краеведения). В течение 15 лет работал в редакции «Донского временника» (2004 – 2005 гг. – литературный редактор; с 2006 по 2012 гг. – составитель, литературный редактор и корректор; с 2013 по 2017-й гг. – редактор в соавторстве с С. А. Племой, Р. В. Устименко и Л. А. Штавдакер).
6. Гурвич Соломон Самуилович (1917 – 1997), автор книг «Они были на Дону» (1960) и «Встречи с Доном: далёкие и близкие» (1981). (См.: *Сокольский Э.*
- «Я ухажу, проводите меня...» // *Донской временник. Год 2002-й. Ростов н/Д., 2001. С. 63 – 66).*
7. Цит. по: *Сигоров В. С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 4. Ростов н/Д. : Гефест, 1996. С. 367.*
8. Протокол заседания Политпросвета секции народного образования Ростово-Нахичеванского на Дону городского совета 9 созыва № 9 от 20 сентября 1927 г. // Архив ДГПБ.
9. Цит. по: *Штавдакер Л. А. Страсти по краеведению, или Донская публичная в 1920 – 1930-е годы // Донской временник. Год 2009-й. Ростов н/Д., 2008. С. 166.*
10. Вареник Василий Иванович (1954 – 2020), автор книги «Ростов и ростовцы» (в 2-х кн., 2005, 2010).
11. *Штавдакер Л. А. Отдел краеведения в Донской публичной библиотеке: взгляд в прошлое и настоящее // Седьмые всероссийские краеведческие чтения. Москва – Омск, 13 – 17 мая 2013 г. М., 2013. С. 152 – 155.*
12. Воспоминания Л. А. Штавдакер о В. С. Сидорове опубликованы в сокращении под названием: «Здесь, в сиянии тихого света...» (*Донской временник. Год 2007-й. Ростов н/Д., 2006. С. 183 – 185).*
13. Писатели Дона: биобиблиогр. указ. 2-е изд, испр. и доп. / Тягленко Г., Кузина О. И., Штавдакер Л. А. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1986.
14. Край донской. События и даты ... : библиогр. указ. / Ростовская обл. науч. б-ка им. К. Маркса. Краевед. отдел. Ростов н/Д., 1974 – 1992.
15. Кузина Ольга Ивановна (1926 – 1988), заместитель директора по научной работе Ростовской областной научной библиотеки имени К. Маркса (10.07.1977 – 21.04.1986). В 1968 – 1976 гг. – главный библиограф справочно-библиографического отдела; с 1.01.1977 г. по 9.07.1977 г. – заведующая отделом краеведения (сведения из отдела кадров ДГПБ).
16. Штатное расписание Ростовской государственной областной универсальной научной библиотеки имени К. Маркса на 1986 год. [С. 11].
17. Отдела краеведения в штатном расписании библиотеки с 1986 по 1991 год не было. Он значился как сектор краеведческой библиографии информационно-библиографического отдела, хотя фактически в эти годы был самостоятельным

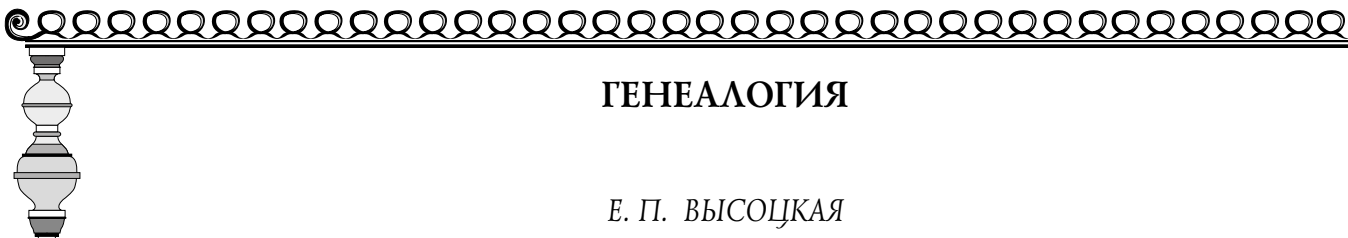

- подразделением библиотеки с прямым подчинением дирекции.
18. Ростовская областная научная библиотека имени К. Маркса. 1886–1986 : реклам. проспект / сост. Л. А. Штавакер. Ростов н/Д., 1988.
  19. *Штавакер Л. А.* У истоков Северо-Кавказской краеведческой библиотеки: (поиски и находки библиографа-краеведа) // *Донской временник*. Год 2000-й. Ростов н/Д., С. 158–160.
  20. 28–30 мая 1987 г. в рамках областной научно-практической конференции состоялось 14-е Зональное совещание библиотек Дона и Северного Кавказа с участием представителей Краснодарской, Ставропольской краевых, Чечено-Ингушской и Дагестанской республиканских библиотек. Обсуждались проблемы краеведческого СБА и возможности применения таблиц ББК в краеведческих каталогах.
  21. «Донская среда» в музее Сурб-Хач 21 марта 1990 г.
  22. *Штавакер Л. А.* Крюковские чтения на Дону // *Донской временник*. Год 2021-й. Вып. 29. Ростов н/Д., 2020. С. 106–107.
  23. *Сидоров В. С.* Собрание сочинений. Т. 3: Ягода на терновом венце. Ростов н/Д : Терра, 2001. С. 240–243.
  24. Утверждено Постановлением Главы администрации Ростовской области № 368 от 11.09.1992 г.
  25. Цит. по: Сидоров В. С. – Е. М. Колесниковой : [письмо 15.9.1997 г.] // *Донской временник*. Год 2007-й. Ростов н/Д., 2006. С. 185.
  26. *Сидоров В.* Перед дорогой // *Донская волна*. 1994. № 1–3. С. 2.
  27. *Сидоров В. С.* Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 1–5. Ростов н/Д., 1993–1999. (Донская вивлиофика).
  28. *Сидоров В. С.* Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 1. С. 2.
  29. Проблемы создания региональных энциклопедий : Материалы международ. науч.-практ. семинара (СПб, 14–16 окт. 2003 г.) / Рос. нац. б-ка, Европейский ун-т в С.-Петербурге; Рос. гуманитар. науч. фонд; Международ. благотвор. фонд им. Д. С. Лихачёва. СПб : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 43.
  30. *Соколинский Е. К.* Система сводных каталогов России и ретроспективные национальные каталоги // *Донской временник*. Год 1995-й. Ростов н/Д., 1994. С. 147.
  31. *Штавакер Л. А.* Книги о Доне и Северном Кавказе (XVIII в. – 20-е годы XX в.): сводный электронный каталог и библиографический указатель (ход работы) // *Донской временник*. Год 1995-й. Ростов н/Д., 1994. С. 153–157.
  32. Поповян Лариса Капреловна, главный библиограф отдела краеведения (1993–январь 2001; с июля 2011 г.), заведующая отделом комплектования (апрель 2001 – июнь 2011) Донской публичной библиотеки.
  33. Мартиросова Маргарита Бедросовна, заведующая отделом краеведения Донской публичной библиотеки (с декабря 2004 г.).
  34. «Русская книга о Доне и Северном Кавказе (XVIII в. – 1920 г.) : предварительный список Е – К / ДГПБ; сост.: М. Б. Мартиросова, Л. К. Поповян. Ростов н/Д., 1999.
  35. *Соколинский Е. К.* Система сводных каталогов России и ретроспективные национальные каталоги; *Штавакер Л. А.* Книги о Доне и Северном Кавказе (XVIII в. – 20-е годы XX в.): сводный электронный каталог и библиографический указатель (ход работы); *Булнина Н. И.* Содружество библиотеки и музея в использовании фонда редкой краеведческой книги; *Балацкая Н. М.* Губернские памятные книжки России как краеведческий источник // *Донской временник*. Год 1995-й. Ростов н/Д., 1994. С. 147–163.
  36. *Штавакер Л. А.* Донская публичная библиотека: опыт работы по изучению краеведческой книги как памятника культуры // *Донские корни творческих судеб корифеев духовной культуры : материалы науч.-практ. конф. / Рост. фил. Санкт.-Петербург. акад. культуры; Рост. гос. ун-т; ДГПБ*. Ростов н/Д., 1997. С. 9–11.
  37. *Мартиросова М. Б.* Проблемы предметизации в сводном региональном каталоге «Русская книга о Доне и Северном Кавказе (XVIII в. – 1920 год) : [сообщ. на всерос. семинаре «Проблемы краеведческой деятельности в условиях автоматизации» (Санкт-Петербург, 20–23 нояб. 2000 г.)] // *Донской временник*. Год 2002-й. Ростов н/Д., 2001. С. 233–234.
  38. *Штавакер Л. А.* Библиотеки, музеи, архивы Северного Кавказа в едином информационном пространстве // *Архивы Северного Кавказа на рубеже веков : материалы регион. науч.-практ. конф.*

- 24 мая 2000 г., г. Кисловодск. Ставрополь, 2000. С. 62 – 67.
39. Положение о Зональном объединении библиотек, музеев и архивов Юга России по краеведческой деятельности : Утверждено 26.10.2000 г. Протоколом рабочего совещания по проблемам создания сводного электронного каталога и репертуара краеведческой книги // *Донской временник*. Год 2002-й. Ростов н/Д., 2001. С. 219 – 220.
  40. Сафронова Ирина Ивановна (1934 – 2017), заведующая справочно-библиографическим отделом Донской публичной библиотеки (1977 – 1995). (См.: *Сокольский Э.* Она достойна поэмы... // *Донской временник*. Год 2004-й. Ростов н/Д., 2003. С. 236 – 237).
  41. *Сокольский Э.* Порт-Катон // *Донской временник*. Год 2004-й. Ростов н/Д., 2003. С. 167 – 180.
  42. *Высоцкая Е. П.* Памяти Эмиля Сокольского // *Донской временник*. Вып. 31. Ростов н/Д., 2022. С. 44.
  43. Зайцева Наталья Николаевна (1959), главный библиограф-краевед отдела краеведения Донской публичной библиотеки.
  44. *Козлов В. Ф.* Свой край ведающие : [беседа с зав. каф. регион. истории и краеведения РГГУ; записала *Н. Рожкова*] // *Хроники краеведа*. 2009. № 2. С. 8.
  45. В 1996 году «Донской временник» был отмечен премией Российской национальной библиотеки; в 2000-м – специальной премией газеты «Культура».
  46. *Штавакер Л. А.* Опыт реконструкции истории Донской государственной публичной библиотеки // *Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований*. Вып. 5. : сб. ст. Краснодар, 2009. С. 107 – 120.
  47. *Штавакер Л. А.* Донской край – твоя малая Родина : программа факультатив. занятий с учащимися в школе и библиотеке / М-во культуры Рост. обл., Донская гос. публ. б-ка. Ростов н/Д., 1999. 29 с.
  48. *Штавакер Л. А.* Просветительская деятельность публичной библиотеки в области краеведения // *Информационный бюллетень Российской библиотечной ассоциации*. 2003. № 28. С. 155 – 158 (XVIII Ежегодная конф. РБА «Библиотека и духовная культура. Псков, 12 – 18 мая 2003 г. Доклады и сообщения. Ч. I).
  49. Сухарев Алексей Григорьевич (1946), доктор физико-математических наук, профессор. Автор многочисленных научных работ по оптимизации и исследованию операций, публикаций в российской и зарубежной прессе по бизнесу в области высоких технологий и книг «Жизнь и смерть священника Илии Попова» (2013) и «Мемориал» (2020). Основатель и президент Фонда имени священника Илии Попова ([www . popovfoundation . org](http://www.popovfoundation.org)). Фонд поддерживает краеведческое движение в Ростовской области. С 2018 года на средства Фонда издаются сборники докладов Константиновских краеведческих чтений (г. Константиновск); с 2019 года при содействии Фонда имени священника Илии Попова издаётся краеведческий альманах Донской публичной библиотеки.
  50. Сухарев А. Г. – Штавакер Л. А. [Письмо от 30 янв. 2019 г.] // *Личный арх. авт.*
  51. *Коломенский М.* Возвращение игрушки : эссе // *Донской временник*. Год 2010-й. Вып. 18. Ростов н/Д., 2009. С. 119 – 120.
  52. *Сокольский Э. А.* Приливы и отливы «Дона» // *Донской временник*. Год 2005-й. Ростов н/Д., 2004. С. 231 – 234.
  53. «Идеальный просчёт», или Песня о Сокольском [подпись: Пат Мурин] // *Культура Дона*. 2005. № 1 (янв.). С. 8.
  54. *Шестых А.* Армянское кладбище как памятник культуры // *Донской временник*. Год 2003-й. Ростов н/Д., 2002. С. 205 – 208.
  55. Григорий Христофорович Чалхушьян (1861 – 1939), юрист, присяжный поверенный г. Нахичевани-на-Дону. Автор «Исторической записки о городе Ростове на Дону» (*Донской временник*. 1999 – 2003. Ростов н/Д., 1998 – 2002).
  56. *Оганесян А.* Григорий Христофорович Чалхушьян и его «Историческая записка о городе Ростове на Дону» // *Донской временник*. Год 2001-й. Ростов н/Д., 2000. С. 74 – 78; *Ермоленко А.* Ростовский архитектор И. П. Смирнов (Малоизвестные страницы биографии и творчества) // *Донской временник*. Год 2002-й. Ростов н/Д., 2001. С. 94 – 97; *Шестых А.* Указ. соч. (диплом 1-й степени на Всероссийском конкурсе «Отечество» в Москве; диплом 2-й степени на поисково-краеведческой секции Донской академии наук юных исследователей в Ростове); *Багаева Е.* Николай Никитич Дурбах – городской архитектор Нахичевани-на-Дону // *Донской временник*. Год 2004-й. Ростов н/Д., 2003. С. 111 – 115;

- (диплом 1-й степени на Донской академии наук юных исследователей в 2003 г.); Баранова Д., Деменчук М. Золотой век ростовской драмы // Донской временник. Год 2005-й. Ростов н/Д., 2004. С. 196 – 198; (диплом 3-й степени на Донской академии наук юных исследователей в 2004 г.).
57. Хазизов В. Осенние листья памяти (Исповедь старого человека). Ростов н/Д., 2004. С. 47; Хазизов В. С., краевед // ГАРО. Ф. Р-4531.
58. Штавгакер Л. А. Почести славным землякам и будни областного общества // Библиотека. 2016. № 7. С. 27 – 29.
59. Веряскина О. Г. История донского края с древнейшего времени до конца XVI в. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2004. 292 с.
60. Козлов В. Ф., Смирнова А. Г. Из истории Союза краеведов России и современного краеведческого движения 1990 – 2018 гг. / Союз краеведов России, Центр историко-культурного краеведения и москвоведения РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва. М. : Издат. центр «Краеведение», 2018.
61. Шмигт С. О. Обращение к читателю // Вторые всероссийские краеведческие чтения (Москва, 26 – 27 мая 2008 г.). Четвёртые всероссийские краеведческие чтения (Челябинск, 20 – 22 мая 2010 г. М. 2011. С. 4.
62. Первые всероссийские краеведческие чтения: история и перспективы развития краеведения и москвоведения (Москва, 15 – 17 апр. 2007 г.). М., 2009. 652 с.; Вторые всероссийские краеведческие чтения (Москва, 26 – 27 мая 2008 г.). Четвёртые всероссийские краеведческие чтения (Челябинск, 20 – 22 мая 2010 г. / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2011. 544 с; Третьи всероссийские краеведческие чтения (Москва – Коломна, 22 – 23 июня 2009 г. /Отв. ред. В. Ф. Козлов. М., 2009. 384 с.; Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Владимир 27 – 28 мая 2011 г.) /Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2012. 512 с.; Шестые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Можайск, 1 – 2 июня 2012 г. /Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2012. 816 с.; Седьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Омск, 13 – 17 мая 2013 г. /Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2013. 728 с.; Восьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Подольск, 16 – 17 мая 2014 г. /Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2016. 800 с.; Девятые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Воронеж, 15 – 19 мая 2015 г. /Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2016. 948 с.; Десятые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Верея (Московская обл.) – Великие Луки (Псковская обл.), 13 – 17 мая 2016 г. /Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2017. 812 с.
63. Козлов В. Ф., Смирнова А. Г. Союзу краеведов России – 30 лет // Донской временник. Год 2021-й. Вып. 29. Ростов н/Д., 2020. С. 94 – 102.
64. Смирнова А. Г. Современные исследования по истории краеведения в регионах России. 1960 – 2010-е гг. : Научно-аналитический обзор и библиографические указатели /Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, Центр краеведения, москвоведения и крымоведения. М. : ИЦ «Краеведение», 2021. 403 с. (История и историография отечественного краеведения)

ГЕНЕАЛОГИЯ

Е. П. ВЫСОЦКАЯ

СЕМЬЯ САБО

Дети Павла Фёдоровича Сарандинаки, основателя села Павло-Очаково, после кончины родителей решили прогнать фамильное имение князю Василию Джуричу [1]. Джурич не выполнил финансовых обязательств, и Сарандинаки подали в суд. На момент судебных разбирательств дочь Мария Павловна была замужем и носила нетипичную для жителей Приазовья фамилию Сабо. История рода Сабо идёт из средневековой Европы. В XVIII веке Сабо из Австро-Венгрии переселились в Россию. На новой родине ветви их родословного древа широко раскинулись. Несколько поколений семьи служили в русской армии и прославили род ратными делами. Муж Марии, коллежский асессор Николай Константинович Сабо, приходился внуком полковнику Якову Перичу. Таким образом, новая статья является продолжением предыдущей публикации [2].

Происхождение фамилии

Существует мнение, что распространённая в Европе фамилия Сабо происходит от венгерского слова «szabo» и означает «портной» [3].

Болгарский историк Стефан Ильчев считает, что фамилия Сабо (Събо, Саба — болг.) является упрощённой формой фамилии тюркского происхождения Сабанджиев [4]. С турецкого языка «сабанджи» или «сабанчи» (sabançı — тур.) переводится как «пахарь, плугарь». Более вероятно, что тюркский корень имеет схожая фамилия Сабодаш.

Редкая для жителей Закавказья фамилия Сабов образовалась от добавления притяжательного суффикса «ов» к грузинскому имени Саба (упрощённой формы имени Савва).

Среди Сабо много известных людей: режиссёр и писатель Иштван Сабо, актёр и режиссёр Ласло Сабо, актриса Эрика Сабо, писательница Магда Сабо, футболист Йозеф Сабо, гимнастка Екатерина Сабо, фигуристка Херма Сабо, джазовый музыкант Габор Сабо. Перечисленных обладателей фамилии Сабо объединяет венгерское происхождение. Сабо жили и проживают в настоящее время не только в Венгрии, но в Румынии, Чехии, Словакии, Словении, Хорватии, Австрии, Германии, Западной Украине, т. е. на тех территориях, которые полностью или частично входили в состав Австро-Венгерской империи.

Согласно военным ведомостям за 1764 год в посёлённых в России гусарских полках

числились несколько вышедших из Австро-Венгрии рядовых и офицеров с фамилией Сабо [5, 6, 7]. Венгерская фамилия иногда писалась на русский лад: Сабов — Сабовы¹.

В Москве в начале XX века проживал купец 2-й гильдии Евгений-Жан Сабо с семьёй. Он являлся сыном «французского гражданина» Пьера Марии Сабо, имевшего в России ювелирный дом [9]. Латинское написание фамилии выходцев из Франции «Sabot» отличалось от венгерского.

Фамилию Сабовы носили крестьяне помещиков Сабо и их потомки. В датированном 1912 годом деле о службе члена Новочеркасского окружного суда надворного советника Михаила Васильевича Сабова записано, что он происходил из крестьян Славяносербского уезда Екатеринославской губернии [10].

Ряды Сабо — Сабовых в России после 1914 года пополнили пленённые в Первую мировую войну австро-венгерские солдаты [11].

Не все обладатели фамилии Сабо имели благородное происхождение. Дворянские корни Сабо в немецкоязычных странах подчеркивала приставка «фон»: например, австриячка чемпионка мира в фигурном катании 1913 и 1914 годов Криста фон Сабо; погибший в 1914 году австрийский фельдмаршал Э.А. фон Фрорейх-Сабо. Венгерские дворяне Сабо зачислялись на русскую воинскую службу офицерами, и их происхождение отмечалось в послужных списках.

Елена Петровна Высоцкая, кандидат химических наук, генеалог, г. Москва

¹ В деле «О дворянстве рода Сабо» [8] одновременно употреблены оба варианта написания фамилии: Сабо и Сабовы. В настоящей статье выбрано исторически верное написание фамилии Сабо. При цитировании первоисточников фамилия приводится так, как употреблена в оригинале.

Вышедшие из иностранных держав и поселившиеся в Российской империи дворяне имели возможность подтвердить дворянство и решением губернских дворянских собраний вписывались в родословные книги. Именно благодаря сохранившимся делам о дворянстве Сабо удалось идентифицировать мужа Марии Павловны Сарандинаки и его многочисленных родственников, а в поисках их корней совершить путешествие в средневековую Европу.

Венгерское королевство в составе Священной Римской империи

Начав править в XIII веке в Австрии, Габсбурги за несколько столетий присоединили земли Чешской короны, великое княжество Трансильвания, Хорватию со Славонией, Военную Краину (пограничную с Османской империей область на юге Балкан) и одно из древнейших европейских королевств Венгрию. Краль венгерский Жигмунт носил с 1410 года корону императора Священной Римской империи.

Эра расцвета Венгерского королевства закончилась к XVI веку. Внутренние феодальные распри и постоянное давление турок привели

к его разделу на Османскую Венгрию, Восточно-Венгерское королевство и Королевскую Венгрию. После того, как власть по женской линии перешла к Габсбургам, Королевская Венгрия стала частью Австрийской монархии.

Венгерское королевство в составе Австрийской империи имело столицу город Пожони (по-австрийски Прейсбург) и правительство во главе с палатином (высшая после короля государственная должность в Венгрии до 1848 года). Представители знатных венгерских семей занимали высокие должности, у них в подчинении находились кланы среднего дворянства, они содержали собственные армии и жили в роскоши. При избрании королями Венгрии Габсбурги приносили клятву на конституции Королевской Венгрии. Король Венгрии, Богемии и Германии эрцгерцог Австрии Фердинанд I был в 1556 году провозглашен императором Священной Римской империи. Вслед за ним высокий титул получали его преемники — Максимилиан II, Рудольф II и Фердинанд II, совмещавший с 1618 года императорский престол в Вене с королевским в Пожони.

В 1630 году в столице Королевской Венгрии Пожони император Священной Римской империи Фердинанд II награждал полковника Дмитрия Сабо дворянским дипломом и гербом.

За верность и преданность, оказанные Священной короне и лично его величеству, Дмитрий Сабо с супругой Елизаветой Коти и родными братьями Иваном, Стефаном, Григорием и Георгием был принят в число истинных и несомненных дворян Австро-Венгерской державы [8, л. 155–156].

Герб рода Сабо

Фамильный герб Сабо представляет собой «щит военный прямопоставленный лазоревого цвета, внизу оного земляное поле, на котором изображен целый желтый лев прямостоящий с распростертыми задними ногами и раздвоенным хвостом, поднявшимся к хребту, с зияющим ртом и высунутым червленим языком, имея левую переднюю ногу, устремленную к хищению, а правую держа снаряженную саблю, на конце которой вонзена голова турецкая, чалмою покрытая, представляется подобный идущим и обращенным к правой стороне щита; над щитом виден решетчатый открытый шлем, украшенный царевой диадемою, показывающею в пояс друтого льва, подобного во всем нижнему» [8, л. 156].

Во времена крестовых походов и рыцарских турниров воины, дабы защитить голову

Император Священной Римской империи Фердинанд II.
Гравюра. Худ. П. Иссельбург. 1619 г.

Герб рога Сабо. Воспроизведён по историческому описанию. Худ. Н. А. Клейман. 2021 г.

от перегрева, верхушку шлема прикрывали кусками материи. От ветра и солнца ткань ветшала и превращалась в причудливые лоскуты. Со временем на рыцарских гербах развивающиеся полосы ткани преобразовались в ветви аканта и стали называться намётом. Намёт на гербе Сабо «имеет с одной стороны цвет белый и червлёный, с другой жёлтый и лазоревый» [8, л. 156].

Венгерская геральдика во многом следовала немецким геральдическим традициям. Военный щит указывал на боевое прошлое родоначальника Дмитрия Сабо. Лев, старейшая и, возможно, самая популярная в европейской геральдике фигура, символизировал мужество, силу, храбрость и доблесть. На гербе Сабо изображены два льва. Один лев, именуемый восстающим,

расположен в профиль, стоящим на задних ногах с высунутым окровавленным языком и вытянутым вдоль спины хвостом. Другой лев, торс которого опирается на край щита, называется вырастающим. Жёлтый цвет намёта отождествлялся с золотом и символизировал богатство и знатность рода; белый, схожий с серебром, свидетельствовал о благородстве; красный, цвет храбрости и героизма, говорил о крови, пролитой в сражениях; синий был цветом верности. Лазоревый цвет щита также подчёркивал преданность Сабо императорскому престолу. Венчающий щит шлем являлся символом рыцарства. Корона, расположенная на шлеме, указывала на дворянский статус обладателей герба.

На гербах венгерского дворянства часто встречается изображение отрубленной головы

турка: в чалме или без неё, с усами или бородой, пронзённой саблей или истекающей кровью. Вошедшие в состав многонационального Австрийского государства венгры имели за плечами большой опыт противостояния туркам: османы с XIV века досаждали набегам сначала южным вассалам Венгерского королевства, а потом самому королевству. Мечтавшим о расширении границ и продвижении вглубь Европы туркам удалось захватить часть Придунайской низменности и преуспеть в исламизации местного населения. Народы, проживавшие в Австро-Венгрии, принимали исходящие из Великой Порты удары на себя и тем самым защищали остальную Европу от воинственных амбиций мусульманских владык. Периоды активных военных действий сменялись шатким миром. Несмотря на то, что заключённый между соперниками в 1568 году мирный договор дважды продлялся, турецкие войска в 1593 году вторглись на территорию Валахии. Через три года пал венгерский город-крепость Эгер, и началась семилетняя позиционная борьба, в ходе которой угроза нависала не только над Будой и Пештом, но даже над Венной. Восстание венгерского дворянина Иштвана Бочкаи против власти Габсбургов сыграло на руку османам. И только смерть султана Мехмеда III и начавшаяся война с персами отвлекли Стамбул от Европы и подтолкнули к заключению очередного мира.

Держащий в вытянутой лапе на сабле в качестве трофея отрубленную турецкую голову лев свидетельствовал о ратных подвигах Сабо в борьбе с османами.

Родовой герб предназначался для использования в военных сражениях, поединках, на парусах, печатях, занавесах, обоях, перстнях, щитах, знамёнах и гробах [12, л. 453 об.].

Военные поселенцы

Донские степи представляли собой к середине XVIII века малозаселённые территории. Река Северский Донец являлась неофициальной границей между Российским государством и Крымским ханством. Несколько казачьих городков, поселения украинских и русских беглых крестьян да зимовники запорожцев недостаточно защищали юг империи от набегов крымских татар и ногайцев. *«Решение этой проблемы было найдено в плоскости религии, точнее православия»* [13]. Для создания посёлённых армейских частей, способных противостоять вражеским силам, были приглашены на службу единоверцы с Балкан, испытывающие религиозные

и экономические притеснения со стороны австрийских властей.

Активное заселение выходцами из Австро-Венгрии территорий южнее правого берега Северского Донца началось в 1751 году с вывода полковником И. Хорватом большой группы офицеров и нижних чинов с семьями и продолжилось полковниками И. Шевичем и Р. Депрерадовичем. Помимо охраны рубежей Российского государства перед военными колонистами стояла задача хозяйственного освоения территории, прозванной Диким полем.

Состав переселенцев был пёстрый — сербы, хорваты, черногорцы, венгры, позже добавились болгары и валахи. Первоначально полки назывались по имени командиров — Хорвата, Шевича, Депрерадовича. Административным центром объединённого Новосербского корпуса Хорвата являлся городок Новомиргород, обустроенный на месте зимовника запорожских казаков. «Столицей» полков Шевича и Депрерадовича считался Бахмут, возникший при Иване Грозном как «приграничная сторожа» и превратившийся в посёлённую казаками слободских полков крепость при Петре I. Штаб-квартира русской армии на юге располагалась в крепости Святой Елисаветы, будущем Елисаветграде. Поселенцы делились на полки, роты и шанцы, являющимися одновременно территориальными и военными административными единицами.

Сербский гусарский полк появился в России при Петре I: его костяк составляли сербы-границычары. В течение XVIII века полк пополнялся «охотчими» людьми разной национальности, в нём менялось количество рот и цвет мундиров. При Анне Иоанновне палитра национальных полков расширилась — добавились Венгерский, Молдавский и Грузинский полки. Во времена правления Екатерины II появились Далмацкий, Македонский, Болгарский и Иллирический (Иллирия — древнее название западной части Балканского полуострова). В 1769 году был сформирован по штатам полевого гусарского полка Валахский (Валахский, Волошский, Воложский) гусарский полк. Основу его составляли выходцы из Валахии — области в Румынии между Южными Карпатами и Дунаем. Через шесть лет полк стал посёлённым. В том же 1775 году по заданию Военной коллегии князь М. Щербатов составил гербы для знамён новых посёлённых полков. В верхней части большинства полков, сформированных из иностранных переселенцев, располагался двуглавый имперский орёл, а в нижней — геральдические знаки, напоминающие об их прежней родине. Так, на гербе

Иллирического полка в левой нижней части был изображён одноглавый орёл, а правую занимало серебристо-красное шахматное поле — символы областей Каринтия и Кроация (Хорватия), составляющих древнюю Иллирию. В нижней части герба Валашского полка в напоминание о княжестве Валахия обосновался чёрный ворон.

Попытка оптимизировать численный состав привела к объединению в 1764 году полков Шевича и Депрерадовича в Бахмутский гусарский полк. Одновременно произошло слияние Новосербского полка с казацкими поселёнными полками, в результате чего появились Жёлтый и Чёрный гусарские полки. Хотя в именах некоторых легкоконных полков по-прежнему отражалась география переселенцев, по составу они стали многонациональными. Наряду с выходцами с Балкан в них служили русские и украинцы.

В 1752 году в Россию прибыл 58-летний поручик австрийской армии Стефан (Степан) Сабов с женой «Анной Милославлевой дочерью» [14, л. 102] и взрослыми сыновьями Лазарем, Василием и Иваном [6]. Стефан Михайлович приходился родоначальнику Дмитрию Сабо правнуком. Еще через два года в Россию перебрался на жительство кузен Стефана Дамиан (Демьян) Сабо [15]. Он являлся потомком Григория, родного брата полковника Дмитрия Сабо.

Собирались ли Сабо покинуть родину временно или изначально рассматривали Россию как постоянное место жительства и в чём заключалась причина их эмиграции — неизвестно. В формулярных офицерских списках Сабо значились выходцами из Цесарии (русское названия Австро-Венгрии), венгерскими дворянами, сербами по национальности, исповедующими греческую веру. Стефан Сабо был принят в вечное российское подданство, получил патент на чин и был зачислен ротным капитаном в полк Ивана Шевича [8, л.157—158]. Следом за отцом к Шевичу поступили сыновья — 27-летний вахмистр Лазарь Сабо поручиком, 22-летний волонтер Василий — прапорщиком.

Первоначально Сабо поселились в шанце 8-й роты села Подгорное (будущий уездный город Славяносербск), названном по имени располагавшихся в этой местности Подгорных озёр. «8-я рота была «вотчиной» семейства Сабовых» [16]. В ней служили не только Стефан Михайлович Сабо с сыновьями Василием и Лазарем (в чине капитана с 1764 года командовал 8-й

ротой [17, с. 56]), но и его внуки Пётр и Фёдор Сабо, в начале службы ротные квартирмейстеры (интенданты). «В роте, в принципе, точно было одного ротного квартирмейстера. Присутствие двух вероятно является проявлением семейственности» [16]. В Подгорном имела церковь во имя святого первомученика и архидиакона Стефана. «Сначала оное селение [Подгорное . — Е. В.] обзаводилось старанием покойного капитана Степана Сабова, а в нынешнее состояние приведена сыном его капитаном Сабовым» [13].

В Славяносербии Стефан Михайлович завёл крепкое хозяйство: собственный дом, 100 лошадей, 20 голов рогатого скота, 20 овец, 9 свиней [18, л. 379]. Старший сын Лазарь от отца не отставал — жил с семьёй своим домом, имел много лошадей и домашнего скота [18, л. 379 об.]. С переходом в Бахмутский полк Лазарь Стефанович перебрался на жительство в шанце Вергунка. Слобода Вергунка располагалась на реке Лугани, «в богатой и привольной местности». В 1755 году по распоряжению Шевича и Депрерадовича к проживавшим здесь «людям малороссийской нации помещены были на постоянное жительство православные иностранцы, перешедшие в подданство России». С их поселением образовался военный шанец Вергунский и «устроилась особая рота Бахмутского гусарского полка» [19, с. 136].

В исповедальных росписях за 1775 год церкви Св. Стефана¹ шанца Подгорное 8-й роты записаны имена 52-летнего капитана Афанасия (Лазаря) Стефановича Сабова², его 50-летней жены Марии Павловны, сыновей Павла 20 лет, Михаила 8 лет, Лазаря 4-х лет и дочерей Анны, Марии и Евдокии [20, арк. 36] Вместе с братом исповедался 43-летний капитан Василий Стефанович Сабов с женой Анной Игнатъевной 39 лет, тремя дочерьми-подростками и девятилетним сыном Николаем [20, арк. 36 об.]. В следующем 1776 году Лазарь Стефанович вышел в отставку майором, его сын Павел произведён в вахмистры. Вместе с родителями и братьями на исповеди был находящийся в отпуске 25-летний капитан Пётр Лазаревич Сабов [21, арк. 1138]. Из исповедальных росписей 1776 года известно о составе семьи третьего брата Лазаря Сабова Ивана. Прапорщик Иван Стефанович Сабов 33-х лет был женат на Елене Марковне 31 года и имел двух дочерей и шестилетнего сына Николая [21, арк. 1139—1139 об.] Помимо Сабовых

¹ Церковь во имя Св. Георгия в шанце Вергунском сгорела в 1773 году [19, с. 137].

² В исповедальных росписях за 1775 -1776 года записано не Лазарь, а «Афанасий Стефанов сын Сабов». Афанасий — имя греческого происхождения, означающее «бессмертный». Лазарь — библейский персонаж, ставший известным благодаря своему воскрешению. Таким образом по значению имена Лазарь и Афанасий схожи.

в храм на исповедь семьями ходили служившие у них люди.

К сожалению, долго радоваться благополучной жизни главе семейства Стефану Сабо не пришлось. Он скончался 16 сентября 1760 года. Сохранилось письмо вдовы Анны Сабо-вой, адресованное «любезному сыну господину прапорщику Василью Степановичу Сабову». В письме Анна Милославлевна сообщала о том, что ей подлежит из Славяносербской казны «как заслуженное мужем покойным капитаном Степаном Сабовым сего 760 году сентября по 16 число, також в силе указов вдовье окладное жалованье» и просила сына взять заботу о получении причитающихся ей денег на себя: «что по сем учинишь, ни в чем прекословить не буду». За Анну «по ея прошению прапорщик Павел Миокович руку приложил ноября 26 дня 1760 года» [14, арк. 103].

В начале царствования императрица Екатерина Алексеевна задумала административно-территориальную реформу. По Высочайшему указу создаётся Новороссийская губерния с административным центром в городе Кременчуг. В делах церковных губерния подчинялась епископу Белгородскому. В декабре 1766 года Екатерина II издала Манифест, по которому в Москве была создана комиссия для сочинения проекта нового уложения Новороссийской губернии. Депутатам от полков надлежало составить и прислать в комиссию указы.

В марте 1767 года через уполномоченного депутата Авраама Рашковича штаб- и обер-офицеры Вергунского шанца Бахмутского гусарского полка под началом подполковника Ивана Шевича отправили в Москву свой наказ. Офицеры сетовали на то, что прибыв из Цесарии и других государств «по вызове, а иные самохотно вступя в службу Ея Императорскаго Величества и приняв вечнаго подданства, ... не имеют сообщества быть в числе здешняго природнаго дворянства» [22, с. 53]. Переселенцы, обладавшие дипломами о дворянстве, обратились к императрице с просьбой подтвердить их, а тех, кто из рядовых дослужился до офицерских чинов — приписать согласно указу Петра I к дворянскому сословию. Офицеры испрашивали разрешение посылать детей на обучение в кадетский корпус или Московский университет, ходатайствовали об отводе земель в потомственное владение и изъявляли желание заниматься свободным винокурением. Наказ «вместо капитана Лазаря Сабо за болезнью его, по поверенности, подписался капитан Георгий Шевич» [22, с. 56].

Лазарь Стефанович Сабо вышел в отставку в 1774 году «по немолодым свои летам и

частным припадкам» и был «отпущен из полку на собственное пропитание» с присвоением следующего чина секунд-майора [23, л. 13].

Демьян Сабо поступил в 1755 году в полк генерала Хорвата и через год был произведён капралом. В исповедальной росписи 1766 года церкви Михаила Архангела 4-й роты полка Хорвата шанца Архангельский Переяславской протопопии перечислены члены семьи 28-летнего Демьяна: жена Мария восемнадцати лет, две дочери, сын Григорий двух лет [24]. Позже родились сыновья Георгий и Пётр.

В 1776 году через депутата секунд-майора Григория Булацеля в комиссию по новому уложению Новороссии был отправлен наказ офицеров Чёрного гусарского полка под предводительством секунд-майора Стефана Пишчевича. Вместе с товарищами поставил свою подпись прапорщик Демьян Сабо [22, с. 36]. После упразднения Чёрного полка он продолжил службу в Сербском гусарском полку, участвовал в первой русско-турецкой войне и заслужил чин поручика [15].

При раздаче ранговых земель офицеры Сабо в стороне не остались. В Донецком уезде (позднее он стал называться Славяносербским) майор Лазарь Сабо сделался владельцем сельца Журского в 3420 десятин [25, с. 52], прапорщик Павел Сабо — деревни Павловки в 1719 десятин [25, с. 52], прапорщик Иван Сабо получил деревню Лугобеловку в 1668 десятин [25, с. 51]. Капитану Демьяну Сабо досталось более 700 десятин в Ольвиопольском уезде. Владелец незамысловато назвал свою деревню Демьяновкой [26].

«Богатя, плодородные и живописные степи в Славяносербии, при реке Долгой, Долженькой, в окружности на пространстве десяти тысяч десятин земли, в 1776 году <...> отданы были в ранговую гачу секунд-майорам Авраму Игнатъевичу Миоковичу и Василью Степановичу Сабову и капитану Исааку Игнатъевичу Миоковичу, каждому по три тысячи десятин земли. На основании правил ранговой гачи, эти новые помещики обязаны были на приобретенных участках земли основать слободы и населить их народом семейным и оседлым, вольным и свободным <...>. Около 1780 г., усердием Миоковичей и Сабова образовались и устроились населенные слободы Громовка, Плоская тож, Аврама Игнатъевича Миоковича, Исааковка, Исаака Игнатъевича Миоковича и Васильевка, Василия Степановича Сабова» [19, с. 109].

В 1785 году Миоковичи и Сабо решились совокупными усилиями построить церковь во имя Архистратига Михаила. Через год поступила «благословительная храмозакладная грамота»

на сооружение деревянной церкви в деревне Громовка. Богослужение в новом храме началось в 1788 году [19, с. 109].

Рачительный хозяин Николай Васильевич Сабо продолжил родительское дело и построил в поместье Васильевка мельницы и винокуренный завод [27]. По его инициативе был возведён в 1806 – 1808 году каменный храм во имя Святого Николая.

По отставке Сабо, как правило, поступали на гражданскую службу. Прапорщик Иван Стефанович состоял межевщиком в Новосенжаровском уезде, прапорщик Павел Стефанович служил заседателем сначала в Бахмутском, а затем в Донецком уездном суде, секунд-майор Василий Стефанович исполнял обязанности исправника в Бахмутском нижнем земском суде. Братья Пётр Лазаревич и Павел Лазаревич состояли судебными заседателями в Донецком уезде, ротмистр Михайло Лазаревич в 1830 году, подполковник Лазарь Лазаревич дважды с 1809 по 1810 и с 1826 по 1827 года и титулярный советник (гражданский чин титулярного советника соответствовал воинскому чину секунд-майора) Николай Васильевич Сабо с 1812 по 1813 год предводительствовали в Славяносербском уезде.

Павел Лазаревич дослужился до прапорщика в Валашском гусарском полку и уволился в 1781 году [28]. Михайло и Лазарь Лазаревичи начали службу в 1770 году в Илирическом полку вахмистрами и через десять лет получили чины кадетов. По примеру некоторых европейских стран полковыми кадетами в XVIII веке называли молодых дворян, состоявшими на военной службе в унтер-офицерских чинах. С 1778 по 1779 года оба брата Сабо находились с Илирическим полком в походе на Кубани [29]. Подполковник Л. Л. Сабо семьёй не обзавёлся. Дети М. Л. Сабо, покинув родительское гнездо, обосновались в других губерниях.

Рассказ о службе Петра Лазаревича Сабо, его сыновей и племянников впереди.

Быть дворянином

Первым для признания в дворянском достоинстве в Герольдмейстерскую контору при Правительствующем сенате обратился капитан Валашского полка Лазарь Стефанович Сабо. Он предоставил диплом о дворянстве, выданный предку полковнику Дмитрию Сабо королём Фердинандом II, и семейную родословную. *«Рожденный от вышеозначного полковника цесарской службы Дмитрия Сабо сын Михайло по слабости здоровья не состоял в службе и умре в Цесарии. От него произошел Степан, который*

в Цесарии у Ея Величества Римской Императрицы и Королевы Венгербогемской служил поручиком, в российскую службу принят в вечное подданство капитаном 752 года октября 24 дня. Капитан Степан имел трех сыновей. 1-го Лазаря, служившаго в цесарской службе вахмистром и принятаго в российскую службу в вечное подданство поручиком того же года, месяца и числа в Бахмутский гусарский полк, которой в 763 году февраля 14 дня за оказанную к службе ревность и прилежность Всемилостивейши пожалован в капитаны, а 774 года декабря 17 дня от воинской службы отставлен секунд майором. 2-го Василия, также поступившаго цесарской службы из волонтеров в российскую в Бахмутский гусарский полк прапорщиком 752 октября 24, произведен поручиком 767 ноября 16, капитаном 771 мая 25, а 782 года мая 27 отставлен с награждением секунд майорского чина. 3-го Ивана, в тот же полк из волонтеров цесарской службы в российскую подданства принятаго 752 октября квартирмейстером 762 октября, обозным 764 сентября 10-го и отставленнаго от службы прапорщиком 768 года сентября 30-го» [8, л. 157].

По определению Герольдмейстерской конторы от 25 апреля 1782 года Лазарь Стефанович Сабо с братьями стали значиться вышедшими из Цесарии дворянами.

Следом за отцом документы в марте 1782 года подал капитан Валашского гусарского полка Пётр Лазаревич Сабо [12, л. 439].

Подлинность грамоты императора Фердинанда II и дворянское происхождение Сабо удостоверяли сослуживцы Петра: полковник Георгий Шевич, полковник Иван Штерич, полковник Константин Юзбаш, полковник Авраам Рашкович и генерал-майор Георгий Депрерадович. *«Вышедшая из упомянутой державы Цесарской в здешнюю военную службу и обязавшаяся на вечное в оной пребывание присяге господ Сабовых фамилия природная суть венгерские дворяне»* и диплом на дворянство *«иным никоим кроме фамилии Сабовых не выдан и не принадлежен»* [12, л. 440 – 440 об].

Секунд-майор Пётр Сабо как *«выезжий из Цесарии дворянин»* был внесён в четвертую часть родословной книги по определению Екатеринославской Комиссии о разборе дворянства 23 декабря 1791 года [23, л. 5].

Вместе с Петром Лазаревичем Сабо были вписаны в ДРК Екатеринославской губернии его жена Мария, взрослые сыновья Павел, Иван, Пётр и Константин, родные братья поручики Павел и Михаил с семьями и холостой подполковник Лазарь Лазаревич Сабо.

Затем пришла очередь детей Василия и Ивана Стефановичей Сабо. Просителями являлись титулярный советник Николай Васильевич Сабо с сыном Дмитрием и дочкой Настасьей, а также поручик Николай, корнет Степан, несовершеннолетние Иван и Пётр Ивановичи Сабо [8, л. 158].

По мере того, как родовое древо ветвилось, потомки первопоселенца Стефана Сабо регулярно подавали документы для признания в дворянском достоинстве. Только с 1790 по 1834 год эта процедура повторялась 10 раз. Новые колена вписывались по заслугам предков во 2-ю часть Дворянской родословной книги. Со временем Сабо стало тесно в Екатеринославской губернии, и ветви семейного древа протянулись в Харьковскую, Херсонскую, Московскую, Новгородскую, Калужскую, Ставропольскую, Тамбовскую губернии и даже в Закавказье.

Удалые гусары

Не всякая фамилия может похвастаться тем, что имена её храбрых сынов вошли в военную историю. В большой семье Сабо героев было много.

Гусары (huzsár — венг.) как новый род войск появились впервые в Венгрии при короле Матяше Корвине и в XVIII веке составляли основу лёгкой кавалерии большинства стран Европы. Физические качества лошадей позволяли употреблять наездников в качестве застрельщиков и разведчиков. Быстрые, высокие и малые по массе кони (400 — 500 кг) способны были совершать длительные дневные переходы на подножном корму. Мобильность и выносливость лёгких коней проявилась в полной мере в сражениях с турецкой конницей и отрядами крымчаков-кочевников.

На исторической родине Сабо служили гусарами. В России их потомки продолжили семейную традицию. 11 мая 1762 года поручик Лазарь Сабо обратился с просьбой к действительному статскому советнику Фливерку о принятии на службу сына и племянника: *«Покорное доношение. В списке присланном к вашему превосходительству при сообщении от его превосходительства гна генерал маёра Шевича, между прочими на вербованными мною гусарами написаны дети Петр и Федор Сабовы, искоих Федор родного брата моего команды вышеписанного гна генерал маёра Шевича прапорщика Василья Сабова, а Петр мой родные, токмо оные к подлежащей присяге не приведены. Того ради вашего превосходительства покорно прошу о принятии вышеписанного брата моего и моего*

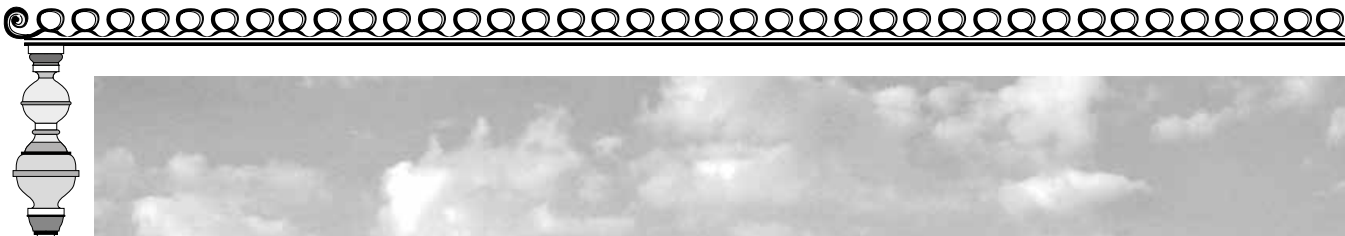
родного гетей Петра и Федора Сабовых в службу и о приводе в силу указов к присяге учинит мстивое рассмотрение» [30].

В 1765 году Харьковской слободской казачий полк был доукомплектован командами Грузинского и Жёлтого полков и стал называться Харьковским гусарским полком. Возглавил гусар выходец из Австро-Венгрии полковник Н. И. Чорба. О том, что двоюродные братья поручики Пётр и Фёдор Сабо в 1773 году находились на службе в Харьковском гусарском полку, сообщала газета «Санкт-Петербургские ведомости» [31].

Дед. Гуробал и Силистрия

Первая русско-турецкая война 1768 — 1774 годов протекала на суше и на море. Блестящие победы русского флота и армии чередовались с неудачами. Военная кампания, в которой пришлось участвовать Харьковскому полку в 1771 — 1772 годах, выглядела бесцветно. Гусары несли сторожевую службу, разъезжали в поисках турецких крепостей и совершали редкие вылазки за Дунай. По результатам переговоров в Бухаресте ратное противоборство двух империй имело хорошие шансы закончиться мирным договором. Однако диалог был прерван, и Екатерина II, желая принудить турок заключить мир на более выгодных для России условиях, дала сигнал к возобновлению активных боевых действий. Командующий армией фельдмаршал П. А. Румянцев получил приказ форсировать Дунай и штурмовать занятые турецкими войсками крепости на правой стороне реки. В распоряжении графа Румянцева были 35 тысяч регулярной армии и 10 тысяч казаков. Форсировать Дунай было решено у Гуробала, в 30-ти верстах ниже хорошо укрепленной крепости Силистрия (ныне болгарский город Силистра).

Харьковский гусарский полк в кампании 1773 года присоединился к отряду генерала О. И. Вейсмана. 31 мая (11 июня) гусары переправились через Дунай и двинулись в авангарде. *«Передовая кавалерия Вейсмана и впереди ее Харьковский полк настигли турок в 10 верстах от Гуробала. В произошедшей схватке много турок было убито и захвачено в плен. При этом особо отличился поручик Харьковского полка Петр Сабов [Пётр Лазаревич. — Е. В.], командовавший эскадроном. С ним он отчаянно рубил турок и обратил в бегство, перерубив многих. Неприятель потерял 8 пушек и 3 знамени. С нашей стороны было убито не более 20 человек, из коих на долю харьковцев пришлось — 5 гусар и 4 лошади»* [32, с. 61].

Турецкая крепость Аккерман. Фото из Интернета

После того, как Румянцев переправил основные силы на судах через Дунай, армия направилась к Силистрии. Сражение 10 (21) июня 1773 года под её стенами закончилось победой русского оружия. И снова «честь дня принадлежала Харьковскому полку — он своими смелыми атаками, неоднократно повторяемыми, развеивал и гнал неприятеля» [32, с. 61]. Из всех частей, участвовавших в сражении у Силистрии, «харьковцы добыли себе более других трофеев: из 18-ти пушек на его долю пришлось 9. Из них 8 отбил известный уже поручик Петр Сабов. Харьковский полк, проскакав трудное дефиле, шириной в некоторых местах не более 3-х шагов, врубился в неприятельский ретраншемент [фортификационное сооружение. — Е. В.], занял его и выбил оттуда его защитников. В это время Сабов со своим эскадром стремительно бросился на турок, старавшихся поспешно увезти свою артиллерию в крепость. Турки, заметив несшийся на них эскадрон, направили на него орудия и начали стрелять. Гусары, не обращая внимания на огонь, неслись далее; а выстрелы, торопливо направленные, не причиняли им вреда. Доскакав, эскадрон, изрубив и разогнав артиллеристов, завладел 8 пушками. За этот подвиг Румянцев наградил Сабова следующим чином» [32, с. 62]. Раненый командир турок Осман-паша укрылся в Силистрии. Войско его было

разгромлено; оставшиеся солдаты разбрелись кто куда: в крепость их не впустили.

Битва у стен Силистрии произошла 18 (29) июня, продолжалась шесть часов и завершила разгром турок.

Следующее большое сражение с участием Харьковского полка случилось у Караса 17 (28) октября. Корпус генерала Унгера вступил в ожесточённый бой с 15–20 тысячами турок под началом Дагистачи-паши, попытавшегося остановить дальнейшее продвижение русских войск. «Благодаря бывшему очень густому туману, наши войска близко подошли к неприятелю, расположенному в лагере. Более половины турок, узнав о нашем приближении, разбежались, а оставшиеся с пашой были прогнаны Чорбою [полковник Н. И. Чорба. — Е. В.], командовавшим легкими войсками. Тесня неприятельскую пехоту, Чорба атаковал и отбил у нее со своим Харьковским полком 11 пушек» [33]. При атаке на турецкую пехоту поручик Фёдор Васильевич Сабо получил ранение пулей в левый бок.

После серии побед и неудачного штурма Варны харьковцы стали на зимние квартиры в Бессарабии. В последний, 1774-й, год войны полк несколько раз отличился, продвинувшись вглубь Болгарии. После заключения мира в Кючук-Кайнарджи харьковские гусары отправились на родину.

Пётр Лазаревич Сабо службу продолжил в Валахском полку. Выйдя в отставку, он в 1787 году поступил заседателем в нижний земский суд Донецкого уезда [17, с. 140]. Женился П.Л. Сабо на дочери бригадира Константина Юзбаша. Старинный род происходил из Австро-Венгрии. Голова турка на фамильном гербе красноречиво свидетельствовала о былых ратных победах Юзбашей над османами. Елизавета Юзбаш (Елисавета Юзбашева) получила в приданое от отца деревню Константиновка, которая затем перешла к детям, и более века оставалась родовой вотчиной Сабо.

На Кубани. Двоюродный брат деда поручик Максим Сабов

В следующие годы интересы России и Турции пересеклись на Кубани, являющейся по географическому положению и стратегическому значению соединительным звеном между Кавказом и Крымом [33].

После заключения мира в 1774 году притязания Османской империи на Крымское ханство, в состав которого входила Правобережная Кубань, сохранилось. Турецкие эмиссары пытались использовать кавказские народы для борьбы против России. За предложенную султаном помощь деньгами и войсками коренное население участвовало в набегах на правый берег реки Кубань и на Дон. Началась подготовка к восстанию против поставленного Россией крымского хана Шагин-Гирея. Складывавшаяся неблагоприятная обстановка в регионе требовала управления опытной рукой. В ноябре 1777 года генерал-поручик А. В. Суворов возглавил Кубанский корпус. Новый командующий предложил перенести западную часть Азово-Моздокской линии на реку Кубань, крупную естественную преграду. По его плану в состав кордонной линии должны были входить 10 новых крепостей, 10 постоянных редутов и 8 фальшанцев (полевых земляных укреплений). Кубанская линия обороны была поделена на участки (дирекции). Недостатком выстроенной системы обороны являлась удалённость укреплённой линии от тыловых баз. Через 3,5 месяца оборонительные сооружения были готовы, и все крепости вооружены артиллерией.

Происходившее в то же самое время переселение крымских христиан — армян и греков — в южные губернии империи требовало личного участия Суворова. Вынужденно отбыв в Крым, Александр Васильевич вверил Кубанский корпус генералу В. В. Райзеру. Помимо

военно-технических решений ему было поручено налаживать отношения с местными жителями.

Генерал с возложенной задачей не справился. Набеги абреков участились: они атаковали пограничные посты, рубили и брали в полон казаков и солдат.

23 сентября (14 октября) 1778 года под покровом предрассветного тумана вооружённые воины переплыли реку Кубань чуть восточнее фельдшанца Архангельский. Возведённое по плану Суворова укрепление располагалось недалеко от Карасунских озёр; их берега покрывали дубовые леса. Нападавшие поднялись по дороге вдоль озёр к устью реки Карасун и затаились под защитой зелени. Гарнизон фельдшанца состоял из роты Алексеевского пехотного полка под командой молодого капитана Рейтштейна, 19 казаков и эскадрона Иллирического гусарского полка. Комендантом укрепления начальник четвёртой дирекции полковник И. Х. Штерич назначил капитана Дмитрия Миоковича, земляка командира гусарского эскадрона.

Утром, как только туман рассеялся, Миокович отправил дозоры для осмотра местности. После возвращения дозорных из паланки (укрепление из кольев) погнались на водопой коней и волов. Не успели погонщики напоить скот, как из ближайшего леса появилась группа конных абреков под предводительством Дулак-султана и атаковала их. За считанное время наездники порубили людей, а скот направили к переправе.

«Капитан Миокович вывел в поле взвод пехоты и взвод спешенных гусар и беглым шагом повёл свой отряд в погоню. Версты через три отряд Миоковича попал в засаду и после короткой перестрелки, а затем и рукопашной схватки

Казачий пикет на Кубанской кордонной линии. Литография XIX века. Из книги: Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринбург. 1910–1913.

был изрублен. Оставшийся в паланке гусарский поручик Сабов, услышав ружейную пальбу, быстро собрал отряд из двенадцати пехотинцев и всех гусар и беглым шагом повёл его на выручку отряда Миоковича. Одновременно он послал казака в Марьянскую крепость с просьбой о помощи. Капитан Рейтштейн с одним офицером и 59 больными солдатами и гусарами остался в фельдшанце.

Сабов вышел к месту, где погиб отряд Миоковича, и бросился на перерез к переправе. На обрывистом берегу Кубани он столкнулся со всей шайкой абреков. Сабов построил свой маленький отряд в каре и отстреливался до восьми часов вечера. Когда у солдат кончились патроны, абреки бросились в шашки, и после ожесточённой рубки маленький отряд погиб, кроме трёх раненых гусар, сумевших укрыться в густых зарослях тёрна» [34, с. 120]. Получив известие о нападении на фельдшанец, полковник Штерич послал отряд на выручку товарищей. Несмотря на скорый марш, солдаты смогли достичь Архангельского шанца только к четырём часам утра. На месте сражения они увидели девяносто убитых бойцов. Описывая сражение, капитан Рейтштейн отметил, что среди нападавших были воины «в белых чалмах и по примечанию турки, а многие говорили по-русски, уповательно, что некрасовцы» [34, с. 121]. (Казаки-некрасовцы после подавления Булавинского восстания приняли покровительство Османской империи.) Суворов усомнился в словах капитана, считая, что все некрасовцы ушли на Дунай. Однако он ошибся. Некрасовцы на Кубани продолжали нападать на русские посты и кордоны до конца XVIII века.

В рапорте начальству Штерич не указал, где захоронены павшие при Карасунах. «Видимо, могила была где-то рядом с фельдшанцем, и позже, при отводе русских войск от Кубани её, возможно, утеряли или срыли во избежания осквернения. До нас дошла ведомость воинов, погибших в этот день: капитан Дмитрий Миокович, поручик (имя неразборчиво) Сабов, хорунжий Анисим Картышев, 34 гусара, 40 солдат, 16 казаков и один маркитант. Через несколько дней умерли от ран ещё 9 человек» [34, с. 121].

По сохранившимся формулярным спискам Илирического гусарского полка только сейчас удалось установить имя геройски погибшего поручика. Им оказался 28-летний Максим Васильевич Сабов.

В ноябре абреки снова решили атаковать Архангельский фельдшанец. На этот раз предотвратить нападение удалось благодаря оперативным действиям полковника И. Х. Штерича. Он

сам лично руководил атакой пехоты и получил серьёзное пулевое ранение шеи, от которого очень страдал.

В конце 1788 года правительство решило, что Кубанский и Крымский корпуса задачу выполнили, и войска возможно отвезти ближе к границам империи.

Вторая русско-турецкая война. Кузены деда Георгий и Григорий Сабовы

Подписанный в болгарской деревушке Кючук-Кайнарджи мир, по сути оказался перемирием. Начав в 1787 году новую войну, Великая Порта намеревалась взять реванш и вернуть земли, потерянные в ходе предыдущих военных кампаний, в том числе территории Крымского ханства. Главные события опять развернулись на море и на суше. Выигранные морские баталии у Фидониси, Тендры и Калиакрии заставили говорить о флотоводческом гении адмирала Ф. Ф. Ушакова. Разгром турецкого десанта у крепости Кинбурн, сражение у реки Рымник и штурм Измаила прославили генерал-аншефа А. В. Суворова.

Поручик Переяславского полка Георгий Демьянович Сабов отличился в битве у Ганкура. В ноябре 1788 года Переяславский полк входил в состав 4-й дивизии генерал-аншефа М. Ф. Каменского. Граф Каменский образованностью, храбростью и экстравагантностью поведения уступал только Суворову. Михаил Федотович стал прототипом старого князя Болконского в романе Толстого «Война и мир».

Зима 1788–1789 годов в Бессарабии обещала быть холодной и снежной. В преддверии морозов противники расположились на зимних квартирах. 4-я дивизия Украинской армии, возглавляемая Каменским, стояла в Кишинёве и Лопушине, а часть войска крымских татар, руководимое Ибрагим-пашой, разместились в Ганкуре (селение в Бессарабии западнее Бендер) и в местечке Сокульцы. В начале декабря разведка донесла генералу, что османы вынашивают коварный план напасть на русские зимние квартиры. Предприимчивый Каменский решил предупредить Ибрагим-пашу и испросил у графа Румянцева разрешения выбить неприятеля из Ганкура. В качестве подкрепления он попросил содействия дивизии графа Салтыкова. Салтыков на просьбу ответил, «что по случаю глубоких снегов он двинуться не может <...> Тогда граф Каменский решился идти один противу неприятеля» [35, с. 168]. Оставив всю тяжелую артиллерию под прикрытием двух батальонов в Кишинёве и Чучудине и взяв для

отряда десятидневный запас провизии, он двинулся по трём разным дорогам на расстоянии 12–15 вёрст одна от другой. Всем трём частям следовало прибыть в Ганкур одновременно. Сам генерал шёл со средней колонной. По ходу продвижения план нарушился: правая колонна замедлилась в пути, левая под началом генерала П. П. Ласси, напротив, приблизилась к Ганкуру раньше намеченного. Приняв прибывших первыми за обыкновенный разъезд, неприятель выставил против них всего 200 конных. Каменский, сходу оценив ситуацию, послал от своей колонны подкрепление в виде отряда казаков, двух эскадронов Лубенского полка графа Мелино, эскадрона Переяславского полка под началом ротмистра Ардели и поручика Георгия Сабо и приказал им ударить в тыл неприятельской кавалерии. *«Снег на поле сражения был настолько глубок, что кавалерия и казаки вынуждены были спешиться и стоя дрались с татарами, также сошедшими с коней; пехота же и артиллерия почти не принимали участия в деле по невозможности двигаться в снегу»* [35, с. 170]. Картина боя выглядела ужасающе: противники рубились, стоя по колено в окрашенных кровью сугробах. Дерзкий замысел М. Ф. Каменского удался, и неприятель был сокрушён. Преследуя бегущих, русским удалось разбить ещё один вражеский отряд в 700 человек, стоявший у деревни Кайнарджи, той самой, в которой в 1774 году был подписан мир. Турки укрылись в Сокульцах. Темнота и усталость людей и лошадей не позволили добить неприятеля.

«Татары потеряли 20 человек убитыми и до 300 ранеными, в числе которых много знатных татар. В этом деле убит, после отчаянной защиты, сын татарского хана Магомед Герена [Мехмед Гирей имел титул калги, т. е. второго по значимости лица в Крымском ханстве. — Е. П.], начальствовавшего в Каушанах. Каменский послал его тело отцу, сопроводив словами: "не как российский генерал, но как отец"» [35, с. 170].

Командующий Украинской армией в Бессарабии генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев направил императрице Екатерине II подробное донесение о баталии, случившейся 19 (30) декабря 1789 года у Ганкура. В конце рапорта он сообщил:

«Помянутый генерал Каменский похваляет отличившихся в сем деле: походного атамана Кульбакова <...>, донского полковника Мешакова передовым полком командовавшего, Переяславского карабинерного полку ротмистра Ардели и поручика Сабо, которые в первом

Граф М. Ф. Каменский. Неизв. хуг. Конец XVIII в.
Государственный мемориальный музей
им. А. В. Суворова. Санкт-Петербург

деле не отставая от казаков, следовали их подкрепляя <...> Наконец означенный Генерал свидетельствует что все войска Ея Императорскаго Величества употребленные к сему воиску таковую охоту и усердие оказывали, что не взирая на чрезвычайную стужу, глубокие снеги и усталость так не желали, как сразиться с неприятелем и иметь случай показать храбрость свою» [36].

В 1789 году на Дунае произошли перемены: общее командование армией принял фельдмаршал Г. А. Потёмкин. После трёх неудачных попыток взять один из главных оплотов турок на Дунае крепость Измаил он поручил штурм цитадели генерал-аншефу Суворову. Фортификационные сооружения мощной крепости были возведены под руководством европейских инженеров. 11 бастионов с 265 орудиями соединял земляной вал вышиной в 3–4 сажени, который опоясывал ров шириной до шести и глубиной от 3-х до 5 сажень; *«местами он был наполнен водой глубиной до плеч»* [37, с. 32]. Защищал Измаил 35-тысячный отряд под началом поседелого в боях трёхбунжучного Айдослу Мехмед-паши. (Бунчук — древко с привязанным хвостом коня — являлся

Схема штурма Измаила. Из книги: Бескровный Л. Г. Атлас карт и схем по русской военной истории. М., 1946 г.

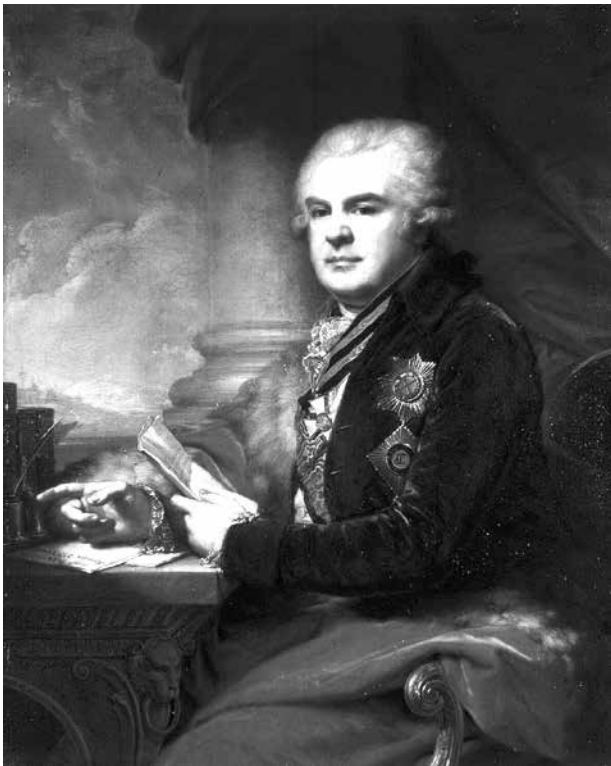
в Османской империи символом власти и использовался вместо штандартов.) «Без кичливости и без слабодушия, он постоянно высказывал твердость и решимость, скорее похоронить себя под развалинами крепости, нежели сдать ее» [37, с. 34].

Как всегда энергичный, Александр Васильевич Суворов, приняв 2 (13) декабря 1790 года командование, распорядился вернуть отошедшие от крепости войска и блокировать Измаил с суши и с реки. В течение шести дней воинские части отрабатывали навыки штурма на макетах крепостных стен, земляного вала и рва, в кратчайший срок возведённых неподалёку. Затем Суворов направил начальнику крепости ультиматум: «Сераскиру [главнокомандующему. — Е. В.], старшинам и всему обществу: я с войсками сюда прибыл. 24 часа на размышления для сдачи и воля: первые мои выстрелы и неволя: штурм смерть. Чего оставляю вам на рассмотрение» [37, с. 45]. Ультиматум был отклонён известными словами: «Скорее Дунай остановится в своем течении и небо рухнет

на землю, чем сдастся Измаил» [37, с. 45]. Получив категоричный ответ, военный совет постановил приступить к штурму 11 (22) декабря, дабы не дать неприятелю время ещё более укрепиться. «Атакующие войска разделялись на три отряда (крыла) по три колонны каждый» [37, с. 51]. Со стороны Дуная находился гребной флот и десантные войска общим количеством 9 000 человек под командованием генерал-майора Де Рибаса, правое крыло в 7 500 человек возглавил П. С. Потёмкин, левое крыло в 12 000 человек — генерал-поручик А. Н. Самойлов. Колоннами под общим руководством Самойлова руководили бригадиры В. П. Орлов, М. И. Платов и М. И. Голенищев-Кутузов. В подчинении бригадиров помимо регулярных частей находились донские и украинские казаки. «Отборным» казакам по сложившейся традиции поручалось охранять высокие офицерские чины. В личной охране А. Н. Самойлова находился хорунжий Малороссийского регулярного казачьего полка Григорий Демьянович Сабов.

Генерал Самойлов приходился фельдмаршалу Потёмкину племянником и слыл безудержным храбрецом. Его камзол украшали награды, честно добытые на полях брани: Георгий 4-го класса за мужество, проявленной в боях у Силистрии, Георгий 2-го класса за доблесть при штурме Очакова, орден Св. Александра Невского за отвагу при Каушанах, Килии и Бендерах.

«Под Измаилом собралось много посторонних офицеров и знатных иностранцев (они группировались преимущественно на флотилии), наехавших отовсюду в армию и жаждавших отличий, славы или сильных ощущений» [37, с. 58]. Иностранцы — Ланжерон, принц Карл де Линь, граф Ришелье, русские — Валериан Зубов, Гудович, Лобанов-Ростовский — мечтали *«получить какую-либо часть в команду»* [37, с. 58]. Между желавшими отличиться в баталии происходило своего рода соперничество, и охранять смельчака-генерала Самойлова, бесстрашно идущего впереди войск под пули, приставленным к нему казакам было непросто.

Граф А. Н. Самойлов. Худ. И. Б. фон Лампи (старш.). 1794 г. Гос. Эрмитаж

О Григории Сабове известно, что службу он начал кадетом в 1779 году в Изюмском гусарском полку, продолжил в Ольвиопольском полку, а затем был переведён в Малороссийский регулярный казачий полк [38]. Григорий Демьянович сражался под Очаковым, выбивал

неприятеля из Каушан (современный город Кэушень в Молдове), принуждал к сдаче защитников Аккермана (крепость Белгород-Днепровский, Украина), и теперь оказался у Измаила.

Взятию крепости предшествовал энергичный, в течение суток, артиллерийский обстрел из 600 орудий с береговых позиций и кораблей флотилии. Взвившаяся в 3 часа ночи ракета объявила о начале штурма. Османы встретили наступающих яростным ружейно-артиллерийским огнём. С большими потерями были взяты ров и вал, после чего к стенам крепости были приставлены штурмовые лестницы. Спешившиеся гусары с саблями, пехотинцы со штыками, казаки с пиками схватились с защитниками Измаила в ближнем бою.

Прорвавшись внутрь крепости, бойцы перевели дух и с разных сторон двинулись вперёд. *«С ружьями на перевес, с музыкой, русские неудержимо двигались к центру города, опрокидывая все на своем пути: справа Потемкин, с севера казаки, слева Кутузов, с речной стороны Рибас. Начался новый бой: закипел на жизнь и на смерть, и особенно ожесточенное сопротивление продолжалось до 11 часов утра. Узкие улицы были полны защитников, из всех домов производилась стрельба, во всех более обширных зданиях толпы засели, как бы в укреплениях, на всех площадях был неприятель. Сколько улиц, — столько отдельных отрядов и битв»* [37, с. 74].

Неприступная крепость пала в течение дня. Потери турок составили 25 тысяч человек убитыми и 9 тысяч ранеными. Тела погибших защитников Измаила сбрасывали в Дунай. Потери русских — около 4-х тысяч погибших и 6 тысяч раненых.

Участников взятия Измаила императрица вознаградила по-разному. За славную победу Суворов был произведён в подполковники Преображенского полка и удостоен памятной персональной медали. Потёмкин принял осыпанный алмазами фельдмаршальский мундир. Генерал-поручику Самойлову был пожалован орден Святого Владимира 1-й степени. Тем офицерам, кому не достались ордена, были вручены двухсторонние кресты с надписями *«За отменную храбрость»* и *«Измаил взят — декабря 11 — 1790»* и «одарительные» листы, по которым уменьшался срок службы. Нижние чины получили специально отлитые по этому поводу медали. О том, чтобы Григорий Сабов получил поощрение в виде повышения в чине, позаботился командир Чугуевского полка, где Сабов продолжал службу. Во время штурма Измаила подполковник Д. Е. Лесли командовал спешенной

кавалерийской бригадой, состоящей из казачьих полков.

В 1792 году Лесли обратился с письмом к графу А. Н. Самойлову:

«Ваше Высокопревосходительство милостивый государь,

Малороссийского регулярного казачьего полка хорунжий Сабов, который вовремя Измаилско-го имел щастие быть при вашем высокопревосходительстве и имея от вас милостивого государя одобрение, был представлен с прочими к награждение чином за его труды, а так как еще и по сие время он не получил никакого награждения. Здес же слух носитца, что не бугит никому из офицеров инога награждения, как присланные похвалны листы, он то боитца, чтоб ему совсем не остатца без награждения. Не смея он сам ваше высокопревосходительство беспокоить своей прозбой, просил меня, чтобы я у вас милостивого государя выпросил ему сию милост, чтоб он получил за измаилской штурм повышение чина. Я, зная великодушие вашего превосходительства и надеясь на вашу ко мне милост, осмеливаюсь всепокорнейши утруждать мою прозбу, чтоб не лишить вашего милостиваго покровительства помянутого хорунжего Сабова.

Поручая себя высочайшим вашим милостям, с глубочайшей моей к вам преданностью и совершеннейшим высокопочтанием честь имею быть» [39].

Государственной военной коллегией Григорий Сабов был произведён в сотники, что приравнялось к чину ротмистра в гусарских полках.

Вместе с Григорием Демьяновичем в штурме Измаила участвовали его родные братья, состоящие в Малороссийском полку, кадет Степан и вахмистр Пётр Сабовы.

После окончания турецкой кампании Г. Д. Сабов в составе Чугуевского казачьего полка (переименованный Малороссийский регулярный казачий полк) принуждал сложить оружие восставших поляков. В отставку он вышел в 1798 году подполковником и служил судьёй в Ольвиопольском уезде.

Есть такая профессия – Родину защищать. 1812 год

10 (22) июня 1812 года Наполеон обратился с воззванием к войскам, обвинив Россию в нарушении Тильзитского мирного соглашения, а французский посол в Петербурге передал председателю Государственного совета Российской империи ноту с объявлением войны. На другой день, вернее ночью, рота французских

сапёров переправилась через Неман и вступила в перестрелку с казачьим разъездом. Ещё через четыре дня основная, 220-тысячная, часть армии Наполеона пересекла границу России. 16 (28) июня французы вошли в Вильну. Дальнейшее наступление развивалось по трём направлениям: северному с конечной целью – Петербург, центральному – на Москву и южному по линии Брест – Пинск – Луцк.

По плану Наполеона на северном направлении 32-тысячному корпусу маршала Ж. Э. Макдональда предстояло занять Ригу, а затем, соединившись с 28-тысячным корпусом маршала Н. Ш. Удино, двинуться на северную столицу. Остановить возможное продвижение неприятеля на Петербург главнокомандующий 1-й армией Барклай-де-Толи поручил 25-тысячному корпусу генерала П. Х. Витгенштейна. В течение июля противники маневрировали и вступали в непродолжительные схватки вдоль линии Западной Двины между крепостью Динабургом и Полоцком.

Майор Иван Петрович Сабо, старший сын Петра Лазаревича, встретил войну в Екатеринбургском гренадёрском полку в составе корпуса Витгенштейна.

13 (25) июля 1812 года авангард корпуса из нескольких полков находился в городе Друе. Гродненский полк Я. П. Кульнева был оставлен на левом берегу Двины *«для пересечения неприятелю коммуникации и для захватения всего, что ему встретится»* [40, с. 14]. За два дня гусары генерал-майора Кульнева взяли сторожевой пост, разгромили шедшие под прикрытием полутора тысяч человек вражеские обозы и захватили более 400 пленных. Однако успешные действия гродненских гусар получили негативное продолжение. Майор Сабо, *«находившийся с командою своей у магазинов для печения хлеба»*, увидел, как после налёта Кульнева противник *«в большой тревоге делал движении со своими обозами, и собралось войск в большом числе, счёл, что он будет там переправляться, зажёл все пекарни и сделал фальшивую тревогу»* [40, с. 16]. Инициативу Сабо поддержал находившийся со своим отрядом у мостовых укреплений бригадный командир К.Ф. Казачковский. Он сжёг *«также без нужды все Дризенские магазины [склады с запасами продовольствия в городе Дрисса. – Е. В.] и мост наш при укреплениях»* [40, с. 16]. Эти поспешные действия вынудили два драгунских полка срочно отступить в направлении Себежа. Днём русские части вернулись обратно к оставленным позициям.

К чести Ивана Петровича надо сказать, что в дальнейшем он мужественно сражался

с французами и в 1813 году удостоился Золотой сабли за храбрость. И. В. Сабо дослужился до полковника и был кавалером орденов Св. Анны 4-й и 5-й степеней, ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом, ордена Св. Станислава 3-й степени. После Отечественной войны 1812 года И. П. Сабо командовал 11-й егерским полком и неоднократно в отсутствие командующего 3-й бригады 7-й пехотной дивизии замещал его [41].

Фёдор Михайлович Сабо, двоюродный кузен Ивана Петровича, до нашествия армии Наполеона на Россию был сугобо гражданским человеком. По окончании Орловского народного училища он поступил сначала в Петербургское, а потом в Московское губернское правление. 28 июля (9 августа) 1812 года губернский секретарь Ф. М. Сабо вступил в чине подпоручика в Московское ополчение и вместе с другими ополченцами 26 августа (7 сентября) был «*в действительном сражении при селе Бородино*» [42, л. 9].

Московскую и смоленскую милицию, так называли ополчение, предполагалось использовать не самостоятельно, а в качестве дополнения к регулярным частям. Оружием ополченцам служили пики и сабли. В реляции императору о Бородине Кутузов указывал на участие в битве десяти тысяч москвичей. Согласно диспозиции перед боем начальнику корпуса московских ополченцев генерал-лейтенанту И. И. Маркову (Моркову) надлежало стоять «в затылок» к третьему пехотному корпусу у деревни Утица Ратники в любой момент были готовы вступить непосредственно в бой. Однако необходимость не случилась, и ополченцы сыграли предначертанную им роль резерва. По окончании битвы московские ополченцы собирали раненых и отправляли их в Можайск [43].

В октябре 1812 года по роспуску ополчения Ф. Сабо ушёл с военной службы и поступил комиссионером в подмосковный Клин. Об участии в военной кампании 1812 года Фёдору Михайловичу напоминала серебряная медаль на голубой ленте. В 1817 году за «храбрость против неприятеля» ему было объявлено «Монаршее благоволение». Происходивший из венгерского шляхетства Фёдор Сабо в 1821 году указом Герольдии был утверждён в дворянском достоинстве и внесён с потомством во 2-ю часть Дворянской родословной книги Московской губернии не на основании высочайше пожалованной в 1785 году его отцу дворянской грамоте, а по чину подпоручика [42, л. 11].

Александр Сабо, родной брат Фёдора Михайловича, напротив, имел за плечами опыт воинской службы в Елисаветградском конноегерском полку (гусарский полк генерала

Дунина). В 1798 году он перешёл с воинской службы на гражданскую с «переименованием» поручика в штатский чин губернского секретаря, поступил в департамент Внешней торговли и дослужился до титулярного советника [44]. В 1812 году А. М. Сабо добровольно поступил в полк великой княгини Екатерины Павловны.

Идеи о народном вооружении, ополчении и устройстве отдельных батальонов и полков за счёт богатых жертвователей сделались с начала вторжения французов очень популярными в России. Родная сестра императора Екатерина Павловна предложила сформировать батальон из её собственных крестьян: по одному рядовому воину с каждой сотни крепостных. Поскольку владения великой княгини располагались в разных уделах, крестьяне поступали в батальон из 12 губерний. Обмундирование, вооружение, провиант, а также жалование ратников в продолжение всей военной кампании Екатерина Павловна обещала обеспечивать из собственных средств. После окончания войны семьи ополченцев освобождались от оброка и рекрутской повинности. 3 (15) июля на официальном предложении сестры о формировании батальона Александр I наложил резолюцию «с *живейшей признательностью приемлю*» [45, с. 14]. К этому дню был готов детальный план по созданию егерского именного батальона. Форма егерей состояла из тёмно-зелёного мундира, панталон с крагами и мохнатой шапки с козырьком и вензелем «Е». Чёрная перевязь дополняла костюм. Оружием воинам служило егерское ружьё со штыком. Помимо зачисленных в батальон 712 крестьян в его состав входили музыканты, 20 унтер-офицеров и вольноопределяющиеся из мещан и купцов. Батальон возглавил полковник князь А. П. Оболенский. Штабс-ротмистр Александр Михайлович Сабо был назначен ротным командиром [45, с. 60].

В октябре 1812 года А. М. Сабо перевели согласно высочайшему приказу в Псковский драгунский полк [46. Приложения. С. 145].

К началу Отечественной войны в русской армии, использующей линейную тактику боя, насчитывалось 37 драгунских полков. Каждый из них состоял из четырёх эскадронов при 16-рядном составе взвода. Из-за боевых потерь и других лишений многие полки пришлось переформатировать в трёх- и даже двухэскадронные с 12-ти или 10-ти рядами во взводах. Высочайшим повелением в середине декабря 1812 года было решено сократить число драгунских полков вдвое, заменив их на другие виды

кавалерии. Таким образом Псковский полк сделался кирасирским.

Хотя наполеоновские войска были изгнаны из России, *«достоинство русского народа не могло быть этим удовлетворено; оно требовало, чтобы оскорбление, нанесенное сердцу России — Москве, было смыто русским солдатом в парижских водах... Да и Европа теперь от России только и ожидала освобождения ее от наполеоновской тирании»* — так высокопарно обобщал летописец псковских кирасир перенос военных действий за границу — *«война за наше отечество сменилась войной за свободу целой Европы»* [46, с. 351–352]. Из европейских сражений с участием Псковского полка следует отметить сражение у Кульмы 17–18 (29–30) августа 1813 года, где он дрался в составе объединённых войск против армии генерала Ж. Д. Вандамма, и 6–8 (18–20) октября *«грандиозный бой четырёхсот-тысячной массы, закончившийся поражением французского императора, пленением короля саксонского и победным вступлением союзнических войск в Лейпциг»* [46, с. 363–364]. В этой «битве народов», как называют историки сражение под Лейпцигом, *«псковским кирасирам не раз приходилось удерживать стремительные атаки неприятеля на нашу пехоту или батареи, самим атаковать его, преследовать, рубить и топтать»* [46, с. 363–364].

В начале января Псковский кирасирский полк с трудностями, вызванными ледоходом, переправился через Рейн в районе Страсбурга, принял участие в Бриенском сражении и в составе войск союзников вступил во Францию. Отступавшие французские войска заняли Лаброссель и Труа. В феврале 1814 года корпус Витгенштейна, в который входил полк, в очередной раз атаковал противника. *«Лихой натиск псковских кирасир на неприятеля от Лаброссель до Труа был по достоинству оценен начальством»* [46, с. 366]. В марте произошёл упорный бой с участием кирасир у Арссиса. Оставив город, французы с целью стать на пути главной армии двинулись к Витри. Кирасиры последовали за ними. От Витри открывалась дорога на Париж.

«Наступило 19 марта, день знаменательный, беспремерный в истории: русские союзные войска входили победителями "во всемирную столицу великой нации"! Они вступали по особому составленному порядку. Псковские и прочие кирасиры с артиллерией замыкали торжественное шествие по улицам Парижа <...>. В мае Псковский кирасирский полк — истомленный, истаявший, но гордый сознанием небесплодности перенесённых им жертв, возвращался на

родину» [46, с. 370–371]. В России Александр Михайлович Сабо продолжил гражданскую службу.

Дмитрий, сын Николая Васильевича Сабо, непосредственного участия в сражениях не принимал. Поступив в 1813 году юнкером в уланский великого князя Константина Павловича полк, он был сразу послан в герцогство Варшавское в команду генерала от кавалерии А. С. Кологривого [47].

Чёрные гусары. Отец

О таких, как Константин Петрович Сабо, говорят, что «всю жизнь провёл в седле». Восемнадцатилетним он был принят юнкером в Александрийский гусарский полк и дослужился до ротмистра. Полк был сформирован на основе Долматского и Македонского полков и назван по имени городка Александрийск (позже Александрия) в Новороссии. За чёрный ментик, чёрный доломан с красным воротником, чёрные чакчиры, чёрные ташку с чепраком и чёрную масть лошадей александрийцев прозвали «чёрными гусарами».

Вместе с полком Константин Сабо участвовал в войнах — с Францией (1806–1807), русско-турецкой (1810–1812), Отечественной

Чёрный гусар в 1812 г. Хуг. П. Алехин.
Рис. из коллекции А. В. Громова

1812 года и последовавшими заграничными походами (1813–1814). Он побывал в Австрии, Пруссии, Польше, Молдавии, Валахии, Болгарии, Пруссии. Сражался с наполеоновской армией под Чарновым и Пултуском, брал крепости Шумлу, Руцук (теперь болгарские портовые города на Дунае Шумен и Руцук) и Журжу (румынский город Джурджу на правом берегу Дуная), бился с турками у деревни Батин [48].

В начале войны 1812 года Александрийский полк входил в состав 3-й Западной Обсервационной (резервной) армии и находился на южном направлении, в районе Луцка.

Первым крупным успехом русских войск в пределах России стала победа при Кобрине, небольшом городке в Гродненской губернии. В Кобрине находились бригада саксонцев под командованием генерал-майора Г. фон Кленгеля. Готовясь к битве, генерал от кавалерии А. П. Тормасов разделил Обсервационную армию на несколько частей: в то время, как основные силы должны были наступать на Кобрин, другим частям следовало охранять тылы со стороны Луцка и активностью в районе Пинска вводить противника в заблуждение. 15 (27) июля части Обсервационной армии окружили город плотным кольцом. Саксонцам не удалось закрепиться внутри деревянного Кобрина. Русская артиллерия подошла к городу с нескольких сторон. Начавшись в 9 утра, битва к полудню закончилась. Саксонцы сражались с необыкновенным упорством, но оттеснённые, а затем запертые в полуразрушенном замке, сдались.

Тормасов доложил, что число погибших противников превысило 2 000, а число пленных, включая самого Кленгеля, – 66 офицеров и 2 234 рядовых. По окончании битвы генерал великодушно распорядился вернуть пленным офицерам шпаги. На самом деле Тормасов сильно зависил потери неприятеля. Победу под Кобриным современники называли «пустяшной». Действительно, она не оказала никакого влияния на ход дальнейших событий. Из-за недостатков в снабжении и разногласий в командовании Тормасов вынужден был прекратить наступление. Но битва у Кобрина, будучи первой победой русского оружия в Отечественной войне, явилась утешительной вестью в горестный для страны час.

В Кобринском сражении участвовали семь эскадронов Александрийского полка. В официальных рапортах Тормасов называл Александрийский полк Чёрными гусарами.

За Кобриным последовали сражения александрийцев у Пружан, Городечно, Несвижа, Борисова, Березина. После освобождения России

от французов полк продолжил воевать в Европе. Лютцен, Кацбах, Дрезден, Фрайбург, Лейпциг, Краон, Лаон, Фер-Шампенуаз – вот неполный перечень мест, где чёрные гусары проявили доблесть.

В бою при Кацбахе 14 (26) августа 1813 года Александрийский полк сражался бок о бок с союзниками – прусским полком «Гусары смерти». Как и александрийцы, пруссаки носили чёрную форму. Сильнейший ливень вывел из строя ружья; бой вёлся холодным оружием и артиллерией. После нескольких удачных атак поздравить забрызганных грязью «от киверов до пят» гусар подъехал командующий объединённой русско-прусской Силезской армией генерал Г. Л. Блюхер. Он полагал, что перед ним «Гусары смерти», но временно принявший Александрийский полк князь В. Г. Мадатов доложил генералу: «Это не «Гусары смерти», а «Бессмертные»». С тех пор за александрийцами закрепилось имя «Бессмертные» [49].

За баталии 1812–1813 годов чёрные гусары получили коллективные награды: надпись на киверах «За отличие 14 августа 1813» и Георгиевские трубы. Личными наградами Константина Петровича Сабо стали серебряная медаль на голубой ленте в память кампании 1812 года и «Анна» с «Владимиром» 4-й степени «за оказанные услуги» в битвах у реки Кацбах и при городе Бриен-ле-Шато [48].

В отставку Константин Петрович вышел в январе 1823 года майором с мундиром.

Артиллеристы – отцовские кузены. Взятие Силистрии

Герой Измаила подполковник Григорий Демьянович Сабо своим трём сыновьям дал хорошее военное образование. Иван, Александр и Владимир поступили в Михайловское артиллерийское училище, которое окончили соответственно в 1825-м (первый выпуск училища), 1828 и 1831 годах [50, с. 5, 10, 15]. Подполковник Александр Григорьевич Сабо (Сабо в списке Георгиевских кавалеров) за беспорочную многолетнюю службу удостоился в 1847 году Георгия 4-ой степени [51]. Генерал-майор Владимир Григорьевич Сабо занимал должность командира Михайловского Шостенского порохового завода [52]. Иван Григорьевич Сабо, будучи молодым прапорщиком 9-й артиллерийской бригады, вошёл в военную историю благодаря профессиональным действиям в кампанию против Турции 1828–1829 годов.

Формальным поводом нового русского-турецкого противостояния стало закрытие Портой

прохода через Босфор после победы русского флота в Наваринском сражении (1827 год). Боевые действия силами Дунайской армии и Кавказского корпуса происходили на Балканах и в Закавказье. На европейском фронте первый (1828) год войны русская армия понесла чувствительные потери и стала в преддверии зимы около крепостей Руцук, Шумла и Силистрии. Зимой обе стороны использовали для восстановления сил. К весне численность турецкой армии на Балканах возросла до 150 тысяч и могла рассчитывать на подкрепление в количестве сорока тысяч албанцев. Русская армия противопоставляла противнику сто пять тысяч человек. Новый командующий армией граф И. И. Дибич задался целью перейти Балканы и первой боевой задачей обозначил взятие Силистрии. Интерес к крепости был неслучаен: Силистрия являлась ключом к Валахии. Русские войска пытались взять её неоднократно в 1773, 1809, 1810, 1828 годах. Только одна осада в 1810 году привела к её капитуляции, но по мирному договору Силистрия снова отошла к Османской империи. Вот как описывал крепость современник: *«Местное положение крепости не представляет особенных выгод для ее защиты. Она расположена на низменном берегу Дуная, где река, делясь изгиб, разделяется на три главные рукава. Укрепления своими Силистрия занимает полукруг, имеющий в диаметре слишком 800 сажень, а в окружности более трех верст. Четыре полигона оной обращены к Дуная, а шесть к нагорной стороне, разделяемой четырьмя глубокими и длинными долинами ... Сама крепость, как мы видим, состоит из 10 полигонов и сверх того имеет наружные отдельные укрепления временного построения»* [53, с. 151]. За земляными укреплениями со стороны Дуная шёл ров. Гарнизон состоял из 15 000 человек, включая *«2 полка регулярных, 2 000 азиатцев, а остальное — вооруженные жители»* [53, с. 152].

Войска, которым предназначалось участвовать в осаде и взятии крепости, выступили 5(17) мая в 3 утра. Шли бодро в три колонны с песенниками впереди. Первыми крепости достигли 9-я пехотная дивизия и Петербургский уланский полк с сопровождающей их артиллерией. Прапорщик Иван Сабо командовал лёгкой 3-й ротой 9-й артиллерийской бригады.

Неприятель с пятью тысячами пехоты и конницы поджидал в ложементях (неглубоких стрелковых окопах) и редутах, оставшихся от прошлогодней осады. Раздавшийся в 9 утра выстрел обозначил начало действий, и находившиеся во главе правой колонны Черниговский и Полтавский полки при поддержке артиллерии

двинулись на противника. Присоединившиеся черноморские казаки смели вражескую кавалерию, опрокинув её на сидящую в редутах свою же пехоту. Через полтора часа защитники крепости удерживали только один, ближайший к ней редут. *«Наконец и сей ложемент неприятель должен был оставить, увидев, что два орудия 9 артиллерийской бригады легкой № 3 роты, под командою Прапорщика Сабо и 2-ой батальон 18-го Егерского полка обходят его вгору по берегу Дуная, а 1-й батальон 17-го Егерского полка остается в резерве. Такая одновременная с двух сторон атака имела желаемый успех, и несмотря, что неприятель защищался с чрезвычайным мужеством, он понес значительную потерю, будучи сильно преследуем меткими картечными выстрелами помянутых двух орудий»* [54].

Главнокомандующий 2-й армией в приказе по армии объявил благодарность прапорщику 9-й артиллерийской бригады Сабо и произвёл его в следующий чин за то, что *«в продолжении всего дела п. Сабо с особенным хладнокровием и искусством наводил свои орудия так, что каждый выстрел наносил вред неприятелю и этому искусному действию молодого артиллериста войска наши были обязаны тем, что без потери овладели неприятельской позицией на правом фланге. Великому князю [Михаилу Павловичу. — Е. В.] это отличие доставило особое удовольствие, и он приказал послать копию с приказа Главнокомандующего в училище для прочтения при собрании всех офицеров и юнкеров»* [55].

Осаду и взятие крепости Дибич возложил на генерал-лейтенанта А. И. Красовского. В течение следующего месяца под руководством военных инженеров между бастионами крепости были построены новые батареи в дополнение к имеющимся и заложены между бастионами три параллели, позволявшие приблизиться к стенам крепости и начать закладывать под них мины. Турки не оставались пассивными, а постоянно производили обстрелы из крепости, вылазки и нападения.

20 мая (1 июня) Дибич послал письмо в крепость с предложением сдаться, но первая попытка склонить коменданта сложить оружие не имела успеха. Только после того, как в результате планомерного взрыва мин в стене крепости образовался проём, турки изъявили желание начать переговоры. Согласно Акту о сдаче, подписанному вечером 18 (30) июня, *«1) Все войска, составляющие силистрийский гарнизон, сдаются военно-пленными с оружием, артиллерией и флотилией, всеми казенными*

Обер-офицер и рядовые конно-артиллерийской бригады.
1830-е годы. Худ. Л.А. Белоусов

принадлежностями и имуществом, сохраняя собственность каждого; 2) Все жители магометанского вероисповедания с женами и детьми, не исключая жен и детей силистрийского губернатора <...> с семействами и имуществом могут выехать из крепости, куда заблагорассудят» [53, с. 179].

На следующий день русские войска вступили церемониальным маршем по двум брешам в крепость и заняли все бастионы и выходы. Число военнопленных за исключением больных и раненых составило 6 500 человек. Трофеями стали 250 орудий, 23 500 снарядов, тысяча бочонков с порохом, многочисленные ящики с патронами, канонерские лодки, баркасы и шлюпки, три бунчука и более ста знамен. Для вывоза местных жителей-мусульман были подготовлены подводы и лодки. Больных и раненых, взятых в плен, трудно было доставить в Россию, поэтому Красовский решил отпустить их в Руцук. По его мнению, «появление этих страдальцев в Руцук, их болезненный вид и рассказы об осаде Силистрии, должны были произвести угнетающее впечатление на защитников Руцука» [53, с. 180].

Матушка Дарья Яковлевна

В жёны майор Константин Петрович Сабо взял полковничью дочь Дарью Перич. Её дед

Пётр Савич Перич, как и Сабо, вышел из Австро-Венгрии и поступил на русскую воинскую службу гусаром. Отец Яков Петрович, бравый улан, отличился в военных кампаниях в Польше и Швейцарии и по отставке поселился в собственном имении Сокольники [56]. К тому моменту, когда Дарья Яковлевна поменяла девичью фамилию на мужнину, полковник почил в бозе, а имением распоряжался её родной брат Пётр Яковлевич Перич. Дарья была девицей образованной – училась сначала в пансионе в Екатеринославле, потом в столице. От отца она унаследовала дерзкий нрав и независимый характер. Брак с Константином Петровичем продлился недолго: подорвавший здоровье на полях сражений супруг скоро скончался, оставив молодую вдову с малолетним сыном Николаем и двумя дочерьми. Дарья Сабо сделалась полноправной хозяйкой части фамильного имения Константиновка, поделённого между братьями Михаилом, Константином, Николаем и Александром Петровичами Сабо и их матерью Елизаветой Константиновной. Смерть мужа она переживала недолго и вскоре нашла утешение. Порочная связь закончилась рождением летом 1841 года младенца. Надеясь избежать огласки, блудная вдова новорождённого ребёнка утопила в отхожем месте [57]. Всё тайное становится явным, и не любившие помещицу крестьяне донесли о случившемся властям. Последовала судебное разбирательство, на время которого подсудимая была помещена в острог. Опрошенные в ходе следствия соседи-дворяне отзывались о Дарье Яковлевне похвально: «Нельзя предполагать, чтобы это преступление было произведено по наклонности к злодеянию, а сколько видно, содеяно оно в минуту болезненного ее при родах состояния, может быть из желания удалить от семейства своего дурной пример и удержать за собой то доброе мнение, которым она в продолжении многих лет пользовалась в кругу своих родных и соседей» [57, л. 35]. Славяносербский уездный суд проявил непреклонность и за убийство блудно прижитого младенца потребовал лишить Дарью Сабо носимого по мужу звания, дворянского достоинства и отправить на каторжные работы. Дальнейшее судебное разбирательство продолжилось в апреле 1843 года на Общем собрании московских департаментов Правительствующего Сената. В ходе обсуждения сенаторы посчитали, что дело возникло «по извету крестьян», а недостаточность улик, отсутствие свидетелей беременности, разрешения от бремени и убийства новорожденного и отказ самой помещицы признать себя виновной позволяют считать произошедшее гибелью

младенца по неосторожности [57, л. 12–12 об., 48–49]. Через полгода вдова Сабо вышла на свободу. Дарья Яковлевна была вынуждена отказаться от наследования имения Сокольниковки, оставшегося после скоропостижной смерти брата Петра Перича. Процесс юридического вхождения в права наследования предполагал длительные судебные разбирательства и уплату долгов покойного. После тюремного заключения Дарья Сабо увязла в долгах. Запрещения на принадлежащую ей землю деревни Константиновка, налагались постоянно, начиная с 1835 года. В 1850 году имение было заложено в приказ общественного презрения [58]. Последнее запрещение датируется 1859 годом за «неуплату по заёмному письму, писанному в 1849 г., 485 руб. серебром с процентами» некому Григорию Яковлевичу Куперману [59].

Таганрожец Николай Константинович Сабо

О муже Марии Павловны Сарандинаки удалось узнать довольно много. Родился Николай Сабо 6 декабря 1824 года и через неделю был крещён в Архангело-Михайловской церкви селения Михайловки Славяносербского уезда [60, л. 14]. Восприемником при крещении стал соседский помещик Стефан Янович. В отличие от своих доблестных предков Николаю Сабо была уготована гражданская карьера. Выпустившись из частного пансиона в 1844 году, он поступил на службу в Таганрогский коммерческий суд служителем. Через четыре года, по выслуге лет, получил чин коллежского регистратора, а затем был произведён в губернские секретари.

В начале 1850-х годов Николая Константиновича был переведён в Таганрогскую портовую таможенную, где он исправлял должность вагетемпельмейстера (весового пристава) и корабельного смотрителя. В феврале 1854 года Сабо был командирован таганрогским военным губернатором «для оказания содействия к успешнейшей перевозке из Таганрога в Геничевск сухарей, заготовленных для войск наших, действовавших в Крыму, и поручение это исполнил в совершенном успехе» [60, л. 15–15 об.]. По окончании задания он получил назначение казначеем и экзекутором в канцелярию губернатора. Во время бомбардирования Таганрога англо-французской эскадрой в мае, июле и августе 1855 года Сабо оставался в городе и «исполнял лежащие на нем обязанности с усердием и деятельностью»,

за что генерал-майор Е. П. Толстой объявил ему благодарность [60, л. 15 об.]. Следующим местом службы коллежского секретаря Сабо стал таганрогский приказ общественного презрения [60, л. 15 об.]. С должности секретаря приказа он уволился коллежским асессором по собственному прошению в 1862 году.

В 70-х годах Николай Сабо продолжил службу по выборам дворянства: являлся посредником полюбовного размежевания и заведовал общественным хлебным магазином (складом для хранения зерна на случай бедствия или неурожая) в уезде. В период работы в Таганрогском градоначальстве Николай Константинович сделал успешную партию, женившись на дочери зажиточного приазовского помещика Павла Фёдоровича Сарандинаки. Помимо имения Павло-Очаково тесть имел в Таганроге дом и служил сначала в Ростовском уездном суде, а потом состоял попечителем хлебных магазинов и посредником специального размежевания [2, с. 183–184]. Мария Павловна после смерти родителя получила долю в отцовском наследстве деньгами и владела собственным значительным капиталом.

Метрическая запись о бракосочетании Марии Сарандинаки и Николая Сабо не сохранилась, но есть неоспоримые косвенные свидетельства их брачного союза. Запись, сделанная в метрической книге таганрогской греческой Цареконстантиновской церкви, гласит, что 11 мая 1864 года у коллежского асессора Николая Константиновича Сабо и законной жены его Марии Павловны родился сын Константин. «Восприемниками ему были при крещении поручик Николай Павлов Сарандинаки [родной брат Марии Павловны – Е. В.] и вдова нагворного советника Наталия Васильева Сарандинаки [мать Марии Павловны. – Е. В.]» [60, л. 17].

В должности заведующего общественными хлебными магазинами Н. К. Сабо совершил серьёзный проступок. Крестьяне села Успенского Славяносербского уезда подали в октябре 1880 года прокурору Изюмского окружного суда заявление на бывшего члена Славяносербской уездной управы Николая Константиновича Сабо, «который в 1878 году, при проверке списка нуждающихся в продовольствии и по обсеменению своих полей крестьян, не иначе соглашался признать требуемую крестьянами ссуду правильной, как чтобы ему было выдано из общественного магазина десять четвертей¹ разного хлеба» [61, с. 34–35]. Поставив условие крестьянам, Сабо прислал в Успенское подводы

¹ Старинная мера объёма сыпучих продуктов, равная ¼ части ведра

для вывоза себе зерна, однако общество «отпустило» ему только половину требуемого количества. Разрешение на выдачу ссуды из общественного магазина пришло с опозданием. Взятые пять четвертей хлеба Сабо возвратил в 1881 году.

В ответ на жалобу Н. К. Сабо написал на имя председателя Екатеринославской губернской земской управы П. А. Янченко «отзыв», в котором заявление крестьян села Успенского назвал клеветой и предложил свою версию событий. *«Находясь непрерывно в течение около 35 лет на службе, сперва 19 лет на государственной, а затем около 15 лет на общественной, по выборам дворянства и земства, в должностях уездного исправника (по выбору), мирового посредника, члена земской управы и посредника полюбовного размежевания, — служебная деятельность моя никогда не была помрачена никакими неблагоприятными, с моей стороны, поступками, в чем, в случае надобности, я могу удостоверить имеющимся у меня аттестатом о службе моей; следовательно, это обстоятельство достаточно показывает, что нравственные качества мои далеко не соответствуют тем деяниям, в каких стараются меня изобличить крестьяне...»* [61, с. 37]. Далее Николай Константинович сообщал, что занятость на общественной ниве не позволяла ему заниматься собственными сельскохозяйственными делами, ни имением матери. Престарелая майорская вдова Дарья Яковлевна Сабо самолично управляла Константиновкой. Хлеб действительно был взят, но не самим Николаем Константиновичем, а приказчиком матери, крестьянином Ерофеем Шевченко, *«который хлеба этого своевременно крестьянам не возвратил и, уличенный в воровстве по экономии матери, бежал, не отдавши отчета в своих действиях по хозяйству, о чем производится у местного мирового судьи, по этому предмету дело, приостановившееся за нерозысканием Шевченко»* [61, с. 37–38]. Когда Николай Сабо узнал о случившемся, то не обратил внимания, посчитав делом соседским. После жалобы крестьян он принял меры к тому, чтобы Дарья Сабо возвратила крестьянам «заимобразно взятый хлеб». Навет крестьян Сабо назвал мезьей за выписанный им, как посредником полюбовного размежевания, штраф в размере 50 рублей Успенскому крестьянскому обществу. Крестьяне в ответ написали «удостоверение» в том, что в 1878 году им из общественных хлебных запасов Сабо вовсе не отпускал зерна. По заявлению крестьян было возбуждено согласно ст. 377 уложения о наказаниях дело, и Н. К. Сабо обвинили в преступлении. Дело

получило огласку: в газете «Южный край» появилась заметка [61, с. 43].

Как когда-то соседи-дворяне поддержали и защитили мать Николая Константиновича, так и теперь уездное дворянство в лице председателя встало на защиту чести коллежского асессора. П. В. Голуб обратился к председателю губернского земского собрания с заявлением в поддержку Николая Константиновича. Отпуск зерна Дарье Сабо он посчитал законным, поскольку в пору неурожаев хлебные запасы из общественных магазинов отпускались в первую очередь сиротам и вдовам, а жалобу крестьян — продолжением конфликта с Успенским волостным старшиной Ждановым, который не соответствовал занимаемой должности и был подвергнут в прошлом критике Сабо. Высокие нравственные качества, а также *«имущественное и семейное положение г. Сабо не допускает даже никакого понятия о том, чтобы 5 четв. ржи могли составлять для него какой-нибудь интерес, т. к. семейство г. Сабо заключается из старухи матери, владеющей в этом уезде имением в 700 десят. земли, свободной от всякого залога и долгов и с примерно организованным сельско-хозяйственным обзаведением и из одного несовершеннолетнего сына, воспитание коего вполне обеспечено наследственным от его умершей матери наличным капиталом в 30 000 р., как это видно из дел дворянской опеки»* [61, с. 47–48]. Выданная Сабо крестьянам расписка, по мнению Голуба, снимала с Николая Константиновича всякое подозрение во взяточничестве, а жалоба крестьян представляет клевету, основанную на подтасовке фактов.

1882 год для Николая Константиновича оказался неоднозначным. В апреле на его имение *«где бы оно не находилось за неплатёж им псаломщику Антону Макаровскому по векселю»* было наложено запрещение [62]. В том же месяце удача ему улыбнулась, и к нему за долг в 1300 рублей перешло имение Исаковка соседа Николая Исаковича Миоковича [63]. На этом полоса везения закончилась. То ли неумелое ведение сельского хозяйства, то ли карточные пристрастия привели финансовое состояние Николая Константиновича к краху. В 1887 году решением Изюмского окружного суда Николай Константинович Сабо был признан несостоятельным по статье 1266 [64].

Николая Константиновича можно по праву назвать «почётным опекуном». По семейному законодательству XIX века опекун полностью заменял подопечного в совершении юридических действий и, будучи представителем опекаемого, мог совершать от его лица различные

сделки. Почему Сабо брал на себя заботу об оставшихся без отцов несовершеннолетних родственниках, неизвестно. Возможно, он был просто добрым, отзывчивым человеком. Так или иначе, на попечении Н. К. Сабо остался десятилетний Владимир, сын двоюродного брата Александра Николаевича Сабо [65]. Первоначально мальчик учился в Полтавской гимназии, но после смерти родителя был переведён дядей в Таганрогскую гимназию, где и проучился под надзором опекуна шесть лет. Получив аттестат, молодой человек подал документы в Петербургский университет, который закончил с дипломом юриста в 1884 году. От отца к Владимиру Александровичу Сабо перешла часть деревни Константиновки (она же Бугаевка) в 530 десятин земли. В 1882 году имение несовершеннолетнего Владимира Сабо попало под запрещения. «Запрещение учинено было прежнему владельцу отставному 1 разряда писцу Александру Николаевичу Сабо (отцу Владимира) за неуплату им должных денег за экономию генерал-майору Шевичу 1500 р.» [66].

По смерти двоюродного кузена Дарьи Сабо штабс-капитана Григория Дмитриевича Перича дворянская опека в 1849 году возложила заботу о его несовершеннолетних детях Софье, Ольге, Наталье, Михаиле и Петре Перичах на Н. К. Сабо [67, л. 2–2 об.]. Недвижимое имущество юных Перичей заключалось в части деревни Ящиково Славяносербского уезда, доставшейся от прадеда генерала И. Х. Штерича, участника былых событий на Карасунских озёрах. В 1863 году Ящиковское сельское общество на сходе единодушно постановило, игнорируя Сабо, обратиться к 83-летней баронессе Кампенгаузен, также являющейся родственницей оставшихся без отца сирот, с просьбой разрешить перейти на обозначенный в уставной грамоте оброк [67, л. 10].

На рубеже эпох. Эпилог

Овдовев, Николай Константинович Сабо занялся воспитанием сына. Константин окончил 7 классов Полтавской гимназии [68], а затем, как и троюродный кузен Владимир, был переведён отцом в Таганрог. По окончании курса гимназических наук, он в 1885 году поступил в Новороссийский университет на юридический факультет [69]. Деньги, доставшиеся от покойной матери и хранившиеся под бдительным присмотром дворянской опеки, обеспечили молодому человеку достойное образование.

От бабушки Дарьи Яковлевны студент Сабо унаследовал семейную вотчину

Константиновку. 1209 десятин земли деревни Малая Константиновка, межёванной в 1889 году, принадлежали «действительному студенту Константину Николаевичу Сабо и крестьянам собственникам той деревни» [70].

Профессиональную карьеру Константин Сабо начал присяжным поверенным в Одессе. В 1902 году он жил в городе у моря по адресу Ямская, 95 [71].

Женившись, К. Н. Сабо переехал в Екатеринослав, где поселился с семьёй на Семиарской улице в доме Померанца и занялся юридической практикой [72]. Дела у присяжного поверенного, помощника юрисконсульта шли неплохо и в 1916 году он по купчей крепости сделался владельцем 5 десятин 470 кв. сажень земли при деревне Каменка Еленовской волости Славяносербского уезда [73]. У дворянина Константина Николаевича Сабо и его законной жены Ольги Николаевны 27 июля 1907 года родилась дочь Нина. Новорождённая была крещена в Преображенском соборе Екатеринослава [74]. Как сложилась дальнейшая жизнь Константина Николаевича, неизвестно. Вероятно, он остался в советской России.

Его дочь Нина Константиновна Сабо всю жизнь прожила в Екатеринославе (Днепропетровске) и покинула бранный мир в 1998 году. На ней закончилась одна из ветвей древнего венгерского рода.

ИСТОЧНИКИ. ЛИТЕРАТУРА. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената за 1872 год / под ред. Ротенберга Л. М. Екатеринослав, 1911. С. 797.

2. *Высоцкая Е. П.* Павловичи и Маргаритовичи // Дон. временник. Год 2016-й. Вып. 24. Ростов н/Д., 2015.

3. Пауэлл К. Значение и происхождение фамилии Сабо. URL: <https://www.thoughtco.com/szabo-last-name-meaning-and-origin-1422628>

4. *Илчев Ст.* Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969. С. 439.

5. ЦДІАК України. Ф. 1413. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 11.

6. Там же. Спр. 6. Арк. 46.

7. Там же. Спр. 9. Арк. 180.

8. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 98. В деле «О дворянстве рода Сабо» одновременно употреблены оба варианта написания фамилии: Сабо и Сабовы. В настоящей статье выбрано исторически верное написание фамилии Сабо. При

цитировании первоисточников фамилия приводится так, как употреблена в оригинале.

9. ЦИАМ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2897. Л. 4–9.

10. ГАРО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 439. Л. 10.

11. ГАРФ. Именной указатель к делам Штаба отдельного корпуса жандармов за 1823–1917 гг. Именной указатель к делам Департамента полиции МВД Российской империи.

12. РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 46. 1782 г.

13. Сеоба Срба у Руско царство половином 18 века : зборник радова са Међународног научног скупа у Новом Саду, 7–9 маја 2003 : [издање поводом 250-годишњице сеобе Срба у Руско царство] / [гл. уред. Средоје Лалић]. Нови Сад : Српско-украјинско друштво [и др.], 2005. С. 223.

14. ЦДАК України. Ф. 1413. Оп. 1. Спр. 18.

15. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 202. Ч. 3. Л. 124 об. – 125.

16. Рудаков П. В службу и вечное подданство...: Сербские поселения Новая Сербия и Славяносербия на украинских землях (1751–1764). Киев, 2001. С. 79.

17. Макидонов А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье, 2011.

18. ЦДАК України. Ф. 1413. Оп. 1. Спр. 15.

19. Феодосий (Макаревский А. Г.). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии: церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Вып. 1. Екатеринослав, 1880.

20. ЦДАК України. Ф. 1989. Оп.1. Спр. 563.

21. Там же. Спр. 565.

22. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 93. СПб., 1894.

23. РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 40.

24. ЦДАК України. Ф. 990. Оп. 1. Спр. 594. Арк. 76.

25. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18724.

26. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 581. Ч. 1. Д. 2. Синяя галка.

27. Погов В. И. Донбасс, век XVIII. Луганск, 1988. С. 131.

28. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 273. Ч. 36. Л. 8.

29. Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 599. Ч. 1. Л. 297 об. – 299.

30. Мильчев В. Матеріали до історії болгарського населення України XVIII століття. Запоріжжя, 1999. Арк. 44.

31. Газета «Санктпетербургские ведомости» XVIII века : Указатели к содержанию (1728–1781 гг.) // Библиотека Академии наук : Научно-исслед. отдел библиографии и библиотековедения : сайт. URL : <https://vedomosti1728.ru/card.cgi?r=82&id=43218> (дата обращения 28.07.2022).

32. Альбовский Е. А. История Харьковского полка (11 Драгунский Харьковский Ея Императорского Высочества Великой Княгини Александры Петровны полк). Ч. 1. Минск, 1897.

33. Феофилактова Т. М. Кубань в русско-турецких отношениях в 1778–1783 гг. и А. В. Суворов // По страницам истории Кубани : (краевед. очерки) / под ред. В. Ратушняка. Краснодар, 1993. С. 67–68.

34. Соловьев В. А. Суворов на Кубани повесть. Краснодар, 1986.

35. Петров А. Н. Вторая Турецкая война в царствование Екатерины II. 1787–1791. Т. 2. / сост. Ген. штаба полк. А. Н. Петров. СПб., 1880.

36. Собрание всех помещенных в Ведомостях обеих столиц, с 1787 по 1791 год включительно, реляций о военных действиях против неприятелей Российской империи. Ч. 1. М., 1791. С. 69.

37. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году / сост. Ген. штаба полк. Н. Орлов. СПб., 1890.

38. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3223. Л. 23 об. – 24.

39. РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 814.

40. Попов А. И. Первое Полоцкое сражение (боевые действия на Западной Двине в июле-августе 1812). М., 2010.

41. Список подполковникам по старшинству СПб., 1838. С. 143.

42. ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 1221.

43. Алухтин В. Р. Народная военная сила : дворянские ополчения в Отечественную войну. Т. 1. Ч. 1. М., 1912. С. 58.

44. Копии с Высочайших Его Императорского Величества приказов, отданных при пароле Его Императорскому Высочеству Александру Павловичу. 1797. [СПб, 1798]. С. 254.

45. Языков А. П. Батальон ... великой княгини Екатерины Павловны, герцогини Ольденбургской 1812 года. СПб. 1868.

46. Урусов С. П. История 4-го Лейб-драгунского Псковского ... полка. 1701–1883 г. / сост. кн. С. П. Урусов. 2-е изд. СПб. 1886.

47. Бобровский П. О. История Лейб-гвардии Уланскаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка /сост. сенатор ген.-от-инфантерии П. О. Бобровский. СПб., 1903. Прил. к I т. С. 207.

48. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2241. Л. 35 об. – 36.

49. С. Т. (псевдоним). Чёрные «безсмертные» гусары // Военная быль. 1960. № 45. С. 15.

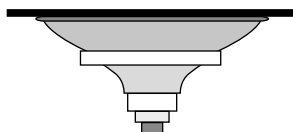
50. Приложения к Историческому очерку образования и развития Артиллерийского училища. СПб., 1870. Списки бывших воспитанников Михайловской артиллерийской академии и училища со времени основания Артиллерийского училища в 1820 году.

51. *Степанов В. С., Григорович П. И.* В память столетнего юбилея императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. (1769—1869). Ч. 2. СПб., 1869. С. 183.
52. ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 2539. Л. 567 об. — 568.
53. *Епанчин Н. А.* На службе трёх императоров : Воспоминания. М., 1996.
54. Современные летописи. Военные события // Отечественные записки. 1829. Ч. 40. № 115. С. 295—296.
55. *Платов А., Кирпичёв Л.* Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820—1870 / сост. А. Платов, Л. Кирпичёв. Т. 1. СПб., 1870. С. 77.
56. *Высоцкая Е. П.* Неуловимый полковник Перич // Донской временник. Вып. 30. Ростов н/Д., 2021. С. 92—101.
57. РГИА. Ф. 1151. Оп. 3. 1843 год. Отделение уголовных дел и герольдии. Д. 224.
58. РГИА. Ф. 577. Оп. 11. Д. 866. Л. 5.
59. Сенатские объявления о запрещениях на имения. СПб., 1859. № 25981. Вып. 94. С. 5129.
60. РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 42.
61. Постановления чрезвычайного Екатеринославского губернского земского собрания 27 и 28 апреля 1882 года с приложениями. Екатеринослав, 1882.
62. Сенатские объявления о запрещениях на имения. СПб., 1882. № 21931. Вып. 30. С. 643.
63. Сенатские объявления о запрещениях на имения. СПб., 1882. № 26214. Вып. 34. С. 767.
64. *Максимов В. Я.* Алфавитный указатель совершеннолетних лиц и товариществ (акционерных обществ, товариществ на паях и торговых домов), ограниченных в правоспособности (объявленных несостоятельными должниками или (лиц) отданных под опеку или попечительство) во всей Российской империи со включением сведений о прекращении не- правоспособности, за время с 1866 г. по 1 июля 1911 г. : Справ. кн. для нотариусов и всех лиц, совершающих акты и засвидетельствования / сост. В. Максимов. М., 1912. С. 670.
65. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23742. Л. 1—11 об.
66. Сенатские объявления о запрещениях на имения. СПб. 1882. № 17361. Вып. 23. С. 512.
67. РГИА. Ф. 577. Оп. 11. Д. 849.
68. Там же. Ф. 733. Оп. 165. Д. 7.
69. Список студентов и посторонних слушателей Новороссийского университета во втором полугодии 1886/1887 учебного года. Одесса, 1887. С. 40—41.
70. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 11. Ч. 2. Д. 42 красная галка.
71. Вся Одесса : адресная книга под ред. В. К. Фельдберга : справ. недвижимых имуществ всего Одесского градоначальства до границы Одесского уезда включительно на 1902—3 гг. Одесса, 1902. С. 187.
72. Екатеринославский адрес-календарь на 1917 год. Екатеринослав, [1917]. С. 138.
73. РГИА. Ф. 593. Оп. 8. Д. 2195. 1916 г. Л. 1—2 об.
74. ДАДО. Ф. 193. Оп. 3. Спр. 437. Арк. 320 об.

***

Выражаю большую признательность профессору Р. А. Литвиненко за возможность ознакомиться с документами.

ВЕСТНИК РОСТОВСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА КРАЕВЕДОВ РОССИИ

В. А. АГЕЕВА

«ДОНСКОЙ КРАЕВЕД» В ТАГАНРОГЕ

В Таганроге 20 – 22 мая 2022 года состоялся XV международный Чеховский книжный фестиваль. Он проводится в городе с 2007 года, в этом году – при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. Традиционны на фестивале презентации новых книг, мастер-классы, публичные лекции, концерты, выставки, ярмарки книжной и сувенирной продукции, творческие встречи с известными российскими писателями, деятелями культуры и искусства, среди которых были Юрий Поляков, Павел Басинский, Андрей Геласимов, Дмитрий Лиханов, Екатерина Барбаняга, Наталья Карпова, Юлия Лавряшина, Дмитрий Минченков.

Впервые же в рамках фестиваля проходило выездное заседание Ростовского областного краеведческого общества «Донской краевед» – регионального отделения Союза краеведов России.

В конференц-зале Дома-музея Чайковских собрались краеведы, учительская общественность, представители архивного, музейного сообщества Ростовской области, сотрудники библиотек Таганрога и Ростова-на-Дону, Станции юных туристов Таганрога, магистранты и студенты факультета истории и филологии Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ) и другие заинтересованные лица. Открыла выездное заседание председатель Ростовского регионального отделения Союза краеведов России, член Совета Союза краеведов России, главный библиограф отдела краеведения Донской государственной публичной библиотеки Лариса Александровна Штавакер. С приветственным словом к участникам обратилась заведующая сектором культурных программ и проектов Управления культуры г. Таганрога, член Совета Ростовского регионального отделения Союза краеведов России Людмила Ивановна Скрынникова.

Символично, что выездное заседание было посвящено 100-летию отечественного краеведческого движения и 100-летию со дня рождения Сигурда Оттовича Шмидта, академика Российской академии образования, первого председателя Союза краеведов России. Л. А. Штавакер продемонстрировала собравшимся слайд-фильм «С. О. Шмидт – 90 лет» (автор-составитель А. Г. Смирнова, г. Москва), сопроводив эмоционально окрашенными комментариями просмотр жизнеописания прирождённого интеллигента-интеллектуала, чей культурный уровень и всесторонняя образованность позволяли свободно ориентироваться во всём пространстве отечественной (впрочем, и не только отечественной) истории

Валентина Анатольевна Агеева, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и филологии Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ)

Организаторы круглого стола (слева направо) Л.А. Штавакер, В.А. Агеева, О. П. Рыбальченко

и культуры. Сигурд Оттович Шмидт своей многогранной деятельностью решил задачу на перспективу: не просто возродил краеведение образца конца 1980-х, но и заложил основы его дальнейшего развития как полноценной научной дисциплины.

Основная часть семинара прошла в формате круглого стола «Краеведение в общеобразовательном пространстве Ростовской области».

Его соорганизаторами стали Ростовское региональное отделение Союза краеведов России, Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ), Управление культуры г. Таганрога и Донской издательский дом г. Ростова-на-Дону. Модератором площадки выступила кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и филологии Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ) Валентина Анатольевна Агеева.

Программа семинара условно содержала дискуссии по отдельным панелям. В первом блоке были даны методические рекомендации по подготовке специалистов в области исторического краеведения. В совместном докладе директор Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ), доктор политических наук А. Ю. Голобородько и декан факультета истории и филологии, кандидат исторических наук В. А. Агеева отметили, что качество подготовки будущих учителей к краеведческим изысканиям требует тщательной

и плодотворной работы преподавателей вузов. Одной из задач в этом направлении, стоящей перед коллективом института, выступает развитие исследовательской работы с обучающимися, формирование у них интереса к самостоятельному научному поиску, посредством использования краеведческого материала в проектной деятельности. Успешной реализации данной задачи способствует сформированная на базе вуза платформа, объединяющая образовательные, научные, архивные, музейные сообщества, общественные организации РФ и зарубежья с целью сохранения исторической памяти, формирования индивидуального нравственного и гражданского поля подрастающего поколения, развития исторического краеведения, научно-познавательного и образовательного туризма.

Доцент кафедры истории, кандидат исторических наук Е. В. Прокофьева представила конкретные наработки организации историко-краеведческой работы студентов во внеаудиторное время и проанализировала учебные и методические пособия, рекомендуемые для использования молодыми педагогами при изучении истории родного края.

Важной задачей краеведения является открытие и введение в научный оборот неизвестных ранее архивных материалов, хранящихся в местных архивах. Вместе с тем, сегодня у архивистов появилась новая педагогическая миссия:

Н. А. Трапеш

помочь подрастающему поколению через архивные документы познать и изучить локальную историю. Вторая панель была посвящена роли архивов в развитии современного исторического краеведения и архивной педагогики. Директор Государственного архива Ростовской области, кандидат исторических наук Н. А. Трапеш в своём выступлении обозначил перспективы

интеграции ресурсов архивов в единое информационное пространство, выделил преимущества и проблемы традиционного и автоматизированного архивного поиска в инструментальных рамках новой локальной истории.

Архивная педагогика — это словосочетание новое и пока ещё не устоявшееся как в российском архивоведении, так и в отечественной педагогической науке. В то же время архивные учреждения ищут новые формы работы с пользователями, в которых нашёл бы своё выражение принцип открытости, социальной ориентированности и обеспечения максимальной доступности документального наследия для изучения и освоения. В этом разрезе очевидна необходимость сближения архива и школы. С архивно-педагогическим кейсом ГКУ РО «Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области» ознакомила слушателей семинара заместитель директора по основной деятельности, кандидат исторических наук В. Ю. Мартыненко.

Основной акцент Виктория Юрьевна, сделала на проведение образовательных мероприятий с использованием архивных документов, направленных на изучение истории Великой Отечественной войны и формирование у учащихся культуры памяти о ней, а так же рефлексивного и деятельного отношения к прошлому Донского региона.

Перспективы объединения усилий музейных и образовательных учреждений,

В. Ю. Мартыненко

М. П. Мерзляков

направленных на формирование личности, которая является носителем традиционных российских культурно-исторических ценностей, через призму истории малой родины была посвящена третья панель. В ней в качестве спикеров приняли участие как учёные-исследователи, преподаватели, так и практики музейного дела. Перед современным музеем стоит задача не только объяснить, почему он описывает именно такую картину мира, но и показать, зачем нам сегодня вообще знать то, что нам предлагается узнать, как, опираясь на эти факты, моделировать будущее. В обозначенном тезисе заключена миссия музея, работающего на идентичность. В то же время, существовавший ранее водораздел между институтами культуры и коммерцией в реалиях сегодняшнего дня стремительно сокращается. В этой связи, особое внимание участниками дискуссии было уделено аспекту: как в условиях, когда музей стал полноправным участником культурной индустрии, соблюсти баланс между консервацией общезначимых ценностей, просветительской деятельностью и развлечением. Опыт создания особого музейного пространства игры, диалога и образования поделился директор Раздорского этнографического музея-заповедника М. П. Мерзляков.

Перспективы не «опуститься» до туристического суррогата сегодня актуальны не только для государственного музейного комплекса, но об этом серьёзно задумываются и организаторы

частных музеев. Учредитель частного Таганрогского военно-исторического музея И. В. Гаркуша обозначил образовательно-просветительские формы работы со школьниками, направленными на активизацию интереса подрастающего поколения к истории Великой Отечественной войны.

О том что, создание музея может быть увлекательным образовательным процессом свидетельствуют традиционные практики организации школьных музеев. Научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук, кандидат философских наук О. В. Семёнова в своём докладе проранжировала по степени эффективности формы, используемые школьными музеями для воспитания и обучения молодёжи. Среди них: музейные уроки, уроки-экскурсии, тематические и обзорные лекции, мини-спектакли, музыкально-литературные и исторические композиции, историко-краеведческие и интеллектуальные игры. Кроме того, Ольга Валерьевна обозначила особую роль школьных музеев боевой славы по формированию у обучающихся чувства патриотизма и гордости за своих земляков, российского самосознания и гражданской идентичности.

Преподаватель Константиновского педагогического колледжа, член Совета Союза краеведов России В. И. Вегерин представил продуктивные методические технологии развития навыков краеведческой работы у обучающихся средних профессиональных учебных заведений, готовящих учительские кадры. Основная

часть доклада содержала историю создания на площадке базовой школы колледжа школьного краеведческого музея, который был официально открыт в мае 2005 года. Одновременно это событие позволило укрепить деятельность студенческого экскурсионно-краеведческого бюро «Истоки», действующее с 1998 года. Приоритетным направлением развития музея и бюро являются поисковая и учебно-исследовательская работа будущих учителей и школьников.

Отдельный блок семинара был отведён под дискуссию в рамках деятельности Донского издательского дома г. Ростова-на-Дону. Его директор О. П. Рыбальченко представила образовательный проект «Донской край – наш общий дом». В авторский коллектив проекта вошли авторитетные учёные и преподаватели высших и средних учебных заведений Ростовской области. Ольга Петровна рассказала о том, что в 2022 году в двенадцати школах области началось преподавание курса «История Донского края с древнейших времён до начала XXI века» по учебникам, изданным за последние два года. Она познакомила присутствующих с новыми учебными пособиями для 5–10-х классов.

Одной из пилотных площадок проекта является лицей № 7 Таганрога. Директор лицея Н. В. Земляненко и учитель истории Н. В. Ткаченко поделились прикладными аспектами изучения истории Донского края в 5–6 классах с опорой на учебные пособия, изданные Донским издательским домом.

Учительская общественность живо включилась в методический диалог, в результате которого образовательный проект «Донской край – наш общий дом» нашёл всеобщую поддержку, а его руководитель О. П. Рыбальченко поставила амбициозную задачу издать учебное пособие по истории г. Таганрога.

Продолжила школьную тему кандидат философских наук, учитель истории и обществознания школы № 20 г. Таганрога И. В. Наливайченко, представившая проектные технологии по разработке виртуальных экскурсий по краеведению. В качестве примера Ирина Владимировна взяла темы: «Чеховские места г. Таганрога» и «Таганрогское подполье в годы Великой Отечественной войны».

В завершение круглого стола сотрудники Донской публичной библиотеки главный библиотекарь Центра по работе с книжными памятниками Н. В. Бородулина и ведущий

библиограф отдела краеведения О. С. Пронькина познакомили присутствующих с коллекцией краеведческих дореволюционных изданий библиотеки, электронными краеведческими ресурсами, дали практические рекомендации для начинающих исследователей-краеведов по подбору литературы и источников.

Заключительным аккордом мероприятия стала творческая встреча с писателем, журналистом-международником М. Макарычевым, который представил проект «Не рви мне душу, Дон».

В итоге следует отметить, что на семинаре были обсуждены перспективные вопросы по развитию исторического краеведения в регионе: опыт краеведческой работы в учебных заведениях в сотрудничестве с архивами, музеями, библиотеками; новые подходы к изучению локальной истории; краеведение как способ сохранения исторической памяти; издательский проект «Донской край – наш общий дом» в преподавании истории в школе и другие. Участники ещё раз убедились: «Краеведческая деятельность <...> одна из самых доступных и результативных форм общения людей разных поколений. Она способствует сплочению общества в целом, утверждению любви к своей «малой Родине» и воспитанию здорового общественного сознания» (С. О. Шмидт¹).

¹ Краеведение в России: история, современное состояние, перспективы развития. Воронеж – Москва. 2005 : материалы II Всерос. семинара краеведов «Любовь к малой родине – основа патриотизма». Воронеж, 31 января – Москва, 1 февраля 2005 г./ С. О. Шмидт (гл. ред.), В. Ф. Козлов (отв. ред.). М. : Ключ-С, 2006. С. 20.

А. С. ЗАЙЦЕВА, И. В. НАЛИВАЙЧЕНКО

КРАЕВЕДЕНИЕ НА ДОНУ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Результаты научных исследований по краеведению были представлены на Восьмых Коршиковских чтениях под названием: «Краеведение на Дону: история и современность» 29 – 30 сентября 2022 года. Конференция проводилась при поддержке Комитета по управлению архивным делом Ростовской области и Министерства культуры Ростовской области. Чтения посвящались 85-летию образования Ростовской области. Модератором выступил Евгений Фёдорович Кринко, доктор исторических наук, заместитель директора Южного научного центра Российской академии наук по научной работе.

Открылась конференция в Ростове-на-Дону, в Донской государственной публичной библиотеке. Темы докладов традиционно были разнообразны и содержательны.

Доклад Е. Ф. Кринко «Дон и Приазовье на административно-политической карте СССР: источники и историография» был посвящён метаморфозам территориальной принадлежности донских земель. Евгений Фёдорович отметил, что полных и завершённых комплексных исследований, где была бы собрана воедино вся

информация, касающаяся этой темы, нет, и это обуславливает необходимость продолжения работы историков.

Главный библиограф отдела краеведения Донской государственной публичной библиотеки, ответственный редактор альманаха «Донской временник» Л. А. Штавадакер в своём выступлении «Библиотечное краеведение на Юге России: страницы истории (1920 – 1980)» рассказала о том, как зарождалось и развивалось краеведение в библиотеках Северокавказского региона, о деятельности Северокавказского зонального объединения библиотек по краеведческой библиографии 1960 – 1970-х годов.

Кандидат исторических наук, ведущий архивист Государственного архива Ростовской области, старший научный сотрудник Южного научного центра РАН А. В. Шадрин свой доклад «Музейное дело в Донской области в 1920-х гг. в документах Государственного архива Ростовской области» посвятила истории музеев на заре советской власти и трудностям, с которыми сталкивались создававшие их

В Донской публичной библиотеке 29 сентября 2022 г.

Александра Сергеевна Зайцева, журналист, г. Шахты; Ирина Владимировна Наливайченко, доцент кафедры истории Таганрогского института имени А. П. Чехова, учитель истории школы № 20, кандидат философских наук

энтузиасты. В качестве самого яркого примера был приведён музей в станице Старочеркасская.

Донская земля хранит немало тайн. Археолог из Семикаракорска С. Ф. Токаренко сообщил о загадочных земляных кругах в степи близ нескольких населённых пунктов Ростовской области, которые ранее приписывали к фортификационным сооружениям, а ныне считают остатками древних святилищ¹.

Проблемы сохранения исторического некрополя Таганрога озвучила в своём сообщении краевед из Таганрога Е. А. Алексеенко, организатор волонтерского проекта «Возвращение исторической памяти», поддержанного президентским грантом.

Краеведческие работы не часто связаны с промышленными объектами. Краевед из г. Шахты В. И. Перцев посвятил свой доклад истории Шахтинского машиностроительного завода, одного из старейших промышленных предприятий города. С промышленной темой также связан доклад «Шахтинская опытная станция «Подземгаз» 1933–1934 гг.»². Её авторы лингвист и переводчик Д. Н. Зайцев и горный инженер М. А. Рудь подготовили материал, связанный с работой одной из первых в своём роде опытных станций на территории СССР, которая располагалась в г. Шахты. На ней изучалась и оттачивалась метода превращения антрацита в горючий газ без его выемки из недр земли.

Гонения на священнослужителей и церковь нашли отражение в докладах независимого исследователя из Пятигорска С. Б. Дубинского («Дело «Южно-Русского Синода» на Северном Кавказе. 1933 г.») и кандидата богословия, преподавателя Донской духовной семинарии, протоиерея Валентина Голиковского («Успенская церковь станицы Ольгинской Ростовской области: трагичная судьба казачьего храма»).

Заведующая отделом научной информации, публикации и использования документов Центра документации новейшей истории Ростовской области О. В. Валуйскова рассказала о том, как развивалось документальное кино в 1920–1940-е годы³. Доклад был подготовлен по материалам ЦДНИРО.

Главный библиограф Зональной научной библиотеки Южного федерального универси-

тета М. Н. Тарасова представила исследование Р.-М. Килья (г. Байройт, Германия), посвящённое жизни Н. Е. Парамонова и его семьи в эмиграции⁴. В ходе совместной исследовательской работы выяснились новые факты из жизни известного донского промышленника.

Ведущий археограф Государственного архива Ростовской области М. И. Жбанникова сделала доклад на тему: «Выставки художников в период Великой Отечественной войны в Ростовской области по материалам местной печати». С этой темой перекликался доклад кандидата философских наук, научного сотрудника Южного научного центра Российской академии наук О. В. Семёновой «Ростовское региональное отделение Союза советских художников в военные и послевоенные годы».

Архитектор, краевед Л. Ф. Волошинова рассказала о ростовском архитекторе П. Я. Любимове, его семье и зданиях, построенных по его проектам⁵.

Преподаватель педагогического колледжа г. Константиновска В. И. Вегерин сделал доклад о культурной жизни станицы Константиновской в 1912–1913 годах на основе дореволюционной газеты «Константиновские известия и объявления».

Часто краеведы обращаются к семейным архивам, находя в них недостающие звенья информации или указание на новое направление исследовательской работы. Кандидат исторических наук, заместитель директора по основной деятельности Центра хранения архивных документов в г. Шахты В. Ю. Мартыненко представила видеопрезентацию «Загляните в семейный альбом. Донская семейная фотография XX в.», состоящую из снимков семейных архивов, как известных шахтинцев, так и рядовых горожан. Журналист, краевед из г. Шахты А. С. Зайцева рассказала о членах семьи Степанковских, оставивших яркий след в истории Александровска-Грушевского⁶. Уникальные фотографии из своего личного архива предоставил ей потомок Степанковских – С. С. Головатый.

Великому русскому полководцу Суворову приписывают такие слова: «Пока не будет предан земле последний погибший солдат – война не окончена!» Нужным и благородным делом занимаются поисковики. Командир поискового

¹ Читайте на с. 120 – 126.

² Читайте на с. 165 – 170.

³ Читайте на с. 170 – 174.

⁴ Читайте на с. 175 – 191.

⁵ Читайте на с. 197 – 303.

⁶ Читайте на с. 191 – 196.

На Коршиковских чтениях в Таганрогском институте имени А.П. Чехова. 30 сентября 2022 г.

отряда «Донской» имени А. Калинина из Константиновска В. А. Градобоев сделал доклад на тему: «Малоизвестные имена героев донского неба. Находки поисковиков. 2017 – 2021 гг.», а также представил свою новую книгу «Авиация Дона: герои донского неба».

Аспирант Института истории и международных отношений Южного федерального университета Е. А. Захарина рассказала о формах и методах работы с советскими школьниками в деле увековечивания памяти о Великой Отечественной войне на примере Ростовской области.

Второй день научной конференции прошёл в Таганрогском институте имени А. П. Чехова (филиале) РГЭУ (РИНХ).

В конференц-зале факультета истории и филологии собрались профессиональные историки, краеведы, музейные сотрудники, учителя школ Ростовской области, магистранты, студенты, казаки юртового казачьего общества «Неклиновский юрт».

С приветственными словами к участникам Чтений обратились доктор исторических наук, заместитель директора Южного научного центра Российской академии наук по научной работе Е. Ф. Кринко и председатель Ростовского регионального отделения Союза краеведов России Л. А. Штавадакер.

В своём приветственном обращении заместитель директора Таганрогского института имени А. П. Чехова по научной работе и проектной

деятельности, кандидат исторических наук А. А. Волвенко отметил актуальность изучения краеведения, подчеркнув его роль в развитии познавательного интереса к истории, в формировании патриотизма и активной гражданской позиции среди обучающейся молодёжи.

Отличительной особенностью пленарного заседания в Таганроге явилась широта проблематики: история Ростовской области, аспекты источниковедения и научного туризма, подготовка специалистов в сфере исторического краеведения, методики работы со школьниками в рамках регионального компонента.

В совместном докладе директора Таганрогского института имени А. П. Чехова, депутата Городской думы г. Таганрога VII созыва, доктора политических наук А. Ю. Голобородько и декана факультета истории и филологии, кандидата исторических наук В. А. Агеевой был представлен прикладной опыт краеведческой работы института через призму устных источников. Докладчики обратили внимание на усиление роли устных источников в ходе локальных исследований, при изучении вопросов традиционной культуры и быта народа, личной истории и социально-психологических вопросов.

О том, как зарождалось историческое краеведение в Таганроге рассказала А. А. Цымбал, старший научный сотрудник Таганрогского

Л. А. Штавакер, Е. Ф. Кринко, А. А. Волвенко, В. А. Агеева

государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника (сообщение: «Таганрог в трудах исследователей XVIII – XIX вв.»).

Заведующая сектором культурных программ и проектов Управления культуры г. Таганрога Л. И. Скрынникова в своём выступлении «Событийный туризм в популяризации краеведения» отметила уникальность Таганрога в рождении ярких имён в российской и мировой культуре — от А. П. Чехова, Ф. Г. Раневской, И. Н. Перистиниани — до пока только набирающих свою популярность Валентина Парнаха и Елизаветы Тараховской. Обращение к творчеству великих земляков, по мнению докладчика, позволяют развивать в Таганроге научный туризм и реализовывать проекты, направленные на формирование души, развитие ума и приобретение новых знаний.

Материалы семейных архивов зачастую хранят много тайн и неизвестных страниц истории. Эмоционально насыщенным, вызвавшим живой интерес стал доклад Т. А. Шолоховой, внучки писателя Г. Ф. Шолохова-Синявского, его биографа и издателя — «А. П. Бирик и Г. Ф. Шолохов-Синявский. Неопубликованная переписка 1920–1960-х гг. по материалам семейного архива»¹.

Многогранный мир истории Донского края, нашедший отражение в экспозициях и фондах

региональных музеев, представили: директор Раздорского этнографического музея-заповедника М. П. Мерзляков, научный сотрудник Народного военно-исторического музейного комплекса Великой Отечественной войны «Самбекские высоты» Э. Ю. Пантелеев, организатор частного Таганрогского военно-исторического музея И. В. Гаркуша. Роль школьного музея в развитии культуры села раскрыла И. А. Сухоненко, учитель истории и обществознания средней общеобразовательной школы «НОК» с. Покровское Неклиновского района.

Донская земля прославлена деяниями казаков. Преподаватель Таганрогского института имени А. П. Чехова В. А. Смирнов рассмотрел особенности истории Войска Донского второй половины XVIII — начала XIX веков на основе неопубликованных рукописей Х. И. Попова, первого директора Новочеркасского музея истории донского казачества.

Долгий период забвения стал причиной того, что были утрачены важные сведения о храмах: как они выглядели, кто в них служил, их история в дореволюционный период. В последние двадцать лет возродилось церковное краеведение, воскрешены многие забытые имена. Учитель истории Курской основной общеобразовательной школы хутора Каменка Миллеровского р-на Н. С. Бандурин в докладе

¹ Читайте на с. 211 – 226.

«Во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Страницы церковной истории Миллеровского района¹» освятил не только основные вехи развития церкви, но и отношение людей к храмам. В изученных им источниках — архивные документы, справочники, устные и письменные свидетельства очевидцев. Полувековая история церкви в небольшом посёлке Лютово представлена докладчиком как маленький фрагмент большого пазла истории православия на Дону, да и в целом в России. *«Именно такие тоненькие, малозаметные ручейки жизнеописания отдельных церквей, часовен составляют собой большое культурно-историческое озеро Ростовской области»* — делает вывод автор. Новые страницы истории Казанской церкви в рабочем посёлке Семикаракорский приоткрыл слушателям аспирант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) В. Н. Кальниченко.

В 85-летней истории Ростовской области «великая стройка коммунизма» — строительство Волго-Донского канала — занимает особое место. Е. Н. Капканов, преподаватель Таганрогского института имени А. П. Чехова в докладе «Строительство Цимлянского водохранилища: причины и особенности» показал как изменилась судьба людей, переселённых из родных станиц и попавших в зону затопления.

Впервые на конференции была представлена панель «Методика изучения регионального компонента в школе и в ВУЗе». Спикерами в этом предметном поле выступили кандидаты исторических наук М. И. Гуров, В. К. Хоруженко, И. Н. Смирнов, Е. В. Прокофьева, кандидат философских наук И. В. Наливайченко, учителя истории и обществознания А. С. Нищенко, Д. А. Дреев и другие.

Особый интерес слушателей привлекла линейка учебных пособий по истории Донского края, представленная директором Донского издательского дома (г. Ростов-на-Дону) О. П. Рыбальченко, выступившей с опытом реализации образовательного проекта «Дон — наш общий дом».

Прикладной характер носил доклад, подготовленный директором Станции юных туристов Таганрога Р. С. Коновским «Краеведческий аспект в профориентации молодёжи г. Таганрога: опыт отряда «Юных экскурсоводов» СЮТур». Автор подчеркнул значение приобретения навыков экскурсоводческой деятельности, изучения истории и архитектуры своего города для воспитания ценностных ориентиров молодёжи.

Доцент кафедры истории Таганрогского института имени А. П. Чехова, учитель истории школы № 20 И. В. Наливайченко раскрыла методику изучения узловых вопросов краеведения и представила фрагменты тематических уроков в форме историко-литературной композиции «Летопись Таганрога. Ожившие страницы», урок-спектакль «Крымская война. Ультиматум», урок «Своя игра "Кто с мечом к нам придёт"», школьные проекты и виртуальные экскурсии по истории Таганрога.

В докладе кандидата исторических наук И. Н. Смирнова «История городов Области войска Донского на рубеже XIX — XX вв. в предметном поле краеведческого образования школьников» особое внимание было уделено истории сословно-правовых и иных групп городского населения на этапе интенсивного развития городской жизни, выявлены архаичные и прогрессивные элементы обывательской жизни, которые создавали почву для возникновения у горожан разнообразных, иной раз парадоксальных жизненных стратегий и необычных форм взаимодействия городских обществ и власти областного правления войскового наказного атамана.

Пробами «краеведческого пера» стали студенческие доклады В. Ю. Мартыненко (Институт истории и международных отношений ЮФУ) о фольклорном творчестве шахтёров в 1920—1940-е годы по материалам газеты «Красный шахтёр» и Е. Н. Седаковой (Таганрогский институт имени А. П. Чехова) о проблемах изучения исторического некрополя Таганрога.

Традиционно на площадке в Таганроге работала секция «Юные исследователи малой родины». Модератор секции — кандидат исторических наук, доцент Таганрогского института имени А. П. Чехова Е. В. Прокофьева. Промежуточные итоги своих исследований родного края представили школьники из Ремонтненской гимназии № 1 (Д. А. Евкина, А. А. Герасимова, В. А. Заболотняя, А. А. Зевакина, В. Е. Гончарова), школ г. Таганрога № 20 (И. А. Савина, А. С. Халепо) и № 22 (К. Д. Рыбка), № 23 г. Шахты (М. Н. Смольянинов), Станции юных туристов Таганрога (К. Д. Кулик, М. И. Кордий, Д. В. Павлова), школы «НОК» с. Покровское Неклиновского р-на (П. А. Иваненко), Таганрогского педагогического лицея-интерната (А. К. Стрельцова, А. Р. Беспалова, Д. А. Рудакова). Всего на секции в офлайн и онлайн форматах было

¹ Читайте на с. 126 — 132.

На выставке в музее «Градостроительство и быт г. Таганрога». Экскурсию ведёт Е. А. Алексеенко (справа)

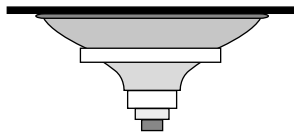
заслушано 15 докладов разнообразной тематики и хронологических периодов.

Подводя итоги конференции, Л. А. Штавакер отметила высокий уровень и актуальность представленных работ, а также сделала вывод о необходимости расширения аспектов по изучению истории Дона и Приазовья как мощного фактора формирования патриотических чувств молодёжи.

В рамках культурной программы для участников VIII Коршиковских чтений организовали экскурсию в музей «Градостроительство и быт

г. Таганрога», где их вниманию была представлена уникальная выставка «Кирпичная летопись. Строительная и интерьерная керамика конца XVIII – начала XX века».

В качестве экскурсовода выступила автор проекта cemetery.su г. Таганрога, общественный деятель Е. А. Алексеенко, так как большинство экспонатов составили предметы из её личного собрания. Все участники получили от выставки и рассказа о ней огромное эстетическое удовольствие.

ВОСЬМЫЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Ростов-на-Дону — Таганрог, 29 — 30 сентября 2022 г.)

С. Ф. ТОКАРЕНКО

ДРЕВНИЕ СВЯТИЛИЩА БЛИЗ МЕЛИХОВСКОЙ И СЕМИКАРКОРСКА

Земляное сооружение возле ст-цы Мелиховской. Фото А. В. Файферта. 1. Вид с юга. 2. Вид сверху

Прошлой осенью в компании художников мне довелось прогуливаться по правому берегу Дона возле станицы Раздорской. Москвич Александр Дёмин завёл речь о славянских символах. Пухляковский художник Сергей Сычёв предложил съездить на славянское капище.

После непродолжительного блуждания по полям между хутором Пухляковским и станицей Мелиховской мы подъехали к разыскиваемому объекту.

Это был осыпавшийся ров глубиной 1–1,5 метра, образующий кольцо диаметром около 100 метров очень правильное и аккуратное. Грунт из рва, жёлтый суглинок, был выброшен наружу из кольца и образовал вал высотой около метра. Вал сильно сглажен сельскохозяйственными распахками, регулярно производимыми на окружающем поле. Внутри его — низкорослый кустарник, несколько тонких чахлах деревьев, трава по пояс, обязательная в степи полынь. Всё пыльное, серое. Сооружение за рвом тоже поросло травой и кустарником и выглядело несколько расплывшимся. Растительность вокруг скудная — трава сухая

и жёсткая, деревья редки. Лесополосу неподалёку высадили, видимо, в 1960-е годы, но и она не особенно прижилась.

Казалось, что обнаружено что-то интересное, но совсем непонятное — из «времен неизвестных».

Находится круг очень близко от края обширной и плоской террасы на холмах в месте совсем неудобном для проживания или хозяйственной деятельности: вдали от воды, продуваемом ветрами. По впечатлениям сооружение не было похоже ни на что из того, с чем я имел дело раньше — ни по своим определённым и, вместе с тем, мягким очертаниям, ни по месту расположения, ни по обзору, открывшемуся с этого места. При всей своей кажущейся простоте оно было очень большим для наших мест.

С круга на восток и на юг открывается широкая неоглядная равнина, без конца и края, с какими-то левитановскими мотивами. Внизу Дон — широкий, спокойный. В общем, складывается ощущение величия.

Таким образом, я впервые попал на этот археологический памятник. Слышал я о нём в 80-е

Сергей Фёдорович Токаренко, археолог, краевед, г. Семикаракорск. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 29 сентября 2022 г.)

годы от ростовского археолога В. В. Алейникова. Будучи сотрудником Раздорского этнографического музея-заповедника он писал: «... На карте нанесены все известные мне памятники на данной территории. <...> Сергей Фёдорович, я кратко охарактеризую каждый из них. Цифры (порядковые) в письме соответствуют номерам поселений или слоёв на карте.<...>5. Средневековый памятник у ст. Мелиховской, в районе дома отдыха. Тоже не приходилось бы-вать» [1].

Круг на Семикаракорском городище. Фото А. В. Файферта. 1. Вид с севера. 2. Вид сверху

Той же осенью, но гораздо более поздней, когда уже полегла вся трава и рельеф местности стал хорошо виден, такой же круг я обнаружил и на Семикаракорском городище. Я, конечно, видел его и раньше, но думал, что это часть рва, возведённого вокруг крепости, — теперь же смотрел по-другому.

Это тоже кольцевой ров, отвалы грунта из которого выложены наружу, что абсурдно с оборонительной точки зрения.

Нынешнее Семикаракорское городище — остатки средневековой крепости, выстроенной в IX веке на возвышающемся холме с плоской вершиной над левобережной поймой Дона. Ранее, до изменения русла реки Сал, этот холм высотой около десяти метров был окончательностью водораздельной террасы. С востока он круто опускается к небольшой протоке — реке Салок, прежде бывшей основным руслом Сала. Метрах в пятидесяти к северу от стен городища расположен круг. Диаметр его примерно 110 м.

Поскольку Семикаракорское городище известный археологический памятник, я полюбил пытствовать, что есть о круге у тех, кто исследовал городище.

В 1920-х годах съёмку нашего городища выполнил историк и археолог М. И. Артамонов, впоследствии директор Государственного Эрмитажа, отметив аккуратный круг на своём плане. Он писал: «Загадочной особенностью Семикаракорского городища является кольцевой вал со рвом, находящимся внутри обведённого им пространства, расположенный вблизи основного квадратного укрепления, к северу от него. Подобный вал, но стоящий совершенно самостоятельно, без связи с каким бы то ни

было укреплением или поселением, имеется в окрестностях станицы Мелиховской, примерно [115] километрах в 1 ½ выше её, на высоком берегу Дона, шагах в 600 от обрыва к реке <...> сооружения, напоминающие в увеличенном виде те каналы, которыми в настоящее время обводятся стога, с целью сделать их недоступными для скота» [2].

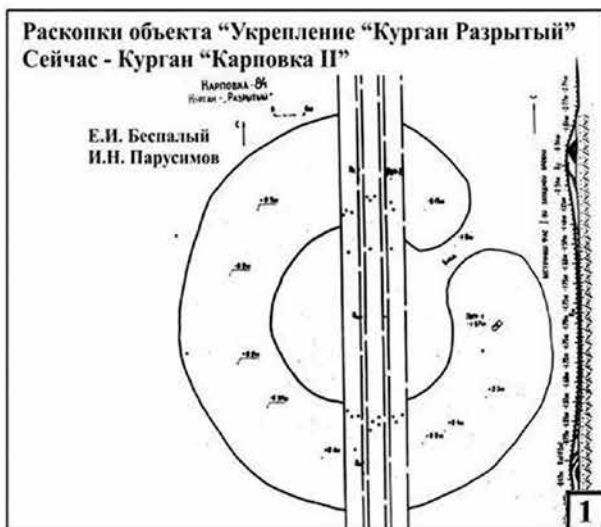
В 1965 году С. А. Плетнёва, крупный специалист по кочевникам, сделала новый план городища и отметила такой же круг [3].

Первые значительные раскопки на городище вёл в 1971 — 1974 годах В. С. Флёров и до настоящего времени все исследования городища проводятся под его руководством. Он и сам признаётся: «Семикаракорское городище и его округа — моя давняя епархия» [4].

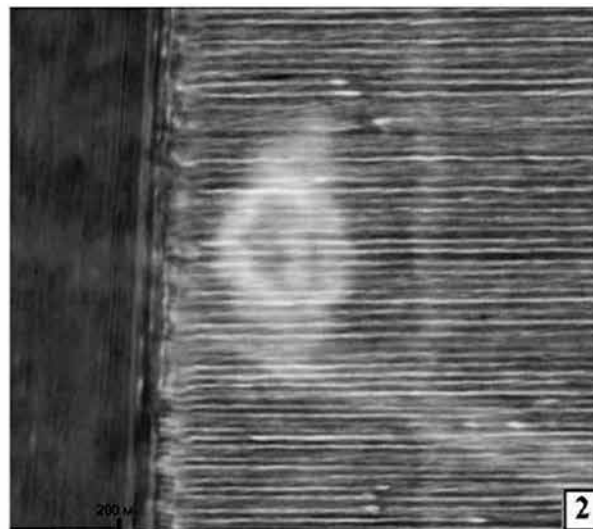
На его подробном плане, выполненном профессиональными топографами в 1972 году, круг тоже есть со всеми нынешними складками рельефа [5, с. 59 — 60].

«Особенностью Семикаракорской крепости среди немногих известных крепостей Хазарского каганата являются два овальных сооружения ... около северной крепостной стены. В настоящее время внешне они выглядят как

распльвишиеся кольцеобразные всхолмления высотой не более 50 см. Восточный "овал" отстоит от крепостной стены примерно на 35 м. Его диаметр около 75 м» [5, с. 60].

По грунтовой дороге, истоптанной коровьями копытами, вышел к какому-то узкому и длинному водоёму со стоячей водой, сплошь заросшему камышом. Видимо, старое русло реки.

1. Курган Разрытый. Рисунок из археологического отчёта. 2. Фото из космоса. Современный вид

Флёров называет сооружение овалом, возможно, потому, что в настоящее время его западная часть сильно сглажена грунтовой дорогой, интенсивно эксплуатируемой в современный период.

Я, видимо, двигался от одного круга к другому в порядке обратном маршруту Артамонова.

Круг на городище выглядит «особенностью» в описании В. С. Флёрова или «загадочной особенностью» — у М. И. Артамонова, потому что не входит в систему фортификационных сооружений крепости и не имеет отношения к крепости, — он сооружался безотносительно к ней и, видимо, гораздо раньше, чем сама крепость.

Артамонов пишет о кругах: «Загадочным остаётся их назначение. Во всяком случае они не были укреплениями, — об этом свидетельствует ров, находящийся внутри обнесённого валом небольшого пространства» [2].

Третий круг, вернее его остатки, который мне случилось посетить, находится возле хутора Карповка Багаевского района. Оказался я там случайно, хотел осмотреть левобережье Дона ниже Мелиховской. Берега эти удалены от жилых мест и потому здесь можно было найти что-то необычное. Но дорог у берега не было совсем, и я попал на обширный пойменный участок, в низину с густой, высокой и сочной травой, где в древности протекал Дон.

Потратив большую часть дня, пытаюсь найти путь вдоль берега, я выбрался на надпойменную террасу, совсем далеко от Дона.

Берег и насыпь через водоём вытоптали коровы, — везде остались глубокие следы копыт, — наверное, это был их водопой.

По крутояру, заросшему мелкой степной травой, поднялся наверх. Высокая плоская терраса, господствуя над местностью, круто спадала к пойме с западной стороны. Дороги здесь были хорошие и располагались вдоль края террасы.

Я двинулся назад к Мелиховской, вышел к хутору Карповка и оттуда к северо-западу — на второе поле совхоза (так его называют местные жители). Поля уже распахали и кольцо бывшего вала было хорошо заметно. Оно состояло из жёлтой глины и суглинка, вынутых из кольцевого рва. Этим же грунтом был насыпан вал. Следы распаханного кольцевого сооружения хорошо видны на снимках из космоса. Позже выяснилось, что до распашки (и, соответственно, разрушения) сооружение исследовалось археологами.

И. Н. Парусимов, сотрудник Археологического научно-исследовательского бюро (АНИБ), исследовавший кольцевое сооружение возле хутора Карповка в 1984 году в составе Приморского отряда, считает, что оно могло быть святилищем.

В археологическом отчёте объект назван «Укрепление "Курган Разрытый"» [6], в настоящее время — курган «Карповка-II». На время раскопок высота вала превышала один метр, и вход внутрь круга заметно выделялся, диаметр сооружения — около 100 м.

По мнению И. Н. Парусимова, редкие обломки амфорной керамики эллинистического времени (IV в. до н. э.), обнаруженные при раскопках вала, могут быть связаны с его сооружением и, соответственно, синхронны возведению вала. Фрагменты амфорной керамики сарматского периода (первые века н. э.), также немногочисленные, найденные внутри круга, на площадке, могут быть остатками ритуальных мероприятий, проведённых в круге.

В насыпи также были обнаружены два средневековых впускных погребения. Одно из них — половецкое. Эти погребения проводились в уже существовавшую насыпь, гораздо позже её сооружения.

И. Н. Парусимов полагает, что время строительства подобных объектов в нашей степи — от ранней бронзы (III тыс. до н. э.) до железного века (I век н. э.). О времени строительства наших объектов пока можно говорить только по аналогии с европейскими святилищами. Европейские же круги возводили, начиная с энеолита, а перестали строить в конце бронзового века. Возможно, то же самое было и у нас.

Следует упомянуть, что на Семикаракорском городище, в 500 м к югу от главной башни крепости (и, соответственно, примерно в 650 м от круга), выявлено местонахождение с материалами периода энеолита (ножевидные пластины, нуклеус, шлифованный сланцевый топор и т. п.), очень схожими с материалами энеолитических слоёв на соседних археологических памятниках Ракушечный Яр и Раздорское-1 [7]. Но предполагать какую-либо связь между местонахождением и кругом пока нет оснований.

Нынешняя глубина рвов на местных сооружениях, как уже сказано, составляет 1–1,5 м. Если иметь в виду изменения угла наклона стенок и глубины рва при выветривании, разрушении и осадке вала и рва, выявленные в ходе экспериментальных работ в Овертон-Дауне [8], то первоначальная глубина рва на наших сооружениях составляла, по-видимому, не менее трёх метров. В сезоны с обильными осадками рвы могли заполняться водой.

Во многих древних и более поздних культурах считается, что ров символизирует границу и защиту от проникновения злых духов. Например, курганы с ровиком в период ранней бронзы, алтари и могилы с ровиком у хазар в средневековье. Сейчас такая защита выглядит забавной, поскольку «дух веет где хочет», но аналог подобной защиты или границы можно увидеть и на современных православных кладбищах в виде оградок вокруг могил — в них нет никакой нужды, но, тем не менее, они устанавливаются — такова

традиция. А одни суеверия плавно замещаются другими, часто схожими.

И в древних, и в современных вариантах символическая защита от духов, и вообще от злых сил, выглядит как очень чёткая и явная граница — замкнутая линия, отсыпанная солью или кирпичной крошкой, круг очерченный мелом или острым предметом и т. п. Наши земляные сооружения, окружённые рвом, — это культовые места. Как они использовались, в какой исторический период и сколько времени — неизвестно. Проводились ли на них какие-либо ритуалы, или же они связаны с астрономической или природной магией, конечно, также неизвестно. Предки наши были сильны в различных фантазиях и вымыслах, которые позже становились первичными религиозными культурами.

Определение «кольцевые курганы», принятое сейчас для таких сооружений, не совсем корректно по отношению к нашим объектам, т. к. термин «курган» в археологии традиционно подразумевает погребальный памятник, могильный холм [9]. Но ни под кольцевыми валами, ни в них самих изначально не было погребений.

Сходство всех трёх наших сооружений между собой очевидно, и все они имеют сходство с европейскими хенджами, ронделами, рингами и т. п. (все эти названия переводятся с соответствующих языков как круг), которые уже получили признание как древние святилища. С некоторыми из них наши земляные круги не то чтобы похожи, а совершенно одинаковы. Наши святилища имеют явное сходство с британскими ранними хенджами. В частности, например, курган друидов в Уилтшире и сооружения в Сэтли Плейн.

На карповском кольце замечен разрыв — вход, где небольшой участок рва не был прорыт, — по нему входили в круг и, таким образом, кольцо не сомкнуто. Очень похожие проходы видны на фотографиях европейских аналогов, примерами могут быть Голоринг и Даррингтон-Уоллс, хотя наш круг существенно уступает им в размерах.

Однако, внешнее сходство, безусловно, не может служить доказательством единого предназначения. Можно предполагать, что наши круги это степной вариант европейских святилищ. Те же идеи и конструкции воплощались в условиях открытой степи, где отсутствовал какой-либо строительный материал. Масштабы наших сооружений существенно меньше европейских и, соответственно, гораздо меньше трудовые затраты. Возможно, это связано с меньшим людским ресурсом.

Аргументом в пользу святилищ может служить почти полное отсутствие находок на этих больших сооружениях, поскольку ритуальные и культовые мероприятия не сопровождаются какой-либо хозяйственной деятельностью и проводятся периодически, т. е. не часто.

М. И. Артамонов пишет о мелиховском круге: «...здесь, кроме невыразительного черепа, не найдено ничего» [2]. В настоящее время на распаханном поле вокруг этого сооружения находки полностью отсутствуют. О круге на Семикаракорском городище В. С. Флёров пишет: «Заложенный на его северной вершине раскоп (4x4 м) определённых результатов не дал» [5, с. 60]

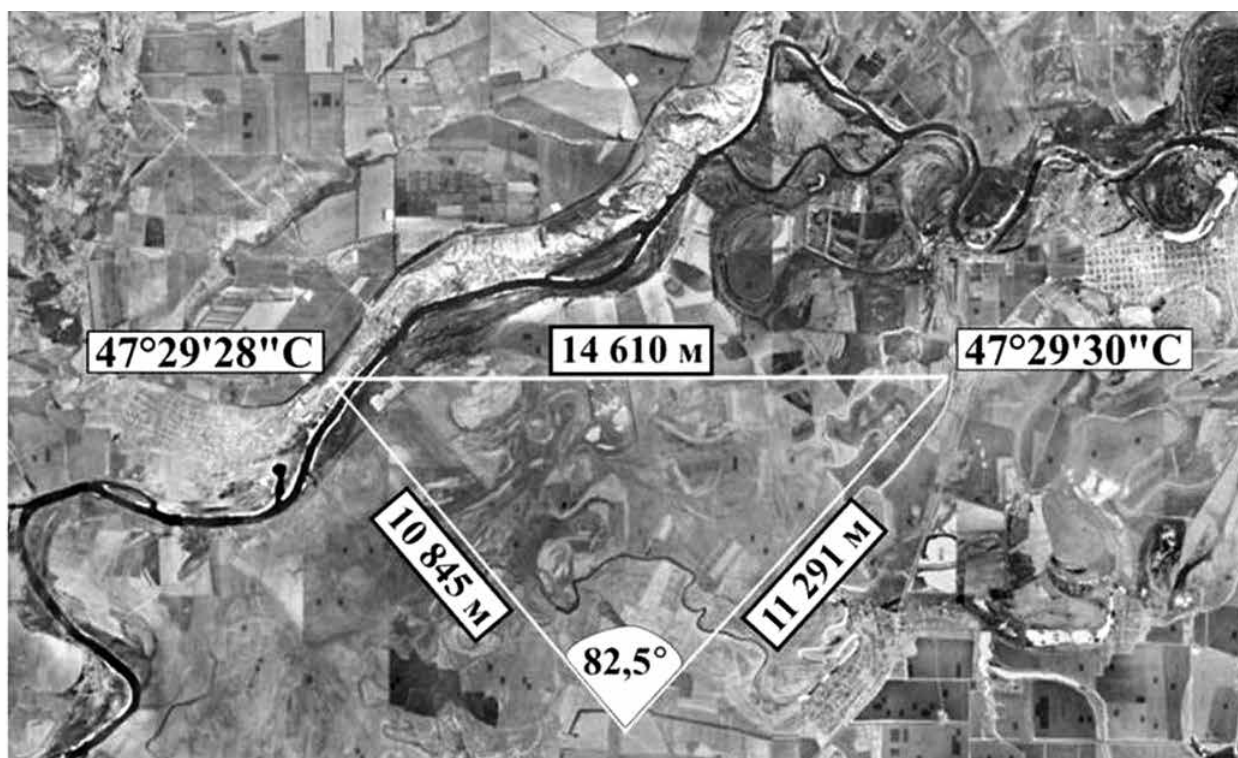
Раскопки кольцевого кургана «Карповка-II» также не выявили каких-либо значительных материалов, относящихся ко времени его сооружения и дальнейшего функционирования как культового объекта.

Можно допустить сигнальную коммуникацию между нашими объектами. Их расположение на местности вполне допускает визуальный контакт.

Мелиховский круг расположен на правом берегу Дона. В июле 1942 года возле станицы Раздорской через Дон переправлялись части 52-го армейского корпуса немцев, а на холмах расположились их наблюдатели, корректировщики огня.

И вот какой обзор им открывался: «На данном участке русло р. Дон подходит к высоким крутым правобережным склонам (крутизна достигает 500 м), которые значительно преобладают над широкой (до 18 км) низинной поймой левобережья. Разница средних высот правого и левого берега составляет 90–110 м. С высот правобережья загоны просматриваются невооружённым глазом на 15–20 км, видны станица Семикаракорская (ныне город Семикаракорск), х. Сусатский, х. Ажинов, х. Карповка. Этому способствует слабая облесенность левобережья (небольшие участки леса наблюдаются лишь вдоль р. Дон и её протоков) и слабовыраженный рельеф. Угол обзора со склонов правого берега при этом достигает 2200 м» [10]. Так же хорошо просматривали степь и наши далёкие предки, когда сооружали круг и когда были на нём.

На городище круг находится в 150 м от главной башни крепости, с которой «полностью просматривалась вся крепость и вся окружающая местность до горизонта. На восток — не менее чем на 20 км. На западе был виден на расстоянии 10 км правый высокий берег Дона» [5, с. 59]. Таким образом, огонь большого костра на мелиховском круге или возле него, хорошо виден ночью в степи на большом удалении — на двух других, и точно также большой дым днём. Поэтому сообщение через

Расположение объектов на местности относительно друг друга и системы координат. Наложение на снимок из космоса. Фото из интернета

этот круг вполне возможно между этими тремя объектами.

Если рассмотреть расположение наших объектов на карте или на снимках из космоса, то получится треугольник — $82,5^\circ$, равнобедренный — с длиной сторон 10 845 и 11 291 м. Третья сторона, длиной 14 610 м и объекты на ней (мелиховский и семикаракорский круги) находятся почти идеально на одной параллели ($47^\circ 29' 28''$ и $47^\circ 29' 30''$).

Однако, эти совпадения могут быть и случайными.

Основная роль, выполняемая святилищами, — культовая: отправление обрядов, жертвоприношения и другие мероприятия, связанные с различными церемониями принятыми в обществе. Как сейчас уже доказано для европейских объектов, святилища служили для примитивных астрономических наблюдений. Ритуальные действия на святилищах по времени были связаны с хозяйственными циклами у местного населения — например, периоды коллективной весенней и осенней охоты, рыбной ловли, сбор урожая сельхозкультур. Поэтому связь с астрономическими явлениями через наблюдение за изменением времени года, сменой сезонов, ведением календаря вполне обоснована. Попытки соотнести расположение наших кругов с линиями восхода и захода солнца в дни летнего и зимнего солнцестояния, в день весеннего и осеннего равноденствий также дают некие совпадения но и они могут быть случайными.

Всё, что выше изложено, не имеет характер доказанного или подтверждённого — только соображения, которые можно иметь в виду, или наоборот, можно шутить по их поводу. Раньше подобные результаты называли «звёздной археологией», археоастрономией. Темы эти были «модными» в 70-е годы, сейчас они служат сюжетами для телеканала RenTV со всеми их загадками, тайнами, невероятными предположениями, не серьёзными и не научными. По-видимому, эти возможные характеристики наших объектов следует оставить без продолжения до более грамотных исследований, но исключать полностью возможность астрономических наблюдений на них тоже не следует.

Со времён Артамонова мало что изменилось в отношении наших памятников. Они «выпали» из научного оборота и остались такой же «загадочной особенностью» как и в начале XX века, и судить о них «можно лишь гадательно» [2]. Наверное, ещё не пришло их время. Хотя они, безусловно, заслуживают внимания и серьёзных исследований, а наличие

этих сооружений — реальность вполне себе объективная, можно потрогать руками.

Эти памятники — молодость нашей истории, возможно, молодость всей цивилизации. Человек, приобщённый к культуре, не может жить без истории, поскольку история это фундаментальный блок, на котором строится культура. А великая нация всегда опирается на великую историю. У нас же очень мало письменных источников, почти нет архитектурных памятников и это совершенно закономерно для жизни в степи с её бедностью, кочевничеством и жестокостью. Обилие археологических памятников может компенсировать дефицит письменных памятников в России.

С подобными объектами, старыми и непонятными, всегда сосуществуют какие-либо местные легенды, потому что если нет знаний, то их заменяют вымыслы.

Жителям Мелиховки и Пухляковки круг известен, они связывают его сооружение со славянами или казаками, но без какого-либо повода или обоснования. Существуют устные легенды об обрядах, обеспечивающих плодородие не только в отношении урожая, но и для продолжения рода, проводимых на этом святилище казаками. Но легенды эти очень уж примитивны, выглядят так, будто старожилы, их рассказывающие, большую часть выдумывают сами по ходу рассказа.

Например, рассказывают о том, как казак приводил в центр круга казачку, к которой был равнодушен, где требовал от неё близости, а получив отказ, тащил к обрыву и сбрасывал вниз. Этот рассказ сразу вызывает ассоциации со сказом о Степане Разине и княжне, — получается некий «сухопутный» вариант известного фольклорного сюжета и очень не самостоятельный.

До настоящего времени считается добрым знаком обойти круг по ходу солнца.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алейников В. В. — Токаренко С. Ф. : [письмо от 24.11.1989 г.] // Лич. арх. авт.
2. Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону по материалам Северокавказской экспедиции // Изв. ГАИМК им. Н. Я. Марра. Вып. 131. Л., 1935. URL: <http://annales.info/hazar/iaimk131/iaimk131.htm> (дата обращения 03.06.2021).
3. Плетнёва С. А. От кочевий к городам : Салтово-маяцкая культура. М. : Наука, 1967. С. 37.

4. Флёров В. С. — Токаренко С. Ф. : [письмо от от 04.04.2008 г.] // Лич. арх. авт.
5. Флёров В. С. «Семикаракоры» — крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // Российская археология. 2001. № 2. С. 56 — 70.
6. Альбом иллюстраций к отчёту Е. И. Беспалого о работах Приморского отряда в 1984 г. // Архив АНИБ. (г. Ростов-на-Дону, ул. Ульяновская, 50, офис 3).
7. Токаренко С. Ф. Новое к археологической карте Семикаракорского района // Археологические записки. Вып. 6. Ростов н/Д., 2009. С. с. 259 — 261.
8. Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. Пер. с чеш. М. : Мысль, 1988. С. 29 — 33.
9. Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования. М. Высшая школа. 1989. С. 8.
10. Шевцов В. В. Эпизод Великой войны : хронико-докум. очерк / Раздорский этногр. музей-заповедник. Раздорская, 2003. С. 4.

Н. С. БАНДУРИН

ВО ИМЯ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Из истории церкви в Верхне-Лютовке Миллеровского района

На возвышенности, в верховье двух длинных балок Сухой и Попасной, возник небольшой посёлок Лютов. Первые известия о нём относятся к 1802 году. Донской исследователь XX века И. М. Сулин сообщает, что «по прошению, поданному в 1802 году сотника Трофима Акинтиева позволить ему выстроить постоянный двор близ землянки есаула Ефрема Лютого при вершине боерака Попасного впадающего в р. Калитву» [1]. В 1806 году в хуторе есаула Лютого числится два двора, три души мужского пола и четыре женского.

Расположение на перепутье дорог не сделало посёлок перспективным, в лучшие времена он не насчитывал и четырёх десятков дворов. По всей видимости первую скрипку в этом играло всё то же расположение: степь тогда не была окаймлена ветрозащитными лесополосами, возвышенное место продувалось ветрами и, очевидно, поселение страдало от этого. Но, невзирая на все отрицательные качества, которые можно разглядеть в жизни крестьян посёлка Лютова, с конца XIX столетия он стал занимать немало значащую позицию. Первым шагом к этому стало появление здесь церкви.

13 января 1886 года к архиепископу Донскому и Новочеркасскому Митрофану (Вицинскому) обратился неграмотный крестьянин-собственник Антон Степанович Денежкин с просьбой дать «Его Высокопреосвященством» разрешение на постройку церкви в посёлке Лютовом. Пытаясь аргументировать необходимость возведения святыни, крестьянин-земледелец

сообщает: «Посёлок мой расположен от приходской церкви в 15 верстах расстояния и имеет на своём пути к церкви две балки, препятствующие в ненастную погоду поездкам по разным нашим религиозным нуждам. В таком же точно не особенно отрадном положении находятся и соседние со мною поселение, число которых будет приблизительно до 500 душ мужского пола. Часто сокрушаясь о себе и своих ближних, что мы так удалены от храма Божия, я, призвав на помощь Бога, вознамерился, во славу пречистого Его имени и в подержание в нас истинной Христовой веры построить на моей земле за собственный мой счёт деревянную церковь» [2, л. 1]. Все материальные расходы он обязался взять на себя, в том числе возведение самого церковного здания, причтовых домов, церковно-приходской школы и проч. Под церковный двор с площадью и всеми постройками А. Денежкин обещал выделить пять десятин собственной земли, купленной им ещё в 1875 году у сотника Павла Филипповича Краснушкина [2, л. 7].

Подкрепляя слова землевладельца А. Денежкина о всеобщем желании иметь дополнительную святыню и обещая «единодушно причислиться» к возводимой церкви, крестьяне посёлков Алексеево-Тарадинского, Лютово-Сухобоерацкого, а также жители Курно-Липовской волости, обитавшие в неофициальных населённых пунктах (Тишаковы, Игуменцевы, Витчинкины и др.) составили согласительные приговоры. Добавочный приговор предоставил

Николай Сергеевич Бандурин, учитель истории Курской основной общеобразовательной школы, хутор Каменка Миллеровского р-на. Сообщение в Таганроге 30 сентября 2022 г.

сам автор идеи. Ссылаясь на поручение Большинского благочинного И. Голубятникова, он сообщает также о 116 домохозяевах неучтённых сразу, в связи с проживанием вне посёлений, на участках, но также согласных войти во вновь образованный приход.

Прошение лютовского энтузиаста было удовлетворено и в скором времени в посёлке показались благочинный, землемер и прочая свита для обследования участка под застройку. Территория удовлетворила зрителей, но на этом вопрос о ней только открывался...

Пока не началось возведение храма, а молва о том разошлась по всей округе, хитрые обитатели Греково-Станичного посёлка поспешили направить Донскому епархиальному начальству собственное прошение. С разрешения своего землевладельца генерал-майора Александра Матвеевича Грекова они ходатайствовали, чтобы предполагаемую церковь строили не в Лютовом, а в их, Греково-Станичном, посёлке. Доказывая свою правоту, грековцы отписали, что в Лютовом нет ни достаточного для прихожан числа хат, ни хорошей воды. Узнав о проделках соседей-грековцев, А. Денежкин послал своё заявление, где наголову разгромил доводы, приведённые оппонентами. Он сообщил, что посёлок состоит не из двенадцати, как свидетельствуют грековцы, а из тридцати восьми хат и прибавил, что весной текущего (1886) года «новыми пришлыми людьми», арендовавшими участки у него и других землевладельцев, будет построено ещё «не менее 30 хат». А в отношении недовольных Денежкин откровенно заявил о своей позиции: «Если грековцам кажется негостеприимным посёлок Лютов, — пишет он, — то на вкус спора нет, потому что ни грековцы не заявляли своего желания быть прихожанами будущей Лютовской церкви, ни их никто не приглашал на это, поэтому они если желают, чтобы у них также была построена церковь, то пусть ходатайствуют об этом, потому что могущий образоваться приход церкви нисколько не помешает Лютовскому приходу» [2, л. 17].

Представляя несостоятельность второго аргумента об отсутствии живительной влаги, автор идеи строительства говорит о наличии «достаточного числа хороших колодезев», а также ключе, около которого и «группируется всё население посёлка» [2, л. 17]. По всей видимости, утверждения, приведённые Денежкиным донские духовники сочли убедительными, а место «очень удобным, возвышенным, ровным». Так, 28 марта 1886 года было подписано официальное разрешение на застройку церкви в посёлке Лютовом. На пятый день после официального

разрешения, первого апреля, Большинский благочинный Иаков Голубятников освятил место под застройку.

Церковное здание А. С. Денежкин приобрёл в слободе Городище Деркульское Харьковской губернии. Уже в середине лета воздвижение его в новой стороне было завершено. Теперь придорожный посёлок венчала церковь Рождества Пресвятой Богородицы, освящённая благочинным 24 июля. Она представляла собой деревянное сооружение до окон выстроенное из дубового дерева, а сверх них до самого верха из сосновых пластин. Снаружи здание было окрашено белой масляной краской, с железной кровлей медного цвета. Венчали строение позолоченные шары и кресты. Колокольня имела в себе шесть колоколов весом от 22 фунтов до более чем 30 пудов.

С северной стороны церковное здание подпирало помещение из сырцового кирпича для караулки и училища.

Пока велось строительство, к церкви приезжали многие священники, которые разочаровывались в её возможных доходах и отправлялись в другой приход. Желая же видеть постоянного священнослужителя своей церкви А. Денежкин от себя лично и от своих земляков просил назначить на эту должность дьякона слободы Покровской Павла Иванова. В нём находили «человека добронравного, хорошего хозяина» и полагали, что лучшего пастыря им не найти, да другого и не желали.

Выражая глубокое уважение к персоне духовного пастыря, лютовский меценат высказался благочинному, что «если священник, поступивший к нашей церкви, постесняется ходить к храму пешком, то будет давать всегда свою подводу с проводником от дома до церкви». Более того, если и в этом случае священник «будет стесняться, то строитель храма в своём доме обещается отвести каменный с железною крышею и несколькими комнатами флигель, который в несколько сажень от самой церкви...» [2, л. 17].

Однако просьба о назначении П. Иванова удовлетворена не была и священническое место занял Иоанн Смирнский. Его переместили к лютовскому приходу из Евдокиевской церкви слободы Березово-Маньковой. Но прослужить ему долгое время было не суждено: «почил в бозе» 26 апреля 1887 года. Вновь освободившееся место занял перемещённый из Еланской станицы Пётр Зимовнов. Вообще следует оговориться, что надолго в лютовском приходе священнослужители не задерживались и сменялись каждые 3—4 года.

Вызывает удивление, что уже осенью 1886 года Антона Степановича привлекли к уголовной ответственности, заочным приговором оштрафовали пятью рублями, но самым основополагающим решением был приказ снести церковь и дома, построенные для школы и причта. Причиной тому послужил факт возведения церкви, как оказалось, на скотопрогонной дороге, но упразднённой областным правлением ещё в 1884 году. Недоумевая от такой претензии, Денежкин докладывает, что уже около 20 лет на месте, где выросла церковь, находились сельскохозяйственные постройки и никто прежде не говорил, что возведены они незаконно. Более того он указывает на дом есаула Воина Ускова, находящийся в 40 саженях от церкви на той же дороге, но почему-то не подлежащий сносу.

Очередная тяжба длилась месяц. По истечении этого времени спор был разрешён в пользу крестьянина-землевладельца и все возведённые им церковные постройки остались на прежних местах. Между тем другие строения, принадлежащие как самому Денежкину, так и другим лицам, состоящие на войсковой земле (той самой бывшей скотопрогонной дороге) предписали немедленно снести.

Примечателен факт, что тарадинские дворяне Хопёрские (пятеро мужчин и четыре женщины) предпочли не входить в лютовский приход, а остаться в криворожском. Объясняя причину своего выбора, Хопёрские, сообщали, что «*все мы, да и предки наши, всегда принадлежали к Криворожскому приходу; все мы крещены и венчаны в Криворожской церкви и с детства привыкли в ней молиться Богу и исполнять христианский долг исповеди и св. причастия*» [2, л. 69]. Как бы то ни было посёлок Алексеев-Тарадинский, где они проживали, закрепился в новом приходе, и, невзирая на их хлопоты, донское духовенство обязало беспокойных дворян причислиться к Рождество-Богородицкой церкви.

Вообще, исходя из заявлений Денежкина, можно заключить, что он неоднократно мог пожалеть о своей затее с постройкой храма. Земельную тяжбу, разгоревшуюся из-за войсковой земли, дополнил спор о ремонте построенных домов для причта. Снова требовались средства. Сообщая о значительно похудевшем денежном запасе, Денежкин говорит о 20 000 рублей, в общем потраченных на строительство. Однако эти сведения опровергает Большинство благочинный, утверждая, что Денежкину помогли прихожане «*не только десятками рублей, но и сотнями*». Тот, в свою очередь, обвинил И. Голубятникова в излишних требованиях. Отказывался А. С. Денежкин и выделять

дополнительные пять десятин земли под церковную площадь. Обосновывал это тем, что областное правление разрешило оставить церковь и причтовые дома на прежних местах (1891 г.). На этом высшее церковное начальство приказало переписку прекратить. С этого же времени А. Денежкин стал исполнять обязанности церковного старосты, а в 1894 году за заслуги по духовному ведомству его пожаловали серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие» для ношения на груди [3].

Миновали восемь лет существования Рождество-Богородицкой церкви. Эти годы были насыщены разного рода событиями, но то, что произошло в 1894 году стало критическим часом для «дома божьего» и большим вопросом о его дальнейшем существовании. Действующий тогда священник Иоанн Германов писал: «*Честь имею почтительно донести, ... что несмотря на наше миролюбивое отношение к прихожанам со стороны их прихода приходится испытывать даже такие действия как ночной разбой; доказательством этому служит следующее: 8 сентября 1892 года в 11 часов ночи ко мне забралась несколько человек прихожан, один из них ворвался даже в дом с целью чтобы убить меня; что было бы дальше неизвестно. Услышав звон в набат, они угалялись. Об этом в своё время волостной старшина произвёл дознание, но я, по долгу священства, упрямил его не делать огласки и простил виновных. Прошёл год и на церковном подворье ночной грабёж снова проявился, но только дознанием ещё не выяснено кто это был прихожане ли или странники. <...> При таких условиях служить в этом приходе становится для причта опасным и даже безвыходным» [4, л. 2]. Выясняется, что строитель церкви Антон Денежкин переезжая на Кавказ, определил всё своё имение к продаже. 26 дворов прихожан, посёлённых на его земле вблизи церкви, по решению уже состоявшегося к тому времени суда, должны были немедленно удалиться, через что причт «*оставался почти в степи и вне всякой охраны*».*

В апреле 1894 года А. С. Денежкин продал-таки свою землю крестьянину Екатеринославской губернии Безуглову и тем самым поставил в невыгодное положение собственное детище. Шесть из 26 дворов, посёлённых вблизи церкви, как не имеющие никаких документов на свои усадьбы, перешли на Кавказ, а остальные удалялись в Семиреченскую область. 100 десятин церковной земли сдавались в аренду по два рубля, иного же варианта иметь с неё доход не было — церковь не обладала никакими хозяйственными ресурсами для её

обработки. Денежные средства, поступающие в приход, доходили до 400 руб. в год. В связи с тем, что достаточное число крестьян вышли из состава этого прихода, благосостояние его сильно пошатнулось и духовенство прибегло к радикальным мерам. Учитывая все аспекты незавидного положения дел, Духовная консистория постановила: «*При малочисленности дворов и скудости денежных доходов, причт при означенной церкви существовать не может*» [4, л. 11]. Священник И. Германов по тому же решению перемещён к церкви хутора Рябова Зотовского благочиния, а псаломщик Иоанн Попов — к церкви слободы Большой Крепкой. Саму Лютовскую церковь приписали к церкви слободы Ефремово-Степановки. Отныне служители последней в количестве трёх священников по очереди должны посещать Рождество-Богородицкий приход, осуществляя воскресные и праздничные службы.

Но, как бы то ни было, уже в ноябре этого года к Лютовской церкви по собственному прошению перемещён священник Иоанн Павлович Автомонов. Он, дьяконский сын, обучался в Воронежской духовной семинарии и выбыл из богословского класса до окончания выпускных экзаменов. Ему приходилось служить в разных местах, перемещаясь от одной церкви к другой [5]. В посёлок Лютово И. Автомонов прибыл только в октябре 1895 года, очевидно, с опозданием.

На исходе предыдущего 1894 года здесь открылось церковно-приходское попечительство. Оно имело своей целью заботиться о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, об устройстве первоначального обучения детей и о благотворительности в пределах прихода. Попечительство обычно составляли местные священнослужители, в качестве постоянных членов, и прихожане, избираемые общим собранием прихода на определённое число лет. Председателем лютовского попечительства избрали сотника Ивана Михайловича Хопёрского, а его членами — Ульяна Мельникова, Никифора Тишакова и Евдокима Романютенкова [6]. Как было сказано, через определённый период состав попечительства менялся. Так, к 1905 году его численность заметно увеличилась: членами состояли Прохор Безуглов, Георгий Мирошниченков, Василий Романютинко, Авксентий Могилин, Михаил Пащенко, Иван Сергиенко, Косма Тертышников, Иван Тертышников, Тихон Попов, Иван Игуменцев, Алексей Игуменцев, Павел Тишаков, Никифор Тишаков и не так давно переселившиеся из Курской губернии

Андрей Капленко и Савва Волкодав. Председательство по-прежнему сохранял И. М. Хопёрский [7].

Помимо попечительства при церкви имелась открытая в 1887 году школа грамоты. По данным на 1905 год в ней обучалось 42 мальчика и 11 девочек [8].

Задачей школ такого типа признавалось распространение даже не начальной, а скорее элементарной грамотности среди населения. Предметы обучения сохранялись прежние: чтение, церковнославянское и русское письмо, арифметика. Школы грамоты при церквях должны были способствовать распространению в православном народе церковного просвещения и утверждению истинного благочестия. Средствами достижения этой цели должно было стать именно заведование школой священником, который контролировал бы деятельность учителя. С 1895 года заведующим Лютовской школой и законоучителем был священник Иоанн Автомонов, учителем — псаломщик Иоанн Дмитриев [9].

В годы Первой мировой войны церковь, как государственный институт, занималась активной помощью фронту. Среди вещей, собранных Рождество-Богородицким приходом — рубахи, кальсоны, холст — общей суммой на 54 руб. 30 коп. Укомплектованное имущество отправили в Тифлисский склад, очевидно, с последующей передачей в армию [10].

Как переживал лютовский храм революцию 1917 года, декрет об отделении церкви от государства и все последующие перемены остаётся тайной. Известно, что церковь продолжала свою деятельность до 1930-х годов. Достаточно подробные воспоминания о посещении пасхального богослужения на рубеже 1920–1930 годов, их значении в крестьянской жизни, передаёт греково-станичный житель А. П. Уразов в своей «Автобиографической повести...». «*Церковь находилась на окраине села Лютовки, — пишет он, — у самого леса. Она, как бы вышла из него и не решалась войти в село, сохраняя свою автономию, как бы говоря: "Я никому не принадлежу, кроме Бога"*».

Прихожанами церкви были сёла и хутора ближайшего района, независимо от административного и территориального деления. Здесь парубки и девицы высматривали себе суженых, чтобы осенью заслать к ним сватов.

Увидев золочённые кресты на церкви все остановились и перекрестились, шутки и разговоры прекратились — все готовились к торжественной встрече с таинством. Церковь стояла на пригорке торжественная, величавая,

видимая с гальных окрестностей. Тем, кому она не была видна, церковь напоминала о себе звонном колоколе.

Знали бы вы, мои будущие потомки, что для крестьян значил звон колоколов! Сейчас ваш слух избалован изощрённой музыкой, глаза пресытились кино — телезрелищами и театральными представлениями и вы не поймёте, что творилось в душе моих предков и современников, когда они слышали звон церковных колоколов. Человек замирал, вслушиваясь в звон, душа приходила в трепет — он осенял себя крестным знаменем и восклицал с покорным чувством: "Господи! Прости мои прегрешения! Спаси душу раба твоего!" И в этом было всё: и покаяние, и раскаяние, и мольба, и клятва стать лучше, чище, милосерднее, осознание своих грехов, своей несправедливости к людям и ближним своим.

Мы входили в калитку ажурных, кованых из железа ворот и такой же ограды вокруг церкви и нас встречал, вдоль каменных плит дорожки, глиняный ряд нищих, калек, в рваных рубашках, выставявших на показ свои уродства. Все они тянули руки к нам, молили подать копеечку ради Бога и святого праздника — Христова воскресения.

Мне мама выдала для этих целей несколько монет по одной-две копейки, и десять копеек на свечу. Монетки звонко падали в медные кружки и алюминиевые чашки нищих, а они неистово крестились и благодарно восклицали: "Спаси тебя господи! Дай Бог тебе здоровья!"

Мы поднимались по ступенькам парадного входа в церковь, протискивались сквозь плотную толпу в роскошные высокие двери, крестясь и шепча молитвы, добирались до ктитора, покупали у него свечи, и потоком молящихся, доходили до иконостаса, зажигали свечи от горящих свечей, и ставили у того святого, которому наказывала мама.

Все святые делились на ранги, и каждый из них был покровителем и заступником за определённые грехи и дела. Дева Мария защищала женщин в женских делах, Георгий Победоносец — мужчин в их воинских делах, Николай Чудотворец — почитался калеками и помогал людям в бедах, творя чудо. Были и другие святые — заступники перед Богом.

Взрослые и те, кто побогаче, покупали сразу несколько свечей, и ставили их тем, у кого молили пощады и заступничества.

Поставив свечу, обычно это делал кто-либо из взрослых, так как я, например, не мог дотянуться до иконостаса, целовали икону. Меня поднимали под руки и я целовал икону, крестясь отходил...

Я долго стоять не мог, становился на колени, а потом становился и садился на каменный пол, и получал тычки в спину и бока, от богомольных бабок, и злой шепот: "Молись!!!". Однако усталость брала своё, надо было не проворонить узел с пасхой, и яйцами. Но несмотря на заповедь "Не укради!" воровали узлы даже в церкви.

Но вот начиналось исповедание и причастие. Все мы, братья, становились в очередь, подходили к попу, и он накрывал меня рясой и спрашивал:

— Грешен, отрок?

— Грешен, батюшка, грешен — отвечал я.

— Как звать?

— Александр.

— Прости, Господи, все прегрешения раба твоего Александра-а-а! — скороговоркой начал батюшка, а в конце тянул торжественно рокочущим басом и толкал меня к пономарю. Тот причитал: "Господи помилуй! Господи помилуй! Господи-и-и помилуй!" — и быстро совал мне, как галчонку в рот серебряную круглую, крохотную ложечку с телом и кровью Господней — кусочком просвиры, смоченном в красном вине "Кагор".

Нам, причащающимся, мама не давала кушать весь день, и ощутив во рту кисло-сладкую крошку просвиры, я ещё сильнее ощутил голод. Опять я стал на колени у своего узелка, молился. Коленям было холодно от каменного пола, всё тело ныло от усталости, сон боролся с голодом и побеждал. Где-то вверху на клиросе, усыпляюще пел хор, что-то причитал батюшка, его сменял пономарь, я не выдержал, подполз на коленях к паперти и сел на неё, лицом к молящимся. Меня дёргали, стаскивали — сидеть на паперти нельзя — по ней могут ходить только священнослужители. Но я уже не чувствовал себя, сонно валялся на пол. Вася отвёл меня в боковой предел, где было меньше народа, и я, обхватив узелок, полусидя на полу, заснул. В сонной огури, я никак не мог проснуться, а меня кто-то тряс, толка, что-то шипел, старался поставить на колени. Я открывал глаза. Вся церковь блистала жёлтым светом бесчисленных свечей, отражавшихся в золоте обкладок икон, позолоте царских ворот и стен алтаря, карнизов, фризов, колонн.

Все в церкви стояли на коленях, хор смолк, казалось все чего-то напряжённо ждут. И вдруг, раздался во всю мощь, усиленный акустикой церкви громогласный голос:

— "Христос воскрес!"

И хор ликующе подхватил:

— "Христос воскрес из мертвых, смертью поправ, и сущим во гробех живот даровав!" И утверждая это, на звоннице ахнул

колокол, серебристо зазвенели малые колокола: *дилинь—дилинь—бом—бом!* Во мне затрепетало радостью, сон улетел, народ повалил к выходу из церкви, толкаясь и давясь. Но вот все наступились, и в проход из амвона, вышел батюшка, подняв высоко сверкающий крест. За ним устремились священнослужители с большими крестами, хоругвями, иконами, сосудом со святой водой. Я тоже вышел следом за ними. На улице ещё громче заливались и трезвонили колокола. Заря окрасила пурпуром и золотом восток. Все выстроились в цепочку вокруг церкви. Уложив на землю, на чистые рушники, пасхи, яйца, сало, колбасы.

Втиснулся и я в ряд, разложил узелок для освещения. Вдоль ряда шёл батюшка, за ним ктитор с серебряной чашей, а за ними — весь святой ход с иконами, хоругвями, крестами, сосудом со святой водой.

Батюшка пел: *"Христос воскрес!"*, — окунал кропило в чашу со святой водой, крестил крестом людей и кропил их и выставленные ими пасхи. За ним шёл пономарь, брал с рушников часть выставленного: кусок сала, три яйца, кусок колбасы, пасху поменьше (обычно приносили святить две-три пасхи) — это плата за освящение. И сразу же крестьяне собирали свои узелки, отходили, а на их место уже становились другие и раскладывали узлы, ожидая, пока вся процессия не обойдёт церковь и не подойдёт к ним. Мне в лицо брызнула святость, брызги святой воды упали на рушник и разложенное на нём, пономарь взял три крашенных яйца и не меньший, а больший кусок сала, пасочку и всё это бросил в огромную плетённую из ивовых прутьев корзину, которую несли два дюжих дяди. Я связал узелок и, не ожидая никого, устремился бегом домой» [11].

Последние часы своего существования церковь сосчитала в начале четвёртого десятилетия, в годину активной борьбы государства с религией. Благодаря воспоминаниям бывшей прихожанки Т. В. Бандуриной, записанным настоятелем Свято-Пантелеймоновского храма г. Миллерово о. Дмитрием (Яроцким) [12], удалось установить судьбу последнего Рождество-Богородицкого священника. По её словам, в день Иоанна Крестителя (20 января) прямо во время службы отец Андрей вместе с двумя другими хуторянами был арестован и направлен в Новочеркасск. Через время мужчин отпустили, священнослужитель же, по их словам, остался в тюрьме, где подвергся гадким издевательствам. Его окунали в ведро с нечистотами, при этом не давали несчастному каким-то образом снять с себя грязь; катались на нём верхом,

во время чего тесьмой от креста порвали рот. Надо полагать, на этом и кончилась земная жизнь последнего священника, во всяком случае сведений о нём больше нет. Т. В. Бандурина сохранила фотографию, на которой запечатлены о. Андрей и другие духовники, а также староста Рождество-Богородицкой церкви Андрей Денежкин. Денежкина опознала бывшая жительница Верхне-Лютовки Н. И. Глушакова [13], запомнившая его особо набожным, устраивавшем в более поздние времена молебны в собственном доме.

Церковь в Лютовке прекратила своё существование по постановлению президиума Ростовского областного исполнительного комитета от 8 января 1939 года [14]. Т. К. Денежкина отметила, что *«когда разрушали церковь все ходили хмурые, были обижены на лютовцев за их дела»* [15].

По рассказам местных жителей самое деятельное участие в разгроме церковного здания приняли Данил Назаренко, Семён Могилин, Наум Новак. То ли по неграмотности, то ли от невежества деяния коммунистов и иже с ними иной раз приобретали более чем абсурдный и отвратительный характер. По

Слева направо: сидят о. Симеон и о. Андрей (лютовский священник); стоят: о. Василий и А. Денежкин (церковный староста). Фото Т. В. Бандуриной

свидетельству уже упомянутой Т. К. Денежкиной из больших церковных икон С. Могилин соорудил уборную. Погрому подверглись не только строения, но и могилы священнослужителей. Кошунственное расхищение постигло все прилежащие к церкви захоронения.

Основной материал от разгромленного храмового здания пошёл на строительство школы в Каменке, но и она не была окончена в связи с начавшейся войной.

Таким образом, на пути полувекового существования Рождество-Богородицкой церкви в придорожном посёлке встречалось немало преград; ей сопутствовали взлёты и падения, удачи и невезения, закончившиеся безвременным прекращением её бытия в лету антирелигиозной политики советской власти. Та же участь, спустя годы, постигла и населённый пункт, где стояла церковь. Долгие административно-территориальные мытарства загнали хутор Верхне-Лютовку (так его окрестили в советские годы) в Никольский сельский совет Миллеровского района. Именно отсюда в октябре 1965 года он был исключён из учётных данных [16].

Сегодня о хуторе, и находившейся здесь церкви, напоминает лишь скромный крест с табличкой, установленные на месте храмового двора в 2017 году. Только благодаря этому незамысловатому памятному знаку, венчающему обочину асфальтированной дороги, проезжающие по ней могут узнать о былом, да и то, если обратят внимание.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сулин И. Сборник материалов по истории заселения крестьянских слобод и посёлков Донецкого округа. Т. 3. Ч. 2. Новочеркасск, 1893–1899.

2. ГАРО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 8525.
3. Церковные ведомости. 1894. 16 июля. (№ 29). С. 275.
4. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11020.
5. Клировые ведомости от 26-ти церквей Большинского благочиния за 1894 год // ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 9852. Л. 185.
6. Донские епархиальные ведомости. 1894. 1 дек. (№ 23). С. 484.
7. Донские епархиальные ведомости. 1906. 1 окт. (№ 28). С. 534–535.
8. ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 324. Л. 181.
9. Отчёт Донского епархиального училища о церковно-приходских школах и школах грамоты Донской епархии за 1896–97 учебный год. Новочеркасск, 1898. С. 150.
10. Донские епархиальные ведомости. 1915. 14 окт. (№ 41). С. 791.
11. Уразов А. П. Автобиографическая повесть о крестьянской жизни. Волгоград, 2004. С. 107–109.
12. Личный архив о. Димитрия (Яроцкого), настоятеля Свято-Пантелеймоновского храма, г. Миллерово.
13. Нина Ивановна Глушакова (в девичестве – Мельникова) 1937 г. рождения, уроженка хутора Верхне-Лютовка, где находилась Рождество-Богородицкая церковь. Беседа записана автором статьи 15.10.2021.
14. ГАРО Ф. Р.-3737. Оп. 2. Д. 88. Л. 222.
15. Таисия Константиновна Денежкина (1930–2021), уроженка хутора Нижне-Лютовка, входившего в приход Рождество-Богородицкой церкви. Беседа записана автором статьи 18.01.2018.
16. Территориальные преобразования и переименования населённых пунктов Ростовской области за 1937–1970 гг. : справ. Ростов н/Д., 1976. С. 129.

Е. В. ХАЛДАЕВ

ЦЕПОЧКА ДОБРА К ЧАСОВНЕ ПАМЯТИ

*«Дела веры — дела человеколюбия
сооружают памятники, которых рука
времени разрушить не сильна.
Истинное добро не знает заката».*

Алексей Оридовский, протоиерей [1].

Утро обычного майского дня 2022 года. Включаю компьютер и выстукиваю заголовок этой статьи. В четырёх километрах от моего дома на старом городском кладбище каменщик начинает кладку нового ряда стены. Стук клавиш на клавиатуре переключается со стуком мастера каменщика по кирпичу, только что вычищенному и словно сияющему на солнце, а ведь ему более сотни лет. Ряды кирпичей растут на стенах здания, строчки складываются в абзацы.

Много раз убеждался, что события, случившиеся однажды, могут повторяться через какое-то время. И вопреки расхожему выражению, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса, в этом случае она повторяется в точности, с разницей в 130 лет. Я уверен, что таким же майским днём 1892 года на старом городском кладбище Новочеркаска каменщики выкладывали из этого же кирпича стены точно такого же здания. Только раствор тогда был известковый, а сейчас замешан на основе белого цемента для имитации старого. Всё остальное — мастерки, отвесы, уровни, подмости, ведра для раствора (раньше сказали бы цибарки) абсолютно не изменилось за век с четвертью. И я не выдерживаю, бросаю набор, нажимаю кнопку в телефоне... Я должен успеть в прошлое, вдруг открывшееся для нашей реальности. Обычное «Яндекс такси», обернувшись машиной времени, за одиннадцать минут мчит меня от дома до места, где повторяется нечто уже произошедшее.

Укрывшись в глубокой тени большущей туи, раскинувшейся у чьей-то заброшенной могилы, гляжу на стройку, и словно смотрю документальный фильм в летнем кинотеатре. И вспоминаю. Всё, что читал об этом, в общем-то обычном лете 1892 года в жизни Новочеркаска. Возможно, и растворившемся бы без следа в долгой истории города, если бы не два события. Одно из них имеет прямое отношение ко дню сегодняшнему, второе, весьма трагическое, надеюсь,

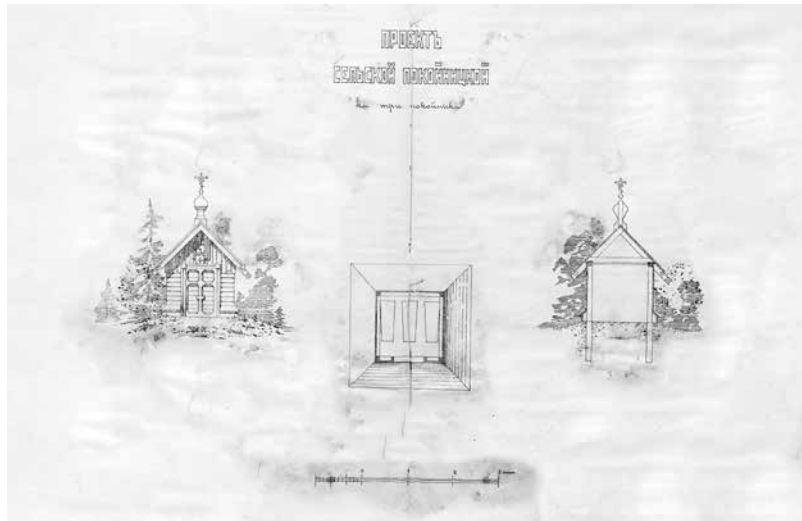
не повторится никогда. И вот здание, стены которого поднимаются у меня на глазах, связало удивительным образом истории, которые в других обстоятельствах никогда бы не пересеклись.

* * *

Работая в читальном зале ГАРО с материалами по истории старого новочеркасского кладбища, решаю несколько дней посвятить поиску сведений о склепах. Тема совершенно неисследованная, данные приходится выискивать в различных делах, в названиях которых нет упоминания о традиционном для погоста строении. И вдруг в описи фонда 227 нахожу строчку: «Дело о постройке кирпичного склепа на городском кладбище Новочеркаска». Какая удача! Надеюсь, в нём окажутся материалы о технологии строительства, использованных материалах, размерах и прочие, никогда ранее не встречавшиеся сведения. Заказываю и с нетерпением жду несколько дней. Увы, на моём листке заказа, против этого дела пометка — «грибок». Согласно правилам, повреждённые документы не выдаются, и я уже сталкивался с подобными отказами. Но каждый раз, ставя отметку в своих записях о том, что дело не удалось просмотреть, не терял надежды. Верил, возможно, работники архива оцифруют «больные» дела в первую очередь и когда-нибудь удастся посмотреть спасённые от гибели страницы, хранившие, предположим, уникальные материалы.

Листаю пожелтевшие страницы выданных дел, но мысли снова и снова возвращаются к «отказному» делу. Словно мне кто-то подсказывает: с этими материалами необходимо ознакомиться, они слишком важны, чтобы остаться неизученными. Решаю поделиться этой историей и главное, уверенностью в исключительности неувиденных ещё страниц с директором новочеркасского филиала ГАРО Натальей Николаевной Миловановой. Наша дружба зародилась в начале 90-х, в первой редакции новой

Евгений Васильевич Халдаев, журналист, краевед, г. Новочеркасск. Сообщение под названием: «Некрополь Новочеркаска. Краеведческое исследование исторического кладбища. 1993 – 2022» (Ростов-на-Дону, 29 сентября 2022 г.)

Типовой план сельской покойницкой. ГАРО

городской газеты «Новочеркасские ведомости». Несколько лет назад, возобновив исследования по новочеркасскому некрополю, обратился к Наталье Николаевне за консультацией и с тех пор провёл много часов, работая с городскими кладбищенскими книгами, хранящимися в фондах.

Иногда успех того или иного дела может зависеть от первого шага, от личности человека, первым встреченным на этом пути. Возможно, именно фамилия Милованова определила всю дальнейшую цепочку добра в этой истории. Как показало время, все без исключения люди, узнававшие о цели работы, с исключительной доброжелательностью оказывали помощь делами, консультациями, советами.

Наталья Николаевна, оценив мою непоколебимую уверенность в исключительности материала, рекомендовала обратиться к директору ГАРО Николаю Алексеевичу Трапшу и главному хранителю Елене Владимировне Николаевой с просьбой разрешить копирование «больного» дела. Вскоре я был ими внимательно выслушан, содействие, по мере возможности, обещано. В итоге помощь, оказанная этими замечательными людьми, превзошла мои самые оптимистичные ожидания. Буквально через неделю просматривал на мониторе в читальном зале ГАРО оцифрованные страницы этого небольшого, около пятидесяти листов дела.

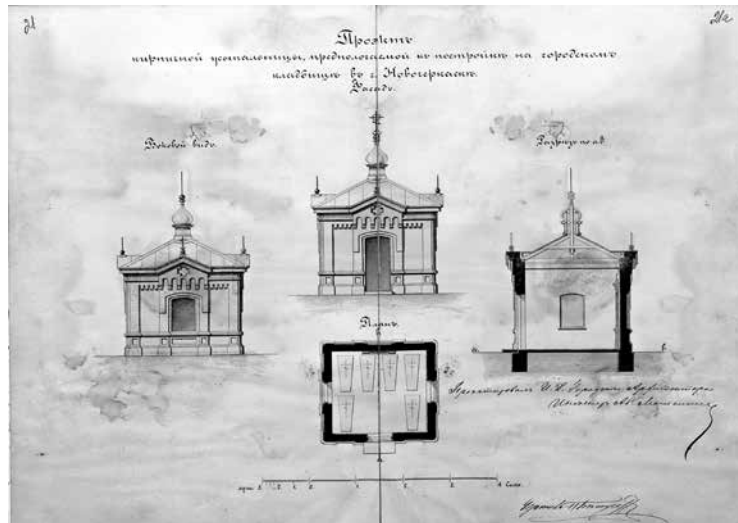
Уже его обложка вызвала удивление. На ней значилось: «Комитета по управлению гор. Новочеркасском Дело по отнош. Областного Правления, о построении общественной усыпальни(цы) при Новочеркасском городском кладбище» [2]. Чем было вызвано разночтение названия дела в описи и в оригинале я не знал,

но понимал, что содержание его будет меняться от проекта частного склепа к возведению сооружения городского масштаба. И действительно, на первых страницах сообщалось, что весной 1891 года областным Правлением Войска Донского был получен циркуляр Министерства внутренних дел, содержащий «распоряжение к устройству усыпальницы при городском кладбище» [2, л. 1 об.].

Для выполнения этого циркуляра городскому архитектору был представлен типовой план сельской покойницкой, вмещавшей три гроба. Было предложено «применительно к этому проекту составить чертёж и сметное соображение на постройку таковой усыпальницы на Новочеркасском городском кладбище в таком размере, чтобы в ней одновременно можно было поставить 6 гробов» [2, л. 2 – 2 об.].

Рассматривая прилагаемый чертёж сельской покойницкой с буро-красными, словно от застывшей крови пятнами грибка, ползущими с краёв листа, я понимал, что мои хлопоты были не напрасны. Возможно, ещё немного времени и рисунок уникального образца некропольной архитектуры XIX века мог навсегда исчезнуть, как исчезли сами эти строения на погостах России.

Итак, стало понятным назначение этого здания. Усыпальница строилась для хранения гробов с покойниками, привезёнными для отпевания в кладбищенскую церковь во имя Димитрия Солунского и последующим захоронением на городском кладбище. Причём речь шла об усопших в тех городских учреждениях, где не имелось возможности оставлять покойных на ночь перед отпеванием в храме. Таких мест в Новочеркасске было предостаточно.

Проект кирпичной усыпальницы, предполагаемой к постройке на городском кладбище в г.Новочеркасске. ГАРО

Больницы: областная, женская, для умалишённых, для иногородних, дома призрения, частные богодельни. С подобной просьбой могли обратиться и жители города, по каким-либо обстоятельствам не имеющие возможность оставить покойного дома на ночь.

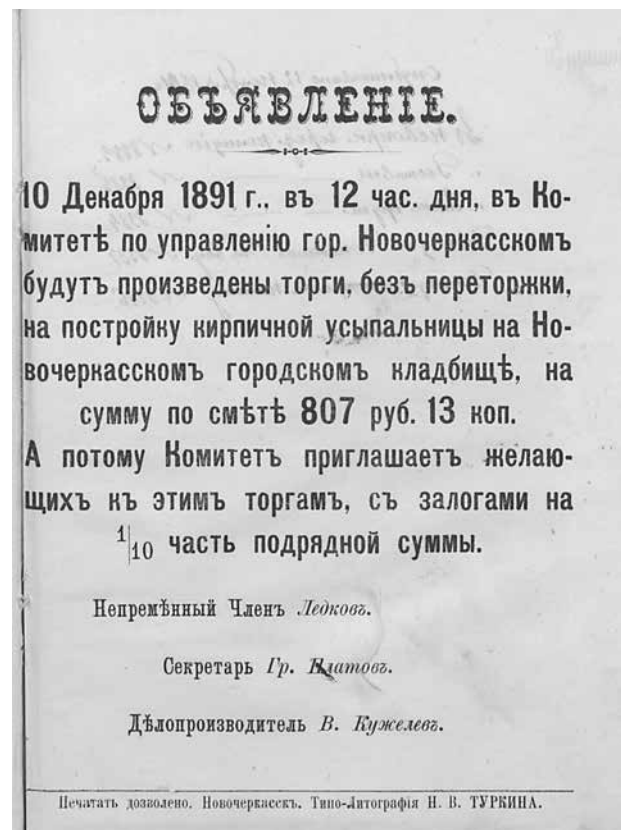
И, пожалуй, самое важное. Усыпальница становилась своеобразным защитным фильтром, препятствующим распространению инфекционных заболеваний, весьма распространённых в XIX веке. Отпевания жертв каких-либо эпидемий происходили в ней, предохраняя Дмитриевский храм от смертоносных бактерий. Именно этим соображением руководствовался Комитет по управлению г. Новочеркасском, «признавая целесообразным построить усыпальницу на городском кладбище в виду несомненной её пользы в санитарном отношении» [2, л. 22 об.].

Городской архитектор инженер А. Лютенсков 1 ноября 1891 года сообщил в Комитет по управлению городом о том, что «имеет честь представить составленный проект со сметой к нему по построению... общественной усыпальницы» [2, л. 6]. В деле находилась «Смета, составленная по Высочайше утверждённому Урочному положению, и ведомость о справочных ценах за август месяц 1891 г., существовавших в г. Новочеркасске на сумму 807 руб.13 коп» [2, л. 6]. Этот документ включал не только поэтапный план строительства с разделами: земляные, каменные, столярные, штукатурные и кровельные работы, но содержал цены на используемые материалы и расценки за труд строителей.

Наконец, в деле найдено самое важное: проект здания, исполненный в цвете, с фасадом, боковым видом, разрезом и планом (внутренний вид). Документ заверен подписью автора,

господина Лютенскова, ниже подпись чертёжника П. Белоусова [2, л. 21, 21 а]. Всматриваюсь в чертёж и узнаю здание, оно мне прекрасно известно! Это полуразрушенное строение на главной аллее кладбища я принимал за склеп и надеялся найти фамилии упокоившихся в нём. Так вот какую тайну хранили эти стены долгие годы!

И какую красоту мы утратили! Поскольку усыпальница располагалась поблизости от кладбищенского храма, архитектор спроектировал

Объявление о проведении торгов. 1891 г. ГАРО

её в виде традиционной православной часовни с четырёхскатной крышей «с позолоченными четырьмя малыми и большим центральным крестами с шарами». В постройку вела высокая деревянная дверь, в два оконных проёма на восток и запад были вставлены деревянные рамы с «полубелыми стёклами». Чертёж хорошо сохранился, но грибок и здесь отметился пятнами на двух видах здания. Отныне документы этого дела надёжно сохранены.

С волнением просматриваю следующие листы, узнавая всё новые подробности событий 125-летней давности. На состоявшихся 10 декабря 1891 года торгах за получение подряда на постройку развернулась упорная борьба между двумя претендентами, людьми в городе известными. Купец второй гильдии Павел Никитович Кирюнин возводил здания и поныне украшающие улицы Новочеркаска, например ЗАГС на Московской. Крестьянин Филипп Сергеевич Сидоров вёл свой бизнес в районе Азовского рынка, владея гостиницей «Яр» на Барочной улице и общественной баней.

Торговый лист, подшитый в деле, сохранил цифры этого сражения. На каждое предложение Сидорова, стартовавшего с 800 рублей, Кирюнин отвечал ставкой на десять рублей меньше. И на последнее предложение крестьянина в 750 руб., купец ответил цифрой 720 руб. Таким образом, Кирюнин, скинув со сметы 87 руб.13 коп. (около 11 %), получил подряд.

По условиям заказчика, «работы подрядчик должен начать сейчас же с открытия весны [какая милая фраза! — Е. Х.] и окончить непременно к 1 июля 1892 г., до того времени ставить на место (строительства) по указанию городского архитектора накопленный по смете материал» [2, л. 31]. Составленный с П. Н. Кирюниным контракт предусматривал строгий контроль со стороны А. Лютенскова. «При производстве работ, я, Кирюнин, обязан руководствоваться сметой и чертежом... и личными указаниями городского архитектора, законные требования которого исполнять беспрекословно и без всякого замедления. Материал положенный по смете поставлять в дело только тогда, когда оный осмотрен будет наблюдающим за работами и признан им годным» [2, л. 36].

Строительство началось в конце апреля 1892 года, но уже в начале мая имел место забавный казус. Священники Димитриевского кладбищенского храма не сразу оценили пользу возводимого здания и обратились с жалобой в Комитет по управлению городом Новочеркасском. «По существующим законоположениям место вокруг церкви, называемое погостом, по

крайней мере на 20 сажений [около 43 метров — Е. Х.] не должно быть ничем застроено. А между тем, в настоящее время возле самой...кладбищенской церкви строится усыпальница для умерших, которая будет сильно затруднять совершение крестных ходов вокруг церкви, а нахождение тел умерших в усыпальнице вблизи церкви может быть вредно для здоровья прихожан. Посему...просить остановить означенную постройку и избрать для неё другое место вдали от церкви» [2, л. 39].

Но заседавшие в Комитете сотрудники, весьма искушённые в разборе различных, часто необоснованных жалоб, дали достойный ответ. «Комитет имеет честь уведомить, что место, на котором строится усыпальница отводилось и избиралось Товарищем неперменного члена Комитета в присутствии и с согласия священников кладбищенской церкви, почему работы уже и начались, а избрать другое место и приостанавливать работы...не представляется возможности, так как это для Комитета составит непредвиденный расход, при этом Комитет имеет честь присовокупить, что погост вокруг церкви уже в настоящее время занят памятниками, могилами и застроен колокольней и караулкой, которая отстоит от церкви ближе 20 сажений» [2, л. 40].

Возможность оценить пользу от возведённого здания у церковнослужителей кладбищенского храма появилась уже спустя месяц, после его открытия, когда в донской столице началась очередная эпидемия холеры. Сотни гробов потянулись на единственное в то время городское кладбище. И отпевание их значительной части происходило именно в общественной усыпальнице, а не в храме, остальные отпевались по месту жительства.

Просматриваю последние страницы дела.

«10 июня городской архитектор имел честь донести Комитету, что постройка усыпальницы подрядчиком Кирюниным окончена» [2, л. 42]. После освидетельствования здания тремя членами Комитета «13 июня был составлен акт, что усыпальница построена согласно проекта и сметы» [2, л. 44].

Получив электронные копии нескольких наиболее важных страниц и переписав ещё некоторые, отправляюсь в родной Новочеркасск в предвкушении сравнения чертежа с оригиналом. На следующий день стою возле усыпальницы, сжимая в руках распечатку проекта. Даже при беглом осмотре частично разрушенного здания, видны расхождения. Наиболее значительные — появившиеся десять колонн, равномерно расположенных по трём сторонам здания

Здание общественной усыпальницы в 2017 г. Фото Е. В. Халдаева

на высоте около двух метров. Нет их у Лютенскова, как нет и нескольких декоративных элементов, появившихся на фасаде. Зато исчезли квадратные ниши, намеченные архитектором на цоколе по периметру здания; два горизонтальных проёма на уровне земли явно говорят о наличии подвала, хотя его тоже нет в проекте.

Ржавая металлическая дверь, заменившая некогда деревянную, слегка приоткрыта. Осторожно переступая порог и вижу несколько старых металлических бочек со следами машинного масла. Оба высоких с арочным верхом окна грубо заложены современным кирпичом. Штукатурка на всех стенах сбита до кладки. Вспоминаю, что по смете стены были оштукатурены и побелены негашёной известью. По проекту внешние размеры этого квадратного строения четыре на четыре метра. Внутреннее помещение не выглядит большим и даже странно, как здесь могли помещаться шесть гробов. Никаких следов от прежней четырёхскатной крыши, увенчанной пятью позолоченными крестами с шарами. Видимо они и были главной целью вандалов, разгромивших здание в начале 30-х годов прошлого века. Современная односкатная крыша в виде настила, с прорванными местами рубероидом лишь частично спасала от осадков, но для того, чтобы её уложить под наклоном, верхнюю часть стен разобрали. И если высота усыпальницы по завершении строительства составляла почти пять метров, то ныне уменьшилась на треть.

Итог осмотра печален. Потемневший от времени кирпич придаёт зданию мрачный, угнетающий вид. На западной стене видны следы

нарушенной кладки, словно здесь был безжалостно выломанный пристрой. Понятно, что здание годами заливалось дождями, таявшими снегами и о состоянии фундамента можно только гадать.

Всего на территории старого городского кладбища сохранилось четыре здания, построенных ещё в позапрошлом веке. Каменная церковь во имя Дмитрия Солунского была возведена стараниями донского наказного атамана М. Г. Хомутова в 1857–1861 годах. Караулка при ней, сохранившаяся до начала нынешнего века, после пожара около десяти лет назад была восстановлена в прежнем виде и служит подсобным помещением храма. Ещё одна караулка — при главном входе на погост, в которой обитали сторожа всего кладбища, также осталась практически в неизменном виде. Долгие годы именно здесь происходила и регистрация покойных новочеркасцев.

Больше других пострадало здание общественной усыпальницы, выполнявшее свою функцию лишь около тридцати лет. Частичное разрушение сделало невозможным использование его по основному назначению. К тому же резко меняющиеся времена и нравы не располагали к церковному отпеванию покойников, заменяя скорбную процедуру гражданскими панихидами.

Первый вопрос, возникший после осмотра здания: является ли оно историческим объектом с точки зрения закона, и, если да, находится ли под охраной государства?

Пролистав «Список объектов культурного наследия по г. Новочеркаску» выяснил, что

из строений на старом кладбище лишь Дмитриевский храм является объектом культурного наследия регионального значения. Об усыпальнице — ни слова. На случай, если имеются более поздние дополнения списка, побеседовал с Владимиром Николаевичем Конюховым, председателем Новочеркасской городской организации охраны памятников истории и культуры. Владимир Николаевич, замечательный знаток городской старины, влюблённый в архитектуру донской столицы, с вниманием отнёсся к найденным в архиве документам, но лишь подтвердил, что ни ранее, ни сейчас, это здание в списках не значилось.

К тому времени, когда состоялся плодотворный разговор с директором муниципального казённого учреждения «Спецслужба» Андреем Андреевичем Кутырёвым и смотрителем кладбища Станиславом Яновичем Манжесом, у меня имелась твёрдая уверенность в необходимости воссоздать общественную усыпальницу, но изменив её первоначальное назначение, ныне не востребованное. Но многое зависело от позиции моих собеседников. Однако, всё сложилось как нельзя лучше. Оказалось, никаких документов на это здание в организации нет, поэтому на балансе оно не значится и ранее использовалось как склад ГСМ, именно поэтому на нём и была установлена временная крыша. Рассказав вкратце о находке в архиве, показав старинный чертёж здания, спросил, не будет ли администрация возражать против восстановления общественной усыпальницы. Станислав Янович поддержал это предложение и заверил, что в случае его реализации будут произведены необходимые подготовительные работы. И действительно, в ближайшее время временная крыша была демонтирована, здание внутри очищено от посторонних предметов, спилено старое дерево, выросшее у задней стены и мешавшее проведению обмеров. Снова я мысленно благодарил судьбу, дарующую мне встречи с внимательными, чуткими людьми.

Думаю, пришло время вернуться назад и пояснить, почему меня вообще могло заинтересовать восстановление общественной усыпальницы?

Дело в том, что к 2018 году я достаточно глубоко изучил историю старого городского кладбища. Работа состояла из трёх основных этапов. Начало было положено ещё весной 1993 года. Это была первая в истории города попытка создать видео архив захоронений старого новочеркасского некрополя, устроенных до 1920 года. За десять съёмочных дней в течение двух месяцев было обследовано около половины территории

кладбища. По итогам съёмок сформирован реестр, насчитывающий более 150 фрагментов памятников и плит. Следует отметить, что эта цифра включала и неопознанные памятники, фрагменты отдельно лежащих крестов, старинные ограды. Результатом исследовательской работы в библиотеке Музея истории донского казачества стало составление нескольких десятков биографий новочеркасцев, чьи памятники сохранились и были включены в реестр. Большого сделать без работы в архивах, как правило, столичных, было невозможно.

Спустя десять лет появилась возможность провести первое сравнение данных.

Вышла в свет исследовательская работа М. Ю. Абрамова и С. А. Марченко, членов исторического клуба из Ростова-на-Дону, составивших в 2001 — 2002 годах подробную опись захоронений старого новочеркасского кладбища, насчитывающую 280 памятников и плит, установленных до 1920 года [3]. При сверке двух списков — моего и ростовчан, оказалось, что они во многом дублируют друг друга.

Ещё через десять лет, летом 2013 года, началась планомерная фотосъёмка всех сохранившихся захоронений, как из моего реестра, так и упомянутых у ростовчан. Длилась она с перерывами десять месяцев. Основной вывод — за двадцать три года наблюдений утрачено не более десяти памятников и плит по всем исследованным территориям. Причём при более тщательном дополнительном осмотре это число могло сократиться наполовину.

Два месяца ушло на подготовку текстовых материалов. В июле 2014 года был открыт сайт «Казачий некрополь на старом городском кладбище г. Новочеркаска», включавший описание более трёхсот захоронений. Для примерно двух третей персон, включённых в список, были написаны биографии, чаще краткие на основе послужного списка, для некоторых подробные по дополнительным историческим материалам. Опубликована история кладбища, уникальные материалы из ГАРО. Сайт вызвал широкий интерес у пользователей, было получено много вопросов, пожеланий, дополнений. Сейчас по техническим причинам доступ к сайту закрыт.

После года работы сайта стало очевидным, что он вообрал в себя значительную, но далеко не полную часть собранной информации. В его структуре просто не находилось места данным об утраченных, но известных захоронениях или даже целых участках [4]. К таким относятся сведения о могилах донских атаманов А. Д. Мартынова, И. А. Андриянова, А. В. Иловайского, видных городских деятелей культуры,

науки, образования, священнослужителей, благотворителей. Об уничтоженном «Партизанском участке», созданном в конце 1917 года и трансформировавшимся в военный братский участок участников Белого движения на Дону в 1918–1919 годах, на котором были похоронены, в частности, генерал-лейтенант С. А. Марков, полковник В. М. Чернецов, донской писатель Р. П. Кумов.

Поэтому в 2015 году началась работа над созданием второго сайта «Новочеркасский некрополь. Утраченное» [5], начавшим работу в феврале 2016 года. Отмечу, что значительная часть работы о периоде с декабря 1917 по декабрь 1919-го уже проделана. И по мере накопления материалов об утраченных захоронениях, вспомнился разговор с одной знакомой, обратившейся ко мне с просьбой проверить, нет ли в моём архиве сведений о её бабушке, могила которого со временем потеряна. Она иногда бывает на кладбище в надежде найти это место и зажечь поминальную свечу.

— Конечно, я всегда ставлю свечу за упокой в Дмитриевской церкви, но, понимаешь, храм

это дом Господа, но в тоже время он для всех, а могила близкого человека это нечто другое, сокровенное. Место, где ты ощущаешь незримую, но, порой, весьма важную связь с покойным. Если бы был какой-то знак, может архитектурный элемент, пусть символический, но небольшой, почти как могильный памятник...

Слушая этот монолог, я вспоминал о небольших часовнях, разбросанных по всему старому Новочеркаску и это несмотря на то, что практически на каждой значимой городской площади находился солидный каменный храм. Часовни воздвигались, как правило, на частные пожертвования в память о различных событиях. Например, о спасении царской семьи во время крушения поезда 17(29) октября 1888 года напоминала замечательная часовенка, возведённая на средства новочеркасских драгалей (извозчиков) на Азовской базарной площади.

Часовня во имя Николая Угодника, хранителя путешественников, позволяла прочитать молитву перед образом святого и бросить несколько монет в кружку для пожертвований пересекающим Куричью балку — громадный

*Часовня, освящённая в 1889 г. Здание не сохранилось.
Кованый навес ныне укреплен на алтарной стене Михаило-Архангельского храма. Фото из архива автора*

овраг, начинающийся от центральной улицы Московской и проходящий через всю западную часть города, преодолеть который, местами, в плохую погоду, да ещё в тёмное время суток было весьма опасно для здоровья, а то и жизни.

Именно так, по аналогии со старыми и ныне утраченными часовнями, сложилась концепция восстановления здания общественной усыпальницы. Это должна быть Часовня памяти о всех, кто упокоился на старом городском кладбище и чьи могилы утрачены. Пронесшиеся над погостом бури двух войн и семидесяти лет безверья стёрли с могильных плит многие имена, превратили в обломки дорогие сердцу обелиски. Она станет объединяющим памятником о всех некогда упокоенных в некрополе, местом духовного единения с предками.

Своими находками, мыслями, предложениями я поделился в долгой беседе с благочинным приходов Новочеркасска, настоятелем Михаило-Архангельского храма протоиереем отцом Олегом (Добринским) в его небольшом, уютном кабинете, расположенном в цокольном помещении церковного здания. И начал я с того, ещё в 1892 году подразумевалось, что усыпальница станет частью кладбищенской церкви и будет обслуживаться её священниками, находиться под охраной церковного сторожа. В то же время, денежное содержание указанные лица получали из городской казны. Так в 1889 году в Новочеркасский городской комитет было направлено следующее прошение: *«Донская консистория покорнейше просит Новочеркасский городской комитет сделать распоряжение об отпуске Консистории 635 р.50 к. для выдачи духовенству Новочеркасским приходским и кладбищенской церкви в содержание за первую половину текущего года»* [6, л. 1]. Именно поэтому расходы на строительство усыпальницы были отнесены на сумму, образовавшуюся из дохода от городского кладбища, составлявшую к 1 ноября 1891 года 3 361 р.72 к. [6, л. 22]. Так, собственно, и происходило на протяжении около тридцати лет, пока с начала 1930-х годов не начался разгром некрополя, не миновавший и общественную усыпальницу.

Беседовать с отцом Олегом о прошлом нашего города — особое удовольствие для любого интересующегося историей, а для краеведа вдвойне. В неспешном общении, предельно уважительном к мнению собеседника, постепенно раскрывается глубина его знаний, сотканная не только из изучения письменных источников, но и включающая, что не менее важно, личные беседы со многими интереснейшими жителями Новочеркасска. Подобные рассказы, нигде

не записанные, но рассказанные с абсолютной искренностью именно священнику, содержат россыпь интересных подробностей.

К разговору присоединился настоятель Дмитриевского храма протоиерей Герман Киселёв. Именно на отца Германа и его небольшой приход должна была лечь тяжёлая, но благородная миссия воссоздания утраченного памятника старины. После обсуждения всех деталей отец Герман твёрдо заявил о согласии вступить на этот нелёгкий путь и получил благословение отца Олега.

На встречу с главным архитектором города Ольгой Вячеславовной Грицай я шёл с уже сформированной концепцией превращения полуразрушенного здания общественной усыпальницы в Часовню памяти. К моей радости, сообщение было встречено с полным одобрением и с обещанием необходимой поддержки. Особое впечатление на Ольгу Вячеславовну произвёл план усыпальницы от её коллеги — городского архитектора А. Лютенкова. Сразу началось обсуждение вариантов восстановления здания, к беседе присоединилась специалист управления, чувствовалось, что для этих высококлассных профессионалов данный проект интересен своей необычностью и возможностью вернуть городу частичку утраченной красоты.

Но один важнейший вопрос требовал немедленного ответа, ставя под сомнение любые дальнейшие действия.

— Кому сейчас принадлежит это здание? — задала вопрос Ольга Вячеславовна сотруднику Комитета по управлению муниципальным имуществом (КУМИ).

И весьма скоро получила ответ — никому. Казалось, ситуация зашла в тупик. Невозможно восстанавливать здание, фактически не существующее, словно «висящие в воздухе». Узаконивание его через суд может занять годы. Но вскоре начальник отдела КУМИ Алексей Викторович Ерёмченко подсказал выход из, казалось бы, безнадёжной ситуации. Местная религиозная организация православного прихода храма великомученика Димитрия Солунского в лице настоятеля протоиерея Германа Киселёва на основании федерального закона N 327 «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» подаёт заявление о возвращении этого здания. Процедура должна пройти на основании судебного решения, и КУМИ не будет возражать против его передачи.

С августа 2018 года оформлением необходимых документов (а их потребовалось весьма

много) занялся отец Герман. Моя миссия была окончена и оставалось лишь заверить в ГАРО составленную мною для суда справку по материалам того самого дела «о построении общественной усыпальницы при Новочеркасском городском кладбище». Поскольку заверяла справку главный хранитель архива Елена Владимировна Николаева, мне удалось теперь уже очно поблагодарить её за неоценимую помощь в оцифровке дела. Итак, первая часть истории началась и закончилась в стенах ГАРО.

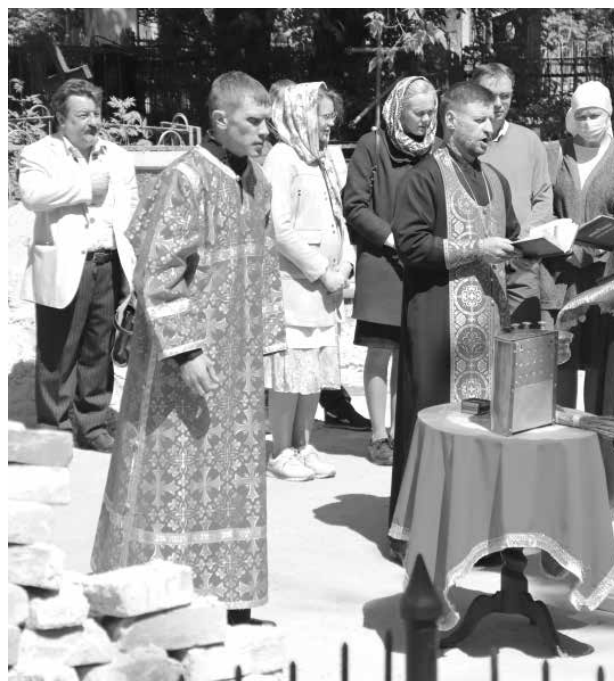
Полное оформление документов и судебные процедуры, вопреки ожиданиям, заняли два с половиной года, сдвинувшись из-за пандемии COVID-19. В ноябре 2020 года Арбитражный суд Ростовской области признал право собственности местной религиозной организации православного прихода храма великомученика Димитрия Солунского на нежилое здание литер «Я» площадью 8,1 кв.м., находящееся по адресу: Ростовская область, г. Новочеркасск, в районе ул. Бабушкина.

20 апреля 2021 года данный объект был внесён в Единый государственный реестр недвижимости. С этого времени стало возможным проведение реставрационных работ в здании усыпальницы.

Сложный выбор предстояло сделать настоятелю прихода отцу Герману: восстанавливать старое здание (построенное, как выяснилось, с некоторыми изменениями первоначального проекта) или возводить новое, копируя существовавшее? Были составлены новые сметы для реконструкции старого здания, накрыта временная крыша. Проведённые раскопки для осмотра состояния фундамента выявили обширный, на всю площадь здания подвал, почти полностью заваленный мусором, вывозить его пришлось тремя КАМАЗами. Результатом многочисленных бесед со специалистами, осматривавшими здание, сравнением смет, реальной оценкой собственных возможностей и надеждой на помощь благотворителей, стало решение возвести новое здание, но повторяющее старое.

В апреле 2022 года строение было аккуратно разобрано до нулевого цикла. 8 мая по окончании воскресной службы в церкви Димитрия Солунского настоятель храма протоиерей Герман Киселёв пригласил прихожан отслужить молебен «перед началом доброго дела» у возводимой часовни.

К этому дню уже были возведены первые десять рядов новых стен. Старинный, прекрасного качества кирпич, сложенный рядом, после тщательной чистки выглядел только что

Молебен у возводимой часовни. Новочеркасск, 2022 г.
Фото И. Халдаева

Здание часовни в августе 2022 г. Новочеркасск.
Фото Е. В. Халдаева

вышедшим из печи завода. Каменщик укладывал его на специальный раствор на основе белого цемента, имитирующего старый известковый раствор, что придавало вновь возводимому зданию первоначальный вид. В первых числах августа кладка стен Часовни памяти полностью окончена.

Приехав на старое городское кладбище в начале августа сфотографировать вновь обретенное здание, становлюсь на ту же точку съёмки, что и в 2017 году. Кажется, что принимаю участие в телевизионном шоу фокусников. Накрыли старое, полуразрушенное здание огромным

шёлковым платком, несколько павлов мага, барабанная дробь. И глазам потрясённых зрителей предстаёт новенькая, словно светящаяся в лучах закатного солнца часовня. Но, к счастью, это не уловка притворителя, а вполне материальный объект. Достаточно лишь провести рукой по нагретой долгим летним днём стене и ощутить тепло кирпича, сделанного, между прочим, при Императоре Александре III. Не магические заклинания, но реальная поддержка равнодушных, чутких людей за долгие пять лет сделала возможным это превращение. Снова вспоминаю их лица, фразы, мысленно продельваю этот путь и благодарю судьбу, что мне посчастливилось стать первым звеном в цепочке добра, окончившуюся этим августом.

Сейчас же приходит пора сплести новую, не менее важную цепочку. Возведены только стены Часовни памяти, но впереди монтаж крыши, установка крестов, подвес куполов, внутренняя отделка здания. До сегодняшнего дня практически все работы на стройке, начиная с получения технического паспорта объекта в 2018 году были оплачены из средств настоятеля Димитриевского храма отца Германа и пожертвований благотворителей. На второй этап работ нужны дополнительные средства. Если вам близок замысел прихода храма, обращайтесь к его настоятелю, протоиерею Герману Киселёву, который с благодарностью примет любую посильную помощь. Вы можете начать новую цепочку добра, вспомнив простую истину: благотворительность — это подарок, который вы делаете сами себе.

***

Следующие три главы посвящены четырём людям, чьи истории связала трагедия, случившаяся в 1892 году. Эпидемия холеры, в июле пришедшая на Дон унесла множество жизней, изменила привычный уклад жизни. Герой первой главы — доктор медицины И. А. Петровский, имеет непосредственное отношение к общественной усыпальнице, поскольку благодаря его настойчивости она была построена всего за менее месяца до начала эпидемии.

Один из героев третьей главы — Я. П. Баганов не дождался этих трагических событий. Но удивительным образом его имя снова было на устах донцов в страшные холерные дни. Для Ивана Андреевича и Якова Петровича, славных сынов Донской земли, наступающий 2023 год юбилейный, но, к сожалению, по датам ухода из жизни. Два других персонажа — В. А. Гиляровский и Ф. К. Трайлин мои коллеги-журналисты. И я, конечно, не мог обойти вниманием

их участия в событиях, имевших место в нашем богохранимом городе Новочеркасске жарким летом 1892 года.

Трижды первый

«Необходимо иметь истинное призвание к деятельности практического врача, чтобы сохранить душевное равновесие при различных неблагоприятных условиях его жизни».

С. П. Боткин

Медицина одна из тех профессий, в которой испытание человека на прочность, на верность выбранного в юности пути происходит практически ежедневно. Так случилось на наших глазах буквально год назад во время локдауна по ковиду, нечто подобное имело место в конце XIX века, во время холерной эпидемии в Области войска Донского. Сотни врачей днём и ночью в городах и станицах боролись со страшной гостьей. Им приходилось сражаться не только со смертоносными бактериями, но и человеческой глупостью, с неверием станичников в достижения медицины, предпочитавших в разгар эпидемий лечиться «дедовскими методами» или проходить в тесной толпе десятки вёрст крестным ходом вслед за исцеляющей иконой.

*Дом И. А. Петровского в Новочеркасске на ул. Воспитательной № 24 (ныне ул. им. Фрунзе № 58).
Фото Е. В. Халдаева*

Один из таких героев — Иван Андреевич Петровский (1829 — 1903). Табличка с надписью «Докторъ Петровскій» исчезла с его дома в Новочеркасске на улице Воспитательной.

Исчезла не в дни эпидемии, но значительно позже, когда Ивана Андреевича уже не было в живых. И как несправедливо, что ныне

совершенно забыт человек, сорок лет яркой, интересной жизни отдавший служению жителям родной донской земли. Ставший первым из казаков областным врачебным инспектором Войска Донского, а также первым заслужившим чин тайного советника, соответствующий чину генерал-лейтенанта в армии и вице-адмирала во флоте. Надеюсь, эти строки откроют моим современникам путь долга и чести сына урядника Каменской станицы, ставшего с 70-х годов XIX века известным всему донскому краю.

Вероятно, на выбор профессии повлиял старший брат, студент-медик Императорского Харьковского университета, предложивший Ивану, только окончившему окружное училище, поступить в харьковскую гимназию.

Спустя семь лет возле его фамилии появляется эпитет «первый». В своём выпуске Иван Петровский лучший ученик и награждён золотой медалью.

В гимназии он уже выказывал выдающиеся способности по литературе и языкам, писал сочинения на французском и латинском языках. Талант юноши многогранен, но тяга к медицине побеждает. В январе 1854 года Иван Андреевич окончил курс по медицинскому факультету Императорского Харьковского университета со званием лекаря [7] с отличием. Затем выдержан экзамен на звание уездного врача, а далее оператора.

«В XVIII — первой половине XIX вв. специализация врачей отсутствовала. Уездный лекарь являлся одновременно терапевтом, оператором (но без права производить "важные операции"), эпидемиологом, санитарным врачом, судебно-медицинским экспертом, ветеринаром и представителем губернской медицинской администрации. Оператор и акушер, помимо исполнения своих чиновничьих обязанностей как членов врачебной управы, должны были, по возможности, оказывать специализированную медицинскую помощь» [8].

В том же 1854 году Иван Андреевич определён в Войско Донское полковым лекарем и вскоре командирован на службу в Донскую конно-артиллерийскую 5-ю батарею в Царство Польское, откуда возвратился на Дон через два с половиной года. Для справки: по установленному в те годы правилу, *«окончившие курс медицинского учебного заведения после сдачи выпускных экзаменов и ... годичной практики получали диплом лекаря с правом на самостоятельную медицинскую деятельность и направлялись на службу в армию или флот, где занимали штатную должность лекаря.<...> В 1808 г. для врачей установили срок обязательной военной*

службы — не менее шести лет. Уволившись из армии (флота), врач продолжал службу по гражданскому ведомству или выходил в отставку и занимался вольной практикой» [8].

Иван Андреевич состоял младшим врачом Миусского округа, откуда снова был командирован с резервной 4-й батареей на полевую службу в Царство Польское, охваченное в то время мятежом. Служил при штабе походного атамана донских походных полков по сентябрь 1860 года.

После возвращения на Дон в 1862 году был уволен в отпуск с научной целью в Германию, Францию и Англию с содержанием из сумм Войска Донского. Вероятно, во время нахождения в Германии Иван Петрович познакомился с Вюртембергской [9] подданной Брукман, ставшей его супругой и получившей в замужестве православное имя Елизавета Ивановна.

По возвращении из отпуска — служба в российской столице. Осенью 1863 года занял место ординатора военно-сухопутного Санкт-Петербургского госпиталя, а позже в медико-хирургической академии. В 1864 году после сдачи экзамена, конференцией Императорской медико-хирургической академии Иван Андреевич удостоен звания акушера и в январе 1865 года утверждён акушером врачебной управы Войска Донского. В том же году удостоен звания доктора медицины и получил чин надворного советника. В 1867 году определён безмездным (не берущим платы) врачом при Новочеркасском духовном училище, а в следующем году утверждён врачом при Новочеркасской духовной семинарии с жалованьем триста рублей в год [10].

Спустя восемь лет произошли два важнейших события в жизни статского советника Ивана Андреевича Петровского. В 1875 году в карьерном росте значительное повышение — назначение помощником областного врачебного инспектора Войска Донского. И, что особенно важно для общественной жизни края — его предложение о создании Общества донских врачей (1875). Большую часть своей энергии и любви к делу Петровский отдал Обществу донских врачей. В течение четырнадцати лет Иван Андреевич состоял бессменным президентом Общества, всё время работая над расширением его средств и деятельности.

Первые годы деятельность Общества, бедного средствами и числом членов, выражалась в амбулаторном приёме больных в устроенной для этого лечебнице, помещавшейся в наёмном доме. Ивану Андреевичу удалось обратить внимание на благую цель Общества одного из местных меценатов и благотворителей, генерала

Платона Гавриловича Луковкина, домашним врачом которого он состоял.

Иван Андреевич указал генералу на отсутствие в городе женской больницы, тягостно отражавшееся на положении больных женщин. Луковкин завещал Обществу донских врачей для устройства женской больницы свой прекрасный дом в Новочеркасске, на Московской улице, с большим дворовым местом, а равно — и значительный капитал для дальнейшего развития деятельности общества.

Здесь размещалась бесплатная лечебница с хирургическим, ушным, глазным и гинекологическим отделениями. С этих пор дела Общества и, в частности, судьба больницы были поставлены на твёрдую почву. Благодаря не прекращающимся с тех пор частным пожертвованиям (порой довольно значительным), Общество с каждым годом расширяло свою деятельность и по количеству членов, району деятельности, числу учреждений, содержащихся Обществом, и материальным средствам, могло считаться в те времена одним из первых в России медицинских обществ.

В 1913 году, благодаря стараниям членов общества, на улице Ратной (ныне Красноармейской) была открыта областная хирургическая больница. Сегодня в этом здании располагается больница скорой медицинской помощи.

В сербско-турецкую войну 1876 — 1877 годов Петровский принимал значительное участие в снаряжении добровольческих отрядов. В начавшейся всего через полгода русско-турецкой войне состоял главным врачом устроенного под его руководством местного госпиталя Красного Креста для больных и раненых воинов.

В 1882 году Иван Андреевич овдовел. Его супруга Елизавета Ивановна скончалась в возрасте сорока двух лет. На попечении вдовца осталось шестеро детей. Старшему — Андрею исполнилось пятнадцать лет, Ивану — десять, Сократу и Вениамину — по семь. Дочерям Дарье и Евгении — соответственно тринадцать и двенадцать лет. Несмотря на постигшее его горе и необходимость уделять детям значительно больше времени, Иван Андреевич продолжил служение долгу.

В 1889 году уже в чине действительного статского советника, первым из казаков, Петровский назначен областным врачебным инспектором Войска Донского. По роду службы Иван Андреевич объехал самые дальние уголки казачьего края и благодаря простоте в общении, твёрдому и независимому характеру снискал уважение самых широких слоёв донского общества.

Его неисчерпаемая энергия позволяла не только ревностно исполнять возложенные на него обширные служебные обязанности, но и деятельно участвовать в различных благотворительных и просветительских обществах. Он состоял членом-учредителем Общества пособия бедным донским учащимся, членом совета Иоанно-Богословского общества; в донском отделении Красного Креста долгое время трудился казначеем.

Несмотря на многосложные служебные обязанности и громадную частную практику, преимущественно акушерскую, Иван Андреевич не оставлял научных медицинских занятий и живо интересовался современной литературой не только русской, но и иностранной, в чём ему помогало свободное владение французским, немецким, английским, итальянским, славянскими языками.

Неисчерпаемая энергия заставляла его искать применения своей деятельности в самых разнообразных сферах труда и знания. Иван Андреевич находил время изучать юриспруденцию с сыновьями — студентами.

Серьёзным испытанием для всей системы здравоохранения Войска Донского стала эпидемия холеры в 1892 году. Иван Андреевич помнил

Фрагмент фасада больницы Общества донских врачей, главный вход. Фото Е. В. Халдаева

рассказы своих старших коллег об ужасных последствиях посещения холерой Новочеркасска в 1847 году. «По 200, по 250 человек заболело в Новочеркасске в сутки, умирало до 200. Не было улицы, по которой не несли бы гробов, не было дома, где не стоял бы покойник. <...> Страх охватил население Новочеркасска. Не боялись казаки неприятеля с его пулями и ядрами, но этого таинственного врага испугались <...> За шесть недель холеры в Новочеркасске умерло до 5000 человек» [11, с. 389].

Могильный памятник на семейном склепе Петровских.
Фото Е. В. Халдаева

Областной врачевный инспектор Войска Донского приложил немало усилий в борьбе с эпидемией. В частности, что многом благодаря стараниям Ивана Андреевича на городском кладбище появилась общественная усыпальница, спасающая не одну сотню жизней.

В 1893 году последовала награда Ивану Андреевичу Петровскому за его долгую плодотворную деятельность и он первым из казаков был произведён в тайные советники. Вслед за этим он вышел в отставку «по расстройству здоровья». Вероятно, борьба с холерой отняла слишком много сил.

За всё время служения родному донскому краю доктор медицины Петровский был награждён орденами Святого Владимира 3-й и 4-й степеней, Святой Анны 2-й степени, Святого Станислава 2-й степени с Императорской короной, Святого Станислава 3-й степени.

Покинув службу, Иван Андреевич нашёл новые точки применения для своей деятельной натуры. Он одним из первых на Дону начал заниматься шелководством. С любовью занимался садоводством, преимущественно виноградарством, на своей даче под Аксайскими горами.

Доктор медицины И. А. Петровский скончался 21 января 1903 года, через день прошло отпевание в соборе и прах его был захоронен в семейном склепе рядом с супругой. Удивительно, но в неизменном виде сохранился до наших дней могильный памятник супругов Петровских. Несмотря на патологическую ненависть именно к крестам вандалов, громивших некрополь в 30-е годы XX века, всё так же горделиво высится большой чёрный крест против кладбищенской церкви. И в случае Ивана Андреевича он служит не только религиозным символом, но и напоминает нам о его благородной профессии.

Как дядя Гиляй от холеры ускакал

*«Пусть смерть пугает робкий свет
А нас бояться не понудит:
Когда живём мы — смерти нет,
А смерть придёт — так нас не будет».*

В. Гиляровский

Известный в России, а затем в СССР писатель, журналист, краевед Москвы Владимир Алексеевич Гиляровский (дядя Гиляй, как с любовью называли его читатели) после смены многих профессий с начала 80-х годов XIX века увлёкся репортёрской работой. Сотрудничал со многими московскими газетами, но наиболее значительный период его журналистской деятельности связан с газетой «Русские ведомости». Командировка на Дон состоялась в тот самый год, о событиях которого я рассказывал выше. Репортаж Владимира Алексеевича весьма интересен для нашего исследования событий тех дней в Новочеркасске.

«В 1892 году <...> я был командирован редакцией на холеру в Донскую область, где болезнь свирепствовала с ужасающей силой. Холера была мне не в новинку. <...> Вот почему я и принял эту командировку не задумываясь. <...> В июле я выехал на Дон. За Воронежем уже стала чувствоваться холера. Наш почти пустой скорый поезд встречал по пути и перегонял на станциях санитарные поезда с окрашенными в белую краску вагонами, которые своим видом наводили панику. Здесь на них не обращали внимания, но на глухих станциях мне не раз

приходилось слышать: — В белых вагонах — это холеру везде развозят, чтобы народ морить... Кому надо народ морить? Как холеру развозят? Зачем и кто? — так рассуждали и говорили. <...>

Мы стали приближаться к Новочеркаску. <...> Накануне, несмотря на прекрасное питание, ночлеги в степи и осторожность, я почувствовал недомогание, и какое-то особо скверное: тошнит, голова кружится и, должно быть, жар. <...> Я даже отказался, к великому горю Ивана [сопровождающего автора в поездке калмыка — Е. Х.], ужинать и, по обыкновению завернувшись в бурку, седло под голову, лёг спать, предварительно из фляги потянув полыновки и ещё какой-то добавленной в неё... спиртуозной, очень вкусной смеси. Ночь была тёплая, и я проснулся утром, когда солнце взошло. Голова кружилась, тошнило. Наконец я сказал Ивану, который уже вскипятил чай:

— Уж не холера ли со мной? Ведь со вчерашнего дня!

— Никак нет, ваше благородие, а впрочем, всё может быть! Только это ничего — пропотеть, и всё пройдет! — Напьемся чайку напополам с вином (которого он и в рот не брал), а потом наденем на себя бурку да наёмом, наёмом, пока

скрозь не проможем, — и всякая боль пройдёт! К Черкасску здоровы будем!

А меня грожь пробирает и тошнит. Посеглал Иван, туго затянул подпруги — и ахнули мы с ним вместе широким наёмом — только ветер свистит кругом да голову отворачиваешь! Давно я так не скакал, а без тренировки задыхаешься. Да ещё слабость <...>

Я был мокрый насквозь, но чувствовал себя бодро. — Ваня, а ведь я здоров!

— Пропотел — и здоров. Это "она" была с вами! Ляг только — застынешь и умрёшь!.. Может, кашу сварить?

— Нет уж, не стоит...

— Так винца выпейте!

Через час мы были в Новочеркаске, у подъезда "Европейской" гостиницы. <...> До сего времени не знаю, был ли это со мной приступ холеры (заразиться можно было сто раз) или что другое...» [12, с. 24, 26, 31–33].

В поисках сведений о холере в Донской области Владимир Алексеевич зашёл к коллегам в редакцию газеты «Донская речь», помещавшуюся в квартале от гостиницы — в первых (верхних) торговых рядах на Платовском проспекте. Здесь он рассказал о своём чудесном излечении,

«Европейская» — одна из четырёх новочеркасских первоклассных (с рестораном) гостиниц на углу Атаманской и Александровской улиц. Фото из архива автора

Портрет В. А. Гиляровского на коне. 1900 г.
Художник Николай Струнников. Фото из Интернета

и на следующий день заметка в двадцать строк под названием «Калмыцкое средство от холеры» с точным описанием истории была заверстана в свежий номер, но благополучно «зарезана» цензором. На память Гиляровскому подарили гранку газетной полосы с перечёркнутым красными цензорскими чернилами текстом.

Но история на этом не кончилась. Владимир Гиляровский продолжает: «Гранку... по приезде в Москву я показал — и все много смеялись. В числе видевших гранку был репортёр "Петербургского листка" И. М. Герсон. Дня через три вдруг я вижу в этой газете заметку "Средство от холеры" — по цензурным условиям ни о Донской области, ни о корреспонденте "Русских ведомостей" не упоминалось, а было напечатано, что редактор журнала „Спорт“ В. А. Гиляровский заболел холерой и вылечился калмыцким средством: на лошади сделал десять вёрст галопа по скаковому кругу — и болезнь как рукой сняло» [12, с 35].

Прошло недели две. В редакции "Русских ведомостей" заведующий иностранными газетами А. Е. Крепов преподнёс мне экземпляр газеты, в которой была перепечатана эта заметка из "Петербургского листка". Ещё в некоторых иностранных газетах появился перевод заметки из "Петербургского листка" — так тогда за граница интересовалась холерой!» [12, с 35].

Благодаря авторской датировке опубликованного в газете «Донская речь» краткого стихотворного наброска, вдохновлённого знаменитым донским цимлянским вином, мы можем определить даты пребывания В. А. Гиляровского в Новочеркасске: 17–19 июля 1892 года.

За бутылкой цимлянского

*«Люблю цимлянского игристую струю,
Когда она, искрясь и сверкая,
Как лава разольётся золотая.
Тут вспомню я и молодость далёкую мою,
Погибшую в борьбе тяжёлой без возврата,
Когда искал я жизни идеал,
Мечтал спасти страдающего брата,
Мечтал, а сам в борьбе неравной пал.
И что-ж, скажите, сделать мог один,
Когда кругом бесчувствие царило!?
В такой борьбе погибнет исполин,
Железная надломится тут сила.
И на распутье я теперь стою,
Забыв на век судьбу всех братьев малых,
И лишь цимлянского игристую струю
Люблю смотреть, кипящую в бокалах.»*

Вл. Гиля — й

Новочеркасск.

18 июля [13]

Установив временные рамки событий, перейдём к разговору о цензуре, теме, собственно и сподвигнувшей Владимира Гиляровского на поездку в Донскую область. Дело в том, что в конце XIX века в России значительно усилился цензурный гнёт в отношении печатных изданий, а уж во время эпидемий или стихийных бедствий он становился предельно жёстким. Вышеприведённый факт об удалении из заметки о Гиляровском как места действия, так и командировавшего его издания весьма красноречив. Надеюсь получить для газеты официальные данные о холере, Владимир Алексеевич обратился к генералу А. Д. Мартынову, замещавшему в те дни войскового наказного атамана Н. И. Святополк-Мирского. Будучи ранее знаком с Гиляровским, генерал пригласил гостя на завтрак в Александровский сад в ресторан «Ротонда». Но его ответ на просьбу репортёра был категоричен.

— «Канцелярия не даст! И я ничего не могу сделать — о шестви холеры мы даже в Петербург сообщаем в пакетах с подписью "совершенно секретно"... Циркуляр строжайший, а главное, чтобы в печать не попало!» [12, с. 34].

Заявление весьма интересное, поскольку статистика по эпидемии холеры постоянно

присутствовала на газетных страницах той же «Донской речи» и «Приазовского края». И в дни пребывания Гиляровского в Области войска Донского по официальным данным заболело 2657, умерло 1167, выздоровело 936 человек. Причём публиковались отдельно цифры как по городам области, так и округам. Казалось бы, в чём проблема? Но дело в том, что эти данные опубликованы лишь 28 июля [13], спустя 9–11 дней. Вероятно, цифры прошли утверждение, а возможно и корректировку в Петербурге. Однако, ещё 15 июня был подписан циркуляр Главного управления по делам печати для российских губернаторов, позволявший печатать сведения в местных повременных изданиях о заболеваниях холерой во вверенных им территориях с губернаторского особого каждый раз разрешения. Документ был подписан министром внутренних дел, но Область войска Донского находилась в ведении Главного Управления казачьих войск и, возможно, имелся внутренний циркуляр для наказных атаманов, ужесточавший требования к публикациям. Поэтому информация о развитии эпидемии на страницах местных газет выглядит весьма дозированной и причёсано.

Грустно читать бодрые рапорты из донских станиц, вполне устроившие цензоров. Например, из Каменской. *«Гром не грянет — мужик не перекрестится! Вот и мы, жители Каменской станицы, когда проникла к нам холера, стали служить молебны и просить Бога отворотить свой гнев от нас. На 8 июля, т.е. в день праздника св. иконы Казанской Божией Матери, мы задумали совершить молебное служение на площадях станицы с крестным ходом. На молебне присутствовали все служащие военные и гражданские чины, а из жителей станицы чуть не половина из каждого дома. Через два дня, именно 10 июля, на рассвете, разразилась над станицей страшная гроза с непрерывной почти молнией и полил сильный дождь. Этот дождь освежил воздух, и народ почувствовал себя богрее и веселее»* [14].

Хутор Калач хоть и *«встретил азиатскую го- стью с необыкновенным религиозным состоянием духа»*, но применил смешанный подход. *«При первой вести о появлении в Царицыне холеры начались у нас крестные ходы, которые были совершаемы почти ежедневно, при стечении многочисленной толпы народа. Затем ежедневно местная церковь переполнялась народом, желающим молиться, исповедаться и приобщиться святых Тайн. С церковной кафедры говорились*

горячие поучения, заключающие в себе воззвания к покаянию и добрым делам, а также наставления об отношении к местному медицинскому персоналу, его санитарным мероприятиям и способам лечения... Число заболеваний и смертных случаев вообще не значительно» [15].

И уже совсем деловой подход продемонстрировали в слободе Михайловке Усть-Медведицкого округа, но и здесь не обошлось без «ложки дёгтя». *«Слобода готовится к приёму холеры. По инициативе помощника пристава, местная интеллигенция приняла горячее участие в приготовлениях к борьбе с эпидемией: собрано более 400 р.; село разделено на 16 участков, в которые назначены санитарные попечители для присмотра за чистотой; два врача приняли на себя лечение больных; наняты два фельдшера, больничная прислуга; устроена за селом больница, снабжённая всем необходимым. Одно только не хорошо, что сельское общество наотрез отказалось участвовать в приготовлениях... В народе ходят разные нелепые слухи по поводу докторов и эпидемии, распускаемые недобрыми людьми, с целью вызвать смуту. Необходимо духовному ведомству позаботиться о рассеянии этих слухов»* [16].

Кстати, упомянутые в заметке санитарные попечители для присмотра за чистотой «отличились» в донской столице. *«Избраны были в Новочеркасске почётные санитарные попечители [80 человек — Е. Х.] для наблюдения за дворами обывателей. И вдруг в одно прекрасное утро в камере мирового судьи фигурируют в качестве обвиняемых за антисанитарное содержание дворов почётный санитарный попечитель и врач. Хорошие примеры для народа, который и без того плохо верит во всякие санитарные меры»* [17].

Действительно, и горожане и станичники весьма скептически относились к противоэпидемическим мероприятиям властей. Привыкшие обычно полагаться на собственные силы, донцы вспоминали дедовские рецепты и обереги. Об одном из них и рассказал Владимир Гиляровский, решивший прежде *«осмотреть холеру в степи, по станицам и хуторам»* и лишь затем ехать в донскую столицу. С восхищением вспоминает автор два чудесных дня, проведённых в степном хуторе у своего давнего знакомого сотника одного из казачьих полков и его пожилых родителей. Пришло время прощаться. *«Напутствуя меня, когда я уже был готов к отъезду, старый казак надел мне на шею большой медный крест на шелковом гайтане¹.*

¹ Гайтán — шнурок, плетёная лента, тесьма, на котором обычно носят нательный крест.

– Против холеры первое средство – медь на голом теле... Старинное средство, испытанное!»

Гиляровский в сноске замечает: «Теперь, когда я уже написал эти строки, я рассказал это моему приятелю врачу-гомеопату, и он нисколько не удивился. У нас во время холеры как предохранительное средство носили на шее медные пластинки.

Вспомнил я, что и старые бурлаки во время холеры в Рыбинске носили на шее и в лаптях, под олучаи, медные старинные пятаки» [12, с. 31].

На этом попрощаемся с корреспондентом «Русских ведомостей», побывавшем в июле 1892 года в самом центре эпидемии и с лёгкой руки «дяди Гиляя» перейдём к последней главе повествования, посвящённой удивительным по разнообразию и силе воздействия целебным средствам против «азиатской гостыи».

Бакланов и Траилин против сфинкса

«Холера представляет собой явление в высшей степени сложное, загадочное. Это, в буквальном смысле слова – сфинкс, который нас приводит в ужас своим смертоносным взглядом, но которого мы до сих пор понять не можем, несмотря на то, что разгадкой его заняты тысячи учёных во всех странах мира».

Ф. Ф. Эрисман, врач-гигиенист,
конец XIX в.

В донской столице всерьёз относились к периодически возникающим смертоносным эпидемиям. И среди различных способов борьбы предпринимались меры по созданию отдельных участков или даже особых кладбищ для умерших в результате эпидемий. Известно, например, что один из первых подобных погостов располагался к западу от ныне существующего старого городского кладбища: «холерное кладбище 1830 г. было между Краснокутской рощей и дачей полковника Грекова и размер его должен быть в три десятины», – сообщал Временный комитет по управлению Новочеркасском городскому архитектору [18].

Страшная гостыя в тот год собрала настолько значительную жатву, что пришлось отвести ещё один участок под захоронение уже к северу от городской черты, в излучине реки Тузлов, в районе нынешних железнодорожного моста и улицы Селекционной.

В общей могиле, засыпанной значительным слоем извести, нашли упокоение тысячи

горожан. «Среди дня насобирают упокойников, покладут их в арбы, а арбы-то эти на манер азиатских [т. е. с высокими бортами – Е. Х.], на заре или ночью и везут на луг... У кого из арбы нога висит, у кого рука, у кого коса мотается. Подъедут к яме, свалят и опять в город... а сваливают, как скотину какую, прости Господи!» [19].

Со временем это место буйно поросло степными травами, превратившись в городской выгон для многочисленных стад и более семидесяти лет ничего не напоминало о страшной странице в истории города. И лишь 20 июня 1906 года была «отслужена панихида на могиле умерших в эпидемию холеры 1830 года, с освящением крестов, воздвигаемых на этой могиле». В газетной заметке отмечалось, что «жители тузловской окраины приглашают всех... горожан Новочеркаска почтить своим присутствием память столь трагически усопших предков, на могилах которых, после долгого забвения, воздвигается, наконец, христианский крест» [20].

Живя неподалёку, в 80-х годах прошлого века, я, спеша с удочкой на утреннюю или вечернюю зорьку, проходил мимо двух огромных крестов, сваренных из кусков железнодорожных рельс, возвышавшихся среди тузловской поймы. А в начале 90-х кресты спили «под корень» сдатчики металла.

Учитывая слабое развитие медицины как в целом по Донской области, так в её столице

Генерал Я. П. Бакланов. Фото из кн.: [Краснов П. Н.]
Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. С. 391

Железнодорожный мост через р. Тузлов, слева на лугу находилось холерное кладбище, созданное в 1830 г.
Фото из архива автора

в частности, особую остроту проблема холерных эпидемий приобрела к середине XIX века. Упомянутые в главе о И. А. Петровском страшные события 1847 года, унесшие до пяти тысяч горожан, заставляли их, не полагаясь на рекомендации медиков, искать спасения в молитве и в различных, порой экзотических рецептах.

«Одна защита была — вера в милосердие Божье и усердная молитва. 29 августа из Аксайской станицы привезли чудотворную икону Божьей Матери. Горячо молились перед нею новочеркасцы, молились о чуде... И чудо совершилось. На другой день холера стала ослабевать. Народ повеселел. Скоро холера совсем прекратилась [11, с. 389].

«Во время холеры многие жители лечились особою Баклановскою настойкой и верили, что она помогает. Верили потому...что Яков Петрович Бакланов всех побеждал своим оружием, победит и холеру своею жестокой настойкой!» [11, с. 389—390]. Слова для нас весьма важные, поскольку автор вскользь упоминает о лечении «Баклановской настойкой», лишь характеризуя её как «жестокую». Мы же остановимся на этом средстве подробнее, ибо оно вызвало нешуточные дискуссии в прессе и в обществе в конце XIX — начале XX века.

При первых сообщениях о приближении холеры к Дону в конце июня 1892 года в газете «Донская речь» была опубликована статья Фёдора Калинича Траилина с рекомендацией «не лишне бы теперь же, кому следует, преподать населению совет — заготовить повсеместно в Донской области Баклановскую микстуру, как первую помощь до прибытия врача» [21]. Траилин был человек донцам известный: журналист, первый библиотекарь Новочеркасской публичной библиотеки. Краевед сообщал, что впервые микстура применена генералом Баклановым «в полку, которым он командовал на Кавказе, и в гарнизоне укрепления Куринского, в котором находился его полк. Лекарство спасло и полк, и гарнизон, в общем числе превышавшие две тысячи человек.

По словам очевидцев, ни один из казаков, или солдат не умер, между тем как в соседних местностях холера губила людей сотнями. Несмотря на сильное средство по входящим в него составам, каждый, не только заболевший, но и здоровый, должны были, по приказанию Бакланова, принимать микстуру, под страхом телесного наказания за ослушание.

Микстура составлялась так: на штоф квартовый [1,2 л. — Е. Х.] бралось: 2 стакана

крепкого винного уксуса, 1 столовая ложка белой нефти [т. е. керосина. — Е. Х.] 1 ложка белого скипидара, 1 ложка острой водки [Траилин пояснил позже, что она аналогична азотной кислоте, но очищенной, следовательно более сильнодействующей. — Е. Х.], 1 золотник камфоры, 2 золотника нашатыря и 2 столовых ложки мелко истолченного круглого горького перца. Эта смесь в штофе доливалась водкой. В течение суток все части микстуры соединялись при взбалтывании» [21].

Как видим, микстура, действительно, была «жестокая». И дозы её приёма начинались от двух пятых частей средства налитых в рюмку и дополненных до верха обычной водкой до вливания в рот полной чайной чашки состава для больных в предсмертной агонии. Но этого мало, и после приёма лекарства больной должен был ходить «так как движение содействует наибольшему действию микстуры на желудок и прочие части тела. Если один приём не действовал, то давался через полчаса второй, а затем третий, пока не появлялся у больного позыв ко сну и не обнаруживался пот».

Однако, как оказалось несколько позже, первая публикация рецепта этой «чудодейственной настойки» состоялась ещё в 1847 году в столичной газете «Санкт-Петербургские ведомости». Но состав её был несколько иным, как и название — «Воронежский эликсир», и автором назван доктор Андреевский, вылечивший в Дагестане тридцать три драгуна от холеры, и лишь одного не сумевший спасти. В рецепте, кроме уже указанных выше компонентов, присутствует селитра, мята и деревянное масло [оливковое масло самого низкого качества, используемое для лампад и светильников — Е. Х.]. По утверждению автора статьи средство, кажущееся странным скоплением разнородных веществ, действительно излечивало и применялось многими военными медиками в Дагестане [22].

Редакция газеты «Донская речь» заняла нейтральную позицию в отношении настойки и предложила читателям привести примеры вызываемого ею эффекта.

Практически каждую неделю донские газеты публикуют рецепты средств от холеры. Это были как советы местных знатоков народных методов, так и перепечатки из газет российских губерний. Саратовский купец убеждает в чудодейственных свойствах имбиря (очень знакомо, не правда-ли? Буквально год назад многие лечились им от другой напасти). «Я это самое верное средство испытал лично, спас себя и жену... С тех пор я этим средством пользую знакомых... и всегда с успехом» [23]. Суть

метода: высушенный, истолченный, настоянный на красном вине корень имбиря принимается в определённых дозах.

В городской больнице Тифлиса используется средство, открытое японским доктором. «При лечении больных холерой употребляется кефир, охотно принимаемый ими и имеющий свойство уничтожать холерных бацилл, вследствие содержания углекислоты и молочной кислоты» [24].

Можно только порадоваться за тифлисских пациентов, что им не прописали «баклановскую микстуру». Содержатель новочеркасского чугунолитейного завода Герцберг представляет в газету перевод статьи нидерландского доктора, служившего в Индии практическим врачом, успешно применявшим раствор дезинфицирующего средства креолин-персона для приёма внутрь в борьбе с холерой. Ещё одним доктором предлагалось намазывать кисточкой живот больного раствором йода и опия, предварительно выпив горячий чай с мятой.

Но самым радикальным оказался способ, предложенный в «Донских епархиальных ведомостях». «Средство это заключается в представлении к голым ступням больного горячей поверхности самовара, во время сильного кипения воды, так, чтобы горячая поверхность самовара передавала телу свою 80-градусную температуру. Обжога никакого не происходит. Напротив, больной, по-видимому, с удовольствием прижимает свои ступни к горячему самовару, приноравливая их к выпуклостям поверхности самовара, чтобы плотнее прижать их. Минуты через 3—4 после того, как самовар приставлен к ногам, больной засыпает, дыхание его становится ровнее, спокойнее...» [25]. Автор заметки обращает внимание читателей на то, что «этот приём излечивает наверняка».

Спустя месяц напомнил о себе Ф. К. Траилин, отметив с сожалением: «никто из врачей не погал в печати своего одобряющего голоса, хотя нет от них и порицаний. Одного из лучших местных врачей я спросил: имеет ли он что-либо против народных средств, к каковым относится и баклановская микстура? На это он ответил, что в эпидемии все средства хороши, лишь бы приносили пользу» [26]. Фёдор Калинич проанализировав три недавних случая заболевания, при которых двое больных, лечившихся у врачей, умерли, а один излечился после принятия микстуры, выздоровел, хотя у него уже начинались предсмертные судороги, делает осторожный вывод. «Народные средства, как, например, "баклановская микстура", иногда могут оказаться спасительными». Но тут же

Фёдор Калинич Траилин. (Краснянский М. Б. *Донские уроженцы. Ростов н/Д.* : Тип. Т-ва «Восход», 1918. С. 327. Отг. оттиск из кн.: Краснянский М. Б. *Записки донского штейгера. Т. 1. Ростов н/Д., 1915*)

безапелляционно заявляет: «Впрочем, в прежние холерные эпидемии, когда применение микстуры было полное, очевидцы свидетельствовали об её силе, выразившейся в выздоровлении принимавших её больных» [26].

Похоже, авторитет Якова Петровича Бакланова слишком довлел над Траилиным. Но иначе и быть не могло. Фёдор Калинич с 1854 года служил на Кавказе в легендарном Донском казачьем полку № 17, которым с лета 1850 года командовал Я. П. Бакланов, а в это время уже находился в должности начальника кавалерии левого фланга при штабе Кавказского корпуса. И не раз в бою казак Траилин с трепетом и гордостью видел развевавшееся личное знамя Бакланова — на чёрной ткани белый рисунок — Адамова голова (череп) с перекрещенными костями и цитатой из «Символа веры» «*Чаю воскресения мертвыхъ и жизни будущаго века. Аминь*», когда Яков Петрович вёл своих донцов в атаку. Вероятно, не удалось Фёдору Траилину отведать баклановской микстуры, иначе он бы не удержался, как истинный журналист, похвастать таким фактом.

Однако, выпустив «джинна из бутылки» публикацией рецепта в печати, Фёдор Калинич

с тревогой отметил, что аптеки в Новочеркасске и Ростове-на-Дону торгуют микстурой двух цветов, следовательно, рецепт либо извращается аптекарями, либо в состав вносятся вредные добавки. И делает категоричный вывод: «они не соблюдают указанных мною пропорций и гоз для приёмов, хотя и берут те же самые вещества». Поняв, что публикация, сделанная из лучших побуждений, может принести вред землякам, автор спрашивает: «Дано ли разрешение аптекам составлять баклановскую микстуру, т. е. рецепт, которым пользуются, был ли подписан врачом? Снабжают ли аптеки лиц, приобретающих микстуру, наставлением об употреблении её? Кажется, ни того, ни другого нет. А потому не мудрено, что больные холерой не только не могут вылечиваться аптечной микстурой, но ещё и навредить себе большими приёмами, а тем более составом фальсифицированным» [26].

Но это риторические вопросы. Спрос на микстуру был огромен. Почувствовав наживу, аптекари десятками литров производили желанное публикой средство. Траилин приводит два ярких примера. Только один аптекарский магазин в Новочеркасске, продал за день более 120 порций, «в Ростове же одно лицо, по его словам, ждало очереди на получение из аптеки микстуры три дня!...».

Откровенным донкихотством выглядит предложение Фёдора Калинича ещё в первой публикации и повторенное месяц спустя. «Для составления микстуры могу предложить свои услуги, в качестве фельдшера, под руководством врача, если бы это потребовалось». При этом он подчёркивал, что отказывается от малейшего вознаграждения. Понимая, что без помощи врачей этот поток сомнительной

Личное знамя Я. П. Бакланова.
Фото из архива автора

жидкости не остановить, Траилин предлагает: «*Заболевание холерою у нас всё ещё продолжается, а потому не лишне бы неотложно врачам нашим испытать данное средство над холерными, которым научные средства не помогли*». Неистребима в нём вера в чудо, словно не понимает, что серьёзные врачи не станут ставить эксперименты над больными с помощью сомнительных смесей, под угрозой лишиться работы или даже свободы.

И, наконец, последний призыв: «*со стороны нашего медицинского управления следовало бы проверить, как составляют баклановскую микстуру все, без исключения, аптеки в Области войска Донского и снабжают ли покупателей наставлением об употреблении её (печатным или рукописным, но не словесным). Составленные микстуры необходимо вполне подчинить медицинскому надзору, а всю выпущенную без него изъять из обращения*» [26]. Увы, для врачей авторитет даже такого уважаемого героя Дона как генерал Яков Петрович Бакланов не мог быть решающим фактором в признании пользы целительной микстуры. В 1892 году эту проблему «спустили на тормозах» в связи с постепенным затуханием эпидемии на Дону к середине августа.

Но в 1908 году при новой вспышке холеры общество донских врачей было готово к борьбе и рекомендовало бесплатно прививать населению сертифицированное средство — противохолерную сыворотку. А снова появившиеся в прессе рассказы о чудодейственной баклановской настойке решительно пресекло следующим заявлением: «*С появлением холеры в области местный официальный орган широко пропагандировал, как лекарство от холеры, так называемую, баклановскую микстуру. В настоящее время областное врачебное отделение находит баклановскую жидкость по составу своему безусловно вредной для здоровья и считает своей нравственной обязанностью предостеречь население от употребления её, так как она не только не принесёт заболевшему пользы, но, наоборот, может свести в могилу и такого больного, который при другом способе лечения и даже без всякого лечения мог бы оправиться*» [27].

Спустя всего три года имя Якова Петровича Бакланова снова появилось на страницах донских газет. Но, к счастью, не в связи с очередной эпидемией и «жестоким» снадобьем. Приблизилась столетняя годовщина войны с Наполеоном и было принято решение перенести останки героев-донцов, отличившихся беспримерными подвигами на полях сражений в усыпальницу

Вознесенского войскового кафедрального собора. Генералы от кавалерии М. И. Платов, и В. В. Орлов-Денисов, генерал-лейтенант И. Е. Ефремов были похоронены вне донской столицы и благодарные потомки тем самым отдавали долг памяти славным предкам.

Яков Петрович Бакланов хоть и не был участником Отечественной войны 1812 года, но стал на Дону личностью поистине легендарной, заслужив любовь земляков военными подвигами в Кавказских войнах. «*... подвигами мужества и храбрости донских казаков полна Кавказская война. Правду говорил Яков Петрович Бакланов, что учить казака храбрости не надо, и без учёнья каждый казак должен быть храбрым. Казаки были отчаянно храбры...*» [11, с. 415]. Но кроме храбрости была ещё безграничная вера в своего командира, недаром старики с гордостью рассказывали молодым воинам о службе под командованием Бакланова. «*Командир такой, что при нём и отца родного не надо. Если есть нужда — иди прямо к нему: поможет и добрым словом, и советом, и деньгами. Простота такая, что ничего не пожалеет, последнюю рубашку снимет и отдаст, а тебя в нужде твоей выручит. Но на службе, братцы мои, держите ухо востро: вы не бойтесь чеченцев, а бойтесь своего асмоея [демона — Е. Х.]: шаг назад — в куски изрубит*» [11, с. 404].

Часто выручая товарищей в беде, сам Бакланов в конце жизни остался в одиночестве, болезни и бедности, скончавшись 18(30) октября 1873 года в Петербурге. За войсковой счёт был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря, позже, на собранные по подписке деньги, на могиле был установлен памятник в виде скалы, с брошенной на неё буркой и папахой, с вершины скалы склонён «Баклановский значок».

Но признательные донцы не могли смириться с мыслью, что их славный земляк покоится вдали от Тихого Дона. Поэтому 4 (17) октября 1911 года в усыпальнице Вознесенского войскового кафедрального собора Бакланов вместе с другими тремя донскими героями и бывшем Донским архиепископом Иоанном (Доброзраковым) нашёл своё упокоение на родной земле. Позже в южной части Николаевской (Соборной) площади был установлен перевезённый из столицы могильный памятник. В 20-е годы прошлого века усыпальница была вскрыта, останки усопших были перемешаны с мусором, обломками иконостаса нижней Покровской церкви, обрывками священнических одежд. Лишь 15 мая 1993 года произошло торжественное перезахоронение донских воинов и архипастыря.

Трагическим образом сложились последние годы жизни и Ф. К. Траилина. Старость он провёл в бедности. В одном из документов говорится: «Имущества у Траилина нет никакого — ни земли, ни дома, нанимает самую убогую квартиру... Пока, при помощи сына, литературные труды дают ему хлеб, но едва достаточный для того, чтобы жить впроголодь» [28, с. 131].

2 мая 1919 года он обратился с прошением к Войсковому атаману по поводу назначения пенсии. «Приемлю смелость обратиться к милостивому покровительству Вашему и Войскового Круга Всевеликого Войска Донского и почтительнейше просить: в уважение моей полувековой, безвозмездной, службы членом Статистического Комитета, — определить мне пожизненную пенсию, в размере — по Вашему усмотрению и утверждению Войскового Круга, в какой-либо крайне нуждаюсь, для дожития, состоя, [нрзб.], в преклонном возрасте: 83-й год жизни и моё одиночество, — бессемейного, при дороговизне, в настоящее время, — «хлеба насущного» и одежды» [28, с. 132]. Из вспомогательного войскового капитала ему была назначена пенсия в размере 300 рублей в год. В том же 1919 году (точная дата неизвестна) Ф. К. Траилин скончался в Новочеркасске. Был похоронен на старом городском кладбище, могила утеряна.

«Я посвятил свою долгую жизнь трудам литературно-художественным на пользу Родины — Тихого Дона». — написал Фёдор Калинич в тексте прошения, подводя итог своей плодотворной многогранной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Слово на Высочайший день тезоименитства Его Императорского Величества, Всемилостивейшего Государя Александра I, и на радостнейший случай получения Войском Донским Всемилостивейше пожалованного оному за заслуги, военного знамени с Высочайшею грамотою, говоренное Черкасским протоиереем Алексеем Оридовским в Александровской города Новочеркаска церкви, 1811 года августа 30 дня. В Санкт-Петербурге в типографии Святейшего правительствующаго синода, 1811 года.
2. ГАРО. Ф. 227. Оп. 1. Д. 475.
3. Луковкины и другие / М. Ю. Абрамов, С. В. Корягин, С. А. Марченко. М. : Русаки, 2003. С. 40 — 109. (Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 37)
4. Халдаев Е. В. Похоронены и забыты: Уничтоженные братские воинские кладбища Новочеркаска. 1914 — 1920 гг. // Донской временник. Год 2018-й. Вып. 26. Ростов н/Д., 2017. С. 88 — 95.
5. Новочеркасский некрополь. Утраченное : [1805 — 1920]. : сайт. URL: <http://don-nekropolis-utraty.ru>. (дата обращения 01.09.2022 г.).
6. ГАРО. Ф. 227. Оп. 1. Д. 394.
7. Лекарь — официальное звание врача до 1917 г.
8. Смирнова Е. М. «Медицинские чины» в российской провинции (XVIII — середина XIX вв.) // Научная электронная библиотека «Киберленинка» : [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskie-chiny-v-rossiyskoy-provintsii-xviii-seredina-xix-v/viewer> (дата обращения 01.09.2022 г.).
9. Королевство Вюртемберг — государство, существовавшее на территории Германской империи с 1806 по 1918 годы. Правопредшественник — одноимённое герцогство. Столица — Штутгарт. В настоящее время территории бывшего королевства входят в состав земли Баден-Вюртемберг.
10. Донцы XIX века : Биографии и материалы для биографий донских деятелей на поприще службы военной, гражданской и общественной, а также в области наук, искусств, литературы и проч. Новочеркасск : Обл. войска Дон. тип., 1907. С. 325.
11. [Краснов П. Н.] Картины былого Тихого Дона : Краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. Изд. первое. СПб., 1909.
12. Гиляровский В. А. Сочинения : в 4 т. Т. 3 : Москва газетная; Друзья и встречи. М. : Правда, 1989.
13. Донская речь. 1892. 28 июля. (№ 83). С. 2.
14. Станица Каменская // Донская речь. 1892. 16 июля. (№ 79). С. 2.
15. Хут. Калач на Дону // Донская речь. 1892. 23 июля. (№ 82). С. 1 — 2.
16. С. Михайловка, Усть-Медв. окр. // Донская речь. 1892. 21 июля. (№ 81). С. 2.
17. Мелкие наброски // Донская речь. 1892. 23 июля. (№ 82). С. 2.
18. ГАРО Ф. 770. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
19. Холера идёт // Донская речь. 1892. 2 июля (№ 73). С. 2.
20. Холерное кладбище // Донские областные ведомости. 1906. 19 авг. (№ 179). С. 2.
21. Траилин Ф. К. Средство против холеры // Донская речь. 1892. 23 июня. (№ 70). С. 2.

22. Средства против холеры // Донская речь. 1892. 9 июля. (№ 76). С. 3.
23. Голубев Я. Средство против холеры // Донская речь. 1892. 30 июля. (№ 84). С. 2.
24. Кефир как антихолерное средство // Приазовский край. 1892. 29 июля. (№ 194). С. 3.
25. Средства против холеры // Донские епархиальные ведомости. 1892. 1 сент. (№ 17). С. 729 – 730.
26. [Траилин Ф. К.] Письмо в редакцию // Донская речь. 1892. 28 июля. (№ 83). С. 3.
27. Баклановка // Донская жизнь. 1908. 5 сент. (№ 205). С. 3.
28. ГАРО. Ф. 301. Д. 2352. Л. 6, 6 об. Цит. по: Прощение Фёдора Траилина // Донской временник. Год 2011-й. Вып. 19. Ростов н/Д., 2010.

О. М. Морозова

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ НЕМЕЦКИХ КОНЦЕССИОНЕРОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Советская концессионная программа 1920-х годов обычно рассматривается как инструмент прорыва экономической блокады, то есть как часть внешнеполитической стратегии Советской России. Ключевыми субъектами этого процесса выступают правления крупных иностранных компаний, советское правительство, Главный концессионный комитет СССР (Главконцеском) и их уполномоченные сотрудники. Исследования базируются на фондах Российского государственного архива экономики и Государственно-архива Российской Федерации [1].

Документы высоких учреждений – наркоматов, комитетов, правлений фирм – дают одностороннее освещение опыта сотрудничества советской власти и западных компаний.

Принято считать, что в сфере сельского хозяйства этот эксперимент имел для иностранных концессионеров провальный результат. При этом без внимания остаётся местный уровень взаимодействия, ведь концессия становилась одним из субъектов локального хозяйственного комплекса. Её деятельность попадала в поле зрения областных, краевых, окружных и районных органов власти. Степень их участия в делах и взаимодействие с иностранными концессиями влияли на выводы о результативности их деятельности. Забегая вперед, отмечу, что сведения подобного рода крайне редки в документах региональных и местных организаций, потому что концессии обладали определённой экстерриториальностью, были своего рода государством в государстве. Фондов, образованных концессионными предприятиями, в областных

архивах нет. Отдельные интересующие сведения можно найти в документах региональной исполнительной власти, выполнявшей решения Главконцескома [2], и в фондах окружного и районного комитетов ВКП (б) [3]. Но даже имеющаяся скудная информация добавляет новые краски к картине восстановительного периода и хозяйственного строительства.

С 1923–1924 годов на Юге РСФСР функционировали две германские сельскохозяйственные концессии – «Маньч» и «Друзаг», принадлежавшие разным немецким обществам. Официальное наименование первого предприятия говорит само за себя: ООО «Крупшовская сельскохозяйственная концессия “Маньч” в Берлине». Германо-российское семеноводческое акционерное общество «Друзаг» (Deutsche-Russische Saatbau Aktiengesellschaft) было учреждено городским советом Кёнигсберга и рядом германских фирм-производителей сельскохозяйственных орудий [4]. Но если «Друзаг» располагался в достаточно влажном равнинном предгорье, то «Маньч» – в засушливой степи. Оба предприятия официально закончили свою деятельность в 1934 году. Опыт концессии «Маньч» выгодно отличался от изобиловавшей конфликтами истории «Друзага». Но и в случае с крупновским предприятием поводом для напряжённых переговоров были договорённости о зерновом характере производства.

Место иностранных концессий в круге забот региональных и местных органов власти определёнno не было первостепенным. На повестке дня этот вопрос вставал не чаще нескольких

Ольга Михайловна Морозова, доктор исторических наук, профессор кафедры «Связи с общественностью» Донского государственного технического университета, ведущий научный сотрудник Северного (Арктического) федерального университета. Статья подготовлена по гранту РНФ 22-18-20061 «Иностранные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России». Сообщение под названием: «Траектории судеб работников концессионных предприятий Юга России. 1923–1934 гг.» (Ростов-на-Дону, 29 сентября 2022 г.)

раз за год. Это не говорит о непонимании важности концессионной программы. Наоборот, государственный подход был не чужд низовым работникам, неоднократно подчеркивалось её значение, что учитывалось в выносимых решениях. Название концессии «Маныч» чаще всего всплывает в обсуждениях условий труда советских работников и деятельности партийной ячейки. Но наиболее важным для местных руководителей был вопрос, связанный с соблюдением обязательств германской стороны по поводу организации зернового хозяйства на прогрессивных технологических принципах земледелия. Через год после начала работ они столкнулись с неготовностью немецкой стороны выполнять этот важнейший пункт концессионного договора.

Инициатива создания сельскохозяйственной концессии исходила от АО «Фридрих Крупп». 30 декабря 1921 года (за три с половиной месяца до начала работы Генуэзской конференции) правительству РСФСР через торговое представительство в Берлине поступило предложение о создании предприятия аграрного профиля. Для «Круппа» проект не был пионерским. Ещё до Генуэзской конференции было подписано германо-советское торговое соглашение об открытии германской торговой миссии в Москве, через которую уже осуществлялись торговые сделки на русском рынке таких крупных фирм, как «Фридрих Крупп» и «Хенкель» [5].

Решительным сторонником принять предложение Круппа был В. И. Ленин. 22 марта 1922 года руководитель советского государства направил телеграмму Сальскому окружному исполкому: *«Для немедленной передачи концессии Круппа 60 тыс. дес. посева ... к вам выехали представители Наркомзема Агамович и ещё один товарищ и представители «Круппа» Клетте и Фульте-Цегхау. Имеет громадное не только экономическое, но и политическое значение. Вы должны напрячь все силы, чтобы содействовать заключению о концессии, всякую незначительность в этом деле буду считать преступлением»* [6, л. 2]. 24 марта председатель Сальского исполкома Советкин сообщал в Кремль, что представителями фирмы было обследовано четыре участка, их особенно удовлетворил рельеф местности и имеющееся оборудование, в итоге они выразили желание взять в аренду 50–60 тыс. дес. [6, л. 3]. Телеграмма аналогичного содержания пришла и в Краевое экономическое совещание Юго-Востока [7]. На ближайшем заседании профессор Сладковский делал доклад об экономических условиях организации сельского хозяйства в Сальском

округе Донской области в связи с предполагаемой сдачей земельных участков на концессионных началах представителям германской фирмы «Крупп» [8, л. 36].

Выбор земельных участков по стране был велик. Образованный 6 июля 1920 года Государственный колонизационный фонд включал, в том числе, земли Задонья — районы Восточного и Западного коневодств, широко используемые для разведения скота и крайне узко в целях полеводства — по причине засушливости климата. В. И. Ленин лично дал указание в ноябре 1920 года обратить особое внимание на изучение вопроса о возможности предоставления концессий на Юго-Востоке, в частности, в Донской области [9]. Можно предположить, что им двигали мотивы, связанные с изменением социально-сословного облика этих мест. Привлечённые к рассмотрению перспектив эксперты — статистики ещё земского призыва и экономисты, некоторые с весомым дореволюционным партийным стажем, единогласно дали положительное заключение. Почвоведов среди них не было. Ровный рельеф степей прекрасно подходил для использования в крупных масштабах тракторной обработки полей [10, с. 100–101].

23 марта 1922 года в Москве был заключён концессионный договор, подписанный с советской стороны наркомом по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичериным и наркомом земледелия В. Г. Яковенко и представителями общества «Фридрих Крупп в Эссене» на аренду 25 тыс. дес. земли сроком на 24 года. Платой за концессию являлась ежегодная передача правительству РСФСР 20% валового сбора урожая зерна [10, с. 120–122]. Но 22 апреля 1922 года в советском торгпредстве в Берлине узнали, что директора акционерного общества К. Зорге и П. Краасс отказались утвердить договор о сельскохозяйственной концессии в Сальском округе Донской области. Это было неожиданно и необъяснимо, ведь 16 апреля был подписан Рапальский договор, открывающий зелёный коридор сотрудничеству. Возможно, это было сделано под давлением англичан, осудивших это соглашение. Но сами немцы ссылались на вдруг выявившиеся финансовые трудности.

Угрозы советского правительства аннулировать все заказы, размещённые на предприятиях «Фридрих Крупп», возымели действие. В конце года уполномоченный фирмы Э. фон Капперр прибыл на берега Маныча для выяснения программы действия для начала эксплуатации выделенного участка [11]. Он смог убедиться, что

*Скирдование соломы в российско-германском товариществе «Маныч-Крупп». 1930 г.
Фото М. А. Морозова из семейного архива автора*

в 1922 году сельское хозяйство Юго-Востока было на подъёме, ведь год выдался урожайным [12].

Подписание повторного концессионного соглашения произошло 17 февраля 1923 года в Берлине. Со стороны АО «Фридрих Крупп» оно было завизировано директорами К. Зорге и П. Крассом, от РСФСР — полпредом Н. Н. Крестинским и торгпредом Б. С. Стомоныковым. Этому не помешал даже случившийся в Германии осенью 1922 года общенациональный финансовый крах. В соответствии с договором российская сторона передавала 25 тыс. дес. сроком на 36 лет под создание зернового хозяйства на основе механической обработки почв, посевных и уборочных мероприятий. Создание животноводческого сектора в товарном виде исключалось, разрешалась для удовлетворения внутренних нужд использование окрестных природных ресурсов: добыча камня-известняка и соли [10, с. 124–126].

Весной 1923-го в Сальскую степь прибыли представители управляющего звена. В июне начались полевые работы. 24 августа уполномоченный концессии П. О. Клетте сообщил председателю Главконцесскома Г. Л. Пятакову, что на полях началась вспашка земли для посева озимых [10, с. 127].

Мотивы сотрудничества западных капиталистических стран с Советами нередко становятся предметом отдельного рассмотрения.

Единодушно признаётся, что к этому Запад склоняла послевоенная разруха. Несмотря на окончание мировой войны в ноябре 1918 года, запустить экономику в ведущих промышленных странах мира не удавалось в течение нескольких лет. Торговые связи были разорваны войной, но в условиях едва дышащей экономики их восстановление было задачей более простой, чем переформатирование — с замещением России другими источниками ресурсов, ведь до 1914 года она была существенной частью мировой хозяйственной системы. Концессионная советская программа могла «завести» экономический механизм. Французы интересовались табачной отраслью. Американцы — нефтью и углём. Но наиболее активны были немцы. К февралю 1922 года уже 40 германских фирм заключили договоры или заявили о полной готовности к сотрудничеству с советскими предприятиями и наркоматами [13]. Концессионные проекты германского капитала в России были не просто частной инициативой отдельных компаний, а составной частью государственной экономической стратегии. В конфиденциальном письме Министерства хозяйства Германии, направленном в Имперский союз германской промышленности 18 июня 1921 года, говорилось, что к этой деятельности желательно привлекать лица и компании, не работавшие ранее в России, поскольку имеющие подобный

деловой опыт будут заинтересованы, прежде всего, в восстановлении собственного бизнеса. В то время как приоритетными с точки зрения интересов государства являются комплексные вопросы развития экономических отношений между двумя странами [14].

По косвенным признакам можно судить, что первоначальный замысел немцев состоял в возврате к условиям довоенного сотрудничества России с иностранным капиталом — как экономического придатка. Этот взгляд был положен в основу дипломатической стратегии Германии, с которой она прибыла на Генуэзскую конференцию (10 апреля — 19 мая 1922 г.). Перед ней стояла задача выхода из положения государства-изгоя, которую планировала реализовать на этом конгрессе. Как следует из советских дипломатических документов, министр иностранных дел Веймарской республики Вальтер Ратенау пытался выстроить двусторонние отношения с европейскими странами-победительницами, при этом образовав общий фронт против советского государства — для возвращения к довоенной практике эксплуатации ресурсов России. Однако страны Антанты не демонстрировали явных намерений к экономической изоляции РСФСР и других республик, чьи представители также вошли в состав советской делегации. Опасаясь возможного соглашения Антанты с Советской Россией без Германии, немецкая делегация, которой отвели ограниченную роль на конференции, пошла на подписание особого двустороннего договора. Лицом, поставившим свою подпись под документом, был Ратенау. Причем канцлер Германии Й. Вирт был более последовательным сторонником договора, чем анлофил, по отзыву советского министра иностранных дел Г. В. Чичерина, Ратенау [15].

Но план восстановления экономики России все же принадлежал Ратенау, занявшему в 1921 году пост министра «реконструкции» (Minister für Wiederaufbau). Проект был представлен им на конференции союзников по репарациям и разоружению Германии, проведенной 5—16 июля 1920 года в бельгийском городе Спа. Предложенная им схема сводилась к тому, что Германия выступает поставщиком товаров на восток, оплата за которые осуществлялась бы золотом и валютой, которые, в свою очередь, идут на уплату репараций. Но для этого нужно было хотя бы частичное оживление российской экономики. В этом, считал Ратенау, должен был участвовать западноевропейский «консорциум», куда помимо Германии должны были войти Англия, Франция, Италия, Бельгия. Конечной

целью проекта являлось восстановление и укрепление экономики европейских стран. Не менее важно было взять под контроль большевизм в России и не дать ему выйти за пределы страны. Никто, кроме Британии, этот план не поддержал [16]. Но идейная составляющая концессионной активности предстаёт тут в полной мере.

Существуют разнообразные версии относительно мотивов проникновения конкретно «Фридриха Круппа» в пространство советской экономики. После подписания капитуляции своей страны компании, всецело работавшей в годы Первой мировой войны на германскую военную машину, пришлось столкнуться с принудительной конверсией. Остановленные в годы войны мощности по выпуску сельскохозяйственных машин можно было запустить, но спрос на них на мировом рынке был ограниченным. В то время как Юг России был традиционным адресом поставки различной техники отечественного [17] и иностранного производства. За семь лет войны её парк значительно сократился, поэтому рынок обещал быть ёмким, а сельскохозяйственная концессия могла служить выставочной площадкой, плацдармом для будущего сбыта в РСФСР. До 1914 года Германия была не только крупным поставщиком сельскохозяйственной техники в Россию, а также одним из основных потребителей русского хлеба, экспорт которого не прекращался даже в годы Первой мировой войны, идя через нейтральные страны при участии не скупающихся на патриотическую риторику отечественных коммерсантов, таких как, например, Н. Е. Парамонов [18].

Ряд авторов пишут о существовании первоначального стремления «Круппа» на советский рынок сельскохозяйственных машин. А пестрота состава машинного парка концессии, где преобладали американские модели, объясняется тем, что германские образцы не выдержали местных условий и вскоре были заменены [19, с. 294].

Немецкие историки отмечают подозрительность, с которой отнеслись другие европейские страны к такому участнику советско-германского сотрудничества как военный концерн «Фридрих Крупп». В печати фиксировалось хождение слуха, что концессия служит ширмой для военно-промышленной деятельности Германии в обход запретов, наложенных Версальским договором [10, с. 186; 19, с. 294].

Шпионский мотив нередко всплывает в контексте экономической деятельности иностранцев в СССР. В 1937 году в советской печати были озвучены обвинения в том, что по всему

Обмолот хлеба с помощью паровой молотилки "Advance-Rumely" в российско-германском товариществе «Маньч-Крупп». 1930 г. Фото М. А. Морозова из семейного архива автора

миру, а в нашей стране в ещё больших масштабах, под вывеской немецких коммерческих контор действует шпионская сеть. В качестве одного из примеров была упомянута сельскохозяйственная концессия «Друзаг» и её директор Ф. Дитлов, бывший полковник генерального штаба германской армии, по мнению органов, после отъезда оставивший агентуру [21]. Подобного рода обвинений в адрес «Круппа» не было.

Возьмём в качестве базовой версию о том, что целью участия «Круппа» в советской концессионной программе были интересы экономического характера — получение прибыли, трудоустройство специалистов и рабочих, не нашедших применения у себя на родине. Это объясняет последовательное стремление немцев сделать своё предприятие многопрофильным, используя все возможные источники дохода.

Предприимчивые иностранцы, столкнувшись с нехваткой стройматериалов, выяснили возможность их производства на месте. Они начали разработку строительного камня в заброшенных известняковых каменоломнях, находившихся в нескольких верстах от хутора Пишванов, где располагалась главная усадьба концессии. Там же начали обжиг известки [22]. Это делало концессию монополистом на местном рынке стройматериалов, так как разрушенный в годы войны кирпичный завод в станице

Пролетарской был восстановлен только в 1927 — 1928 годах [23].

Но поскольку в первоначальном тексте договора существовал запрет на превращение побочных промыслов в товарные, то в 1925 году предприятие получило замечание председателя правительственной инспекции Северокавказского краевого земельного управления Рязанова о развитии непрофильного производства известки и строительного камня. Налгать запрет он не стал, понимая нужность этих товаров для местного населения, и лишь установил размер причитающихся сборов и налогов [24].

Многолетние сложные переговоры между администрацией концессии и советскими учреждениями о производственном профиле концессии выступают свидетельством естественного желания частного капиталистического предприятия получить максимальный доход. В этой связи стоит внимательно посмотреть на то, чем руководствовалась советская сторона, предлагая взять в аренду участок в Сальском округе.

Для этой части задонской степи характерны сложные природные условия. Суховеи, восточные ветра, сопровождающиеся часто майскими заморозками; набеги саранчи. Капризный климат влиял на сборы урожая. На один урожайный год приходилось один-два года скромного

сбора и один неурожайный. Выбор для практиковавших земледелие в других климатических зонах нельзя назвать удачным. Весной 1924-го — первого года полного хозяйственного цикла — засухой привёл к гибели от 30 до 100% посевов по волостям Сальского округа [25; 26]. Хотя член коллегии Наркомзема К. Д. Савченко отмечал, что в концессии урожай выше и лучше, чем в соседних крестьянских хозяйствах [10, с. 124], это не могло утешить концессионеров. Следующий 1925 год был удачным. Но 1926-й опять принёс огромные убытки — более 80 тыс. руб. золотом. Несмотря высокую по тем временам оснащённость техникой, природный фактор нейтрализовать не удавалось. В 1927 году в концессии «Маныч» имелось 20 тракторов: применялись в основном американские тракторы "Caterpillar", "Case", паровые молотилки "Advance-Rumely", для перевозок использовалось семь грузовых машин, в основном "Ford" [27].

Советские работники всех уровней демонстрируют удивительное единодушие в ожиданиях от концессии — им нужно образцовое зерновое хозяйство. З. М. Беленький, председатель Юго-восточного бюро ВЦСПС, в декабре 1922 года обратил внимание на то, что все соглашения с иностранными компаниями направлены на поднятие промышленности, но они не дадут ни фунта хлеба [28], поэтому нужны и сельскохозяйственные концессии зернового профиля. Стране только что пережившей страшный голод, это было крайне важно. Нарком земледелия РСФСР В. В. Осинский отмечал, что страна нуждается в крупной финансовой и организационной предпринимательской помощи извне в тех местах, где нельзя справиться самостоятельно [29]. Юго-Восток как раз и был тем, что было пока не по силам советскому государству. Тяжёлые целинные почвы плуг, запряжённый в пару волов, не пахал, а лишь царапал землю. Семена плохо прорастали в обезвоженной почве, имели слабую корневую систему.

Донская область испытывала нехватку живой тягловой силы. Ассигнования на область на восстановление поголовья составили 450 млн. руб., что являлось в 1922 году мизерной суммой, так как это была стоимость 500 пар волов. Нигде, в том числе и за границей, тягловый скот купить нельзя, нигде нет избытка [30, л. 35]. Тракторов было мало, и они трудно внедрялись в хозяйство. Скептическое отношение к технике, по мнению Э. И. Квирина, тогда заведующего Донским областным земельным управлением, было связано с тем, что до этого момента в области были только тяжёлые трактора. Они

требовали грамотного обслуживания, чего не было, находились в изношенном состоянии и потребляли большое количество дорогого керосина. Себестоимость вспашки с их помощью обходилась дороже в три раза, чем обычная — волами [31, л. 36; 32]. Для решения вопроса об оптимальном наборе техники важно было апробировать все системы машинной обработки земли. Квириг считал, что основной моделью для механизации сельского хозяйства должен стать американский трактор лёгкого типа Фордзон. Он проще в эксплуатации и ремонте, требует меньше керосина, который дорог и дефицитен. Вспашка Фордзонами на участках западного кочеводства, сданных в аренду американской артели «Сеятель», показала свою эффективность даже в случае с тяжелой сальской целиной [30, л. 35, 36]. В 1922 году Наркомвнешторг уже закупил американские трактора для Юго-Востока, но опыта работы на них в регионе не было. Концессия «Маныч» должна стать, по идее советского руководства, «производственной показательной фабрикой», дать пример механизации сельского хозяйства.

Ещё одной преградой на пути интенсификации аграрного производства была низкая культура земледелия. Сальский округ Донской области относился к тем территориям Юго-Востока, в отдельных местах которых продолжала существовать архаичная переложная (залежная) система севооборота при доминировании немного более прогрессивного (возникшего в эпоху раннего Средневековья) толочно-парового трёхполья, что не соответствовало потребностям страны, поставившей своей целью индустриализацию [8, л. 53—53 об.]. Семенной материал был вопиюще плохого качества. Высокая засоренность семян отнимала до 30% урожая ежегодно. По статистике крестьянин высевал на одну десятину пашни 8 пудов пшеницы и до 20 фунтов, то есть полпуда, сорных трав [30, л. 35, 39]. У крестьян-единоличников, небольших коммун и Крестьянских комитетов общественной взаимопомощи не было возможности очищать засоренные семена. Для этого необходима была станция со специальным оборудованием.

Кроме того, за годы войны произошло выведение районированных сортов. Пшеница-арнаутка, известная на Дону как гарновка, ранее являлась основным зерновым хлебом, будучи хорошо приспособленной к местным условиям. Донскому областному земельному управлению в 1922 году отчасти удалось собрать семенной фонд этого сорта за счёт освобождения нескольких хозяйств от сдачи

продналога и передачи ему 25% урожая [30, л. 38]. Но на этом пути случалось немало просчётов. Земельное управление ставило задачу введения в севооборот засухоустойчивых культур. Однако кукуруза себя не оправдала. Она даже вызывала ненависть крестьян. Для пропашных культур не хватало рабочих рук и тягловой силы. Американские сорта кукурузы не вызрели и не дали урожая, на который рассчитывали. Эксперимент был проведён в Донецком округе — далеко не самом засушливом месте области [30, л. 37; 32]. Для быстрее решения всех этих проблем Югу нужно было образцовое растениеводческое хозяйство. И когда в мае 1924 г. во время обследования было установлено, что администрация нарушает пункт 20-й договора и сдаёт крестьянам окрестных сёл землю в аренду под пастбища и сенокос для того, чтобы увеличить свою выручку, окружные работники с сожалением констатировали: *«Концессия Крупна не заботится о качественном улучшении культур, а преследует лишь количественную цель»* [22].

Дабы впредь избежать нареканий со стороны Главконцесскома администрация концессии «Маньч» уже в начале 1925 года подняла вопрос о разрешении перепрофилирования части производства на животноводство [33]. Приглашённый специалист из Германии Мейер также указывал, что природные и климатические условия степи благоприятны для разведения овец мериносовой породы, чья шерсть ценится на мировом рынке всегда очень высоко [10, с. 126].

Эта реорганизация не устраивала советскую сторону. Её эксперимент по преобразованию засушливой степи срывался. Но в связи с тем, что сотрудничество с компанией «Крупп» разворачивалось и в других направлениях, Главконцесском пошёл на уступки. В течение двух лет — 1926 — 1927 — шли переговоры, которые должны были привести к перезаключению договора на новых условиях. Немецкая сторона требовала сокращения размера долевого отчисления: в первые три года — 10%, следующие три года — 15%, с 7-го года — 17,5% валового урожая; предоставления права в случае доказанной нерентабельности предприятия отказаться от концессии до 1932 года; разрешения на новую структуру профилей производства: овцеводческое хозяйство на двух третях площади (18 тыс. дес.), 2 тыс. дес. — под разведение крупного рогатого скота, 5 тыс. дес. оставить под зерновыми посевами [10, с. 127].

Тем временем дискуссия вышла из кабинетов в массы. Бывший владелец экономики,

приглашённый как знаток местных условий, А. И. Пишванов, руководствуясь своим опытом, рекомендовал новым хозяевам перейти на разведение овец, чем и поделился с заезжим журналистом [35]. Позиция бывшего хозяина нашла сторонников и среди работников предприятия. В прениях на 4-й Сальской окружной партийной конференции (20 — 22 декабря 1926 г.) слесарь концессии и по совместительству библиотекарь З. А. Шульгин, кандидат в члены ВКП (б), говорил, что все артели округа должны вести не плодосеменное хозяйство, а животноводческое, как более выгодное, что касается и концессии. В протоколе слова о концессии зачёркнуты [36].

Весной 1927 года в сводке ОГПУ сообщалось о конкретных действиях концессии по перепрофилированию производства ещё до заключения соглашения. Закуплен в Германии и находился в состоянии доставки племенной скот: 6 тыс. овец по 75 руб. за штуку и 50 баранов по 300 руб. за каждого, из них четыре элитных производителя — по 400 руб. Под расширение животноводческого сектора предполагалось выстроить две кашары и один дом для чабанов; началась заготовка стройматериалов. Одновременно с этим в Германии были закуплены породистые куры, гуси и утки. Администрацией обсуждался вопрос о приобретении крупного рогатого скота и лошадей. Его планировали найти на месте, отдав предпочтение местным породам, в частности, крупному рогатому скоту калмыцкой породы, более неприхотливой в степных условиях [37, л. 7].

От зерноводства администрация отказываться не собиралась, предполагая занять полевыми культурами в 1927 году до 8 тыс. дес. (из 25 тыс. дес.). Приезжавший в концессию профессор С. А. Захаров [38] из Краснодара, обследовав земли концессии, признал их высокий потенциал при использовании травопольной системы земледелия. Это соответствовало планам администрации концессии, так как она подходила также и для возделывания кормовых культур. По сути, ею была воспринята система севооборота советского академика В. Р. Вильямса. Она предполагала восстановление почвы путём посева многолетних трав. Для Сальских степей важнее было улучшение структуры тяжёлых каштановых почв за счёт повышения содержания гумуса.

В 1927 году ситуация вокруг крупновской концессии обострилась. Во-первых, она стала источником «моды» на разведение овец как более рентабельной отрасли в местных условиях. Зажиточные единоличные хозяйства

массово отказывались от посевов хлеба [37, л. 71 – 72]. Во-вторых, возник внутренний конфликт, обстоятельства которого прослеживаются по фондам центральных архивов. Между председателем рабочкома, членом ВКП (б) водителем М. И. Соколовым и администрацией обострились отношения по вопросам приёма и увольнения рабочих. Дирекция считала себя вправе обладать свободой выбора при найме. Рабочком настаивал на приёме новых рабочих через указанные инспекцией труда учреждения. Работники не знали, числятся ли они или нет, ведь если администрация увольняет, то рабочком – против, и наоборот. Соколов угрожал стачкой. Дирекция обратилась в Главконцеском и ЦК отраслевого профсоюза – Союза рабочих земли и леса, добиваясь урезки прав рабочкома [10, с. 127 – 129]. Всё это происходило накануне посевной кампании.

Обстоятельства конфликта находят уточнение в информационных сводках ОГПУ за март 1927 года. В концессии сложилась нездоровая обстановка. Вместо того чтобы служить делу создания пролетарской прослойки на селе, концессия превратилась, по сути, в контрреволюционное гнездо. Администрация нуждалась в грамотных сотрудниках и не отбирала их по советским требованиям. Большинство квалифицированных служащих были далеко не пролетарского происхождения, в том числе до 20% составляли вернувшиеся из эмиграции. Впрочем, в 1924-м ответственный работник Сальского окружкома П. С. Смирнов отмечал, что и большинство рабочих пропитаны антисоветским духом [34]. Из-за ссоры рабочкома с дирекцией среди местных работников ходили слухи, что руководство намерено завезти из Германии квалифицированных рабочих, не знающих русский язык и настроенных против всяких профсоюзов. Между рабочими – немцами и русскими – росла национальная рознь, главным признаком чего стала консолидация рабочих-немцев вокруг администрации, а русских – вокруг рабочкома. Русские служащие из числа «бывших» приняли сторону администрации [37, л. 2].

Летом 1927 года ходили упорные слухи, что вот-вот начнётся война с Англией, что президентом назначат Керенского, и даже, что в Торговую уже пришли кадеты и захватили власть, на что две старухи – беднячка и середнячка – сказали, слава богу, дождалась своих, теперь будет легче жить. Среди местных, особенно бывших красных партизан, проявлялось недовольство тем, что две американские артели «Сеятель» и «Калифорния» получили

господдержку: наше государство плодит новых помещиков и коннозаводчиков, а тем, кто воевал за неё, помощи нет [37, л. 42, 71, 119]. Примечательно, что «Крупп» и немцы нигде в таких разговорах не фигурируют.

Все эти обстоятельства не могли не беспокоить советское руководство. В таких условиях оно пошло на заключение нового концессионного договора от 9 сентября 1927 года. Но вскоре администрация «Маньча» в очередной раз столкнулась со специфическим местным климатом. В зиму 1927 – 1928 годов погиб озимый клин [39]. Вопрос о вывозе за границу урожая яровых того года долго не решался Главконцескомом. Акционерное общество «Фридрих Крупп» поставило вопрос о ликвидации сельскохозяйственной концессии как убыточной [10, с. 131 – 133].

В октябре 1928 года после сложных переговоров советскому правительству удалось договориться с «Круппом» о реорганизации концессии в совместное предприятие – русско-германское сельскохозяйственное товарищество «Маньч – Крупп». При сохранении германской дирекции и специалистов на предприятии появился советский директор – И. Н. Буров. Он был прислан из центра, вместе с ним среди сотрудников появилось ещё больше приезжих людей.

Что могло быть причиной сохранения концессии «Маньч» в форме смешанного товарищества? Только важность поддержания общего уровня сотрудничества между СССР и Германией, заинтересованность правительств в использовании потенциала экономики контрагента в восстановлении позиций своей собственной.

Хозяйство сохранило зерновое направление, но оно соседствовало с племенным животноводством. Это уже не было критически важно для советской стороны. Все надежды на превращение Сальской степи в житницу страны теперь были связаны с зерносовхозом «Гигант», отведение земель для которого началось осенью 1928-го [40]. Внимание советских учреждений на долгие годы вперед было приковано именно к этому агрокомбинату будущего.

В округе росла урожайность и размеры посевных площадей. Непрерывно рос тракторный парк. По Северокавказскому краю статистика на 1927 год была следующей: в 1925-м распределено 1200 тракторов, в 1926-м – 4200, в следующем планировалось ввезти в край около пяти тысяч. Из общего числа 64% тракторов попало в коллективные хозяйства: крестьянские комитеты общественной взаимопомощи и коммуны [39]. Примером механизации полеводства в Сальском округе стал не «Маньч», а другая

концессия — «Сеятель». Это была коммуна реэмигрантов из Североамериканских соединенных штатов, в основном финнов и карелов по национальности, многие из которых вступили в Америке в Коммунистическую партию. На курсах, созданных на базе коммуны, они широко делились своим опытом с соседними хозяйствами.

1930 год выдался урожайным. Но вызванная коллективизацией социальная волна и экономическая нестабильность не миновали Пролетарский район [41]. Он стал зоной вселения кулацких семей 1-2-й категории из равнинного Предкавказья. Но эндогенный кризис стал разворачиваться осенью 1932-го на почве увеличения плана хлебозаготовок. Крестьянство, собранное в колхозы, отказывалось от участия в полевых работах, скрывало хлеб, бойкотировало его вывоз на элеваторы. На полях гиб хороший урожай зерновых. Местные органы власти не смогли твердой рукой проводить линию государственной политики. Для наведения порядка в край прибыл Л. М. Каганович. По районам Азово-Черноморского края прошла смена руководства, первые лица — секретари райкомов и председатели райисполкомов — отдавались под суд.

Общая обстановка в районе могла стать причиной самоустранения германской дирекции товарищества «Маньч-Крупп» от работ в хозяйстве. Осенью 1933 года она покинула СССР. Тогда же в 1933-м произошла смена советского руководства предприятия. Как говорится в отчете райкома, директор Буров взят на работу в край [42, л. 36]. Директором был назначен Иван Дмитриевич Васильев. Формально товарищество просуществовало ещё весь 1934-й, пока велись переговоры по урегулированию разногласий. В октябре 1934-го товарищество было ликвидировано.

К этому моменту хозяйство приобрело уже определённую экономическую устойчивость. В нём имелось сначала три, потом четыре бригады: две — полеводческие, две — животноводческие. Несмотря на большие потери поголовья скота в связи с коллективизацией, его численность в хозяйствах района, включая «Маньч-Крупп», с 1931-го по 1933 годы выросла: лошади — в 1,5 раза, крупный рогатый скот — в 1,5 раза, овцы — на 40%, свиньи — более чем в 2,5 раза [42, л. 9]. В 1934 году на основе товарищества «Маньч-Крупп» был создан племзавод № 1 (позднее получивший название «Пролетарский»). Главным направлением стало племенное овцеводство, но там выращивались и племенные лошади. Площади, отводимые под

зерновые, постоянно расширялись за счёт распашки целины. После Великой Отечественной войны осуществлялись системные мероприятия по обводнению степи. К 1990-м годам полеводческий профиль стал преобладающим для совхозов и колхозов района.

Племзавод «Пролетарский» просуществовал до 1999 года, когда был объявлен банкротом. В 2001-м его земли были сданы в аренду на 49 лет Агросоюзу «Юг Руси» со специализацией на выращивание зерновых и пропашных культур. Так был реализован проект, возникший почти сто лет назад.

В трениях между «Круппом» и советским правительством проявились отличия между частным и государственным хозяйством. Первое было всецело ориентировано на финансовый результат, второе — на осуществление инфраструктурных проектов. Несмотря на участвовавшие в 1920-е годы неурожаи, после 1928-го бывшую концессию удалось укрепить так, что предприятие на долгие годы стало основой хозяйственно-го комплекса Пролетарского района.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАЭ. Ф. 478. Народный комиссариат земледелия РСФСР; ГАРФ. Ф. 8350. Главный концессионный комитет при СНК СССР.
2. ГАРО. Ф. Р-97 Исполнительный комитет Донского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов; Ф. Р-1485. Исполнительный комитет Азово-Черноморского краевого Совета депутатов трудящихся.
3. ЦДНИРО. Ф. Р-91. Пролетарский районный комитет партии; Ф. Р-97 Сальский окружной комитет ВКП (б).
4. Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 46. Л. 1 — 20.
5. Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора : сб. док. Т. 2. М. : Политиздат, 1971. С. 433 — 437.
6. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 1027.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 54. М. : Изд-во полит. лит., 1975. С. 211.
8. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 323.
9. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 900. Л. 2.
10. Ерохина О. В. Германские сельскохозяйственные концессии Северо-Кавказского края в первые десятилетия советской власти // Экономическая история : Ежегодник. 2011/2012. М. : РОССПЭН, 2012. С. 98 — 148.

11. ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1779. Л. 157.
12. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.
13. Коминтерн и идея мировой революции : док. / сост.: Я. С. Драбкин, Л. Г. Бабиченко, К. К. Ширина. М. : Наука, 1998. С. 311, 345, 351, 365 – 366.
14. Ахтамазян А. А. Рапальская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922 – 1932 годах. М. : Международные отношения, 1974. С. 32.
15. Горохов И. М., Замятин Л. М., Земсков И. Н. Г. В. Чичерин – дипломат ленинской школы. М. : Политиздат, 1974. URL: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st014.shtml> (дата обращения: 15.05.2022).
16. Саговая Г. М. Вальтер Ратенау и Рапальский договор : Материал к спецкурсу. Самара : Самарский университет, 2001. С. 24 – 26. URL: <https://dereksiz.org/valeter-ratenau-i-rapalleskij-dogovor.html?page=2> (дата обращения: 5.06.2022).
17. Пионеры сельскохозяйственного машиностроения в России представляли собой подлинный интернационал. Я. В. Мамин выпускал дизельный трактор собственной конструкции в Балакове. А. Унгерн и А. Я. Коп – легкие «крестьянские» трактора на своих заводах в Кичкасе (Екатеринославская губ.), англичане Роберт и Томас Эльворти – в Елисаветграде, В. М. Григорьев – в Ростове-на-Дону. Производства по выпуску сельскохозяйственных машин: паровых и конных молотилок, сеялок, жаток, сноповязок, были расположены в Харькове. Их владельцами были выходцы из Германии М. Гельферих, Э. Мальгозе. См.: *Ценч Ю.С.* Становление и развитие сельскохозяйственного машиностроения России до 1917 г. // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2019. № 6(49). С. 109 – 115.
18. Беркутов К. С. Торговые преступления в практике делового мира в годы Первой мировой войны // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2016. № 2 (92). С. 121 – 134. (Сер.: Гуманитарные и социальные науки).
19. Блинов И. С. Сельскохозяйственная концессия германской фирмы «Фридрих Крупп» в СССР (1922 – 1928 гг.) // Преподаватель. XXI век. 2019. № 19. С. 294 – 301.
20. Ерохина О. В. Немецкое предпринимательство в хозяйственном комплексе юга России. 1868 – 1934 гг.: моногр. М. : МПГУ, 2018. С. 186.
21. Абузов Н. Гестапо // Правда. 1937. 17 сен.
22. ЦДНИРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.
23. Там же. Д. 2. Л. 25.
24. ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1767. Л. 254.
25. ЦДНИРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 26. Л. 23.
26. Там же. Д. 36. Л. 3 – 4.
27. Там же. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 2. Л. 126.
28. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 12. Л. 22 а.
29. Ерохина О. В. Германская концессия «Маньч» в Советской России (1922 – 1934 гг.) // Новый исторический вестник. 2009. № 4 (22). С. 34.
30. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 13.
31. Там же. Д. 15. Л. 54.
32. Там же. Д. 14. Л. 68.
33. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 117. Л. 177.
34. ЦДНИРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.
35. Кушнер Б. А. Крупп и Маньч // Новый Леф. 1927. № 11 – 12. С. 3 – 12.
36. ЦДНИРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 58. Л. 12.
37. Там же. Д. 76.
38. Захаров Сергей Александрович (1878 – 1949), первый заведующий кафедрой почвоведения агрономического факультета Краснодарского политехнического института (1925 – 1935), затем заведующий кафедрой почвоведения Ростовского университета (1934 – 1949).
39. ЦДНИРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 82. Л. 18.
40. Там же. Д. 85. Л. 11.
41. Сальский округ был ликвидирован в августе 1930 г. Земли советско-германского товарищества «Маньч-Крупп» вошли в состав Пролетарского района.
42. ЦДНИРО. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 4.

М. А. РУДЬ, Д. Н. ЗАЙЦЕВ

ШАХТИНСКАЯ ОПЫТНАЯ СТАНЦИЯ «ПОДЗЕМГАЗ»

Известный русский учёный Дмитрий Иванович Менделеев трижды приезжал на Донбасс в 1888 году. Вот, что он писал по результатам своих поездок: «*Донецкий край содержит такое количество угля, которое достанет на много, много лет не только для всей области потребления (юг, центр и юго-восток России), но и для громаднейшей отпускнуой им торговли, особенно на берегах Чёрного и Средиземного морей*» [1, с. 58]. Учёный сделал вывод: Россия может не только отказаться от импорта угля, но даже экспортировать его.

В то же время Менделеев обратил внимание на то, что нехватка железнодорожных вагонов для транспортировки «чёрного золота» очень тормозит развитие угольной промышленности. Добытый уголь не на чем было вывозить к покупателям. Так родились соображения по строительству новых железнодорожных направлений, а также о налаживании судоходства по Северскому Донцу. Для этого он предложил углубить дно и построить шлюзы. Ему также пришла поистине революционная идея, опередившая своё время — преобразовывать уголь в горючий газ прямо под землёй.

«*Думаю, что время выгоды устройства особых заводов для переделки топлива в горючие газы недалеко, потому что города сильно растут, заводы и фабрики скопляются около них и топливо здесь идёт в громадных массах, а сокращение хлопот и расходов с развозкой топлива, с истопниками, с заботой об экономии топлива и с необходимостью во многих случаях высокой температуры должны дать значительные сбережения при употреблении газового топлива. <...> Вероятность близости времени для подобной фабрикации возрастет по мере удешевления труб, составляющих поныне большую капитальную затрату при устройстве способов распределения газа и проведения его на глинные расстояния. Вот сюда должна направиться изобретательность людей. Они станут дешёвы — ведь и металлическое железо сильно дешёвее, и есть возможность улучшить и сильно изменить современное производство труб. А когда это произойдёт, настанет, вероятно, со временем даже такая эпоха, что угля из земли вынимать не будут, а там, в земле, его сумеют превращать в горючие газы и их*

по трубам, будут распределять на далёкие расстояния» [1, с. 39].

Свои поездки на Донбасс Менделеев совершал по поручению правительства для решения важной государственной задачи — изучения возможностей существенного повышения угледобычи. По возвращении из поездки учёный сделал доклад министру государственных имуществ М. Н. Островскому. В нём есть такие слова: «*Край этот должен получить мировое промышленное значение, ибо огадрён для всего всеми необходимыми природными условиями...*» [2].

К мнению уважаемого учёного прислушались, и шлюзы на Северском Донце, и новые железнодорожные направления вскоре появились, а вот превращать уголь в горючий газ прямо под землёй научились не сразу.

Прошло почти полвека прежде, чем люди смогли от теории перейти к практике. О подземной газификации уже в первые годы советской власти вспомнил горный инженер Б. И. Бокий [3]. В 1925 году в своей статье «Пути развития каменноугольной промышленности Донецкого бассейна» он предложил строить новые шахты с мощными подъёмными установками, проходить их на большие глубины и концентрировать на этих шахтах добычу угля так, чтобы одна такая шахта могла бы заменить целый ряд мелких ранее существовавших в Донбассе частновладельческих шахт. Он писал: «*При бедности месторождений Донецкого бассейна (мощность угольных пластов составляет всего 1 % мощности всей угленосной толщи, тогда как для грубых бассейнов эти цифры 3–6–10 и даже более процентов) и в связи с проектом электрификации России вообще и Донецкого бассейна в частности следовало бы вспомнить о старом проекте покойного профессора Д. И. Менделеева, предлагавшего сжигать уголь под землёй. Этот проект не является утопией и мог бы быть разработан совершенно научно*» [3, с. 119]. Здесь же Б. И. Бокий предложил свою схему подземной газификации. И, хотя она не могла быть применена на практике ввиду многих технических нюансов, общее направление было задано.

Реализация этой идеи началась в СССР в 1931 году, когда при Главугле Народного комиссариата тяжёлой промышленности создали специальную комиссию для проведения

Михаил Анатольевич Рудь, горный инженер; Дмитрий Николаевич Зайцев, лингвист, переводчик, г. Шахты. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 29 сентября 2022 г.)

опытных работ подземной газификации. В 1933 году была организована Всесоюзная экспериментальная контора по изысканию, проектированию и строительству опытных шахт для подземной газификации углей — «Подземгаз», впоследствии, реорганизованная в трест «Подземгаз» и в 1951 году в специальный главк — «Главподземгаз» [3, с. 116].

Первые эксперименты подземной газификации антрацита проводились в 1933—1936 годах на разных угольных месторождениях: в Крутовке (в апреле и с августа по декабрь 1933 года), в Лисичанске (в апреле 1934-го) [4, с. 437—438], в Горловке (февраль 1935) [4, с. 439]. В 1933—1934 годах производились опыты подземной газификации антрацита на пластах, раздробленных взрывными снарядами в Шахтинском районе.

На шахтинской опытной станции «Подземгаз» впервые подожгли пласт 29 ноября 1933 года [5, с. 28]; был получен горючий газ из антрацита без его выемки из недр земли. Прежде чем начать масштабный эксперимент, опыты проводились на небольших участках. Для этого специально была построена лаборатория [5, с. 15].

«Шахта была заложена на нерабочем пласте антрацита мощностью 0,38—0,45 м с углом падения 19—22 градуса. Опыт подземной газификации (получения газа из пластов горящего в подземных условиях угля) продолжался около трёх месяцев. Был получен горючий газ теплотворной способностью до 1420 кал/м³ (газ подавался на Шахтинскую ГРЭС им. Артёма) [6].

Происходило это примерно таким образом. В земле бурили скважины или пробивали стволы шахт, достающие нужного угольного пласта, и по ним подавали воздух в необходимом количестве. В недрах земли происходил процесс подобный тому, который имеет место в лабораторных газогенераторных установках по преобразованию твёрдого топлива в газообразное. Уголь горел, образуя СО. Полученный горючий газ отводился по специальным каналам на поверхность земли.

Изначально, предназначенный для газификации, угольный пласт подготавливали методом обычной проходки — закладывали в нужных местах взрывные снаряды. Вся панель изолировалась мощными каменными стенами. С помощью стружек, щепок и дров, облитых керосином, пласт поджигали. В выработку подавалось необходимое для поддержания горения количество воздуха. По мере возгорания зона высокой температуры перемещалась и нагретые снаряды автоматически взрывались, производя разрыхление и шурование угля. Однако, процессы

в наземном газогенераторе и под землёй всё же имели отличия. Во втором случае было проблематично управлять горением, процесс оказался стихийным [5, с. 33].

Шахтинская станция «Подземгаз» использовала нерабочий пласт старых рудников, принадлежащих до революции Вейерману и Рафаловичу [7]. Нерабочий пласт — значит пласт, слишком тонкий (менее 0,6 м), чтобы на нём могли трудиться люди. Надо сказать, что из 1612 угольных пластов в Донецком бассейне только 143 рабочих. Согласно принятой в России классификации, пласты Донецкого бассейна относятся к группе тонких и весьма тонких. Редко, где встречается толщина пластов 1,8—2,5 м. Чаще всего толщина составляет 0,9 м. Мощными принято считать угольные пласты толщиной более 1 м, средними — от 0,6 до 1 м и тонкими — от 0,45 до 0,6 м. Тонких угольных пластов в Донецком бассейне около 50%.

На первом этапе испытаний шахта «Подземгаз» проработала всего три месяца.

В начале августа 1934 года в город Шахты приехали профессора Цейтлин и Федоровский, была *«зажжена вторая опытная тоннель шахты»* [8].

Работы были возобновлены по новой методике, предложенной инженером А. С. Кузнецовым [5], который возглавлял эту шахту. Методика заключалась в так называемом «магазинировании». Согласно этому методу, раздробленный уголь раскладывали по равномерным ячейкам (магазинам). Однако и «магазинирование» также оказалось неудачным [4, с. 438; 5]. Учёные выяснили, какие факторы влияют на процесс горения, как регулировать процесс, каким образом построить, и каким должно быть дутьё, как влияет на процесс предварительное рыхление пласта. В результате были установлены параметры и условия газогенераторного процесса, но постоянную работу «Подземгаза» не суждено было осуществить. *«Опыты продолжались до 1936 года на других панелях и в каждом случае был получен горючий газ. Но с развитием горения газ вследствие прогаров становился негорючим и процесс расстраивался. Эксперименты были остановлены [6]. Хотя по мнению специалистов «для горной науки этот опыт ... не потерял своей ценности» [6].*

Шахта бесперебойно проработала в течение полугода, но из-за того, что угольные пласты залегали на относительно небольшой глубине, а почва была каменистой, начались прогары, и через трещинки стал поступать лишний кислород, который приводил к тому, что СО превращался в СО₂ (обычный дым) и становился непригодным

к использованию в качестве топлива на электростанции. Старожилы помнят, как в степи по ночам виднелись голубые огоньки. Это горел выходящий пиролизный газ. Следы этих прогаров можно наблюдать и сегодня. В районе ГРЭС имени Артёма на срезях грунта виднеются красноватые прожилки в каменистой почве. Красный оттенок камень приобретает вследствие воздействия высокой температуры.

Лишь в 1935 году в Лисичанске был проведён первый удачный опыт по методу, названному «поточным». Он заключался в том, чтобы в толщу угольного пласта по падению проводили две наклонные выработки (гезенки), которые на определённой глубине соединялись подземной выработкой. Участок, ограниченный скважинами, являлся естественным газогенератором. Зажигание производили в целике (нетронутой залежи) самого пласта уже без дробления.

В случае с шахтинским «Подземгазом» этот метод не работал, так как в почве имеются большие залежи песчаника, а делать скважины в нём затруднительно даже в наши дни, при современной технике. Официально опыты больше не проводились. Однако старожилы вспоминают, что территорию ГРЭС имени Артёма долгое время охраняли вооружённые чекисты.

Гражданским лицам станцию категорически запрещалось фотографировать, а информации о работе «Подземгаза» крайне мало. Весь довоенный архив ГРЭС имени Артёма был уничтожен незадолго до фашистской оккупации города Шахты.

После освобождения города Шахты от фа-

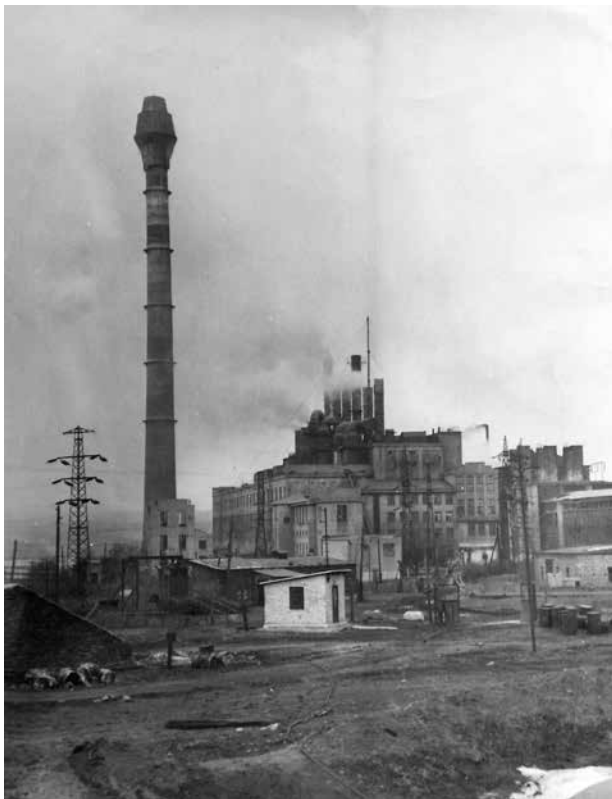
*Терриконы шахты № 46 и место шурфа.
Фото Александры Зайцевой, 2022 г.*

шистских захватчиков в 1943 году, когда активно восстанавливались угольные предприятия, шахту «Подземгаз» присоединили к шахте номер 46, и она стала обычным её участком.

Расположение станции «Подземгаз» обуславливалось близостью к Шахтинской ГРЭС, которая была построена в соответствии с планом ГОЭЛРО в 1929 году и питала электроэнергией не только сам город Шахты и соседние с ним города, но и Восточный Донбасс в целом [9]. Строительство ГРЭС было начато в 1926 году. Здесь уже имелся водоём, построенный ещё до революции, что значительно сокращало затраты на гидросооружения, однако не было достаточным для работы станции. Водоём расширили, а для наполнения его водой развернули целую операцию. Дело в том, что воды реки Грушевки не хватало, поэтому специально для перекачки воды из реки Кундрючьей недалеко от села Прохоровка Красносулинского района была построена небольшая плотина и гидроэлектростанция. Вода по трубопроводу перебрасывалась в реку Грушевку в районе хутора Гривенный.

Ещё одна причина, по которой ГРЭС стали строить именно в этом месте — большие залежи камня и песка. И станция, и многие здания построены из местного камня, а также им замощены все дороги и тротуары.

Считается, что изначально работа ГРЭС и предполагалась на угольных штыбах, которых в округе имелось с избытком, но возможно, что

*ГРЭС им. Артёма. ЦХАД в г. Шахты.
Фотокаталог ПА-301, опись № 1.*

Вид ГРЭС им. Артёма со стороны нижней плотины. ЦХАД в г. Шахты. Фотокаталог ПА-296, описание №1

планы по преобразованию угля в газ были уже на этапе строительства электростанции в 1926 – 1929 годах. Под зданием станции сохранились тоннели, назначение которых, возможно, связано с экспериментами «Подземгаз». Исследователи, рискнувшие углубиться в заброшенное подземелье в 2013 году, сообщают о том, что ходы тянутся далеко вглубь станции, и, даже проходят под водохранилищем. Расстояние, на которое им удалось проникнуть, равно около 600 метров. Вот, как они его описали: «Туннель разделён на два уровня: первый похож на ливневый сток воды, второй – на убежище. В самом начале пути, по сторонам туннеля присутствуют гермофорточки, за которыми находятся лестницы наверх. Это примерно первые 100 метров. Есть массивные гермодвери с вентиляем, множество труб и цистерн, прикреплённых к потолку, стены закопчены. После 150 метров туннель затоплен примерно на 1,5 метра. На дне большое количество ила. В конце туннеля имеется гермофорточка, заваленная камнями» [10].

Весной 2022 года члены шахтинского краеведческого клуба «Корни твои» посетили места, связанные с опытной станцией «Подземгаз». Они обнаружили, что в настоящее время здание ГРЭС имени Артёма разбирается, взорвана труба, на территории работает тяжёлая техника, поэтому, из соображений безопасности, посещать тоннели краеведы не рискнули.

На аэрофотоснимках 1942 года видны некие коммуникации. Что-то похожее на трубопровод тянется от ГРЭС к бывшему руднику Вейермана, а от него к руднику Рафаловича. Можно предположить, что по нему подавался сжатый воздух, а по тоннелям к станции шёл горючий газ. Сейчас от этих коммуникаций не осталось и следа, но вдоль линии, по которой они проходили, встречаются небольшие провалы почвы. Также было найдено место, где когда-то находился шурф шахты «Подземгаз». Кроме этого обнаружены породные отвалы в виде «павильных хвостов», появившиеся в ходе работы

*На гребне «павильного хвоста».
Фото Александры Зайцевой, 2022 г.*

Аэрофотосъёмка 1942 г. Из частного архива. Германия.

шахты, к которой позже была присоединена станция по газификации угля.

В настоящее время подземная газификация угля получила широкое распространение в Австралии, Китае, США, Канаде, Индии. Технологии, используемые сегодня, гораздо более эффективнее тех, что применяли в XX веке. Кроме самого горючего газа добываются сопутствующие продукты, а также используется тепловая энергия, образующаяся при горении угля под землёй [11].

Несомненными плюсами сжигания угля под землёй, является то, что его не надо извлекать на поверхность, как следствие — отсутствуют породные отвалы (терриконы), людям не надо спускаться под землю и рисковать своей жизнью, к тому же не везде это возможно (некоторые шахты находятся на значительной глубине или же угольные пласты слишком тонкие). Из минусов — процесс, протекающий под землёй, может преподнести неприятные сюрпризы в виде различных горных нарушений, а это может привести к ухудшению газификации, а то и вовсе грозит нанесением вреда окружающей среде. В нашей стране добыча горючего газа таким способом сошла на нет, когда появился более лёгкий в добыче природный газ, но его запасы тоже не вечны, и, возможно, когда-нибудь к газификации угля под землёй придётся вернуться.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Менделеев Д. И. Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца // Северный вестник. 1888. Авг. № 8.
2. Цит. по: Кудрявцева Т. С., Шехтер М. Е. Д. И. Менделеев и угольная промышленность России. М. : Углетехиздат, 1952, С. 55.
3. Афендииков Н. Н., Буялов С. И. Подземная газификация углей по схеме, предложенной Б. И. Бокием // Записки Ленинградского орденов Ленина и Трудового Красного Знамени горного института им. Г. В. Плеханова. Т. 43, вып. 1. Л., 1960. С. 119–121.
4. Матвейчук А. А., Евдошенко Ю. В. Истоки газовой отрасли России. 1811–1945 гг. : истор. очерки. М. : Издат. группа «Граница», 2011.
5. Кузнецов А. С. Отчёт о первом опыте подземной газификации в антрацитовый шахте // Подземная газификация углей : сб. отчёт. материалов опытных станций по подземной газификации углей за 1933 г. и первую половину 1934 г. М. ; Л., 1935. С. 3–64.
6. Угольная промышленность Дона / Южно-рос. отд-ние акад. горных наук. М. : Изд-во Моск. гос. горного ун-та, 1995. С. 80.

7. Детальная геологическая карта Донецкого каменноугольного бассейна. Год вып. 1911 – 1926 г. / сост.: Н. А. Родыгин, Л. И. Лутугин, Н. Н. Яковлев, П. И. Степанов, Б. К. Лухарев и др. Масштаб: 1 верста в дюйме (1:42000). Лист IX – 29 // КартоЮГ : [сайт]. 2012. URL: <https://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?p=897&sid=521c4f4beac4bd3d20d82fc893dab9b3#p897> (дата обращения 10.07.2022).
8. В первых числах августа зажжена вторая опытная тоннель шахты «Подземгаз». [Фото с подписью] // Красный шахтёр. 1934. 19 авг. С. 3.
9. Новиков С. Первенец Ленинского плана ГОЭЛРО // Информационный портал города Шахты: [сайт]. 2022. URL: <https://shakhty-media.ru/shahtinskaya-gresim-artema-pervenets-leninskogo-plana-goelro/> (дата обращения 10.07.2022).
10. Город Шахты с другой стороны. ru.abandoned : [блог]. 2013. URL: <https://ru-abandoned.livejournal.com/1398799.html> (дата обращения 18.07.2022).
11. Гайко Г. И., Заев В. В., Шульгин П. Н.. Утилизация тепловой энергии при подземной термохимической переработке угольных пластов : моногр. Алчевск, 2012, С. 10 – 20.

О. В. ВАЛУЙСКОВА

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО НА ДОНУ

1920–1940-е гг.

У моих ровесников в сокровенных уголках памяти сохранились добрые картинки детства – семейные походы в кино. К ним с радостью готовились и взрослые, и дети. Зачастую билеты на премьеры нужно было приобретать в предварительных кассах кинотеатров. Как правило, киносеанс начинался с показа киножурнала Ростовской студии кинохроники «По Дону и Кубани». Трудовые будни тружеников сельского хозяйства, промышленности, события в области культуры и искусства, освещение спортивных достижений земляков, забота о мире и сохранении природы – всё, представленное на экране, создавало облик страны и времени, в котором мы жили.

Более двух тысяч киножурналов и около ста фильмов выпустила Ростовская студия кинохроники за 60 лет (данные на 1988 год) [1, с. 3].

С чего же начинался донской кинематограф? Об этом рассказывают архивные документы.

23 октября 1924 года бюро Юго-Восточного краевого комитета РКП (б) приняло постановление «О реорганизации кинодела». Агитпропы¹ краевого и Донского комитетов РКП (б) предложили проводить работу в области кино по четырём направлениям: ввоз из-за границы идеологически допустимых картин, производство своих советских революционных и научных фильмов, прокат, восстановление

кинотеатров и создание сети кинопередвижек [2, л. 97].

В этом же документе читаем: «За последнее время выдвинулась, разумеется, не без содействия общественных и государственных организаций, в частности, со стороны Госкино, новая организация, которая может рассчитывать на серьёзные успехи, – это объединение «Кинокомсомол» [2, л. 99].

Комсомольская киностудия в Ростове-на-Дону была создана драматургом и режиссёром Мануэлем Владимировичем Большинцовым (1902 – 1954). Активное участие в её начинаниях принимал Александр Иванович Грисенко (в качестве актёра и помощника режиссёра), будущий лётчик-истребитель, повторивший подвиг Алексея Маресьева в 1942 году. Потеряв ногу в одном из воздушных боёв, отважный лётчик Грисенко на протезе смог снова вернуться в боевой строй [3].

В 1924 году студией были также сняты художественные фильмы: «Похождения Ваньки Гвоздя», «Приказ №...» (полнометражный художественный фильм [3, с. 67]).

«Кинокомсомол должен отказаться от производства больших постановочных картин. <...> Кинокомсомол должен заняться производством картин для деревни, причём это производство должно быть подчинено задачам агропропаганды, культурной работы, санитарного

Ольга Владимировна Валуйскова, заведующая отделом научной информации, публикации и использования документов Центра документации новейшей истории Ростовской области. Сообщение по материалам Центра документации новейшей истории Ростовской области» (Ростов-на-Дону, 29 сентября 2022 г.)

¹ Агитпропы – обиходное название отдела пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б) и местных комитетах ВКП(б)

просвещения и художественного воспитания погростающего поколения», — указывалось в проекте Агитпропа по организации кинематографии на Юго-Востоке [2, л. 103]. Так, например, по заказу Ростовского земельного управления студия сняла документальную картину «Борьба за урожай».

Летом 1924 года вышел в свет первый документальный киножурнал «Комсомол». Восемь сохранившихся номеров журнала 1924—1925 годов запечатлели славные дела молодёжи Северо-Кавказского края: шефство над воздушным флотом, образование общества «Друг детей», участие красноармейцев, рабочих, крестьян, пионеров в праздничном шествии по случаю годовщины Октябрьской революции.

Киностудия просуществовала недолго, но о её вкладе в развитие донского кинематографа свидетельствует сохранившееся приложение к протоколу № 2 от 3 апреля 1925 года заседания Политпросветколлегии Северо-Кавказского крайкома ВЛКСМ: «*Кинокомсомол из состояния кустарной, недостаточно организованной киноработы вышел и имеет данные для того, чтобы стать вполне удовлетворительно слаженным предприятием. Наличие ателье, кинолаборатории и аппаратуры уже в настоящее время позволяет производить ежедневно за съёмку 100 метров в среднем негатива и изготовление 800—900 метров позитива, причём качество продукции не уступает существующей на московских кинопредприятиях*» [4].

Бюро крайкома считало необходимым: настаивать перед кинокомиссией при ЦК ВКП (б) о включении Кинокомсомола в список кинопроизводств, получающих субсидию; поставить перед крайкомом ВКП (б) вопрос о передаче площади и построек, примыкающих к киноателье (бывший ресторан «Буфф»), в полное владение Кинокомсомолу; обратиться в ЦК ВЛКСМ с просьбой поставить в известность комитеты ВЛКСМ о существовании, значении и поддержке Кинокомсомола.

Студия «Кинокомсомол» явилась прямым предшественником Ростовской студии кинохроники.

18 января 1927 года на заседании секретариата Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) с докладом «О кино и радиофикации деревни» выступил заведующий Северо-Кавказским отделением «Совкино» А. А. Варелас. Комиссия крайкома отметила «*громадный интерес, проявленный широкими рабоче-крестьянскими массами к кино и радио, следствием которого явился*

за последний год значительный рост кино- и радиоустановок в деревне (кинопередвижек с 11 до 106, радиоприёмников — свыше 12 000)» [5, л. 12]. «Совкино» было предложено организовать кинопроизводство «*в приобретённой фабрике бывшего Кинокомсомола по обслуживанию края (главным образом, деревни) короткометражными фильмами (хроника, киноиллюстрации к докладам по состроительству) в агитационных целях, отражая национальные и бытовые особенности Северного Кавказа*» [5, л. 13].

В очерке «Начиналось это так...» Ю. Яновский приводит короткую заметку «Киножурнал «Северный Кавказ»», напечатанную в газете «Советский Юг» в 1927 году: «*Кинофабрика краевого отдела «Совкино» 27 марта выпускает № 1 ежемесячного киножурнала «Северный Кавказ», который будет демонстрироваться во всех кинотеатрах городов Ростова, Нахичевани и края. В содержание № 1 включены: 9-й Донской съезд Советов, новое строительство в Ростове — водопровод, хлебозавод, Артёмстрой; будущий город-сад; трамвайный путь в Ленгородок; работа ледоходов «Фанатория» и «Сталин»; наводнение в Батайске; похороны профессора Филиппова; вид Ростова с птичьего полёта. Просмотр журнала потребует 15 минут*» [1, с. 7].

Таким образом, 27 марта 1927 года можно считать днём рождения кинофабрики краевого отдела «Совкино» — будущей Ростовской студии кинохроники.

Стремительное развитие киноискусства в крае требовало подготовки киноспециалистов. 21 июня 1928 года Северо-Кавказское отделение «Совкино» и ростовская семилетняя школа № 8 заключили соглашение о создании на базе школы центра¹ для 8-х и 9-х классов с кинотехническим профессиональным уклоном. В материалах к протоколу № 164 от 11 сентября 1948 года заседания бюро Ростовского обкома ВКП (б) сохранилась справка Г. С. Никольского, первого директора Ростовского кинотехникума, адресованная первому секретарю Ростовского обкома ВКП (б) Н. С. Патоличеву [6]. Из неё следует, что эксперимент с созданием кинотехнического профуклона явился единственным в СССР и нигде не был повторён. «*Кинотехнический профуклон школы-девятилетки № 16 [так была переименована школа № 8 с нового 1928/1929 учебного года. — О. В.] в соответствии с вышеуказанным соглашением начал свою работу по подготовке киноагров для «Совкино» 1 сентября 1928 года. Эту дату Ростовский кинотехникум считает днём своего основания*», — писал Никольский.

¹ Концентр — относительно замкнутый цикл учебного процесса, во время которого учащиеся овладевают определённым объёмом языкового и речевого материала

После двух лет работы, в апреле 1930 года, по требованию «Союзкино» кинотехнический профуэкон произвёл досрочный первый выпуск молодых киноспециалистов из 27 человек. Осенью 1930 года он был преобразован в Ростовский кинотехникум с двумя отделениями: кинотехническим — для подготовки техников по оборудованию, эксплуатации и ремонту киноаппаратуры и экономическим — для подготовки техников-экономистов киносети и фильмопродвижения. К 1940 году контингент учащихся техникума вырос от 30 человек (по сравнению с 1928 годом) до 500.

В небольшом архивном фонде первичной парторганизации Ростовского кинотехникума сохранилась следующая выписка из протокола № 8 заседания парткома от 16 июля 1938 года: «Предложить директору Ростовского кинотехникума т. Никольскому поставить вопрос перед Комитетом по делам кинематографии при СНК СССР о выделении с нового учебного года специальных сумм на следующие мероприятия:

- а) заочное образование педагогов;
- б) специальные библиотеки для преподавателей;
- в) научные выезды на предприятия и в центральные кинематографические организации;
- г) обмен опытом между техникумами: Ленинградским, Витебским, Киевским, Воронежским» [7].

За десять лет техникум превратился в крупное учебное заведение, готовящее кадры для всего Советского Союза. Будучи бессменным директором, хозяйственным и инициативным, Георгий Сергеевич Никольский выдвигал лучших студентов, воспитанников кинотехникума, на преподавательскую работу [8].

Документы Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) середины 1930-х годов свидетельствуют о крупных событиях в области кинопросвещения. Так, например, 25 апреля 1935 года на заседании бюро крайкома было объявлено о проведении в Ростове-на-Дону с 6-го по 12 мая первого детского кинофестиваля. Программу фестиваля составляли Культпроп и Росснабфильм (в документе — Ростснабфильм. — О. В.) [9, л. 24]. 2 июня 1935 года бюро крайкома постановило: «Разрешить издание газеты «Кино-фронт» (орган Азчеркино) три раза в месяц, форматом А-4, тиражом 1000 экз., на бумаге, выделенной центром» [10].

Из постановления Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) удалось узнать, что 28 апреля 1935 года директором фабрики кинохроники был утверждён Пётр Семёнович Тимошенко, 1897 года рождения, член партии с 1917 года, из рабочих [9, л. 30].

До начала Великой Отечественной войны в Ростовской области уже насчитывалось 273 государственных и около 300 ведомственных и школьных киноустановок. Дальнейшее развитие киносети прервала война.

Выпускник Ленинградского института киноинженеров Авраам Лазаревич Дербаремдикер, в начале 1941 года назначенный главным инженером Областного управления кинофикации, вспоминал: «Сразу же довелось участвовать [в октябре 1941 года. — О. В.] в эвакуации оборудования киностудии и Областной кинофикации в г. Оргжоникигзе (в то время Ростовская студия хроникально-документальных фильмов, Ростовское областное управление кинофикации, кинемеханический завод находились в одном здании — на Пушкинской, 174). Мне поручили отправить в Оргжоникигзе вагон нового кинооборудования. Киноматериалы (негативы с позитивами и фильмы) были на горючей основе, поэтому их увезти с собой не удалось. Пришлось уничтожить, чтобы не достались немцам» [11, с. 26].

В октябре 1942 года Дербаремдикер был переведён ассистентом кинооператора во фронтную кинобригаду Северо-Кавказского фронта.

А. Л. Дербаремдикер. 07.01.1985 г.
ЦДНИРО. Текущий архив

Хронику боёв снимали на передовой, порой в самых опасных точках. По мере продвижения фронта к Ростову-на-Дону в составе съёмочной группы Авраам Лазаревич снова оказался в родных местах. «С крыши магазина "Молоко" при освобождении Ростова 14 февраля 1943 г. я помогал оператору Попову снимать подъём флага на здании Госбанка (остальные дома по улице Энгельса лежали в развалинах)», — писал он [11, с. 26].

В период немецко-фашистской оккупации кинохозяйству Ростовской области был нанесён материальный ущерб в сумме более 20 миллионов рублей. В докладной записке отдела пропаганды и агитации Ростовского обкома ВКП (б) от 23 декабря 1944 года описаны тяжёлые последствия войны: «Полностью уничтожена передвижная, клубная и школьная киносеть, сожжены киноремонтные, киномеханические мастерские, склады фильмофондов в городах Ростове-на-Дону, Сальске, Миллерово, Шахты, полностью уничтожен областной фильмофонд, обеспечивавший до оккупации свыше 600 киноустановок» [12, л. 1].

С первых дней освобождения Ростовской области Областное управление кинофикации приступило к организации кинообслуживания угольных районов. Киноустановки на шахтах «Гуковоуголь», «Богуряевоуголь», «Гундоровоуголь» и в Донецком рудоуправлении были восстановлены ещё в 1944 году. В справке Ростовского обкома ВКП (б), направленной отделу кинофикации ЦК ВКП (б), отмечено: «К 1 октября 1945 года в угольных районах области было восстановлено 30 киноустановок из 35 довоенных [12, л. 23 об.]. Однако 44 здания кинотеатров требовали основательного ремонта. Руководство страны возлагало большие надежды на кинопропаганду, считая её мощным оружием для агитации, поднятия духа бойцов на фронте и тружеников тыла в освобождённых городах и сёлах.

Вновь назначенный главным инженером Ростовского управления кинофикации с августа 1943 года А. Л. Дербаремдикер рассказывал: «в первую очередь я занялся созданием мастерских. Мы восстанавливали кинотеатры и открывали новые киноустановки по всей области. Специалистов не хватало, и было принято решение создать курсы киномехаников звуковых кинопередвижек. В сентябре 1943 г. в фойе кинотеатра "Руна" (ныне "Киномакс — Победа") опытный специалист этого кинотеатра Валентин Андреевич Рогальский начал проводить занятия. В дальнейшем класс переместился в уцелевшие комнаты разрушенного кинотеатра "Гигант" (ныне ДК Строителей). А в феврале

1944 г. на базе школы ФЗО № 4 (Ростсельмаш) открылись областные курсы киномехаников. Педагогический коллектив возглавил Сергей Петрович Конозов, ныне Заслуженный учитель школы РСФСР, Почётный кинематографист России...» [11, с. 27].

В марте 1944 года возвратился из эвакуации кинотехникум. В восстановлении его материально-технической базы, возобновлении учебного процесса с обязательным проведением практики студентов в кинотеатрах принимал активное участие Дербаремдикер. В архивном фонде первичной партийной организации Ростовской студии кинохроники сохранилось представление Авраама Лазаревича к званию «Заслуженный работник культуры РСФСР» от 21 августа 1969 года, в котором отмечено: «За эти долгие годы проявил себя исключительно преданным делу, умелым организатором кинопроизводства, инициативным работником, опытным инженером-киноспециалистом. Работу на производстве сочетает с активной общественной деятельностью, оказывал и оказывает большую помощь органам кинофикации по быстрейшему вводу в строй кинотеатров города и области, по улучшению их технико-эксплуатационных характеристик» [13].

В январе 1945-го в Ростов из эвакуации вернулась студия кинохроники. Сотрудникам предстояло вновь отстраивать помещения студии и восстанавливать аппаратуру, лучшая часть которой ранее была передана фронтовым киногруппам. С апреля 1945 года студия кинохроники возобновила выпуск киножурналов.

Документальное кино начала 1940-х — уникальное явление в искусстве. По словам маршала И. Х. Баграмяна, кинокамера была оружием кинооператора в годы войны. Каждый ценный кадр военной кинохроники был подвигом! «В создании фронтовой кинолетописи приняли участие ростовчане Гай Асланов, Теодор Бунимович, Аслан Каиров, Кенан Кутуб-заде, Леон Мазрухо, Борис Маневич, Виктор Петров, Георгий Попов, Михаил Бойченко, Александр Смолка, Давид Шоломович» [1, с. 13].

В фонде первичной парторганизации Ростовской студии кинохроники нам посчастливилось обнаружить производственную характеристику пока одного из легендарных операторов — Бориса Исааковича Маневича, 1910 года рождения, члена Союза кинематографистов СССР с 1958 года.

Благодаря этому документу удалось узнать, что будущий мастер документального кино с июня 1930-го по май 1937-го работал помощником кинооператора, затем кинооператором

Учётная карточка члена КПСС Маневича Б. И.
ЦДНИРО Ф. Р-18. Оп. 53. Д. 58. Л. 75

Б. И. Маневич. 1981 год. Ростов-на-Дону.
Фото К. Г. Пашичьана. (Донской временник. Вып. 28.
Ростов н/Д., 2020. С. 64.)

в Ростове-на-Дону, с мая 1937-го по март 1942-го — на Алма-Атинской студии кинохроники. С марта 1942-го по май 1945-го года Маневич — специальный военный корреспондент Центральной студии документальных фильмов [14]. Приведём строки из служебного отзыва капитан-лейтенанта Гаврилова, командира гвардейского эсминца «Гремящий», составленного в июле 1944 года: «Товарищ Маневич на гвардейском эсминце «Гремящий» Северного флота участвовал в 9 операциях. <...> При боевом соприкосновении с противником вёл себя мужественно и спокойно; под огнём противника проводил большую работу по съёмке корабля в бою, а также сбитых самолётов противника и гибели транспортов. При выполнении специального задания по спасению потерпевшего

аварию транспорта в условиях шторма, когда крен корабля на качке доходил до 35°, товарищ Маневич производил съёмку всех аварийных работ. За время пребывания на корабле товарищ Маневич помимо своей основной работы сделал серию фотоснимков о боевом пути корабля» [1, с. 17].

В 1956 году Борис Исаакович вновь вернулся на Ростовскую студию кинохроники. С 1958-го по 1971-й являлся уполномоченным Правления СК СССР по Ростовской и Северо-Кавказской студиям кинохроники, с 1973-го по 1975 годы был секретарём правления РО СК СССР. В июле 1987 года был представлен к званию «Заслуженный деятель искусств РСФСР». «За годы работы в кино Б. И. Маневич принимал участие в съёмках шести полнометражных документальных фильмов и десятков короткометражных фильмов, как режиссёр-оператор снял 19 технико-пропагандистских фильмов. Его работы несли в доступной, популярной форме знания, пропагандировали передовой опыт, гостижения советских тружеников» [14], — отмечено в производственной характеристике 1987 года.

К сожалению, в последние годы документальное кино стало уходить в тень других жанров. Затронутая тема в событиях и лицах требует дальнейшего исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. «Над фильмом работали...» : Рассказы о дон. документ. кино. Ростов н /Д. : Кн. изд-во, 1988.
2. ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 21.
3. Буйло С. И. Три войны «ростовского Маресьева» : Жизнь и судьба полковника А. И. Грисенко // Военно-исторический журнал. 2020. № 3. С. 67 — 71.
4. ЦДНИРО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 18. Л. 45.
5. Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 551.
6. Там же. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 879. Л. 61 — 65.
7. Там же. Ф. Р-1197. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.
8. Там же. Д. 7. Л. 7.
9. Там же. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 133.
10. Там же. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 141. Л. 26.
11. Дербаремдигер А. Л. Без работы жизни не мыслю // Донской временник. Год 2005-й. Ростов н /Д., 2004. С. 26 — 28.
12. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 5. Д. 224 а.
13. Там же. Ф. Р-2745. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.
14. Там же. Д. 17. Л. 17.

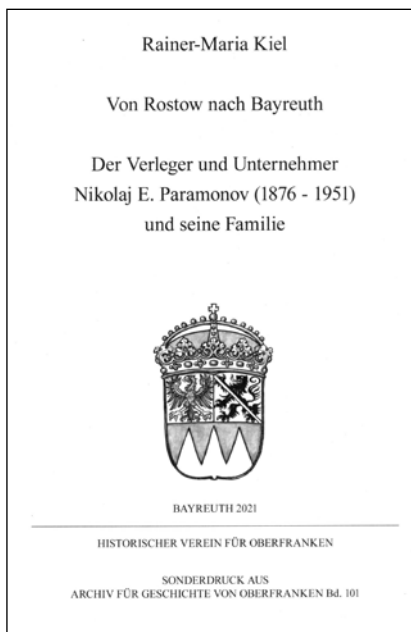
М. Н. ТАРАСОВА

ОТ РОСТОВА-НА-ДОНУ ДО БАЙРОЙТА

(Н. Е. Парамонов и его семья в эмиграции)

Посвящается светлой памяти коллеги и наставника
Светланы Владимировны Кошеверовой

25 марта 2022 года в отдел редких изданий Зональной научной библиотеки Южного федерального университета пришла небольшая бандероль из Германии. В сопроводительном письме говорилось: «Дорогая госпожа Тарасова! Наконец-то в печати появился мой небольшой очерк о Николае Е. Парамонове. Он занимал меня, с перерывами, более двадцати лет. Сейчас я уже почти восемь лет на пенсии, но работа над эссе о Парамонове напоминала мне о тех прекрасных днях, которые я проводил в своей библиотеке. Желаю Вам и Вашим коллегам всего наилучшего и шлю самые тёплые пожелания. Ваш Райнер-Мария Киль из Байройта. 10.02.2022».

Небольшая брошюра в 50 страниц под авторским заголовком «Von Rostow nach Bayreuth: der Verleger und Unternehmer Nikolaj E. Paramonov (1876 – 1951) und seine Familie» — это отдельный выпуск из архива истории (В. 101), изданный исторической ассоциацией Верхней Франконии (земли Баварии) [1]. С момента своего основания в 1827 году ассоциация поставила своей

целью научное исследование истории Верхней Франконии и вот уже почти 200 лет привлекает исследователей к просвещению широких масс населения для познания ими собственных земель и сохранению культурных традиций.

Автор очерка Райнер-Мария Киль представляет свою профессиональную деятельность так: «С 1979 по 2014 г. работал академическим библиотекарем в библиотеке Байройтского университета, где отвечал, в частности, за раздел языка и литературы. Это включало в себя максимально возможный учёт запросов факультета лингвистики и литературы и поддержание постоянного контакта с их представителями по предметным курсам. В 1980-х годах факультет серьёзно занимался введением славистики как предмета в университете Байройта. Только в 1985 г. университетская библиотека приобрела значительный фонд (около 70 полочных метров) литературы на русском, польском и чешском языках из антикварных магазинов. В последующие годы книги были учтены и каталогизированы, однако с середины 90-х годов они ведут "теневое" существование в фондах библиотеки. Спустя всего несколько лет после того, как университетская библиотека сформировала коллекцию как основу для нового предмета славистики, факультет изменил свою ориентацию и полностью отказался от прежних планов» [1, с. 155].

Среди книг, приобретённых в тот период были два одинаковых экземпляра одного издания повести известного русского писателя А. И. Куприна «Гранатовый браслет», на передних обложках которых значилось место издания — Байройт, а на титульном листе типография — Printed by Lorenz Ellwanger, Bayreuth. «Тот факт, что давно известная байройтская типография Ellwanger сразу после войны смогла напечатать русские тексты кириллицей, вероятно, был неизвестен даже байройтским знатокам книги и мог считаться небольшой сенсацией», — замечает Р.-М. Киль [1, с. 156]. Типография была основана в 1884 году Лоренцем

Марина Николаевна Тарасова, главный библиограф Зональной научной библиотеки Южного федерального университета. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 29 сентября 2022 г.) под названием: «Н. Е. Парамонов и его семья в эмиграции. Исследование Р.-М. Киль (г. Байройт, Германия)»

Элвангером. На рубеже XX и XXI столетий ею управлял Вольфганг Элвангер (издатель в четвёртом поколении), пока 31 марта 2014 года компания Ellwanger Druck und Verlag GmbH не прекратила свою деятельность.

В начале 2000 года Р.-М. Киль напрямую обратился к владельцу и управляющему типографией Вольфгангу Элвангеру с просьбой «пролить свет» в истории с изданием книг на кириллице в послевоенные годы. Однако выяснилось, что не осталось никаких документов об этих изданиях, в архиве компании не было найдено ни одного упоминания о кириллическом типографском шрифте, не говоря уже о сигнальных экземплярах книг. Университетская библиотека Байройта передала Вольфгангу Элвангеру один из двух экземпляров «Гранатового браслета» А. И. Куприна для архива компании. В тот период с именем издателя Н. Е. Парамонова эти книги никто не связывал.

Так случилось, что посещая на городском кладбище Байройта могилы своих родственников Р.-М. Киль обратил внимание на три захоронения, где за период с 1946 по 1976 гг. были упокоены пять человек из далёкой России. На сегодняшний день существует только одна из этих трёх могил. На камне из полированного чёрного мрамора три строки: «NICOLA ELPIDIFOROWITSCH || PARAMONOFF || 25.4.1876 – 21.6.1951». *«Мало кто из посетителей городского кладбища знает о богатой событиями истории жизни этого русского эмигранта. В царские времена он был одной из самых значительных фигур в своем городе Ростове-на-Дону, да и во всей южной России»,* — пишет Р.-М. Киль [1, с. 151].

Спустя год после разысканий Р.-М. Киль, проведённых по собственному личному интересу, на имя директора библиотеки Байройтского университета пришло электронное письмо из Ростова-на-Дону. Доктор Карл Бабль получил письмо, в котором мы, сотрудники отдела редких изданий научной библиотеки РГУ (ныне ЮФУ), рассказали о своей работе над составлением каталога публикаций издательства «Донская речь» (1903 — 1907) в Ростове-на-Дону, и указали фамилию издателя — Николай Елпидифорович Парамонов. Мы сообщили немецким коллегам о том, что в период с 1946 по 1950 год он продолжил свою прежнюю издательскую деятельность и печатал книги на русском языке в издательстве Элвангера в Байройте.

Поскольку в тот период активно шла подготовка к переизданию «Каталога издательства „Донская речь“ Н. Е. Парамонова в Ростове-на-Дону» [2] с расширенным разделом его

издательской деятельности в эмиграции, мы попросили коллег из университетской библиотеки Байройта предоставить нам копии титульных листов и обложек книг, хранящихся в их фондах. Начался активный период обмена информацией, продолжавшийся несколько лет.

Вот как описывает то время Райнер-Мария Киль: *«Если раньше я воспринимал могилу Парамонова и две соседние могилы на городском кладбище только как любопытство, то это удачное совпадение гало мне огромный стимул для дальнейшего изучения похороненных там людей. В то же время запрос из России позволил разгадать загадку, кто организовал издание «Гранатового браслета», напечатанного в типографии Элвангера. Директор библиотеки с удовольствием поручил мне ответить коллегам из России.»*

Райнер-Мария Киль. г. Байройт.
Фото предоставил Р.-М. Киль

В тот же день, когда пришло письмо, я отправил запрошенные копии в Ростов-на-Дону. <...> В сопроводительном письме сообщил о своей переписке с Вольфгангом Элвангером, которая состоялась совсем недавно. В то же время я попросил предоставить дополнительную биографическую информацию о Н. Парамонове, о котором в то время знал очень мало.

<...> Обратился в Байройте в Бюро регистрации жителей, городской архив и в администрацию кладбища, службу Евангелическо-лютеранской общецерковной администрации Байройта за возможными документами о Николае Е. Парамонове. Снова связался с типографией Ellwanger — к сожалению, безуспешно. <...> В телефонном разговоре секретарь Вольфганга Элвангера направила меня к г-же Вандер, которую она охарактеризовала как "живой инвентарь" компании. К сожалению, госпожа Вандер также смогла лишь подтвердить, что в архивах компании нет документов ни о кириллических оттисках послевоенного периода, ни о Н. Е. Парамонове. Информация от администрации кладбища оказалась более существенной. Бюро регистрации жителей, не имея собственных записей, передало мой запрос в городской архив, который удивил меня неожиданно обширным и уже тщательно подготовленным материалом. <...> Г-жа Кристина Бартоломеус (Штагтархив Байройта) предоставила мне копии выписок из следующих документов: 1. список имён (для бюро выдачи прогосвольственных карточек) всех иностранцев, проживающих в частных квартирах (без даты, вероятно, начало 1946 г.) [3]; 2. список всех лиц ООН и всех других иностранцев, немецких евреев и лиц без гражданства (кроме беженцев и т.д.), находящихся в городе [4]; 3. список всех браков граждан Организации Объединённых Наций, всех других иностранцев, немецких евреев и лиц без гражданства [5].

Почти 20 лет спустя г-жа Бартоломеус предоставила мне дополнительную информацию об отдельных людях этой большой семьи по продолжающимся запросам с моей стороны. Это позволило получить ценную информацию не только о самом Николае Е. Парамонове, но и о его семейном окружении. Я обобщил сообщения из вышеупомянутых учреждений в табличном обзоре, который составил в общей сложности одиннадцать человек из семьи Парамоновых. Коллеги из Ростова-на-Дону получили копию и, кроме того, фотографии могилы Парамонова, которые они просили. В ответ мне прислали копию библиографии 1999 года, в которой были перечислены все работы, опубликованные издательством Парамонова «Донская речь» в период с 1903 по 1907 год» [1, с. 157 — 158].

В начале 2007 года мы отослали несколько экземпляров второго издания нашего «Каталога...» [2], составленного не без помощи Р.-М. Кия, в библиотеку Байройтского университета, один из которых предназначался нашему соавтору. Он дал оценку нашей работе.

«В каталоге не только скупулёзно перечислены все издания, выпущенные и отредактированные Николаем Е. Парамоновым, но и подробно рассказано об истории издательства, насыщенной яркими событиями жизни издателя и его семьи. Мой очерк в значительной степени основан на исследованиях коллег из Ростова-на-Дону. К сожалению, их результаты доступны только на русском языке. В то время как я сам обладаю лишь скромными познаниями в русском языке. Моя давняя коллега по Байройтской библиотеке Хайке Охс свободно владеющая как разговорным, так и письменным русским языком, любезно перевела для меня важные фрагменты каталога на немецкий язык. Хотя каталог послужил важной основой для моего изложения событий, он ни в коем случае не является простым пересказом оригинального русского текста. Скорее, материал был реорганизован и, где это возможно, дополнен и расширен из других библиографических документальных источников» [1, с. 159].

О том, как представлена семья донских предпринимателей Парамоновых в немецком издании, видно из нижеследующего фрагмента эссе Р.-М. Кия [1, с. 159 — 161].

«Дед Николая — Трофим Иванович Парамонов (1805 — 1880) — был мелким торговцем в казачьей станице Нижне-Чирской. Отец Николая — Елпидифор Трофимович Парамонов (1840 — 1909) — родился в относительно скромных условиях, посещал только местную начальную школу и с раннего возраста помогал отцу в его мелком бизнесе. В 1860 г. принял купеческую присягу, в 1863-м вступил в Общество торговых казаков с объявленным капиталом в 2000 рублей. В 1865 г., женившись на землячке Раисе Мефодиевне, всерьёз занялся скупкой зерна у казаков по всей Области войска Донского и его продажей. В первые годы на новом поприще сам работал в амбарах на пересыпке, затем открыл ссыпки на 15 пристанях, в том числе и в Ростове, куда переезжает в 1881 г. Скопив на торговле зерном значительный капитал, он покупает за 150 тыс. рублей пароход и шесть деревянных барж, "чтобы возить своё зерно на своих пароходах", в том числе и заграничным заказчиком. Для снабжения флотилии углём и снижения себестоимости перевозок покупает несколько небольших шахт у вдовы И. С. Панченко в восточной части Донецкого угольного бассейна. К этому времени он становится владельцем и мукомольного производства, приобретя в 1890 г. у грека Маргалаки небольшую вальцовую мельницу. Муку продавал в города центральной России, в Москву, Прибалтику, Грузию и за границу. Качество муки было

отмечено золотой медалью на выставке в Париже. После успеха в Париже Е. Т. Парамонова стали называть "хлебным королём России", а Ростов-на-Дону — "амбаром империи"» [6].

В браке Елпидифора с Раисой Мефодиевной Александриной родилось четверо детей. «Любопытно, — пишет Р.-М. Киль, — что данные о жизни Раисы не отмечены в подробном каталоге» [1, с. 159]. Принимая во внимание это замечание немецкого коллеги, оговорим, что на момент подготовки материалов к изданию каталога, мы не ставили перед собой цель как можно подробнее раскрыть семейные линии рода Парамоновых. Это происходило само-собой, как сопутствующие находки. Жена Елпидифора Трофимовича Парамонова — Раиса, по всей видимости, была скромной, тихой и очень домашней. Старообрядческие корни семьи Парамоновых накладывали свой отпечаток на жизненный уклад и поведение женщины в семье. Родителями Раисы были — Нефёд (в других источниках — Мефодий) Фёдорович Александрин (родился ок. 1811 г.) и дочь хорунжего Екатерина Ивановна Киреева (1818 г. р.) [7]. Раиса родилась 4 июня 1850 года и была третьим ребёнком в семье. Проживала семья Александринных в ст-це Верхне-Чирской, имея родовое и «благоприобретённое» имущество — два дома, два сада, мельницу и шесть душ [8]. Отец Раисы, Нефёд Фёдорович, начал службу казаком с 1 января 1828 года, участвовал в русско-турецкой войне 1828 — 1829 гг. (награждён серебряной медалью) и Польской кампании 1831 года (получил польский знак отличия за военное достоинство); избирался атаманом станицы Верхне-Чирской (1843 — 1848). «По заслугам войскового старшины Александрина Мефодия Фёдоровича причислены к дворянству, определением от 9 января 1859 г. дети: Алексей, Фёдор, Анна, Раиса. Рапорт за № 67 от 29 января 1859 г. Указ за № 6352 от 7 июля 1859 г.» [9].

Так семья Александринных из ст-цы Верхне-Чирской, благодаря заслугам Нефёда Фёдоровича, с 1859 года была признана в дворянском достоинстве, и Елпидифор Трофимович Парамонов брал в жёны дворянку Раису Нефёдовну Александрину.

В семье Елпидифора и Раисы первенцем был сын Пётр (1870 г. р.), а затем последовали погодки — Агния (1875 г. р.), Николай (1876 г. р.) и Любовь (1877 г. р.).

«... Агния вышла замуж за Василия Михайловича Резанова и была похоронена в Байройте в 1956 году под именем «Агнесса Резанова». <...> Любовь вышла замуж за Семёна Ивановича Панченко. Этот брак, безусловно, имел деловое

прошлое. Панченко владела шахтами в бассейне Донца, которые у них купил Елпидифор» [1, с. 159].

Отдельные главы своего эссе Р.-М. Киль посвятил юности, студенческой непокорности и открытому конфликту с государственной властью Николая Парамонова, а также организации издательства «Донская речь» и шахтного производства. События, хорошо известные нашему читателю по прежним публикациям, считаю возможным опустить. Однако приведём несколько строк о том, как представляет автор эссе Николая Елпидифоровича Парамонова в необычном для него предприятии.

«С 1907 г. Николай взялся за новое дело со всей серьёзностью, предприимчивостью и значительным размахом. Для планирования [работы новой шахты. — М. Т.] он обратился к учёному-горняку Александру Александровичу Скочинскому (1874—1960), который был примерно его возраста и только что получил должность профессора в Горном институте в Санкт-Петербурге» [1, с. 169]. Уточним, что А. А. Скочинский окончил институт (1900) с отличием и его имя было занесено на золотую доску почёта, что являлось тогда высшим отличием для выдающихся студентов, оканчивавших этот институт. 1901—1902 годы Александр Александрович провёл в зарубежных командировках (Германия, Бельгия, Франция, Австро-Венгрия), где посетил угольные, рудные и соляные шахты.

В 1903 году А. А. Скочинский создал лабораторию рудничной вентиляции и горноспасательного дела, а первый фундаментальный труд по вентиляции рудников появился в 1904 году [10]. Содружество Н. Е. Парамонова и А. А. Скочинского оказалось плодотворным [11].

Р.-М. Киль пишет: «В течение четырёх лет шахта превратилась в самую современную и глубокую в Донецком регионе. Николай назвал её «Елпидифор» в честь своего отца. <...> Собственная электростанция поставляла электроэнергию для откачки шахтной воды и работы намоточной башни. В непосредственной близости была построена подковная фабрика, продукция которой поставлялась в Донскую армию и на шахты, где использовалась конная тяга. В окрестностях предприятия были построены кирпичный, брикетный и химический заводы, которые работали на российскую армию во время Первой мировой войны. Как и его отец, Николай также был озабочен улучшением условий жизни своих рабочих и служащих. Он не только платил сравнительно высокие зарплаты, но и провёл водопровод, построил баню

(1915) и школу, которая существует и по сей день как Артёмовская школа. Здесь был универсам, столовая на 400 мест, кинотеатр и библиотека. Были основаны даже касса взаимопомощи и общество защиты нравственности.

В последующие годы Николай с размахом расширил свою деятельность как углепромышленник. Только из этого можно сделать вывод о масштабах компании, которая, безусловно, предлагала работу нескольким сотням человек. Кроме этого было обеспечено подключение новых шахт к железнодорожной сети. <...> Все эти мероприятия Николая в значительной степени способствовали развитию местной угольной промышленности. <...> И по сей день в этих местах сохранилась добрая память о бывшем владельце предпринимателе Николае Е. Парамонове» [1, с. 169].

Грандиозные планы Н. Е. Парамонова на расширение производства разрушили революционные события 1917 года и Гражданская война. В главе, посвящённой этой теме, Р.-М. Киль приводит сведения как из каталога, так и немецких источников. «Здесь не место описывать ход Гражданской войны на Юге России во всех подробностях. Однако для того, чтобы классифицировать роль Николая Е. Парамонова в событиях того периода, необходимо представить его основные черты», — пишет Р.-М. Киль, приводя в качестве документальной поддержки работы американского историка Питера Кенеза [12], британского учёного Эвана Модсли [13], польского историка и философа Кристофера Лазарски [14], немецкого историка Карла Шлёгеля [15].

«Какова роль в этот период Николая Е. Парамонова? Он <...> предоставил свой собственный дом в распоряжение личного состава недавно сформированной Добровольческой армии. <...> О том, каких политических убеждений придерживался Н. Парамонов на самом деле, лучше всего говорит его недолгое пребывание на посту начальника отдела пропаганды Добровольческой армии. Это также разрешает ранее исключённое противоречие, которое, казалось бы, существует между социально критическим издателем, с одной стороны, и крупным бизнесменом Парамоновым — с другой» [1, с. 174–175].

ОСВАГ появился при дипломатическом отделе Добровольческой армии в 1918 году, являясь органом пропаганды и агитации, позднее несколько раз реорганизовывался. Главное управление ОСВАГа размещалось в Ростове-на-Дону по адресу ул. Садовая, дом 60 [16].

«В конце января 1919 г. новым руководителем [ОСВАГа] был назначен Николай Е. Парамонов.

Как самый видный представитель кадетов в казачьей области, с лучшими экономическими и политическими связями по всей стране, как заявленный противник архиконсервативных взглядов Краснова и, прежде всего, с его издательским опытом, Парамонов казался идеальным назначением для Деникина. Новый человек преследовал амбициозные планы и сразу же потребовал бюджет в 50 миллионов рублей на следующие три месяца [17]. Несмотря на то, что он получил только половину, ОСВАГ был в неплохом положении.

Однако решение Парамонова разместить свой офис не в Екатеринодаре на Кубани, где в то время находился штаб Добровольческой армии, а в Ростове-на-Дону, имело серьёзные последствия. Здесь у него были печатные станки и лучшее техническое оснащение, и он мог бы продолжать участвовать в политической жизни Донского края. Но ему пришлось «выбивать» на это согласие своего политического оппонента Краснова. Краснов настоял на том, чтобы дать ему заместителя, и избрал для этой цели одного из своих сотрудников, который впоследствии больше мешал Парамонову, чем поддерживал его. Создание отдела пропаганды в Ростове имело ещё один существенный недостаток. Парамонов больше не находился в центре власти Добровольческой армии. Это уменьшило его влияние, привело к недоразумениям и позволило его противникам беспрепятственно подрывать его устремления.

Парамонов понимал, что деньги, реорганизация и использование технических средств не принесут успеха, если Добровольческая армия не будет готова радикально изменить некоторые из своих прежних действий.

<...> Ещё до начала своей работы в качестве руководителя отдела пропаганды, 4 января 1919 года он отправил генералу Ивану Павловичу Романовскому [18], начальнику штаба Добровольческой армии, отчёт, который был весьма своеобразным. Историк Гражданской войны Пётр Кенез охарактеризовал его следующими фразами, из которых явствует его восхищение кристально чистым и беспристрастным анализом ситуации Парамоновым: «Этот доклад, один из самых либеральных документов, подготовленных белым лидером во время войны, представлял собой убедительную критику существующей практики. В перспективе его можно читать как анализ причин окончательного провала Белого движения».

Добровольческая армия могла завоевать популярность только в том случае, если бы её офицерам удалось предотвратить мародёрство солдат и обеспечить достойное обращение с

населением. Затем он призвал к чёткой субординации. Подчинённые органы должны будут последовательно выполнять решения, принятые в штаб-квартире. Он также критиковал отсутствие чётко сформулированной политической программы. Без такой программы Добровольческой армии было бы невозможно заручиться поддержкой населения. Это позволяет оппонентам легко исказить цели Белого движения. Именно поэтому консервативные силы считают армию слишком далеко ушедшей влево, в то время как левые видят в ней лишь кучку реакционеров.

Сам Парамонов рекомендовал лево-ориентированную программу. Он хотел, чтобы Деникин изложил цели Русской армии — то есть антибольшевистских сил юга России — в декларации из пяти пунктов:

1. Российская армия борется за восстановление порядка.

2. Российская армия борется за создание условий, в которых народ может свободно выбрать форму правления.

3. Русская армия стремится к формированию подлинно представительного правительства и отвергает старую форму самодержавия и те ограничения, которые были наложены на дореволюционную Думу.

4. Российская армия хочет установить широкую автономию.

5. Российская армия считает необходимым проведение земельной реформы, трудового законодательства и других социальных реформ.

С этими сугубо политическими требованиями Парамонов вышел далеко за рамки, казалось бы, очевидных задач отдела пропаганды.

Он также сделал предложения для своего департамента, от которых у консерваторов, вероятно, «волосы встали дыбом». Поскольку он был заинтересован в сотрудничестве со всеми антибольшевистскими силами, он также хотел пригласить социалистов в ОСВАГ. Он потребовал, чтобы его подчинили непосредственно главнокомандующему армией, а не среднему начальству. Деникин также должен был обязать своих генералов не противоречить ему публично, тем самым внося путаницу. Кроме того, он должен был полностью дистанцироваться от царского режима и дореволюционной России. Деникин не был готов к этому и, вероятно, не мог этого сделать, учитывая его окружение, происхождение и убеждения. В конце концов, идеологические разногласия оказались слишком велики, чтобы сотрудничество продолжалось. Военные, с которыми ему и так было нелегко

прежде, не позволили Парамонову заговорить, так сказать, политическое направление. Сам Парамонов, однако, не мог посвятить все свои силы ОСВАГу, так как был сильно вовлечён в политические события в Донской области после падения Краснова. В середине марта 1919 года, спустя всего шесть недель, он был вынужден уйти в отставку с поста главы отдела пропаганды. Первым официальным актом его преемника стало увольнение всех верных Парамонову людей, особенно социалистов и евреев» [1, с. 175—176].

События последующих нескольких месяцев развивались стремительно. По понятным причинам, большое семейство Парамоновых покинуло Ростов-на-Дону 19 декабря 1919 года, отправившись в эмиграцию, сначала в Константинополь, а затем в Берлин.

Н. Е. Парамонов. Берлин. 1939 г. (?).
Фото из личного архива Н. Вайса

В эссе самой объёмной оказалась глава «Русский эмигрант в Берлине», поэтому считаю возможным более подробно остановиться именно на ней.

Р.-М. Киль отмечает, что внимание немецких исследователей к истории русской эмиграции возникло только на рубеже 90-х годов XX столетия. В Берлине в 1988 году вышла антология «Русские в Берлине. 1918—1933: встреча двух культур», где уделяется внимание главным образом литературе и искусству, но более всего — искусству изобразительному. В меньшей степени затрагиваются вопросы политические

и экономические. Парамонов и его окружение не упоминаются вовсе, однако для понимания общей картины происходящего на окраинах Берлина, где в основном размещались русские эмигранты, данная работа очень познавательна. «*Никогда прежде и никогда после этого город за пределами России в нашем веке не играл такой важной роли для русского самопознания, как Берлин в 1920-е годы*», — пишет Фриц Миерау в предисловии к своему сборнику текстов «Русские в Берлине 1918 — 1933 гг.» [19, с. VIII].

Карл Шлёгель обратил внимание на очень важный аспект того времени: «*Одним из самых поразительных достижений русской диаспоры в Берлине было создание издательской индустрии*» [20, с. 244]. Подчеркнём — индустрии! Известно, что наиболее продуктивными в этом плане был период с 1921 по 1924 годы.

Точное число берлинских издательств неизвестно: разные источники указывают разные цифры, от нескольких десятков, до нескольких сотен. В большинстве отечественных научных исследований фигурирует 86 издательств, опираясь в качестве источника на «Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924 г.», изданный Союзом русских издателей и книгопродавцев в Германии [21].

«*Готтфрид Кратц, — пишет Р.-М. Киль, — выявил в общей сложности 275 русских печатных и издательских компаний в Берлине за период с 1918 по 1941 год. Для 1923 г. он приводит данные о выпуске 7 000 наименований, хотя они не подтверждены*» [1, с. 177].

Книжные магазины при издательствах были одновременно и коммуникационными центрами русского Берлина. Эмигранты вспоминали родину, которую не хотели терять, размышляли и оправдывали свои поступки в предреволюционный период и в годы Гражданской войны, публиковали свои воспоминания. «*В Берлине собрались представители почти всех российских партий и групп интересов довоенного периода. Среди них были ведущие силы Конституционно-демократической партии, которая с 1920 по 1931 год издавала влиятельную газету "Руль"*» [22].

Можно предположить, что и Николай Е. Парамонов не оставался безучастным. Действительно, он может претендовать на особое место в истории крупнейшего русского издательства в Берлине в 1920-х годах. Речь идёт об издательстве «Слово», которое было основано в 1920 году как филиал издательства «Ульштейн» (Ullstein Verlag). Издательство «Слово» перешло в другие руки, как и сам «Ульштейн», после захвата власти нацистами и было ликвидировано в 1935 году» [1, с. 178].

Название издательства имеет свою историю и, как и название вышеупомянутой газеты «Руль», восходит к так называемому кружку «Логос», который образовался в 1910 году в Санкт-Петербурге вокруг адвоката и публициста «Руля» Иосифа Владимировича Гессена [23]. «*Основные термины [названия издательств. — М. Т.] можно найти десять лет спустя в коммерческом регистре Берлина в главах трёх компаний: Slowo-Verlagsgesellschaft m.b.H., Zeitungsverlag «Rul» G.m.b.H. и Logos-Büchervertrieb A.-G. Не случайно Гессен возглавлял все три компании. Коммерческое лидерство, однако, принадлежало издательству "Ульштейн"*» [1, с. 178].

История издательства «Слово» была подробно описана Готтфридом Кратцем и не нуждается в повторении [24]. Первые финансовые трудности в издательстве возникли в 1922 году. Однако в октябре того же года Н. Е. Парамонов предложил внести в «Слово» 1 000 английских фунтов при условии, что его личное сотрудничество будет принято. Издательство согласилось, и Николай Парамонов стал партнёром с 25-процентной долей в издательской компании.

Но кратковременный расцвет издательства быстро закончился, несмотря на эти финансовые вливания. Надежды на экспорт книг в Россию оказались иллюзорными, а после валютной реформы 1923/24 года покупательная способность русских эмигрантов в Германии снизилась [25].

С момента основания издательства до 1924 года включительно библиографически может быть доказано в общей сложности 123 названия, за 1925 — 1928 годы — только 14, а с 1928-го до окончательного распада в 1934-м — только 10. Соперничество внутри русской группы и разногласия между группой и издательством «Ульштейн», безусловно, способствовали медленному упадку «Слова».

Первоначальный интерес Н. Е. Парамонова к «Слову» становится понятным, если охарактеризовать содержание продукции издательства. Самую многочисленную группу составили издания классиков русской литературы от Пушкина до Льва Толстого и Чехова. Но были опубликованы и произведения современных русских писателей, среди которых были эмигранты И. А. Бунин и, занимавший особое положение, В. В. Набоков.

Если в литературной программе «Слова» уже видны точки соприкосновения с бывшим издательством Н. Е. Парамонова «Донская речь», то в отношении исторических работ это ещё более актуально. Даже если они не приблизились

к количеству наименований литературных произведений, тем не менее оказали значительное влияние на профиль издательской продукции «Слова». Естественно, основное внимание было уделено новейшей истории России: революции 1905 года, Первой мировой войне, концу царской династии, революции 1917 года и Гражданской войне. «...*Ответственным редактором некоторых изданий был сам Н. Парамонов*» [26]. Он редактировал исторические монографии бывшего помощника начальника Военного управления ВСЮР генерала Юрия Данилова [27], бывшего судебного следователя по особо важным делам Омского окружного суда Николая Соколова, расследовавшего обстоятельства гибели царской семьи [28]. При Н. Парамонове в издательстве «Слово» были изданы письма царицы Александры Фёдоровны императору Николаю II в переводе с английского В. Д. Набокова [29], дневник последнего российского императора [30], «Очерки русской смуты» А. И. Деникина (3–4 тт.) [31], а также несколько первых томов «Архива русской революции» под редакцией И. В. Гессена.

Сохранившиеся отзывы Николая Елпидифоровича Парамонова на рукописях, поступавших в издательство «Слово», говорят о том, что «он был опытейшим редактором, знающим, как говорить со своими авторами» [26].

Николай Парамонов в 1925 году покинул издательство «Слово» и ушёл из АО «Логос». Точные обстоятельства разрыва отношений с основателем издательства неизвестны. И. В. Гессен покинул Германию в 1936 году, перебравшись в США через Францию, где и скончался в Нью-Йорке в 1943 году.

В берлинских адресных книгах того времени Н. Е. Парамонов фигурирует как «владелец дома», позже — как «крупный торговец» [32]. В воспоминаниях семьи Гессен, — с удивлением сообщает Г. Кратц, — Н. Е. Парамонов упоминается лишь вскользь как владелец больших гаражей. Сейчас сложно объяснить, что послужило охлаждению отношений двух давних соратников по книгоиздательским предприятиям, во всяком случае, в 1930 году, по случаю десятилетия газеты «Руль», И. В. Гессен получил поздравительную телеграмму от Н. Е. Парамонова, в которой тот ссылался на их старые общие идеалы (сведения из личной беседы с Г. Кратцем. — М. Т.)

Но, вернемся к эссе Р.-М. Килья, тем более, что один из последних разделов его очерка даёт нам много новой информации о бытовании семьи Парамоновых в Байройте.

По совету врача в связи с начавшимися возрастными проблемами со здоровьем, в 1943 году

Николай Елпидифорович Парамонов вместе с женой покинули Берлин и переехали в Карлсбад (Карловы Вары). До 26 июня 1945 года они жили по адресу Рихард-Вагнер-штрассе, 26. Анна Игнатъевна работала учительницей в Карлсбаде.

Незадолго до окончания войны их сыновья Николай и Елпидифор, дочь Анна и другие члены семьи Парамоновых также переехали из Берлина в Карлсбад. Остаться в городе-курорте надолго они не планировали. Местом переезда семья определила Байройт. «Почему они переехали именно в Байройт, остаётся неразрешимой загадкой. Какие-либо ранние связи с городом Вагнера неизвестны», — пишет Р.-М. Киль [1, с. 183]. Первым из Карлсбада прибыл старший сын Парамонова — Николай Николаевич, 21 мая 1945 года. Инженеру предоставили жильё на улице Генриха Шютца, № 7, которая всего за несколько дней до этого получила это название, действующее до сих пор [33]. Спустя две недели после прибытия, 2 июня 1945-го, Николай женился на Ирен Кусмичофф. Таким образом она упомянута в документах городского архива Байройта, а также в архиве Арольсена [34]. Опросные листы, оформляемые в полиции при обязательной регистрации по прибытии в город, разъясняют: «*молодая разведённая женщина, девичья фамилия — Kousmichoff. Родилась в Петербурге 21 февраля 1915 года, по профессии — бухгалтер (Kontoristin). Постоянное место жительства — Карловы Вары. Военные годы провела в Берлине. В Байройт приехала 20 мая 1945 года*» [35].

Она была зарегистрирована по адресу Генрих-Шютц-штрассе, 12. Через некоторое время молодая пара получила квартиру по адресу Кульмбахер-штрассе, 68. По крайней мере, именно этот адрес указал Николай Николаевич Парамонов, когда 11 января 1946 года подавал заявление на получение водительских прав.

Сам Николай Елпидифорович Парамонов с женой Анной Игнатъевной приехали в Байройт только 20 июля 1945 года из Мариенбада, где находились с 26 июня по 18 июля. Официальное прибытие в Байройт датировано 4 августа. Своё первое жильё они арендовали на Леопольдштрассе, 11 (у Кейма), затем ещё несколько раз меняли место жительства. С июля 1946-го местом их постоянного проживания стал дом по Гумбольдтштрассе, 3, который также указан в реестре жителей Байройта за 1950-е годы.

Вместе с четой Парамоновых приехала Лидия Александровна Парамонова, вдова старшего брата Н. Е. Парамонова Петра, а немного

Дом Парамоновых в Байройте.
Фото Николая Вайса

позднее она поселилась в отдельной квартире на Вёльфельштрассе, 6 [36].

В конце июля 1945 года в Байройт прибыл и второй сын Н. Е. Парамонова, дипломированный инженер Елпидифор Николаевич Парамонов. Вместе с ним приехала Людмила Ивановна Колосова (урождённая Колосовайте) с двумя дочками, которая в документах упоминается как «Людмила Парамонова, разведённая Штенгель» [37].

Лишь 29 мая 1948 года Елпидифор Николаевич Парамонов узаконил свои отношения с Людмилой, когда их совместной дочери было уже почти четыре года. Много лет спустя, в своём последнем письме (17 июля 2003 года) авторам каталога, Елпидифор вспоминал, что его родители переехали в частную квартиру, а сам он с семьёй до 1949 года жил в лагере по адресу Антон-Брукнер-штрассе, 26. «Но как совместить эту информацию с адресом "Anton-Bruckner-Straße, 26", — задаётся вопросом Р.-М. Киль, — который совсем не похож на лагерь?»

Западная часть улицы Антон-Брукнер-штрассе уже была застроена в 1945 г., территория к востоку всё ещё оставалась заброшенной. Однако на этой незастроенной земле уже во время войны были построены бараки и временные дома для разбомбленных и

эвакуированных семей. Некоторые из этих временных зданий были заняты перемещёнными лицами в ближайший послевоенный период. Сохранился эскиз плана, на котором видны как временные здания, так и запланированная последующая застройка, которая началась примерно с 1950 года. Временные дома вдоль проектируемой восточной половины улицы Антон-Брукнер-штрассе имеют порядковый номер. На одном из них действительно написано число 26 — жильё Елпидифора и его семьи» [1, с. 185].

Так случилось, что тёща Р.-М. Киль, переехав из Берлина в Байройт в 1944 году, тоже поселилась во временном жилище на Антон-Брукнер-штрассе, где прожила с детьми до 1953 года. Приведём небольшой фрагмент из семейных воспоминаний Р.-М. Киль, иллюстрирующий быт вынужденных переселенцев в послевоенный период.

«Временный дом, в котором жила моя тёща со своими тремя детьми, представлял собой деревянное одноэтажное здание без подвала с тремя маленькими комнатами. Входная зона, которая также служила кухней, вела в небольшую гостиную, а из неё — в прилегающую спальню. Только гостиная отапливалась угольной печью, если уголь был доступен. Горячие блюда готовились на газовой плите. Воду нужно было набрать в ведро из колонки, которой пользовались все остальные обитатели по периметру стоящих зданий. <...> Чтобы облегчиться, рядом с самодельными домами люди копали ямы и строили над ними шалаши, чтобы защититься от ветра, непогоды и посторонних глаз. Однако по сравнению с длинными бараками, служившими жильём для нескольких семей, самодельные дома были всё же удобными, поскольку в них одновременно жила только одна семья, а на небольшом участке земли вокруг маленького домика ловкие руки могли выращивать картофель и зелень, чтобы обогатить скудный рацион.

Дом по улице Антона Брукнера, 26, в котором проживал Елпидифор Николаевич Парамонов со своей семьёй, скорее всего, был самодельным жилищем описанного типа. Поэтому воспоминания Елпидифора о жизни в лагере не были обманом. Необходимо только иметь в виду, что "Лагерь" означал не закрытое помещение, окружённое забором или даже колючей проволокой, а территорию с конгломератом бараков и самодельных домов. Всего в нескольких шагах от жилья Елпидифора находился временный дом, в котором жила семья моей будущей тёщи — Кунигунды Деттмерс. В этом районе улицы были обозначены только буквами. Её временный дом

находился на улице П и носил номер 4. Когда в начале 2000-х годов тёща узнала о моих исследованиях Парамонова, выяснилось — какое совпадение! — она не только жила в районе улицы Антона Брукнера, но даже лично знала семью Елпидифора. Они могли встречаться у водопроводных колонок, в центральной прачечной для жителей лагеря или во время походов по магазинам. Моя тёща хорошо помнила, что жена Елпидифора была певицей. Она также запомнила имена их детей (Лилли и Марина Штенгель). Прежде всего, она помнила, что Елпидифор был не только элегантным и симпатичным мужчиной, но и человеком лучших манер и изысканной вежливости» [1, с. 185 — 186].

Официальной датой приезда дочери Николая Елпидифоровича Парамонова Анны значится 5 октября 1945 года, хотя известно, что приехала она через день после родителей — 21 июля. Документы городского архива Байройта подтверждают пребывание Анны в Карловых Варах в военные годы и сообщают, что работала она

портнихой и моделью. В конце 1946 года Анна зарегистрировалась на Гумбольдтштрассе, 14, что совсем недалеко от Гумбольдтштрассе, 3, куда переехали родители. Как и в Карлсбаде, Анна продолжала заниматься своей профессией и работала для UNRRA (Администрация помощи и реабилитации Объединённых Наций) в «портновской мастерской на Леопольдскасерне».

Ранее утверждалось, что замужем за Дм. В. Константиновым она была с 1944 года (по воспоминаниям самого Дм. В. Константинова), однако в регистрационных документах городского архива Байройта датой регистрации отношений этой пары значится 22 февраля 1947 года, что на наш взгляд является достоверным фактом [38]. Известно, что Николай Елпидифорович Парамонов противился этим отношениям, считая предполагаемого зятя недостойной парой для своей дочери, в связи с сотрудничеством Дм. В. Константинова с РОА [39].

Неизвестно также, когда Агния Резанова, сестра Н. Е. Парамонова, приехала в Байройт.

Парамоновы. Берлин, середина 1920-х гг. Фото из личного архива Н. Вайса. Публикуется впервые.
 Первый ряд (слева направо): Анна (дочь Н.Е.Парамонова), Агния Елпидифоровна Парамонова (в замужестве Резанова), Любовь Елпидифоровна Парамонова (в замужестве Панченко), Елпидифор Николаевич Парамонов (сын Н.Е.Парамонова);
 Второй ряд (слева направо): Наталия Семёновна Аничкова (урожд. Панченко, дочь Любови Елпидифоровны), Борис Семёнович Панченко (сын Любови Елпидифоровны), Анна Игнатъевна Парамонова (урожд. Царда), Лидия Александровна Парамонова (урожд. Ширяева, жена П.Е.Парамонова), Петр Елпидифорович Парамонов, Николай Николаевич Парамонов (сын Н.Е.Парамонова), Николай Елпидифорович Парамонов, Василий Михайлович Резанов (муж Агнии Елпидифоровны).

Её муж, Василий Михайлович Резанов, умер 21 февраля 1937 года и был похоронен на русском кладбище в Берлине (Тегель), где в могильном регистре записано, что он был очень популярен в кругу русских эмигрантов Берлина и сделал себе имя благодаря музыкальным и литературным вечерам в своей частной квартире. Согласно архивным материалам Байройта, постоянным местом жительства Агнии до войны был Париж, где жила её младшая дочь Мария [40]. Во время войны она проживала в Берлине, а в 1945 году вместе со старшей дочерью Ольгой [41] и её мужем Борисом Сахаровым переехала в Байройт.

Через полгода после окончания войны большая семья Парамоновых обрела новый дом в Байройте. Глава семьи Николай Елпидифорович Парамонов, теперь уже семидесятилетний человек, освободившись от переживаний за территориальную «разбросанность» своих близких, задумал новое издательское дело. Он опять, как и в 1903 году, начал издавать «книжки для народа» — издания, предназначенные для десятков тысяч соотечественников, оказавшихся на территории Австрии и Германии в лагерях для перемещённых лиц (Ди-Пи).

Приступив к издательской деятельности, Н. Е. Парамонов, по свидетельству участника тех событий Р. В. Полчанинова, обратился в НТС с просьбой о помощи с распространением своих изданий: «Работая в то время в "Посеве" я видел это письмо и знаю, что представители "Посева" в разных Ди-Пи лагерях распространяли одновременно и книги Н. Парамонова. Ни в немецких магазинах, ни в украинском лагере в Байройте книги Н. Парамонова не продавались. В украинских лагерях, как мне писал Николай Мамонтов "Бандеровцы не раз нападали на кольпортеров, развозивших по Ди-Пи лагерям газеты и литературу, отбирали её, жгли. Причём не только русские или польские, но и украинские, противоречащие идеям Степана Бандеры"» [42].

Издательская компания «Книжный магазин русской и зарубежной литературы», располагавшаяся в доме Николая Парамонова в Байройте по Гумбольдтштрассе, 3, довольно подробно описана как в Каталоге, так и в отдельных публикациях [43], чем собственно и воспользовался Р.-М. Киль в своей работе. Добавим лишь небольшой фрагмент для общего представления издательской деятельности Н. Е. Парамонова в эмиграции.

Издание книг в Байройте началось в 1946 году, но официально Н. Е. Парамонов зарегистрировал свой книжный бизнес только два года спустя. «Согласно картотеке городского

архива, регистрация "торговой точки по продаже литературы на иностранных языках, газет и книг, а также библиотеки-читальни" гатирована 19 апреля 1948 года. Кроме Парамонова, в качестве владельца фигурирует польский дипломированный инженер Иван Пивоваров. <...> Библиотека была расположена на Jean-Paul-Strasse, Behelfsheim, 2, у Piwowarow. Однако сотрудничество между ними не могло продолжаться долго, поскольку 3 февраля 1949 года Пивоваров переехал в Лайнек. Согласно другому рукописному добавлению, он "эмигрировал". Сам бизнес был официально снят с регистрации 23 декабря 1952 года уже после смерти Николая Е. Парамонова.

Основная направленность байройтской издательской продукции Николая Е. Парамонова по содержанию явно лежит в области изящной словесности. <...> Подбор авторов в значительной степени соответствует прежним издательским программам "Донской речи" или "Слова", но сразу бросается в глаза почти полное отсутствие социально критических, исторических и политических работ. Единственным исключением является "Дневник" графа Галеаццо Чиано ди Кортеллаццо (1903—1944), зятя Бенито Муссолини (1883—1945) и министра иностранных дел фашистской Италии с 1936 по 1943 г. Остаётся неясным, почему Парамонов выбрал именно этот взрывной текст современной истории для печати. Возможно, ему настоятельно рекомендовали это сделать оккупационные власти? По крайней мере, это объясняет, почему он добавил предисловие американского издания к своей публикации», — пишет Р.-М. Киль [1, с. 189].

Среди многочисленных кустарных изданий для лагерей Ди-Пи, в большинстве своём печатавшихся на ротаторе, издания Н. Е. Парамонова выгодно отличались качеством типографского исполнения. Появление русских книг, открыток с родными мотивами и текстами встретили положительный отклик среди русских эмигрантов и перемещённых лиц в лагерях Байройта.

Неизвестно, сколь долго бы издавал Н. Е. Парамонов книги в Байройте, если бы не пошатнувшееся здоровье. Отчасти это было связано с переживаниями за своих близких, ведь далеко не все члены большой семьи Парамоновых хотели провести остаток жизни в Байройте. Первой «выпорхнула» любимица Николая Парамонова дочь Анна. 18 августа 1948 года вместе с мужем она переехала в лагерь Ди-Пи в Регенсбурге, затем оба эмигрировали в Аргентину в 1949 году [44].

Сын Елпидифор с женой и дочками — Лили и Мариной — перебрались в лагерь

Вендельхёфен (один из районов Байройта) 1 марта 1949 года, а оттуда переехали в Мюнхен. В 1951-м отправились в США. В Америке Елпидифор Николаевич Парамонов был успешен как изобретатель, реализовав свои научные пристрастия и способности. Основная специализация — изобретение машин для производства алюминиевых банок для напитков. Имел патенты на свои изобретения [45].

В 1949 году Лидия Парамонова, вдова старшего брата Николая Елпидифоровича Парамонова, переехала в Париж [46].

Николай Парамонов умер в городской больнице 21 июня 1951 года. «Тщетно искать некролог в "Bayreuther Tageblatt" и "Fränkische Presse". Даже "Standesamtliche Nachrichten" ["Зарг-новости"], которые печатались в обеих газетах, не сообщили о кончине Парамонова. Только в разделе "Гражданские новости" официального бюллетеня города Байройта в № 25 от 6 июля 1951 года можно узнать, что "Nikolai Parammonoff, Kaufmann" verstorben sei" ("Николай Параммонофф [именно так!], купец" скончался)», — сообщила Р.-М. Килья сотрудник городского архива Байройта Кристина Бартоломеус [1, с. 191].

Всего через несколько месяцев после смерти Николая Елпидифоровича Парамонова его вдова Анна Игнатьевна покинула Байройт. 21 ноября 1951 года она снялась с регистрационного учета во Франкфурте-на-Майне, а оттуда эмигрировала в Аргентину, чтобы жить с дочерью Анной и зятем Дм. В. Константиновым. Позже переехала с ними в США, но постоянным местом жительства выбрала семью своего сына Елпидифора [47].

Агния Резанова до конца своих дней жила в Байройте. Там же оставались её дочь Ольга и зять Борис Сахаров [48].

Старший сын Н. Е. Парамонова Николай после отъезда сестры помогал отцу в его издательской деятельности. Кроме того, с сентября 1949-го по октябрь 1951 года он работал в Международной организации по делам беженцев (IRO), пришедшей на смену UNRRA. Когда его отец умер, а мать через некоторое время покинула Байройт, Николай Николаевич Парамонов взял на себя управление родительским предприятием — так, по крайней мере, он указан в реестре жителей Байройта за 1953 год [1, с. 193]. В 1965 году Николай Николаевич снялся с регистрационного учета в Байройте и переехал в Берлин.

И тут важно одно небольшое уточнение Р.-М. Килья о личной жизни старшего сына Н. Е. Парамонова: «Судя по всему, Николай был дважды женат и как минимум один раз разведён.

Н. Вайс, внук Н. Е. Парамонова, хранитель семейного архива. г. Байройт, 2012 г.

М. Н. Тарасова, Н. Вайс, С. В. Кошеверова в Зональной научной библиотеке ЮФУ. Октябрь 2010 г. Фото Н. В. Антонченко

В документах городского архива не указано, когда его первая жена Ирэн Кусмичофф, на которой он женился в Байройте в 1945 году, покинула город. Однако точно известно, что она умерла 19 июля 1995 года в возрасте 80 лет в Клараме, городе близ Парижа, и нашла своё

последнее пристанище в *Cimetière du Parc*. Напротив, Ирина Парамонова, урождённая Янова, вторая жена Николая, похоронена на кладбище Тегель. Она родилась 12 июля 1907 года и умерла 27 сентября 1992 года в Берлине. Только видимо, Николай Вайс (1958 г. р.), прямой потомок Парамоновых, и сегодня живёт в Байройте. Он происходит от внебрачной связи своего отца Николая Н. Парамонова и, таким образом, является внуком Николая Е. Парамонова. Его мать, уроженка Москвы Таис Вайс (1919–1968), долгое время жила в странах Балтии, затем уехала в Германию и ещё во времена Германского рейха получила немецкое гражданство. После её ранней смерти (1968), маленький Николай, которому тогда было десять лет, был взят на воспитание старшей сестрой матери, жившей в Байройте» [1, с. 194].

«Что в Байройте сегодня напоминает нам о некогда столь значимом русском издателе и предпринимателе, которого судьба занесла вместе с семьёй с не самого тихого Дона на чужбину?» — задаётся вопросом Р.-М. Киль. «В городском архиве хранятся неоднократно упоминавшиеся в статье дела с их скудными личными записями. Единственная брошюра его издательства "Донская речь" и две брошюры, напечатанные Элвангером после войны, влачат "теневое" существование в стопках университетской библиотеки. В остальном, единственным напоминанием о Николае Е. Парамонове в Байройте является его простая могила на городском кладбище — отправная точка для настоящих размышлений и в то же время символ быстротечности власти и богатства и тщетности земных стремлений. Его внук Николай Вайс позаботился о том, чтобы могила сохранилась на долгие годы» [1, с. 195]. Николай Вайс (Николай Николаевич — младший) продлил пользование захоронением до 2031 года.

Сложно теперь сказать, как оценивал Николай Елпидифорович Парамонов ретроспективу своей жизни. Очевидно, что его прошлое объективно присутствовало в его настоящем.

Мы с благодарностью вспоминаем Светлану Владимировну Кошеверову (1937–2015), которая в середине 80-х годов прошлого столетия настойчиво и кропотливо начала заниматься исследованием издательской деятельности Н. Е. Парамонова в Ростове-на-Дону, и к которой мы присоединились уже в 90-х.

Однажды она сказала: «Пора собирать камни!». И мы стали собирать разбросанное, «хранивших молчание — слова удостоить». Драгоценным источником для нас является её переписка с родственниками Н. Е. Парамонова,

послужившая началом «собираания» большой семьи. Как теперь мы понимаем, это нашло отклик не только в нашей стране, но и за рубежом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Kiel R.-M. Von Rostow nach Bayreuth: der Verleger und Unternehmer Nikolaj E. Paramonov (1876 – 1951) und seine Familie Sonderdruck aus Archiv für Geschichte von Oberfranken. Bd. 101 / Historischer Verein für Oberfranken. Bayreuth, 2021. S. 151 – 202.
2. Кошеверова С. В., Тарасова М. Н. Каталог издательства «Донская Речь» Н. Е. Парамонова в Ростове-на-Дону / Рост. гос. ун-т, Зональная науч. б-ка, отд. редких изд. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д. : Эверест, 2006. 330 с., [19] л. ил.
3. Stadtarchiv Bayreuth. Полочный знак 26089. № 114.
4. Stadtarchiv Bayreuth. Полочный знак 26105. № 169, 170, 176, 189/190 от 10 декабря 1946 г.
5. Stadtarchiv Bayreuth. Полочный знак 26105. № 225 от 15 августа 1946 г.
6. Автор эссе Р.-М. Киль ссылается на статью электронного ресурса «История российского предпринимательства»: <http://historybiz.ru/paramonov-elpidifor-trofimovich.html> (дата обращения 10.01.2021 г.)
7. См.: Корягин С. В. Киреевы и другие. М. : Русаки, 2005. С. 32 (Генеалогия и семейная история донского казачества; Вып. 54). [РГВИА. Ф. 330. Оп. 55. Д. 615: Послужной список Александрин Н. Ф. за 1857 г.].
8. Цит. по: Корягин С. В. Алексеевы и другие. М., 2002. С. 9–10. (Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 29).
9. ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 609. Л. 29. В документах ГАРО фигурирует имя — Мефодий, в РГВИА — Нефёд. Стоит упомянуть, что в семье Александриных был Мефодий Фёдорович — внук Нефёда Фёдоровича Александрина.
10. Скочинский А. А. Рудничный воздух и основной закон движения его по выработкам. СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1904. VI, 203 с., 9 л. черт. : табл.
11. Сложно сказать долго ли находился А. А. Скочинский на Дону, однако на странице Музея угольной промышленности Дона (ныне не существует)

утверждалось, что здание, в котором находился музей — особняк, построенный Н. Парамоновым для А. А. Скочинского. Николай Парамонов действительно строил отдельные дома с квартирами для инженерно-технических работников своих предприятий, однако утверждать, что это дом А. А. Скочинского является преувеличением. Там же было ложное утверждение, тиражируемое впоследствии другими источниками, о том, что горный инженер был зятем промышленника. К сожалению, музей сгорел дотла в результате пожара 2015 года и восстановлен уже не будет [URL: <https://citysee.ru/russia/yufo/rostovskaya-oblast/shahtyidostoprimechatelnosti-goroda.html#3>]. (дата обращения 20.07.2022 г.)

12. Кенез Питер (англ. Peter Kenez) (1937 г. р.) — профессор в Калифорнийском университете в Санта-Крузе (США). Докторскую степень защитил по истории России в Гарварде (научный руководитель — Ричард Пайпс). Его работы на англ. яз.: *Kenez P. Civil War in South Russia, 1919 — 1920: The Defeat of the Whites*. Berkeley: University of California Press, 1977; *Kenez P. Civil War in South Russia, 1918: The First Year of the Volunteer Army*. Berkeley: University of California Press, 1971. На рус. яз.: *Кенез П. Красная атака, белое сопротивление. 1917 — 1918 / Пер. с англ. К. А. Никифорова. М., 2007. 287 с.* (Россия в переломный момент истории); *Кенез П. Подлинная история Добровольческой армии. 1917 — 1918 / Пер. с англ. М., 2017. 320 с.*
13. Модсли Эван (англ. Evan Mawdsley; р. 1945) — почётный профессор-исследователь Школы гуманитарных наук Университета Глазго (Великобритания). Работа, использованная Р.-М. Килем: *Mawdsley E. The Russian civil war*. Boston : Allen & Unwin, 1987. XVI, 351 p.
14. Лазарски Кристофер (Кшиштоф Лазарский; р. 1953) — польский политолог, философ и историк, преподаватель факультета экономики и менеджмента Университет Лазарского в Варшаве. Цитируемый Р.-М. Килем фрагмент из ст.: *Белая пропаганда на Юге во время Гражданской войны в России, 1918 — 19 (период Алексеева-Деникина) // Славянское и восточноевропейское обозрение, 70.4. 1992. С. 688 — 707. К. Лазарский кратко упоминает о Н. Е. Парамонове на с. 697.*
15. Шлэгель Карл (нем. Karl Schlögel; р. 1948) — немецкий историк и публицист, преподаёт историю Восточной Европы в Европейском университете «Виадрина» во Франкфурте-на-Одере. Цитируемый труд К. Шлэгеля: *Berlin: <Stiefmutter unter den russischen Städten> // Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. von Karl Schlögel. München : Beck, 1994. S. 234 — 259.*
16. Дом № 60 по Б. Садовой принадлежал нахичеванскому купцу Карпу Ивановичу Яблокову, а затем его наследникам (в настоящее время — дом № 42). URL: <http://www.donvrem.dspl.ru/archPlaceArtText.aspx?pid=12&id=2792> (дата обращения 20.07.2022 г.)
17. «Сумма, — уточняет Р.-М. Киль в примечании, — кажется несоразмерно большой по сравнению с 20 миллионами рублей, которыми Парамоновы и их торговая компания располагали в 1917 г. Однако с тех пор рубль подвергся инфляции» (1, с. 175, прим.74).
18. Романовский Иван Павлович (1877 — 1920) — из дворян, сын офицера, генерал. Уроженец Луганска. Участник Первой мировой войны, Белого движения на Юге России, начальник штаба Добровольческой Армии (впоследствии — ВСЮР).
19. *Russen in Berlin, 1918 — 1933 : Eine kulturelle Begegnung / Hrsg. von Fritz Mierau. Weinheim; Berlin : Quadriga, 1988. XIX, 611 s, [24] bl. il.*
20. Schlögel Kl. Berlin : «Stiefmutter unter den russischen Städten» // *Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München : Beck, 1994. S. 234 — 259.*
21. Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924 г. / сост. М. П. Кадиш и В. А. Гольденберг; Изд. Союза. рус. издателей и книгопродавцев в Германии. Берлин, 1924. XVI, 211 с.
22. Руть — ежедневная газета. Издавалась в Берлине (с 16 ноября 1920 — 14 октября 1931. № 1 — 3309). Типография — издательская фирма «Ульштейн и К°». Газета издавалась при участии И. В. Гессена, А. И. Каминки, В. Д. Набокова и была «зеркалом кадетского Берлина». Тираж составлял более 20 000 экз. К 1923 г. газету отправляли в 27 европейских стран, Америку, Азию, Африку и Австралию.
23. Гессен Иосиф Владимирович (1865 — 1943) — юрист, публицист, один из лидеров

- партии кадетов. В России издавал (вместе с В. Д. Набоковым и А. И. Каминкой) газеты «Речь» и «Право». В эмиграции — издатель (вместе с В. Д. Набоковым) газеты «Руль», глава издательства «Слово», председатель берлинского русского Союза писателей и журналистов. В 1921—1937 гг. издал 22-томный документальный сборник «Архив русской революции». Автор двух книг воспоминаний: «В двух веках: жизненный отчёт» (Берлин, 1937) и «Годы изгнания» (Париж, 1979).
24. *Кратц Г. Н. Е.* Парамонов и издательство «Слово» в Берлине // Библиотечное дело — 2003: гуманитарные и технолог. аспекты развития : Материалы 8-й междунар. науч. конф. (Москва, 24—25 апр. 2003 г.). М., 2003. С. 196—198; *Kratz G.* Der Berliner russische Verlag Slovo (1920—1935) = [Берлинское русское издательство «Слово» (1920—1935)] // Archiv fur Geschichte des Buchwesens = Архив истории книготорговли. Берлин; Нью-Йорк, 2009. С.193—205); *Кратц Г.* Русское книгоиздание «золотого века» в Берлине // Издательское дело российского зарубежья (XIX—XX вв.): [междунар. науч.-практ. конф.: сб.]. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 15—28; и др.
  25. *Скандура К.* Причины расцвета и упадка русского издательского дела в Берлине в 20-е годы // Русская эмиграция в Германии с 1918 по 1941 гг. / Изд. К. Шлёгеля. Берлин, 1995. С. 399—410. [Об издательстве «Слово»: с. 408—409].
  26. *Кратц Г. Н. Е.* Парамонов и издательство «Слово» в Берлине // Библиотечное дело — 2003: гуманитарные и технолог. аспекты развития : Материалы 8-й междунар. науч. конф. (Москва, 24—25 апр. 2003 г.). М., 2003. С. 197.
  27. *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне 1914—1915 гг. Берлин : Слово, 1924. [4], 396, [4] с.
  28. *Соколов Н. А.* Убийство царской семьи. Берлин : Слово, 1925. [4], 297 с.: ил.
  29. Александра Фёдоровна (имп.; 1872—1918). Письма императрицы Александры Фёдоровны к императору Николаю II. Т. 1—2. / пер. с англ. В. Д. Набокова. Берлин : Слово, 1922. 641, [3]; 495, [2] с.
  30. Николай II (имп.; 1868—1918). Дневник императора Николая II: [1890—1906 гг.]. Берлин : Слово, 1923. 272, [3] с.
  31. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 3 : Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май-октябрь 1918 г. Берлин : Слово, 1924. 271, [5] с.; Т. 4 : Вооруженные силы Юга России. Берлин : Слово, 1925. 244, [3] с.
  32. *Kratz G.* Der Berliner russische Verlag Slovo (1920—1935) // Archiv fur Geschichte des Buchwesens Bd 64. Berlin-NewYork 2009. S. 200.
  33. Р.-М. Киль уточняет, что с 13.10.1938 по 10.05.1945 улица, расположенная в Городе-саде у подножия Зелёного холма, называлась Дитрих-Экарт-штрассе, ссылаясь на неопубликованную рукопись Франца Симона Мейера (Meyer, Franz Simon. Bayreuth, Straßennamen. Zusammenstellung bestehender und ehemaliger Straßennamen mit Benennungsterminen 2005, s. 7, 18.
  34. Arolsen Archives International center on Nazi Persecution. URL: https://collections.arolsen-archives.org/search/?s=irina_paramonoff
  35. «Хотелось бы ассоциировать Ирен Кусмичофф с теми Кузьмичёвыми, которые основали в 1867 году в Санкт-Петербурге чрезвычайно успешную чайную компанию, которая в 1917 году перенесла свою штаб-квартиру в Париж и — хотя и в других руках — существует до сих пор», — добавляет Р.-М. Киль [1, с. 183].
  36. Пётр Елпидифорович Парамонов и Лидия Александровна (урождённая Ширяева) с 1922 года жили в Берлине. Пётр умер 7 марта 1940 года и был похоронен как «купец 1-й гильдии из Ростова-на-Дону» на русском кладбище в Берлине-Тегеле.
  37. Парамонова Людмила Ивановна (урождённая Колосовайте) родилась 23 февраля 1909 года в уездном городе Остров Псковской губернии. Была замужем (с 19.10.1930) за Николаусом Штенгелем (г. р.1901, Москва — умер 1972 г., Бад-Бергзаберне). В этом браке появилась дочь Лилли (Леонида) Штенгель (родилась 19 апреля 1932 г. в Берлине). Во время войны Людмила выступала как певица в Берлине. Вероятно, там же она познакомилась с Елпидифором Николаевичем. Он был отцом её второй дочери Марины, которая появилась на свет 20 февраля 1944 года вне брака, и записана в документах как Марина Штенгель.
  38. Брак 22.02.1947 г. задокументирован в: Standesamt Bayreuth, Heiratsregister 1947, № 66.

39. 27 апреля 1944 г. под станцией Кошары Ковельского района Волынской области Дмитрий Константинов попал в окружение, а затем в плен. В плену вступил в Русскую освободительную армию (РОА) генерала А. А. Власова, окончил школу пропагандистов РОА в Дабендорфе, в которой руководил издательством и типографией. Был военным священником РОА, в 1944 – 1945 гг. – настоятелем передвижного походного храма святого апостола Андрея Первозванного, находившегося вначале в Дабендорфе, а затем в Карлсбаде. В 1946 г. был арестован как «власовец» американскими оккупационными властями в городе Байройте, полгода находился в тюрьме, но избежал выдачи в СССР. В сентябре 1946 г. был освобождён. См.: *Константинов Дм., протоиерей. Записки военного священника.* 3-е изд. СПб., 1994. С. 20.; *Константинов Д. В. Через туннель 20-го столетия.* М., 1997. 592 с. (Материалы к истории русской полит. эмиграции; Вып. 3).
40. Мария Васильевна Чайковская (урождённая Резанова; 1900 – 1984) была замужем за Андреем Андреевичем Чайковским, дальним родственником знаменитого русского композитора.
41. Ольга Васильевна Сахарова (урождённая Резанова; 1897 – 1976) в первом браке – Маковская (муж Владимир Константинович Маковский (1883 – 1966)). Брак с Борисом Лазаревичем Сахаровым (1899 – 1959) зарегистрирован 26 января 1946 г. См.: Standesamt Bayreuth, Heiratsregister 1946, No. 40. В Einwohnerbuch за 1953 г. Борис Сахаров указан как судебный переводчик, в 1956 г. – как писатель. Ольга фигурирует в списке жителей на 1959 г. как вдова писателя.
42. *Полчанинов Р. В. Н. Е. Парамонов и «Донская речь» // За свободную Россию. 2007. № 88. Письмо Н. Мамонтова, на которое ссылается Р. В. Полчанинов находится в его личном архиве.*
43. *Кошеверова С. В., Тарасова М. Н. Указ. соч.; Тарасова М. Н. Из истории издательского дела Николая Парамонова в эмиграции: книги и открытки для лагерей ди-пи // Издательское дело российского зарубежья (XIX – XX вв.): [междунар. науч.-практ. конф. : сб.]. М. : Дом русского зарубежья, 2017. С. 168 – 180.; Кратц Г. Русское книгоиздание «золотого века» в Берлине // Там же. С. 15 – 28; Полчанинов Р. В. Русское книгоиздательство в Германии в 1945 – 1951 гг. // Там же. С. 150 – 167; и др.*
44. В Буэнос-Айресе Дм. В. Константинов основал еженедельную газету, которую, вероятно, не случайно назвал «Слово», уже в 1950 г. переименовал в «Новое слово» и издавал до своего отъезда в Америку. Переехав в США, стал американским гражданином. Анна всегда оставалась рядом с ним до самой своей смерти 15 августа 1992 года. Дм. Константинов умер в Хайанниспорте 14 августа 2006 года в возрасте 98 лет. Сведения о кончине о. Димитрия Константинова мне сообщил Р. В. Полчанинов в письме от 30.08.2004 г. – М. Т.
45. Елпидифор Николаевич Парамонов умер 19 марта 2004 года в возрасте 94 лет в Сьерра-Мадре, округ Лос-Анджелес, штат Калифорния. На его надгробии фамилия написана как Paramonoff, но под ней мелким шрифтом сделана пометка Paramonov. Его жене Людмиле (Люси) Парамоновой было 96 лет, и она умерла 27 ноября 2005 года. Всего через несколько дней, 1 декабря 2005 года, скончалась Лилли (Леонида) Мэй (урождённая Штенгель), которая некоторое время жила в Канаде, но затем переехала в Сьерра-Мадре. Все трое похоронены на кладбище Sierra Madre Pioneer Cemetery. Русский крест украшает их могильные плиты. Кровная дочь Елпидифора Марина осталась незамужней. Сведений о её дальнейшей судьбе у нас нет.
46. Лидия Александровна Парамонова умерла в Париже в 1956 г. Однако похоронена вместе с мужем на русском кладбище в Берлине (Тегель). К сожалению, могильник был ликвидирован в 2015 г.
47. Анна Игнатьевна Парамонова (урождённая Царда) умерла в возрасте 89 лет 23 января 1972 г. и была похоронена в мемориальном парке Forest Lawn Memorial Park (Hollywood Hills) в Лос-Анджелесе, округ Лос-Анджелес, Калифорния, США.
48. Агния Елпидифоровна Резанова (урождённая Парамонова) умерла 28 апреля 1956 г. в Байройте. Борис Сахаров погиб в автокатастрофе в 1959 г. Его вдова Ольга Васильевна Сахарова (урождённая Резанова) в преклонном возрасте переехала в муниципальный дом престарелых Байройта (сегодня Hospitalstift)

на Листштрассе, 21, где и умерла 19 октября 1976 г. Останки всех троих были похоронены на городском кладбище в одной могиле, которая находилась недалеко от места упокоения Н. Е. Парамонова. В 2012 г. администрация кладбища расформировала могилу, т. к. срок пользования истек в 2011 г., а письмо администрации кладбища родственникам осталось без ответа. Сын Ольги — Георгий Маковский, эмигрировавший в США в 1951 г. и сделавший карьеру дипломата и государственного деятеля, не проявил интереса к своим предкам. Место захоронения было передано новым пользователям — Обществу классической йоги, которое заказало новый надгробный

камень, сохранив лишь имя Бориса Сахарова — последователя движения йоги и ученика Свами Шивананды [сообщение автору эссе Р.-М. Килью от госпожи Гётц-Маурер в 2017 г.].

***

Выражаю благодарность Райнеру-Марии Килью (г. Байройт, Германия) за интерес к яркому представителю русской эмиграции — Николаю Елпидифоровичу Парамонову и его семье; Николаю Вайсу, внуку Н. Е. Парамонова за предоставленные документы и фотографии; Надежде Васильевне Антонченко, главному библиотекарю ЗНБ ЮФУ, за неоценимую помощь в подготовке данного материала.

А. С. ЗАЙЦЕВА

СТЕПАНКОВСКИЕ В ИСТОРИИ АЛЕКСАНДРОВСКА-ГРУШЕВСКОГО

Среди жителей Александровска-Грушевского XIX — начала XX века, оставивших о себе память в истории города, — семья Степанковских.

Иван Иванович Степанковский (1844 — 1914) родился в Подольской губернии в потомственной дворянской семье выходцев из польской шляхты. Его родословная берёт начало от Северина Бухновского (из Бухнов), которому король Стефан Баторий в 1581 году пожаловал грамоту «на заселение села в грунтах с. Маниковец». Село получило имя Степанок и дало владельцам новую фамилию — Степанковские [1].

Иван Иванович Степанковский окончил Златопольское дворянское уездное училище, лицей князя А. А. Безбородко, физико-математический факультет Императорского Новороссийского университета. И. И. Степанковский проживал с семьёй в Одессе, когда его пригласили на должность управляющего рудником Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), который находился в окрестностях Александровска-Грушевского. Рудник был заложен в 1862 году и был одним из самых крупных и технически оснащённых в округе.

К своим обязанностям И. И. Степанковский приступил 15 сентября 1888 года [2, с. 41]. Первый год службы оказался нелёгким. Зимой выпало много снега, а весной резко потеплело, дожди и быстрое таяние снегов привели к обильным вешним водам. Многие рудники были

подтоплены. В рудник РОПиТ также поступало большое количество воды, с которой не справлялись насосы. Это привело к тому, что добыча угля снизилась. Дошло до того, что общество восполняло недостаток топлива дорогостоящим английским углём. Несмотря на это в следующем 1889 году РОПиТ подписал с Областным

И. И. Степанковский, управляющий рудником РОПиТ

войсковым правлением контракт на дальнейшее пользование участком [2, с. 17–18].

С годами запасы истощались, в связи с этим на соседнем участке позже была построена новая шахта Надеждинская, а в 1906 году И. И. Степанковский предложил разрабатывать верхний угольный пласт, так называемый «рыхлый», и таким образом увеличил прибыль предприятия. Ранее уголь добывали из первого и второго пластов. Он считался более качественным. «Рыхлый» же стоил дешевле, но и добывать его было легче, так как он залегал на относительно небольшой глубине и не требовал больших материальных и технических затрат [2, с. 24–29]. В должности управляющего Иван Иванович Степанковский прослужил двадцать лет. Когда его провожали на заслуженный отдых, кто-то из его окружения написал такой спич:

Ив. Ив. Степанковскому

*Прощай, Иваныч, наш хороший!
Прощай, но помни об одном,
Двадцать лет ты был пригожим,
Мы знаем все давно о том:
Ты был честен, симпатичен.
И был нешуточно привычен,
Хотя и не был простаком.
Прощаясь, мы тебе желаем
Таким же светлым быть всегда.
Прощаясь, тебя благословляем:
Не знать невзгоды никогда.*

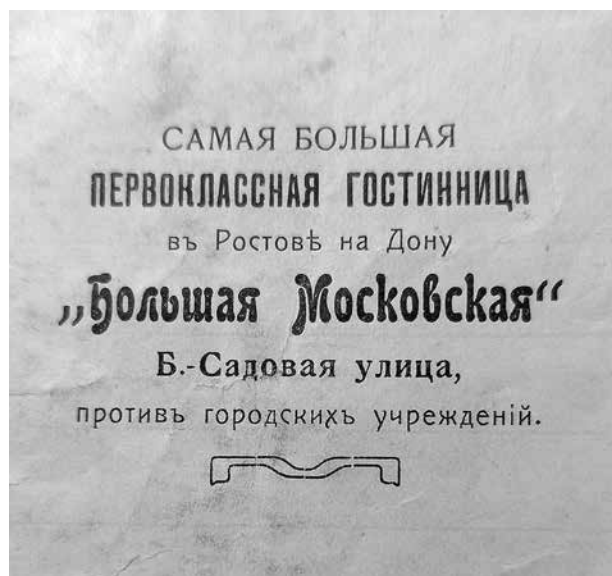
3 августа 1908 г.

Запись сделана наспех, простым карандашом на обороте бланка «Самой большой первоклассной гостиницы в Ростове-на-Дону "Большая Московская", Б. Садовая улица, против городских учреждений».

Иван Иванович Степанковский занимался и общественной деятельностью. При руднике было открыто начальное училище, попечителем которого он являлся [3]. В 1910 году указом Государя Императора по ведомству Министерства народного просвещения капитан второго ранга И. И. Степанковский был награжден орденом Святой Анны III степени [4].

У Ивана Ивановича Степанковского было шестеро детей. Один из его сыновей Александр Иванович Степанковский также оставил заметный след в истории Александровска-Грушевского.

А. И. Степанковский (15.03.1877–8.04.1958) родился в Одессе. Детство его прошло в Новочеркасске.

А. И. Степанковский

В 1903 году Александр Степанковский окончил медицинский факультет Харьковского императорского университета и приехал в Александровск-Грушевский. Он был принят врачом больницы при руднике Русского общества пароходства и торговли, позже стал старшим врачом Александровск-Грушевской больницы Общества донских углепромышленников и врачом в церковно-учительской школе, где преподавал гигиену и гимнастику. Известно, что

Е. А. Островский

А. И. Степанковский жил на улице Кривой. Он входил в попечительский совет женской гимназии [5], в правление музыкально-драматического кружка при Пушкинской читальне [6]. Также как и отец его был награждён орденом Святой Анны III степени [7]. Степанковский-младший любил охоту и содержал охотничьих собак.

Семейное предание сохранило историю об операции на сердце, которую Александр Степанковский делал рабочему рудника. Его во время бытовой ссоры пырнул ножом другой рабочий. Операция оказалась успешной, рабочий выжил.

В 1915 году Александра Степанковского мобилизовали на военную службу; в звании полковника он служил на фронтах в Первую мировую войну.

В это время дома разыгралась трагедия. От холеры, эпидемия которой свирепствовала в округе, погибла его жена Клавдия Ивановна и приёмная дочь Вера.

До замужества со Степанковским Клавдия Ивановна состояла в браке с Евгением Леонтьевичем Островским — другом Александра Ивановича Степанковского. Александр и Евгений вместе оканчивали медицинский факультет Харьковского императорского университета. Евгений был врачом больницы рудника РОПиТ.

Когда он скончался, Александр женился на его вдове, у которой уже имелись сын

и дочь — Всеволод и Вера. В этом браке родился сын Сергей (1907 — 1997).

Клавдия Ивановна Степанковская не отставала от мужа и тоже участвовала в общественной жизни города. В 1912 году Городской думой она была избрана попечителем женского начального училища [8].

Клавдия Ивановна Степанковская — в девичестве Грамматина. Её брат Андрей Иванович Грамматин, губернский секретарь, занимал должность мирового судьи 5-го участка Черкасского судебного округа [9].

Революционные события застали Александра Степанковского на фронте. Оставаясь верным долгу и присяге, он принял участие в Белом движении в войсках Врангеля как дивизионный врач. Первым пристанищем казаков на турецкой земле после отплытия из Крыма в 1920 году стал лагерь Чилингир — в 85 км к югу от Константинополя.

О тяжёлой эпидемиологической обстановке в Чилингире свидетельствует рапорт дивизионного врача А. И. Степанковского от 10 декабря 1920 года, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации за № 145/с.

«Доношу, что по сие время в лагере Чилингир было 18 случаев заболеваний, подозрительных

Серёжа Степанковский (слева) с сестрой Верой и братом Всеволодом Островскими.

*К. И. Степанковская сидит между И. И. Степанковским (он в центре) и А. И. Степанковским (стоит слева).
Справа от Степанковского-старшего сидит супруга управляющего, стоит ещё один из его сыновей*

по холере, из них 7 смертных. Для заразных больных отведён отдельный сарай, который приспособляется, и туда сегодня будут переведены все подозрительные. Ввиду скученности населения лагеря нет возможности правильно вести надзор за болевающими, вовремя их выделять. Нет дезинфекционных средств. Кухонь в лагере недостаточно и совершенно нет кипятильников. Нет гробов и угля, посему запретить пользование сырой водой невозможно. Нет печей, посему люди при настоящей сырой погоде не высыхают, что предрасполагает к заболеваниям. Недостаточно материала, чтобы заделать дыры в окнах и крышах. Если всё это останется в прежнем виде, эпидемия примет массовый характер. Донврач, статский советник А. Степанковский» [10].

С 1920 года Александр Степанковский жил в эмиграции, в Болгарии, где продолжал врачебную и общественную деятельность. Он был одним из первых военных врачей, принимавших больных в 1921 году в здании Русского общевойскового союза. Затем работал в клинике доктора Палчева и вместе с доктором Р. Ю. Берзиным. С 1922 года имел широкую практику. В 1925–1940 годах входил в правление «Союза русских врачей» (был его секретарём, кассиром и библиотекарем) [11; 12]. В 1929 году

Александр Степанковский — председатель-учредитель «Центрального объединения русских общественных организаций и Союзов», также он занимал должность председателя Церковно-православного братства «Св. Николай» (1937–1950 гг.), секретаря и управляющего в Русской Церкви «Св. Николай» (1950–1958 гг.). Скончался Александр Степанковский в Софии в 1958 году, похоронен на Русском кладбище в районе Княжево. Его вторая жена Ольга, с которой он сочетался браком уже в эмиграции, похоронена там же [12].

Сын Александра Степанковского — Сергей остался в России. Вначале он жил у тётки (сестры матери) в Новочеркасске, затем у дяди — Сергея Ивановича Степанковского в Брянске (дядя работал главным инженером на заводе в Бежице). Он вернулся в Александровск-Грушевский, на бывший рудник РОПиТ, который после революции стал называться шахтой имени Мировой коммуны. Там Сергей работал посыльным у штейгера. Долгое время Сергею Александровичу не удавалось поступить в ВУЗ. Дело было вовсе не в плохой подготовке или недостаточных знаниях, а в том, что молодой человек в графе «происхождение» писал — «потомственный дворянин». Кто-то надоумил его не делать этого, и Сергей Степанковский наконец-то поступил

в Ленинградский институт инженеров ГВФ. Впоследствии работал инженером в НИИ связи и светотехники ГВФ, заместителем начальника группы оборудования на заводе № 240 Народного комиссариата авиационной промышленности СССР (НКАП), заместителем начальника отдела НИИ-12 НКАП. Будучи заместителем начальника технического управления Министерства гражданской авиации СССР в звании генерал-лейтенанта инженерной службы, принимал активное участие в оснащении самолётов и аэропортов гражданской авиации новейшими техническими средствами. Вписан в Книгу почёта Аэрофлота. Награждён орденами «Красной Звезды», «Знак Почёта», медалями. Сергей Александрович Степанковский – персональный пенсионер республиканского значения (с 1970-го года), после выхода в отставку работал на руководящих должностях в ГосНИИ ГА и в ГосНИИ-ЭРАТ, занимался научной работой [13].

О жизни Александра Ивановича в эмиграции ему долгое время не было ничего известно, в анкетах на вопрос об отце он отвечал: «погиб на фронте в 1915 году», но однажды из-за границы пришла весточка, что Александр Степанковский жив. Кто-то из старых знакомых опознал его по золотой заколке для галстука. Дело в том, что ещё до революции, во времена, когда

С. А. Степанковский

Александр Иванович работал врачом в Александровск-Грушевской больнице углепромышленников, кто-то из благодарных пациентов подарил ему за удачно проведённую операцию золотую булавку для галстука. Видимо, врач не расставался с этой вещью. Шли года, внешность его изменилась, а красивая безделушка оставалась прежней. Благодаря ей сын узнал, что отец жив.

Семейное предание гласит, что такую же заколку, подаренную благодарными пациентами, Александр Степанковский передал своему шурину – Андрею Грамматину. Эта семейная реликвия в голодные 30-е годы спасла жизнь его родным. Заколку продали в Торгсин и на вырученные деньги купили какие-то продукты, но в Торгсин не взяли рубин. Теперь камень хранится у потомков Андрея Грамматина.

От строений рудника РОПиТ почти ничего не осталось. Где располагалась рудничная больница, установить пока не удалось. Из старых построек осталось лишь несколько казарм для рабочих и двухэтажных жилых домов. Больница донских углепромышленников сохранилась. Ныне в этом здании располагается один из корпусов Института сферы обслуживания и предпринимательства ДГТУ в г. Шахты (ул. Пролетарская, 188). Здания Пушкинской читальни (ул. Шевченко, 139) и гимназии (ул. Шевченко, 145) также сохранились.

Андрей Иванович Грамматин

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Юго-западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 8, т. 2 : Материалы для истории местного управления в связи с историей сословной организацией. Акты Барского староства. XVII—XVIII в. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1894. С. 92.
2. Грушевский антрацитовый рудник Русского о-ва пароходства и торговли 1862—1912. Александровск-Грушевский : Тип. Б. М. Файвишевича, 1913.
3. Памятная книжка Области войска Донского на 1897 год. Новочеркасск : Обл. войска Дон. тип, 1897. С. 135.
4. Высочайшие награды по ведомству Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 31. № 2, 1911. Февраль. С. 84.
5. Наши корреспонденции. г. Александровск-Грушевский. Открытие женской гимназии // Утро Юга. 1914. 19 янв. (№ 16). С. 6.
6. Хроника. Заседание музыкально-драматического кружка // Александровск-Грушевская маленькая газ. 1913. 22 сент. (№ 39). С. 3.
7. Высочайшие награды // Дон. епарх. вед. 1914. 11 мая. (№ 14). С. 264.
8. Анин. Наши корреспонденции. г. Александровск-Грушевский. Утверждение попечителей // Утро Юга. 1914. 12 янв. (№ 10). С. 8.
9. Донская область и Северный Кавказ на 1908 год. Ростов н/Д. : Тип. А. И. Тер-Абрамиан. 1908. Стб. 43.
10. Цит. по: *Воеводин И.* Последний властитель Крыма. М. : Рипол-Классик, 2015. С. 243.
11. *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция 1920—1950 годы. М. : Русский путь, 2008. С. 207.
12. *Пчелинцева Т. К., Бенгерова К. Д.* Русский некрополь в Софии. М. : Минувшее, 2011. С. 322.
13. Партийная характеристика на заместителя начальника Технического управления Министерства гражданской авиации СССР тов. Степанковского Сергея Александровича; Основные работы, выполненные тов. Степанковским С. А., или проведённые при его непосредственном участии за время пребывания в гражданской авиации : справка; О награждении заместителя начальника технического управления Министерства гражданской авиации тов. Степанковского С. А. : приказ министра гражданской авиации Союза ССР № 598. 8.09.1967 г. г. Москва // Лич. арх. С. С. Головатого.

***

Выражаю благодарность Сергею Станиславовичу Головатому за предоставленные документы и фотографии из семейного архива.

Л. Ф. ВОЛОШИНОВА

РОСТОВСКИЙ ЗОДЧИЙ ПЁТР ЛЮБИМОВ

Среди архитектурных имён Ростова незаслуженно забыт Пётр Яковлевич Любимов. По многим причинам мы не можем назвать даты его рождения и кончины. Но яркая творческая жизнь архитектора, посвящённая городу, заставляет вспомнить о нём и его творениях.

Он происходил из уважаемой в Ростове семьи генерал-майора Якова Ивановича Любимова, который прослужил управляющим Комитета донских гирл почти четверть века. После его кончины 24 мая 1890 года Комитет выразил соболезнование семье и принял на свои средства погребение. Кроме того Комитетом было выплачено единовременное пособие вдове — Любимови Арсентьевне Любимовой [1].

Старшая сестра будущего архитектора Софья впоследствии стала основательницей частной женской гимназии. Вместе с ней в гимназии преподавала младшая сестра Варвара Яковлевна. Эта гимназия считалась одной из самых престижных в Ростове, размещалась в их собственном доме (угол. Никольской ул. и Крепостного пер., 73) [2] и действовала до начала Гражданской войны.

Объявления из газеты «Приазовский край»
1903 – 1915 гг

К сожалению, мы не знаем, где Пётр Яковлевич учился в Ростове и лишь предполагаем, каким образом он получил архитектурное образование в столице. Первое свидетельство о его работе в Ростове встречается на страницах газеты «Приазовский край» в 1899 году:

«В городскую управу стали поступать прошения от лиц, желающих занять должность городского архитектора, ставшую вакантной со

смертью Н. А. Дорошенко. Первое заявление такого рода поступило от свободного художника П. Я. Любимова» [3].

Звание «свободного художника» в те годы говорило о том, что обладатель его учился в императорской Академии художеств, но по каким-либо причинам не получил звание «классного художника». Чаще всего, это случалось из-за недостатка средств на оплату всего курса обучения.

Из приведённой цитаты следует, что П. Я. Любимов уже работал в Ростове как архитектор и пользовался авторитетом у членов Городской управы. В 1902 году он входил в Донское отделение императорского Русского технического общества как архитектор [4].

Должность городского архитектора он занимает только весной 1904 года, повторно подавая прошение об этом назначении [5]. При том, что уже в 1903 году по заданию Управы (возможно как внештатный архитектор) ведёт надзор за реконструкцией ряда зданий на Большой Садовой улице: пристройка к зданию правления акционерного общества «Аксай», переделка фасада дома И. Гоц, пристройка к существующему 3-х этажному доходному дому купца Н. Токарева; а также пристройка к двухэтажному зданию Попечительства о Доме трудолюбия им. П. Р. Максимова [6].

После вступления в должность городского архитектора количество зданий, за которыми он ведёт строительный надзор, значительно увеличивается. Это большей частью 2–3-х этажные доходные дома ростовских купцов и предпринимателей К. Маврогордато, В. Аронского, К. Субашиева, Я. Каялова, Н. Аладжалова и других [7].

В этом ряду интересно упомянуть об авторской реконструкции зодчего одноэтажного дома семьи самого архитектора. В нём в 1903 году работало начальное женское приходское училище С. Я. Любимовой.

Обстоятельства её таковы. 18 мая 1905 года сёстры Петра Яковлевича Софья и Варвара получают разрешение от Городской управы на выполнение пристройки и надстройки 2 и 3 этажей над их каменным одноэтажным домом по Никольской улице [8]. Ведёт реконструкцию их брат. Он выполняет и проект

Любовь Феоктистовна Волошинова, архитектор, краевед, г. Ростов-на-Дону. Сообщение под названием: «Зодчий П. Я. Любимов в архитектуре Ростова XX века» на Чтениях (Ростов-на-Дону, 29 сентября 2022 г.)

надстраиваемых этажей с целью приспособить их для более благоустроенного учебного заведения. Скорее всего, инициатором такой реконструкции был Пётр Яковлевич. Он знал возможности «строительной горячки» в городе, особенности закупки местных стройматериалов, сметливых и оборотистых подрядчиков, условия получения кредита на строительство. Всё это позволило в короткие сроки осуществить реконструкцию. После этого училище было преобразовано в прогимназию, затем в полную женскую гимназию.

Удобное и хорошо оборудованное здание, позволило сёстрам Любимовым в полной мере проявить свои педагогические способности. Через несколько лет гимназия уже считалась одной из лучших в городе. Об этом красноречиво говорит заметка из газеты «Южный телеграф»:

«8 февраля состоялся в женской гимназии С. Я. Любимовой спектакль с дивертисментом. Маленькими исполнительницами была разыграна драматическая фантазия для детского театра «Лесные чары» — Полонского. Изысканы исполнительницы русалок, русалочек, рой фантастических гномов, красавица Лага — богиня весны и милых детей. <...> Видения леса, которые занимает весь фон ... довольно широкой

сцены, специально исполнены для этой цели свободным художником А. М. Волочинковым. <...>

В дивертисменте были исполнены литературные номера на русском, немецком и французском языках, в заключение — грациозные танцы. <...> Присутствовали дети и их родители» [9].

С начала 1920-х до Великой Отечественной это учебное здание тоже использовалось как школьное; в годы войны было частично разрушено и вновь реконструировано. Ныне не сохранилось.

Но вернёмся к архитектурной практике зодчего, в которой значительное место заняло участие в проектировании и строительстве здания Ростовского-на-Дону окружного суда. Ходатайство об его учреждении в Ростове было возбуждено Городским управлением ещё в 1904 году. В 1908-м вновь обсуждалось на заседании Городской думы. 19 июня 1908 года Городская дума обязалась произвести постройку специального здания для Окружного суда. Но только «постановлением своим сего от 22 января 1910 года Городская дума предложила Городской управе немедленно приступить к составлению проектов и смет на здание Окружного суда» [10]. Их поручили городскому архитектору А. Г. Ерохину. (В те годы в управе работали два городских

*Здание Ростовского окружного суда. Вид с ул. Никольской (ныне ул. Социалистическая). Фото 1914 г.
Копия фотооткрытки из частной коллекции Е. Г. Сосницкого*

архитектора А. Г. Ерохин и П. Я. Любимов). Впоследствии составленный проект и сметы рассматривались Технической и Финансовой комиссиями 17 декабря 1910 года. В результате Дума постановила:

«1) признать проект городского архитектора А.Г. Ерохина на постройку Окружного суда составленным правильно и таковой одобрить с тем, чтобы при исполнении принять во внимание замечания, высказанные в ... заключение Технической комиссией 11 декабря 1910 года;

2) на исполнение главного и бокового (правого) фасада здания назначить местный конкурс с тем, что стоимость фасада по проекту не должна выходить за пределы исчисленной сметы на здание 214 тыс. руб.; срок представления фасадов назначить месячный со дня опубликования о том...;

3) за лучшие проекты назначить три премии — первая в 500 руб., вторая в 300 руб. и третья в 200 руб.;

4) просить председателя Технической комиссии совместно с городскими архитекторами выработать задание конкурса...» [11].

8 февраля 1911 года состоялось заседание Особого жюри по рассмотрению конкурсных проектов фасадов здания Окружного суда. «Причём означенное жюри из 9 экземпляров представленных проектов присудило первую премию в размере 500 руб. проекту, представленному под девизом "Три эры", вторую премию в размере 300 руб. проекту под девизом "Треугольник в двух concentрических кругах с цифрой 1911*" и третья премия 200 руб. назначена проекту под девизом "Наполеон". <...> [12, с. 294].

Ни один из проектов не уложился в 214 тыс. руб., определённых сметой на постройку здания. Тогда «председательствующий Е. Н. Хмельницкий предложил собранию подать свой голос открытою баллотировкою за тот проект, по которому нужно будет строить здание Окружного суда, причём за проект П. Я. Любимова ("Три эры") оказались поданными 18 голосов, за проект Черкесова ("Треугольник в двух concentрических кругах с цифрой 1911*") — 8 голосов и за проект Рыбкина ("Наполеон") 5 голосов. [12, с. 295]. На основании сего результата баллотировки постановлено: здание Ростовского на Дону окружного суда строить по проекту архитектора П. Я. Любимова под девизом "Три эры", удостоившемуся первой премии» [12, с. 296].

Строительство начали в том же году и в основном завершили к октябрю 1912 года. Надзор за ним вёл П. Я. Любимов. Здание приняли в ведение Министерства юстиции [13],

но недоделки по строительным и отделочным работам продолжались до 1914 года.

Сохранившееся до настоящего времени здание на высоком цоколе отличает использование классических композиционных приёмов, архитектурных мотивов ренессанса и неоклассики.

Торжественный настрой главного фасада формировали три ризалита: крайние — оформленные во втором ярусе портиками ионического ордера, центральный — парадной лестницей, порталом-навесом, поднятой над ним раскреповкой с выгнутым венчающим карнизом. Край центрального ризалита акцентировали отдельно стоящие ионические колонны на высоких пьедесталах, несущие бюсты мыслителей древности.

Выразительный силуэт здания создавали богато украшенные аттики: центрального ступенчатого ризалита со скульптурой Фемиды в центре и обелисками по углам; крайние ризалиты украшали центральные вазоны и декоративные навершия на тумбах. Иной лепной и штукатурный декор формировал штукатурное убранство фасадов.

Ряд архитектурных и скульптурных деталей фасадов не сохранились. Своего назначения здание до наших дней не изменило. Ныне оно известно как Дворец правосудия.

Доходный дом Н. В. Третьякова.
Вид с Пушкинской улицы. Фото 1991 г.
Из коллекции автора

Одновременно со зданием Окружного суда архитектор создал проект доходного дома Н. В. Третьякова на Пушкинской улице; он же вёл строительство [14].

На его фасаде он вновь использует мотив выгнутого в центре венчающего карниза формирующего аттик раскреповки, впервые использованный в конкурсном проекте Окружного

суда. Но здесь такой мотив получает новое своеобразное решение: удачно организует центр трёхэтажного фасада. Его подчёркивают проёмы на боковых участках фасада. Первый ярус раскреповки прорезан двумя большими полуциркульными проёмами входа и проезда во двор, верхний этаж акцентирован тремя сближёнными полуциркульными проёмами, а средний — двумя боковыми окнами и центральной узкой нишей.

На фасаде господствуют мотивы классицистического направления стиля модерн. В неглубокой арочной нише аттика размещена лепная вставка в виде геральдического щита, помещённого в картуш, окружённый листьями и цветами.

О владельце дома Н. В. Третьякове мы знаем немного: потомственный почётный гражданин города, успешный предприниматель, член Ростовского на-Дону общества взаимного кредита, член попечительства о доме трудолюбия П. Р. Максимова [14].

Наряду с монументальными общественными зданиями архитектор выполняет ряд проектов небольших торговых и складских строений, по поручению управы ведёт надзор

за техническим состоянием городских училищ, вместе с архитекторами градоначальства обследует аварийные здания города. Но эта текущая техническая работа не заслоняет творческую индивидуальность архитектора.

Скромным, по сравнению с названными общественными зданиями, стала пристройка к зданию городского музея. «В августе 1910 года в Городской управе возникло дело о расширении здания городской публичной библиотеки и городского музея, а в 1911 г. предложено было городскому архитектору П. Я. Любимову представить свои соображения по вопросу о расширении помещения путём или добавочной пристройки к существующему зданию, или путём отвода для городского музея другого помещения. В следствии этого П. Я. Любимов представил на усмотрение Городской управы свой проект с приложением эскизного плана, высказавшись за пристройку добавочного здания к существующему, на что потребуется ассигновка в сумме 32 тыс. руб.» [15]. Здание было выстроено в течение года под надзором автора проекта.

После 1913 года зодчий оставляет должность городского архитектора, но его частная

Здание гимназии Н.П. Степанова (ныне в нем размещается школа № 36). Вид с перекрестка ул. Горького и пер. Соборного. Фото 1992 г. из коллекции автора

практика в городе продолжается. Одним из интереснейших его творений предреволюционных лет стала гимназия Н. П. Степанова.

Николай Павлович Степанов, выпускник историко-филологического института в Петербурге, после семнадцатилетнего преподавания русского языка в Ростовской мужской гимназии в 1906 году учредил частную мужскую прогимназию, вскоре преобразованную в полную гимназию [16].

В 1913–1915 годах по проекту П. Я. Любимова для гимназии на углу Сенной улицы и Соборного переулка возводится трёхэтажное здание в стиле модерн. Его ассиметричная планировка включала ряды классов вдоль южного фасада, объединённых просторными рекреационными коридорами вдоль северного. К ним с востока примыкал блок междуэтажной парадной лестницы, завершённый шатром над венчающим карнизом. Здание имело необходимый набор вспомогательных и подсобных помещений, в нём также размещался небольшой плавательный бассейн.

Фасады были выполнены из кирпича, имели ассиметричное решение. Ритмическую основу

главного составлял ряд больших проёмов сгруппированных по три и разделённых гигантскими простеночными пилонами и лопатками. Значительно поднятые над венчающим карнизом, они имели свои карнизы и навершия. Над парадным входом с улицы пилоны объединялись дугообразным аттиком с центральной вставкой. Выразительный силуэт здания формировали аналогичный аттик на западном крае фасада, навершия лопаток и пилонов, шатёр лестничного помещения. Лаконичный стилизованный кирпичный декор оформлял фасады: плакетки с табличками и свисающими шнурами под карнизами пилонов, венки на их плоскости, междуэтажные пояса, геометрические подоконные и надоконные вставки.

Здание от улицы отделяла ограда с воротами перед главным входом. Она была выполнена в едином стиле с фасадом, имела высокий цоколь и решётчатые секции между фигурными оштукатуренными столбами.

В городе говорили, что Степанов строил здание, используя приданое супруги Луизы.

Гимназия Степанова стала самым крупным зданием среди других частных гимназий

*Административно-торговое здание на ул. Казанской.
(ныне ул. Серафимовича, административно-учебное здание). Фото 1992 г. из коллекции автора*

в Ростове. В ней в разные годы учились будущие выдающиеся деятели науки и культуры: учёный в области радиотехники и радиоэлектроники А. Л. Минц, скульптор Е. В. Вучетич, архитектор Л. Л. Эберг, писатель и драматург Я. Галан, художники Г. Шилтян и Г. Артёмов, режиссёр П. Вейсбрем, актёры И. Швейцер и П. Боратынский и другие.

1 августа 1917 года Н. П. Степанов во время чествования своего 35-летнего юбилея педагогической деятельности передал гимназию коллективу преподавателей. Скончался он 22 июля 1918 года [16]. Выстроенное им здание гимназии и сегодня служит городу.

Ещё одно многоэтажное общественное здание, спроектированное архитектором Любимовым, расположено на улице Серафимовича (бывшая Казанская ул.). В начале 1910-х годов на этом месте стояло два одноэтажных строения [17]. В конце 1914 года их собственником становится Товарищество на паях «С. Шарф» [18], которое сразу начинает строительство масштабного административного здания и завершает его к середине 1916-го.

Архитектурный облик его фасада не уступал по убранству самым престижным доходным зданиям в центре Ростова. Используя на трёхэтажном протяжённом фасаде композиционные приёмы модерна, архитектор вновь применяет классицистические мотивы. В его ассиметричной композиции преобладает слабо выступающий восточный ризалит парадного входа, выделенный дорическим порталом-навесом. Вход на балкон так же акцентирован гигантскими трёхчетвертными коринфскими колоннами на пьедесталах, размещёнными в простенках. Антаблемент колонн в виде аттикового этажа завершён мощным венчающим карнизом на больших декоративных кронштейнах.

Другой гигантский двухколонный портал расположен над западным входом. На фоне рустовки фасада сформирован лепной декор: подоконные ниши с картушами и гирляндами, филёнки с медальонами, массивные кронштейны с орнаментов акантовых листьев и многое другое. В убранство фасада удачно вписана балюстрада портала-навеса и полуциркульные балконы по сторонам парадного входа.

Как использовалось здание до начала 1920-х годов неизвестно. А после советской муниципализации в нём разместилась Ростовская-на-Дону телеграфная контора [19]. В 1936 году она называлась «Центральный телеграф» [20]. В 1970-е годы часть здания была отдана для учебных классов Северокавказского филиала Одесского электронно-технологического института

связи имени А. С. Попова. Ныне здание — на реконструкции; предполагается в дальнейшем использовать его для учебных целей.

В годы Гражданской войны П. Я. Любимов не покинул Ростов. Его опыт и знания были востребованы при новой власти. Вместе с коллегами, рядом с которыми он работал в дореволюционные годы (Г. Н. Васильев, И. Г. Торгов, В. В. Попов, М. Н. Кондратьев), архитектор трудился для восстановления города.

В 1926—1927 годах П. Я. Любимов занимал должность помощника городского архитектора [21]. В 1927—1928 годах Пётр Яковлевич разрабатывает проект восстановления (после пожара начала 1920-х) пятиэтажного бывшего доходного дома В. К. Чирикова на Будённого проспекте. Здание было восстановлено к 1932 году; в нём разместился Горсовет.

С ноября 1928-го и весь 1929 год Любимов работает главным городским архитектором [22]. По сути, возвращается к исполнению той должности, которую занимал в дореволюционные годы.

В начале 1930-х годов П. Я. Любимов вместе с М. Н. Кондратьевым разрабатывает проект школы в Красном городе-саде (неосуществлённый).

В 1933 году неожиданно Пётр Яковлевич не вышел на работу. Друзья и сотрудники, заподозрившие его арест, неоднократно обращались с просьбами и запросами о его розыске в вышестоящие организации. Но ответа не получили [23]. Неизвестна и сегодня его дальнейшая судьба.

Ныне большинство зданий, созданных архитектором П. Я. Любимовым, признаны памятниками архитектуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ведомости Ростовской на Дону городской управы. 1890. 27 мая. (№ 21). С. 1.
2. Весь Ростов на Дону : адрес-календарь, торгово-промыш. справ. кн. на 1913 год : Весь Ростов и Нахичевань н/Д. Харьков, 1913. Указ. домовладельцев. Стб. 191; Гимназии. Стб. 364.
3. 3. Местная хроника // Приазовский край. 1899. 9 янв. (№ 7). С. 2.
4. 4. Отчёт Донского отделения императорского Русского технического общества за 1901 год. Ростов н/Д., 1902. С. 23.
5. В Ростовской думе // Приазовский край. 1904. 11 апр. (№ 94). С. 3.
6. Сведения о разрешённых городской управою постройках и ремонтах // Ведомости Ростовской на Дону городской

- управы. 1903. 1–3 авг. (№ 3). С. 3–6; 7 сент. (№ 5). С. 10.
7. Ведомости Ростовской на Дону городской управы. 1904. 18 июля. (№ 13). С. 4; 19 сент. (№ 18). С. 2; 17 окт. (№ 20). С. 7; 1905. 13 февр. (№ 4). С. 3; 5 апр. (№ 8). С. 3.
  8. Сведения о разрешённых Городской управою постройках и ремонтах с 1 по 13 мая 1905 года // Ведомости Ростовской на Дону городской управы. 1905. 18 мая. (№ 12). С. 5.
  9. Ростовская жизнь // Южный телеграф. 1906. 12 февр. С. 3.
  10. Журналы Ростовской на Дону городской думы за 1910 год. 1-е полугодие. № 56. С. 983–984.
  11. Журналы Ростовской на Дону городской думы за 1910 год. 2-е полугодие. № 101. С. 1881–1882.
  12. Журналы Ростовской на Дону городской думы за 1911 год. 1-е полугодие. № 21 : Журнал третьего очередного собр. Ростовской на Дону городской думы заседания 25 февраля 1911 г. С. 294–296.
  13. Журналы Ростовской на Дону городской думы за 1912 год. 2-е полугодие. № 115 : Журнал четырнадцатого очередного собр. Ростовской на Дону городской думы заседания 9 ноября 1912 г. С. 1526.
  14. *Волошинова Л. Ф.* Пушкинская улица. Кн. 2. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2020. С. 131.
  15. *Ильин А. М.* Ростовский на Дону городской музей // Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1. Ростов н /Д., 1912. С. 16.
  16. Николай Павлович Степанов : [некролог] // Приазовский край. 1918. 24 июля (6 авг.). (№ 103). С. 3.
  17. Оценка недвижимых имуществ города Ростова-на-Дону для раскладки государственного налога и других сборов на 1910 год. Ростов н /Д., 1910. С. 122.
  18. Оценка недвижимых имуществ города Ростова-на-Дону для раскладки государственного налога на 1915 год : Оценка недвижимых имуществ г. Ростова-на-Дону для раскладки городских сборов. Ростов н /Д., 1915. С. 144.
  19. Весь Ростов на Дону на 1925 год / Изд. секретариата Донисполкома. Ростов н/Д., [Б. г.]. С. 59.
  20. Справочник по городу Ростову на Дону. [Ростов н /Д.] : Азчерхозиздат, [1936]. С. 117.
  21. ГАРО. Ф. Р- 175. Оп. 1. Д. 94. Л. 95.
  22. Там же. Д. 171. Л. 66.
  23. По сведениям краеведа А. П. Зимина.

С. П. ЧИБИСОВА

ХУДОЖНИК АЛЕКСЕЙ ШИШОВ

Новочеркасский художник Алексей Афанасьевич Шишов более пятидесяти лет своей жизни посвятил воспитанию и обучению юношества. Он входил в круг самых уважаемых представителей донской казачьей интеллигенции начала XX века и был хорошо знаком с художниками Н. Н. Дубовским, И. И. Крыловым, писателями К. А. Тренёвым, А. С. Серафимовичем. Судьба его заслуживает внимания и памяти потомков.

Источниками для исследования послужили ранее не публиковавшиеся материалы архива БТИ г. Новочеркаска, где сохранились имущественные документы и духовное завещание отца А. А. Шишова, документы и фотографии из фондов НМИДК, среди которых имеется его

полный послужной список на 1907 год и грамота о его награждении орденом св. Станислава II степени, а также письма из семейного архива правнука, С. А. Шишова, проживающего в Софии (Болгария). Сохранилось 36 писем Алексея Афанасьевича Шишова к его сыну, белоэмигранту Сергею Шишову, написанных в течение 15 лет, с 24 февраля 1922-го до 28 июля 1936 года. Переписка содержит немало сведений исторической значимости о жизни в советском Новочеркасске в довоенный период, включая описание голода, дважды пережитого автором, в 1922–23 и 1933 годах. Письма также являются ценным источником информации о самом художнике, его многочисленной семье и всех её членах.

Светлана Павловна Чибисова, историк, заведующая отделом «Атаманский дворец» музея истории донского казачества, г. Новочеркасск. Сообщение под названием: «Алексей Афанасьевич Шишов (1864–1937). Судьба художника и педагога. По материалам семейного архива правнука (София, Болгария)» (Таганрог, 30 сентября 2022 г.)

А. А. Шишов. 1930-е гг.
Фото из фонда НМИДК

Алексей Афанасьевич Шишов происходил из казаков станицы Старочеркасской Области войска Донского и родился 2 марта 1864 года. Дед его — Алексей Афанасьевич Шишов, в честь которого он получил своё имя, был участником Крымской войны, награждён медалью. Отец — Афанасий Алексеевич Шишов успешно занимался торговлей. После его смерти в 1903 году Алексей унаследовал три участка земли в Таганрогском округе, общей площадью 500 десятин, и «дом со всеми при нём постройками и дворовым местом, состоящий в городе Новочеркасске, на Московской улице пог №10» [1]. На городской усадьбе площадью около 1800 кв. саженей находилось четыре строения: полтораэтажный жилой дом из восьми комнат, два одноэтажных дома, где помещались квартиры и торговые заведения, и кирпичный сарай. Общая жилая площадь составляла 200 кв.м. В домах не было канализации и электрического освещения. Земля и дом сдавались в аренду, что давало доход в несколько тысяч рублей в год. После установления советской власти собственность была отобрана (национализирована 31 октября 1923 года) [2].

Алексей Шишов получил образование в Новочеркасском реальном училище. Трудовая деятельность его началась в девятнадцать лет после успешной сдачи экзамена на звание учителя городского приходского училища 21 октября 1883 года [3, л. 2].

Семь лет работы в народных училищах Таганрогского округа (Алексеево-Орловском (1883–1886), Петровском (1886–1889) и Голодаевском (1890)) были счастливыми: молодой человек понял, что нашёл своё истинное призвание. В письме сыну спустя почти четыре десятилетия он вспоминал: «Я эту радость испытал. <...> Давно в дни своей юности, в роли начального учителя (в 80-х годах) впервые тогда в той местности, вооружённый новым методом лёгкого и скорого обучения грамоте, среди тёмной массы глухой слободы. <...> Я видел, как росли плоды моих трудов, и прозревала масса народная. Это была награда за мои труды, личное сознание пользы своего труда, позже и по сию пору я чувствую бросаемые в меня лавры бывших моих питомцев. Да, в этой области я счастлив, сознавая, что жил на свете не даром» [4].

Следующие двенадцать лет службы А. А. Шишова прошли в учебных заведениях Таганрога. Он был назначен в Таганрогское 1-е городское мужское приходское училище учителем 1 августа 1890 года. За примерный выпуск учеников, окончивших курс, 10 марта 1893 года таганрогским окружным училищным советом награждён денежным пособием. С разрешения учебного начальства кроме прямых обязанностей по приходскому училищу Шишов занимал должность преподавателя русского языка и арифметики в таганрогском Еврейском общественном училище. Заведовал таганрогским Еврейским общественным училищем с состоящим при нём ремесленным классом и женской швейной школой с 21 сентября 1894-го по 1 ноября 1900 года. 24 июля 1895 года Алексея Афанасьевича назначили учителем, заведующим Таганрогским 2-м мужским приходским училищем.

12 сентября 1901 года (после окончания Педагогических курсов при Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге) А. А. Шишов был удостоен звания преподавателя рисования средних учебных заведений. На следующий год, предложением управляющего Харьковским учебным округом от 9 июля 1902 года за № 9535, он был назначен исполняющим должность преподавателя рисования и чистописания в параллельные классы Новочеркасского реального училища [3, л. 2]. С этого дня до конца жизни, в течение тридцати пяти лет, А. А. Шишов преподавал в Новочеркасске.

В реальном училище Алексей Афанасьевич состоял классным наставником с 16 августа 1902 года; а с 1 января 1907 года — в двух классах; заведовал Государственной сберегательной кассой при училище с 9 сентября 1902-го

по 10 мая 1906 года. С 1 января 1903 года кроме реального училища преподавал рисование, черчение и чистописание в учительской семинарии (с разрешения попечителя Харьковского учебного округа от 23 декабря 1902 года за №19 094). Назначен членом Хозяйственного комитета училища с 18 января 1906 года. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 1 декабря 1906 года за выслугу лет утверждён в чине коллежского асессора со старшинством с 9 июля 1902 года. 19 декабря 1906 года назначен секретарём Педагогического совета училищ [3, л. 2].

На июнь 1907 года коллежский асессор Шишов, преподаватель рисования и чистописания Новочеркасского реального училища, получал жалованья в год — 1400 р., в том числе, оклад за 12 уроков — 750 р., за 4 дополнительных урока — 240 р., прибавочных — 130 р., за классного наставника — 160 р., по должности секретаря педагогического совета — 120 р. За отлично усердную и ревностную службу А. А. Шишов был Всемиловнейше пожалован орденом св. Станислава 3-й степени (1906) и награждён медалями: серебряной в память царствования императора Александра III (1896) и тёмно-бронзовой за Всеобщую перепись населения 1897 года [3, л. 2].

Вплоть до установления советской власти он продолжал трудиться в реальном училище, дослужившись к 1913 году до чина коллежского советника [гражданский чин 6-го класса, соответствующий армейскому полковнику. — С. Ч.] [5].

Преподавательскую деятельность Алексей Афанасьевич сочетал с занятиями живописью. Он создал ряд впечатляющих донских пейзажей, проникнутых искренней любовью к родной природе. Художник И. И. Крылов, по воспоминаниям Лидии Ивановны Шишовой, второй жены художника, подолгу стоял перед его картиной «Тихо. Скоро грянет гроза» [6]. По манере и мастерству живопись А. А. Шишова, по мнению современников, была близка к полотнам Н. Н. Дубовского. В 1964 году у вдовы сохранялись несколько картин художника, известны названия ещё трех: «Вечер в деревне», «Зима под Новочеркасском» и «Донской натюр-морт». Л. И. Шишова собиралась передать картины в Новочеркасский музей, что было сделано уже после её смерти в ноябре 1972 года [7].

А. А. Шишов имел большую семью. 7 апреля 1885 года он вступил в брак с дочерью сотника Марией Ивановной Карповой (21 сентября 1864 — 15 мая 1934). В семье Шишовых родилось семеро детей, три дочери и четыре сына:

Николай (15 февраля 1886), Афанасий (10 февраля 1890), Антонина (11 октября 1892), Сергей (17 января 1894), Пётр (3 ноября 1895), Елена (30 июня 1897) и Лидия (22 декабря 1898) [3, л. 1 об.]].

В болгарской переписке с сыном Сергеем А. А. Шишов сообщает подробные сведения обо всех членах семьи. Все дочери благополучно устроили свою жизнь в советской России. С 1921 года мать проживала с ними в Ростове-на-Дону, где зарабатывала хиромантией и гаданием на картах. Старшая дочь, Антонина (Тося), жила и работала в Ростове до 1923 года, а затем в Москве со своим мужем, профессором Дмитрием Моргуновым, который работал во Всесоюзном доме Центросоюза потребительской кооперации СССР. Антонина сначала была руководителем кружка на фабрике художественных игрушек, затем изучала медицину и с 1934 года работала санитарным врачом. Младшая дочь Лидия в 1922 году вышла замуж за Георгия Иванова из Оренбурга, но вскоре развелась и вышла замуж за Василия Еманова, с 1924 года она жила в Москве. В 1928 году в Москву к дочерям Антонине и Лидии переехала и мать. Средняя дочь Елена окончила Музыкальную академию. Она жила в Ростове и в начале 20-х годов работала в Управлении художественных работников (РАБИС). Её первый муж Александр Хлебников, после Гражданской войны находился в лагере на севере; в 1922 году был освобождён, но с женой развёлся, не пропустив, что отказалась приехать к нему в ссылку. Повторно Елена вышла замуж в 1923 году за Илью Гринберга, юриста и музыканта, приняла иудаизм, изменив имя на Юдифь Абрамовну. А. А. Шишов был шокирован таким поступком дочери, о чём писал с горечью Сергею. Второй брак Елены был счастливым, но бездетным. В 1941 году Гринберги переехали в Москву, но Елена в том же году скончалась.

Старший сын Николай, кадровый офицер, выпускник Елизаветградского юнкерского училища (1909), полковник, после окончания Гражданской войны и пребывания в лагере на севере, служил в Красной армии в Ереване. Младший сын Пётр бесследно исчез во время Гражданской войны. Второй сын, Афанасий, выпускник Института гражданских инженеров императора Николая I, инженер-строитель, есаул, награждённый «Аннинским» оружием, эмигрировал с армией Врангеля в Сербию, жил и работал инженером в Белграде, где имел жену и дочь.

Сергей был третьим по старшинству сыном в семье и самым близким отцу по духу.

По окончании Новочеркасского реального училища (1913), он поступил в Институт гражданских инженеров императора Николая I, одновременно, как и отец, закончил Педагогические курсы при Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге, получив в июне 1914 года свидетельство на право преподавания рисования в средней школе. Затем, не окончив института, вместе со старшим братом Афанасием прошёл ускоренные офицерские курсы при Николаевском кавалерийском училище и поступил в действующую армию прапорщиком; воевал в 1-й Донской казачьей дивизии, в 13-м Донском казачьем полку, был ранен и награждён за храбрость орденами св. Анны 4-й степени, св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, св. Станислава 3-й степени, после демобилизации вернулся на Дон.

С. А. Шишов. 14 апреля 1923 г. Болгария, г. Стара Загора. Фото из фонда НМИДК

При атамане П. Н. Краснове С. Шишов служил старшим адъютантом в штабе 3-й Донской дивизии до 20 марта 1920 года, а с 21 марта 1920-го до 1 августа 1923-го занимал тот же пост в штабе Донского корпуса, последовательно получая звания есаула и подполковника. В конце 1920 года со штабом Донского корпуса Сергей Шишов эвакуировался в Константинополь, затем — на остров Лемнос, а летом 1921 года оказался в Болгарии, в городе Стара-Загора. После

расформирования армии Врангеля он обратился в Министерство народного образования Болгарии с просьбой назначить его учителем рисования в болгарской гимназии, и в июле 1924 года получил назначение в Сухиндол.

В 1925 году он женился на учительнице Тодоре Мутавчиевой, а осенью 1926-го со своей семьёй переехал в Петрич, где продолжал работать учителем рисования в средней школе до 1937 года. Письма, присланные сыну Алексею Афанасьевичем с 1922 по 1936 годы, хронологически охватывают время, когда Сергей Шишов жил в Стара-Загоре и преподавал в Сухиндоле и Петриче.

Два долгих года отец ничего не знал о судьбе своих сыновей, и только в феврале 1922-го удалось наладить регулярную переписку. «Сколько раз, глядя на луну, я молил передать тебе, что жду от тебя весточку. Ведь луна-то одна, и как не был ты далеко, всё же, всё-таки будешь глядеть на луну, ту самую, какую вижу я», — так писал А. А. Шишов Сергею в одном из первых писем [8].

В апреле того же года он сообщает о своей жизни: «Что касается меня лично, то я — то служу, то безработный и бедствую. Так до сегодня занимал должности в Реальном и в Гимназии Петровой, на 2-х военных курсах и биографе «Солей» (афиши, плакаты). Теперь остался без службы в военных учреждениях ввиду сокращений штатов. Служба в Реальном совершенно не обеспечивает. Одолевают слабость всего организма — старость и безнадёжность на что-либо прекрасное впереди» [9].

Последствия Гражданской войны и неурожай стали причинами наступившего в советской России голода, продолжавшегося с мая 1922-го до лета 1923 года.

В письмах сыну Шишов описывал, как переживали голодные годы члены семьи, жившие в Новочеркасске и Ростове. В одном из писем за апрель-май 1922 года он сообщал сведения об инфляции в то время, когда цены на яйца и мясо достигли тысяч рублей, а зарплата его как учителя составляла всего один миллион и 200 тысяч рублей, и он не имел возможности купить необходимого даже во время пасхальных праздников. «<...> Пасха «красная», состоявшая из простой булки и ½ фунт] сюзьмы. Сала и яиц купить было не за что, да и мясом то до сих пор ещё не разговливался /350—300 тыс. фунт/. Яйцо одно стоило 100 тыс., фунт сюзьмы 250 тыс. Куда же бедному учителю покупать всё это, получающему всего один миллион 200 р[ублей] в месяц. К тому же слабее физически с каждым днем, и мучит вот уже 3-ю неделю лихорадка, малярия» [9].

В начале 1923 года цены на продукты питания — хлеб, яйца, мясо, сахар, муку, уголь для отопления, одежду и нижнее белье, выросли миллионами. А. Шишов приводит следующие данные: «Хлеб — 1 милл. за фунт, 1 пуд угля 8—10 милл. и мясо 1 ф[унт] — 5 милл.» [10].

Несмотря на жестокие условия, голод и холод, А.А. Шишов сохраняет надежду на лучшее, на будущую встречу с сыном. Накануне нового 1923 года он пишет: «Взять денег негде, земля, гом, гача отняты — и старость проклятая, надолго ли хватит сил ещё работать? За это время много ушло здоровья, — увидишь — не узнаешь меня — мощи! Но дух ещё жив прежний, и буду тянуться до последнего, чтоб всё-таки дожить до нашего свидания, а в него хочется верить, хотя ты пишешь, что нескоро» [11].

Несмотря на свою заветную мечту увидеть и обнять Сергея, в одном из следующих писем отец предупреждает его, что возвращаться не стоит: «... и мечтать не могли, сгниёшь в подвалах, как многие вернувшиеся дурни. <...> Ты там свободен, здоров, умудришь сберечь себя и не потерять своего облика...» [12].

Алексей Афанасьевич жалуется на невозможность свободного творчества из-за необходимости «работать на износ» для пропитания. Но всё же считает себя счастливым человеком, имея возможность заниматься любимым делом, поэтому и приспособился к новой советской системе. Сыну он описал свою жизнь коротко и ёмко: «Отступил, не значит, побеждён! Помнишь, кто-то в истории сказал. Ну, о себе скажу, живу по-советски, служу и рисую афиши, плакаты для биографа, портреты для сапожника и его жены, Ленина, Троцкого и т. п. Эксперт в Суде народном, у следователя и т. д.» [12].

В письмах А. А. Шишова нередко встречается жёсткая критика советской действительности. По большей части она касается продвигаемой партийной линии в образовании, которой приходилось подчиняться, чтобы не лишиться работы. 23 мая 1923 года он сообщает, что «болел до беспамьтства, отвратительной свирепствующей теперь у нас малярией». Несмотря на болезнь, ему приходилось в промежутках между приступами «ползать» на службу и на лекции политграмоты, «обучению которой нас всех обязали под страхом изъятия из службы». Неприятным для себя обстоятельством, которое «больше всего заело», А. А. Шишов называет «изучение марксизма и писание лекций», то, что «2 раза в неделю приезжают из Ростова лекторы "Рабиновичи", и 2—3 раза в неделю групповые занятия по этим лекциям, и вся эта кутерьма с Пасхи без перерыва продолжится до 1 июля, а

потом, потом — экзамен» [13]. «Но хуже всего устаю от постоянных заседаний и конференций, где работы идут под председательством представителей из центра, и утром, и вечером часов до 12. <...> Теперь идёт переработка программ и самих способов обучения вообще, не надо пособий, парт и кабинетов, приборов — одна классная доска и окружающая природа. Всё вверх дном, идёт переподготовка учителей на новый лад. Все потеряли голову. Вот моя атмосфера» [14].

Пытаясь увеличить свои доходы, художник брался за любые частные работы, которые выполнял по вечерам и ночам: плакаты, афиши в кинотеатры, марксистские таблицы стенные для какого-то политического кружка и т. п. [13].

Откровенное неприятие вызывали у Шишова новые советские праздники и широко развёрнутая антирелигиозная кампания. «Нет колядок, шествий со звездой. Взамен их появилась мерзость идиотов, шествовавших под Рождество с "пасквильными" изображениями Христа, Богородицы и св. угодников. Шествие так называемых космополитов. А в 1-й день Праздника шествие приютских детей с флагами с надписью на них: "Кто в Бога верует — дурак". Бедные дети!» [10]. Поздравляя сына с Пасхой в апреле 1923 года, он с горечью пишет, что «ничего не осталось прежнего из красивой минувшей жизни». <...> «Теперь лучшее в праздник — спать! Идти некуда и никто не придёт. Нет людей: то ушли, то умерли» [12]. В другом письме он саркастически комментирует торжество 1 Мая в Новочеркасске, которые «были ... грандиозны, народу весь город — на ипподроме, сокольские гимнасты, скачки всякие, украшенные автомобили, например, "буржуи в клетке" или грузовик и на нём олицетворение республики рабочих разных видов, с одной стороны пьяный поп с крестом благословляющий, с другой — Николай II с бутылкой водки. Тут же пробные упражнения пожарных в лазании по приставным высоким лестницам. Интересно и поучительно!» [15].

Большое место в переписке с сыном Алексей Афанасьевич уделял вопросам искусства и современной методике преподавания рисования, которую он подробно анализировал. «Вы пишете, у Вас теперь применяются совершенно не те модели, о которых я писал, что устранены гипсы и проч., то это для меня неудивительно, ибо и у нас то же самое, работают уже 5 лет с предметами обихода, орудия сельского хозяйства и производства: вилы, грабли, каток, топор, пила, зуб. колёса, гайки и пр. Всё это в одиночку и группами прорабатывается в классе.

Во время экскурсий зарисовываются наброски: хаты крестьян, хлев, ток, птица домашняя и животные; различные мастерства: сапожник, столяр, пряжа, кузня и т.п. Зарисовка по впечатлению, по памяти: "рубка леса", "возят лёг", дети строят снежную бабу, покос, молотба, торговец яблоками, пекарня и т.п. Всё это дети зарисовывают на 1/8 листа простой бумаги дома и каждый раз подают на заданную тему. Этим они приучаются выявлять свои внутренние представления. Некоторые исполняют хорошо, но практика для всех и работ за год в каждом классе накапливается много. Если писал я об орнаментах, то на основании прежней министерской программы, да и сам полагаю, что только на них, то есть на гипсах и можно научиться серьезно и тщательно рисовать. Теперь этой тщательности не требуется. Зато и нет теперь хороших мастеров передачи рельефа на плоскости. Все эти достижения отнесены к специальным художественным школам, а в средней школе поверхностные упражнения, то есть не штудировка, а просто изучение форм предметов, рисование или лучше "зарисовка" всего окружающего дома, на дворе, в степи, на фабрике, заводе, всех видов труда и человеческой жизни. Так что не приходится даже останавливаться на голове и всей фигуре человека. Зарисовка, наброски... всего без разбору. У нас в 6 и 7 кл. уже нет рисования. В неделю 2 часа на рисование далеко не уедешь, и результаты, сравнительно с прежними, очень неважны. Рисуют простым карандашом, по преимуществу один контур в младших классах. Рисуют и плоский орнамент с таблиц и раскрашивают его акварелью и цветными карандашами. В старших кл. 4 и 5 рисуют виды труда и части машин и небольшие аппараты и машины. Широко копируют с открыток цветы, плоды и лангшафты красками акварельными, также птиц, животных. Человека с натуры, но все это несерьезные достижения. Причём надо заметить, что весь материал для проработки в каждом классе тесно связан с другими предметами. На какую тему работы по русскому языку, тоже прорабатывают и математики, освещая тему со своей стороны, тоже географ, естествовед, физики и тоже рисуют — это называется "комплексное" преподавание. Каждый предмет служит подсобным для прохождения русского языка, естеств. и истории. Что касается работ пастелью, то ими работают как цветными карандашами. Лично я живу по-прежнему, и даже несколько хуже, ибо лишился 10 уроков в одной школе вследствие недостатка средств на этот предмет» [16].

Почти десять лет спустя, в 1932 — 1933 годах, советская страна снова пережила неурожай и голод, от которого погибло несколько миллионов человек. В письме от 24 апреля 1933 года А. Шишов описывает своё состояние: «Серёжа, я болен и тяжело болен, ослабел, недоедал, опухли ноги до колен, как колоды — ходить нет возможности, в сердце перебои <...> возможна смерть /на ходу/... В моей болезни лекарство — питание: молоко, яйца, масло и всякие жиры. А это купить недоступно мне через дороговизну и так я снова хожу с пухлыми ногами, как ступы, рискуя на дороге умереть. Измученный ходьбой, голодный, больной, как тень худой, работаю в холодном помещении и возвращаюсь ещё хуже в холодное нетопленное, 2 месяца не раздеваясь, ложусь и сплю так (нет угля, 4—5 р. ведро), тоская и вспоминая свою прежнюю мощь в одиночестве» [17].

Но у Алексея Афанасьевича нет другого выбора, кроме как работать, даже если он болен, с раннего утра до позднего вечера, чтобы обеспечить себе скудное пропитание. «С трудом возвращаюсь с работы — рассказывает он о своей повседневной жизни, — в 4—5 часов вечера, встаю в шесть утра и всё на моих слабых ногах по 3-м этажам на голодный желудок, получаю 600 грамм кукурузного хлеба» [17]. Отец умоляет сына выслать ему продовольственную помощь: «Тяжело мне просить вас всех, а без ответа ещё тяжелее. Я не настаиваю, может быть, вам и самим живётся неважно. Я постепенно свыкаюсь со своим положением, пора знать честь. Но только не хотелось бы умирать с голоду, не говоря, что и рубахи нет на плечах. За 15 лет всё поносил, а новое купить не в силах вовсе — не по карману!» [18]. В отчаянии он почти пришёл к мысли о спасении через самоубийство, сообщая сыну о подобных примерах среди общих знакомых. «Хлеба нет и жиров, оттого народ и пухнет, и мрёт... жутко! Проклятый мучительный голод, как он терзает! <...> Это муки ада! Порой покончить с собой хочется. И кончают, как, помнишь, был старик истопник в нашем производстве. Нашатырным спиртом, каково и дешёво, и достиг своей цели, хотя средство мучительно до желанного конца» [17].

К середине 1934 года, когда голод в стране был преодолён, А. Шишов с энтузиазмом вернулся к своим профессиональным обязанностям. В письме от 24 июня 1934 года он сообщал, что, хотя здоровье его «всё хуже, слабы ноги и сердце», он работает «всё там же», т. е. в школе, и коротает «ночи за работой» [19]. Позже, в письме от января 1935 года, он подробно описал свою работу в две смены, как учителя и как

художника: «То занят был службой, ведь работаю на 2 смены, с 8 ч. утра до 8–9 вечера на 2-х предприятиях; нигде кроме быть не могу, не хватает времени, порой болею.<...> Пока есть силы работаю, не голоден и в тепле. Работы кругом много, жаль, что не молод, а то всё бы нипочём!» [20].

Алексей Афанасьевич писал сыну об изменениях в родном городе, в котором в начале 1930-х годов произошло «вообще много улучшений. По Московской улице от начала до конца асфальтовые тротуары, в сквере цветники и ходят автобусы. Жизнь стала веселей, и чувствуется подъём у населения. Погода тёплая, весенняя, весенние наряды, много хороших магазинов и т. п. Среди всего этого поневоле госагуешь на свою гряхлость и нездоровье, а также и на ваше отсутствие около меня» [21]. В это время Шишов с утра до вечера продолжал работать «сверхмощным ударником»: «Чуть освободился я и ещё не пришел к памяти, пишу, потому, что очень и очень был занят всё время, а последнее время большими заданиями по оформлению здания внутри и с наружи к 1-му мая. Возвращался домой к 12 и 1 часу] ночи совершенно измученный, ничего не соображающий. В обычное время в 9–10 час[у] вечера, после работ в 2-х сменах с необходимостью и дома засесть за просмотр уч[енических] чертежей. ... Дни 1-го мая прошли у нас необыкновенно торжественно и всенародно. На учреждение наше я писал большой макет в 16 диктовых листов размеров и заставил в городе говорить о нём» [21]. Эти строки свидетельствуют о том, что как художник А. Шишов становится признанным мастером пропагандистской монументальной живописи того времени в Новочеркаске.

21 октября 1934 года в кругу коллег и учащихся он торжественно отметил 50-летний юбилей своей педагогической деятельности, в 1936 году был «премирован Отделом народного образования за образцовую постановку работы» [22]. Каждый выпуск превращался в чествование любимого педагога с выражением искренней любви и восхищения его деятельностью. Отец делится с сыном фактами своего профессионального признания: «от учащихся 3 адреса, портсигар и такую массу цветов, букетов, что был не в состоянии донести всё домой. Среди огромных аплодисментов и криков ура со стороны учащихся и родителей (до тысячи человек) не было возможности отвечать на их приветствия. Подобное устроили учащиеся на выпуске и в прошлом году, когда за семейным чаем вместе с ними усадили меня во главу стола и тоже цветы, цветы и благодарственные речи» [22].

Но народное почитание и награды не спасли А. А. Шишова от сталинских репрессий. В своём последнем письме сыну от 28 июля 1936 года он признавался: «Люблю жизнь с её размахами, люблю и увлекаюсь работой, люблю творить и чувствуешь, что живёшь, лишь бы хватило сил и энергии. Кругом работы много, давай Бог сил и здоровья. Застой, мертвечину не выношу, чувствую, что кисну. Противные 72 года гнут спину, а я не поддаюсь» [22]. Мог ли А. А. Шишов предположить, что эти слова станут его последним заветом потомкам?

В июле 1937 года Алексей Афанасьевич Шишов был арестован за рассказанный накануне «какой-то анекдот, и через два месяца после ареста он умер в тюрьме от разрыва сердца» [23]. Похоронить его родные не смогли, так как о его смерти вдове сообщили только через три года. В 1956 году Л. И. Шишова подавала ходатайство о реабилитации своего мужа, но было ли принято такое решение, неизвестно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Родному сыну моему Алексею Афанасьевичу Шишову завещаю в полную собственность: а) участок земли в двести десятин удобной и четыре десятины тысяча двести семьдесят пять кв. саж. неудобной, состоящей Области войска Донского в Таганрогском округе восемьдесят третьем отделе на балке Степановой; б) участок земли в двести десятин удобной и шестьдесят четыре десятины одна тысяча четыреста кв. саж. неудобной, состоящей в том же округе, одиннадцатом отделе при речке Ровеньках и балке Дибривке; в) участок в двести десятин удобной и сорок восемь десятин четыреста тридцать восемь кв. саж. неудобной, состоящей в том же округе в третьем отделе при речке Большой Медвежьей; г) право собственности на сто десятин удобной земли с неудобной при них из участка в двести десятин удобной с неудобной при них, состоящего в том же Таганрогском округе, шестьдесят девятом отделе под № 437 и находящегося в общем владении моём с Рудухиным и Бабичевым и, г) дом со всеми при нём постройками и дворовым местом, состоящий в городе Новочеркаске, на Московской улице под № 10». (Выпись из актовой книги новочеркасского нотариуса Василия Стефановича Стефанова для актов на недвижимые имущества за 1903 год.

- Ч. 1, с. 117, № 135 // Архив БТИ г. Новочеркаска).
2. Постановление Городского управления коммунального хозяйства (ГУКХ) № 22771/3 от 28.04.1923 года (список 341), подтверждённое 31 октября 1923 года // Архив БТИ г. Новочеркаска.
  3. Послужной список учителя рисования и чистописания Новочеркасского реального училища коллежского асессора Алексея Афанасьевича Шишова / Составлен 20 июня 1907 г. // НМИДК. Документ. фонд. КП-11901/2, док-205 (нов. КП-9513).
  4. Шишов А. А. — С. А. Шишову: [письмо от 12 августа 1925 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  5. Памятная книжка Области войска Донского на 1914 год /Изд. Обл. войска Дон. стат. ком. Новочеркасск, 1914. С. 146.
  6. Хомуло Б. Мастер донского пейзажа // Знамя коммуны. 1964. 16 авг. С. 4. Упомянутая картина хранится в фондах Музея истории донского казачества под названием «Разлив».
  7. Картины А. А. Шишова в фондах НМИДК: «Летний пейзаж» (68x106 см, КП -11908/ ж-760), «Дорога к Старочеркасску» (70x109 см, КП -11909/ ж-761), «Разлив» (70x109 см, КП -11910/ ж-762), «Зимний пейзаж» (50x70 см, КП -11906/ ж-764), «Натюрморт» (с фруктами) (50x73 см, КП -11907/ ж-763), «Натюрморт» (с рыбой) (48x33 см, КП -11905/ ж-765). Картины были приобретены у К. Харитоновой в ноябре 1972 года за 50 рублей.
  8. Шишов А. А. — С. А. Шишову : [письмо от 24 февр. 1922 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  9. Шишов А. А. — С. А. Шишову : [письмо от 22 апр./8 мая 1922 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  10. Шишов А. А. — С. А. Шишову : [письмо от 28 янв./ 19 февр. 1923 г.]. // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  11. Шишов А. А. — С. А. Шишову: [письмо от 27 дек. н/ст. 1922 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  12. Шишов А. А. — С. А. Шишову : [письмо от 5 апр./ 23 марта 1923 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  13. Шишов А. А. — С. А. Шишову : [письмо от 23 мая 1923 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  14. Шишов А. А. — С. А. Шишову : [письмо от 13 февр. 1924 г.]// Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  15. Шишов А. А. — С. А. Шишову : [письмо от 5 дек. н. с. 1923 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  16. Шишов А. А. — С. А. Шишову : [письмо от 12 окт. 1924 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  17. Шишов А. А. — С. А. Шишову : [письмо от 24 апр. н. с. 1933 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  18. Шишов А. А. — С. А. Шишову : [письмо от 27 мая 1933 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  19. Шишов А. А. — С. А. Шишову : [письмо от 24 июня 1934 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  20. Шишов А. А. — С. А. Шишову : [письмо от 5 янв. 1935 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  21. Шишов А. А. — С. А. Шишову : [письмо от 7 мая 1936 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  22. Шишов А. А. — С. А. Шишову : [письмо от 28 июля 1936 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).
  23. Беда Г. В. — С. А. Шишову : [письмо от 8 сент. 1956 г.] // Семейный архив С. А. Шишова (г. София, Болгария).

Т. А. ШОЛОХОВА

ЭХ, ДРУЖЕ, ГЕОРГИОПУЛО!

А. П. Бибик и Г. Ф. Шолохов-Синявский в письмах 1920–1960-х годов

Мне Бог дал счастье родиться в семье русского писателя Георгия Филипповича Шолохова-Синявского. С ранних лет я была погружена в духовную атмосферу творчества своего деда; в нашем доме бывали М. А. Шолохов, А. П. Бибик, В. А. Закруткин, А. В. Калинин, Б. В. Изюмский, А. И. Бусыгин, Д. И. Петров-Бирюк, А. Г. Гарнакерьян. Сохранена переписка писателей, фотографии. Члены моей семьи вели дневники и оставили свои воспоминания.

Как-то при встрече с Наталией Калининой, дочерью писателя А. В. Калинина, я рассказала ей, что издала собрание сочинений дедушки [1]. Она посмотрела на меня лукаво и спросила: «А переписку писателей осилишь?». Её слова врезались в память. Когда начала разбирать переписку моего дедушки с писателями и читателями (а это не аккуратненько сложенная стопочка, а мешки писем!) я схватила за голову, но сказала себе: «Осилью!».

Работа увлекла. Из огромного массива переписки выбрала письма Алексея Павловича Бибика, человека трагической судьбы. До революции 1905 года он уже дважды побывал в царских ссылках – Вятской и Архангельской. Был участником IV съезда РСДРП от фракции меньшевиков, проходившем в Стокгольме в 1906 году. Встречался с В. И. Лениным. Меньшевицкое прошлое ему не простили в советское время. Алексей Павлович обладал чувством юмора и самоиронии. Уверена, что эти качества помогли ему преодолеть двадцатилетнюю царскую и большевистскую каторгу и их последствия.

В нашей семье имя А. П. Бибика произносилось благоговейно. Первые упоминания о нём, отложившиеся в памяти, я услышала от бабушки Елизаветы Алексеевны, которую Бибик называл «милой Лизеттой». С дедом они были знакомы с 1920-х годов. Дружба двух писателей

Т. А. Шолохова. Портрет с дедом, писателем Г. Ф. Шолоховым-Синявским

Татьяна Анатольевна Шолохова, внучка писателя Г. Ф. Шолохова-Синявского, его биограф и издатель. Сообщение под названием: «А. П. Бибик и Г. Ф. Шолохов-Синявский. Неопубликованная переписка 1920–1960-х гг. По материалам семейного архива». К 145-летию со дня рождения А. П. Бибика (Таганрог, 30 сентября 2022 г.)

А. П. Бибика и Г. Ф. Шолохова-Синявского сохранилась до конца их дней.

Из писем я узнала о судьбоносных моментах жизни Алексея Павловича, о горестях, радостях, надеждах, с кем из деятелей культуры того времени он встречался, как зарождались сюжеты его произведений. В коротких фразах Бибик умел сказать о многом: «*Видишь — дерево наклонилось, погопри! Так надо понимать священный дух писателя*» (1962) или забавная телеграмма деду: «*Отзовись, прог*», и очень трогательная: «*Спасибо, дорогой, за верность нашей гружке и за добрые пожелания*» (15.10.62). Или «*Ещё раз спасибо тебе дорогой за тепло твоей гружки*» (06.05.63). А как трогательно он обращался к дедушке: «*Друг мой любимый Егорушка*», или «*О мий груже, мий казачий*», «*Жорженелло*», а то и «*Свинявский*», если дед долго не писал или «провинился». По доступной мне переписке и воспоминаниям моих родных я попробую воссоздать дорогой для нашей семьи образ замечательного человека и писателя.

В Нахичевани-на-Дону

С 1917-го по 1920 год А. П. Бибик жил в Нахичевани-на-Дону (ныне Пролетарский район Ростова-на-Дону). В составе Донского правительства избирался в Нахичеванскую городскую думу и назначался заместителем городского

А. П. Бибик. 1914 год. Фото из фонда краеведческого музея г. Минеральные Воды

головы. Он был одним из руководителей райкома нахичеванских меньшевиков, в меньшевистских газетах выступал против политики большевиков, особенно Брестского мира. В автобиографическом очерке он вспоминал: «*В Ростове и Нахичевани, скорее всего формально, существовали местные самоуправления. В Нахичевани ведал я электростанцией, водопроводом, пожарной частью... Случалось сталкиваться с немецким командованием. Выручил я однажды в первые дни захвата оккупантами Ростова до тысячи рабочих и среди них большевиков, выдав им пропуска для следования в Батайск за Дон. Спас их от верной смерти. Этот мой актив высоко оценил Ф. Э. Дзержинский при встрече в 1920 году...*»

Нахичеванское самоуправление ... влачило жалкое существование. Но однажды сюда пожаловал посланец немецкого городского коменданта. Последовало требование встретить "начальство". Я не был главным лицом. Это позволило мне поступать уклончиво и в известном смысле вольно:

– *Передайте господину коменданту, если ему угодно, то приглашаем его встретиться...* [2, с. 398].

Об этом эпизоде читаем в письме Г. Ф. Шолохову-Синявскому 11/IV.56:

«*Здоров, толстый, но всё же симпатичный Жоржа! Быдь ты порядочным, мог бы доставить безалаберному "старикуну" большое удовлетворение нижеследующим. В бурные дни (1918 г.) вступления в Ростов немцев у меня был с ними довольно таки огнеопасный конфликт. Не менее рискованное было пререкание с знаменитым Грековым по поводу оружия, найденного у рабочих Нахичеванской электростанции. На мой взгляд, испытания были мной выдержаны прилично. Это же было отмечено в большевистской газете. Название газеты точно не помню (не то Советский Юг, не то Красная Заря), время — вторая половина декабря 1918 г. Согласись, что такая констатация ценна не только для меня, но и для моих друзей.*»

Похлопочи, груже!....» А. Бибик 11/IV.56.

Но большевики не хотели забывать меньшевистское прошлое А. П. Бибика. В 1920 году он был арестован по делу Донского комитета, отправлен на Лубянку. Благодаря заступничеству председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского, с которым пути пересекались по партийной работе, был освобождён. А в 1924-м вновь арестован и выслан на три года в Свердловск. Там Бибик знакомится с писателем Павлом Бажовым, последний помог ему устроиться заведующим

литературным отделом журнала «Товарищ Терентий», в котором печатались М. Горький, А. Серафимович, Н. Погодин. Бибик избирается в редколлегию «Уралкниги». Много пишет. К 1928 году в литературном багаже Алексея Павловича значился шеститомник произведений [3].

А. П. Бибик и Г. Ф. Шолохов-Синявский. Первые встречи

В 1927 году А. П. Бибик вернулся в Ростов и поселился в доме по улице Мало-Садовой (ныне Суворова) № 28. На доме сегодня — посвящённая ему мемориальная доска.

Тогда же Алексей Павлович становится творческим наставником молодого писателя Г. Ф. Шолохова-Синявского. В воспоминаниях он пишет: «Я старше его лет на 25 и в литературу вступил раньше, и раньше познал азы "агротехники" сочинительства. Вероятно, поэтому ко мне на просмотр попали два-три черновика первых рассказов Г. Ф. Шолохова-Синявского. По привычке я начал было поправлять не только их содержание, но и стиль изложения. И вскоре увидел, что поправлять нечего, что мой карандаш только обидит автора. Хвалю себя за такое благоразумие. "Суровая путина" искренне обрадовала, ясно показала, что автор "сам с усами", что его крепкие ноги взойдут и на высшие ступени творчества» [2, с. 378].

В 1934 году А. П. Бибик и Г. Ф. Шолохов-Синявский были направлены на 1-й съезд Союза писателей СССР в составе делегации писателей от Ростовской области с правом решающих голосов. Алексей Павлович с высокой трибуны съезда заявил о проблемах и последствиях коллективизации на Дону. Его слова не были голословны. Он ездил по районам Ростовской области, встречался с колхозниками, представителями власти, своими глазами видел перегибы на местах. Об одной из встреч в 1930-е годы с политотдельцем Миллеровского района сообщал в письме: «...этот политотделец, расследовал причины разгрома многих станиц в тридцатые годы и установил отсутствие оправдательных причин для такого разгрома. А когда возбудил вопрос о возвращении 95% невинно наказанных — возвращать было некого...» (16.05.1962).

Бибик ратовал за честность и принципиальность писателей в изображении жизни, которых явно не доставало его современникам: «до чего же вы, сукины сыны, насобачились, — под потоками слова и под бием в патриотические груди — обходить самый важный, самый злободневный вопрос: о среде, условиях, поднимающих правосознание масс и тем создающих предпосылки для героизма.<...> Как глухо прозвучали немногие указания (напр. Твардовского на съезде...) на то, что мы отмечаем, сигнализируем о зловердных явлениях советской жизни — в пустой след! Как гордо звучит: мы — глаза и

А. П. Бибик в гостях у Г. Шолохова-Синявского в доме по Б. Садовой, 32. Ростов-на-Дону, 1959 г.
Фото из семейного архива Т. А. Шолоховой

уши партии и правительства! Но что же видят эти глаза, что слышат уши? Только то, что рентабельно, "гонорарно". Какое тут к чортовой матери влияние на ход жизни, на формирование хорошего человека? <...> Где изобличение мещанства, консерватизма и чванства, так характерные в среде большинства партбилетчиков? Где борьба—борьба по настоящему! — против трижды проклятого, всё хорошее тормящего бюрократизма?» (16.05.1962).

Допускаю мысль, что мой дед Г. Ф. Шолохов-Синявский прислушался к словам друга-наставника и в 1963 году написал рассказ «Хлеб насущный», основанный на воспоминаниях о голоде в станицах Дона в 1932—1933 годах, о «перегибах» слишком «ретивых» партийных работников в тяжёлый период становления первых колхозов на Дону. Увы, об издании тогда и речи не велось. Опубликован впервые в журнале «Дон» в 1995 году под названием «Цена хлеба»; под таким же названием вошёл и в шеститомное собрание сочинений [4].

Арест

Весной 1933 года мой дедушка с семьёй переехал из Синявской в Ростов. Тогда же в доме на Новом поселении «к нам часто приходили в гости писатели и поэты, — вспоминал Леонид Шолохов, сын Г. Ф. Шолохова-Синявского. — Именно тогда впервые появился в нашем доме уже знаменитый писатель Алексей Павлович Бибик. Помню его высокий бритый череп, седую щётчку усов, голубые весёлые и добрые глаза и нас с братом, сидящих на его коленях напротив друг друга. Обнимая и подбрасывая нас, Алексей Павлович с добродушной улыбкой приговаривал «О, богатыри мои! Богатыри!» Именно тогда стал часто приезжать к отцу один из секретарей Куйбышевского или Крыловского райкома партии некто Шаров. <...> Однажды Шаров поучал: «Что же вы, писатели, не пишете о гигантской революции в деревне — о коллективизации? О величайшем в истории человечества сталинском плане преобразовании в деревне?» В ответ, ранее молчавший Алексей Павлович, вскочил и закричал:

— О ч-чём писать?! О п-пустых котлах?! О голоде?! О вымирающих деревнях?! О Соловках?! — Все присутствующие — Бусыгин, Петров-Бирюк, Никулин и другие — обомлели. Шаров, молча, вскочил и, выходя, прошипел:

— Я это запомню!

Больше мы его в нашем доме не видели. Но слова Алексея Павловича Шаров действительно не забыл. В 1938 году Бибика арестовали как

врага народа. Впоследствии, уже после окончания Великой Отечественной войны, мы узнали, что на всех допросах фигурировали его слова как призыв к свержению советской власти [5, с. 137—138].

В 1930-е годы пьесы А. П. Бибика с успехом ставились на сценических подмостках. «Пьеса «Праздник мастера» была рекомендована Ростовским обкомом театру Завадского» вспоминал он в письме от 06.05.1954.

«Осенью 1937 года, когда режиссёр Ю. А. Завадский хотел поставить на ростовской сцене пьесу Бибика «Праздник мастера», а новую пьесу Стальского [Иллариона. — Т. III.] «Красивая женщина» (о диверсиях «врагов народа» отклонил) он (режиссёр) был объявлен «врагом народа», главарём группы (Марецкая, Мордвинов, Бибик и др.). Чудом тогда спаслись все от клеветы завистника и от руки НКВД. Но в феврале 1938 года Бибик был арестован. Ему припомнили старые его меньшевистские «грехи», присоединили к ним и новые обвинения. — писал В. Я. Котовсков [6].

На сайте «Музей истории Гулага» я нахожу ещё одну версию причины ареста Бибика: «В 1937 г. Алексей Павлович репрессирован как троцкист (поводом стала повесть Бибика «Новая Бавария», объявленная злостным пасквилем на власть)» [7].

Позднее были арестованы жена и дочь Бибика и отправлены в ГУЛАГ, девять лет они не знали о судьбах друг друга.

Писательское братство

Только в 1947 году, благодаря стараниям М. А. Шолохова, отчаявшегося Алексея Павловича, которому к тому времени было 72 года, удалось вызволить из ссылки, проведённой в лагерях на Северном Урале (Ивдельлаг). С Михаилом Александровичем они были едва знакомы до заключения в 1938 году, из лагеря Бибику удалось передать записочку, написанную на клочке бумаги простым карандашом; трудно представить через сколько рук прошло это письмо. М. А. Шолохов незамедлительно написал прошение в ЦК партии и держал на контроле этот вопрос до освобождения писателя [8]. Благодарность к М. А. Шолохову Бибик пронёс через всю свою жизнь; высока вероятность, что по окончании срока Алексею Павловиче могли добавить новый и смерть застала бы его в лагере.

Впоследствии А. П. Бибик оставил воспоминания о дружеской поддержке писателей, оказанной ему в трудные времена. Когда возвращался из ссылки в 1947 году и отстал от поезда в Свердловске, Павел Бажов предоставил ему

А. П. Библик и Г. Ф. Шолохов-Синявский. Железноводск, 1962 г. Фото из семейного архива Т. А. Шолоховой

ночлег и деньги [2, с. 361 – 362]. А Серафимович не побоялся предложить Бибику пожить у него на даче в Переделкино [2, с. 372]. Но Алексей Павлович стремился в Ростов в надежде найти жену и дочь.

По воспоминаниям Л. Г. Шолохова сына писателя Г. Ф. Шолохова-Синявского: «*Был студёный и голодный декабрь 1947 года. Однажды поздним вечером в нашей квартире на 16-й линии в Нахичевани раздался стук в дверь. Мама ... открыла дверь и увидела маленького, согнувшегося, в засаленном ватнике и в глубоких калошах на босу ногу, которые мы тогда с усмешкой называли "прощай молодость", с котомкой за плечами, старика, который сняв цигейковую ушанку, робко спросил:*

– Лиза, ты меня не узнаёшь?

Это был Алексей Павлович Библик – некогда знаменитый пролетарский писатель, только что вернувшийся после десятилетнего заключения и получивший "волчий билет" с правом селиться "не ближе тридцати километров от ближайшего города". Некоторые семьи

говоенных "братьев-писателей" побоялись, пустить Библика, даже переночевать на одну ночь, <...> мать, ни слова не говоря, распахнула перед Библиком дверь настежь. <...> Отец договорился в родной Синявке о том, чтобы этого престарелого человека, прошедшего на царской и советской каторгах более двадцати лет, взяли колхозным сторожем и приютили в колхозе имени Фабрициуса...» [5, с. 139].

Этот жизненный эпизод нашёл отражение в рассказе Библика «В займище Дона», опубликованном с пометкой автора: «1948, Синявская» [9].

В числе первых друзей, которых Библик посетил в Ростове был В. А. Закруткин. Виталий Александрович оставил воспоминания об этой встрече [8]. С присущей скрупулёзностью в письме к бабушке А. П. Библик внёс уточнения об этой встрече: «*В статье В. З. есть неточность: в момент прихода к нему я ещё искал З. И., нашёл в Пятигорске, схоронил в станице Константиновской (на Кубани) спустя около года.* [З. И. – Зинаида Ивановна, жена писателя умерла в 1953 году. Письмо без даты – Т. Ш.]»

З. И. Библик, жена писателя А. П. Библика. (Дата не установлена). Фото из краеведческого музея г. Минеральные Воды

С женой Библик встретился в Пятигорске в 1948 году. Работала она в музее «Домик Лермонтова» машинисткой. В том же году в Пятигорск к матери приехала дочь Ольга,

освободившись из лагеря. Писатель Н. Ляшко дал безвозмездно Алексею Павловичу 4 000 рублей на покупку дома в ст-це Константиновской Краснодарского края [10]. С женой и дочерью А. П. Бибики поселяется в Константиновской. О своих невзгодах в этот период Алексей Павлович писал Шолохову-Синявскому:

«Дорогой Жоржа Филиппович, не откажи в грузинской услуге: попроси своих богатырей (сыновей – Т. Ш.) достать и переслать мне гвоздей.<...>. Ибо, как сказано в Библии, без гвоздя и социализма не построишь. А нет в богоданной Константиновке, ни в районных точках – “ни гвоздя!” [К письму прилагает расчёт необходимых строительных материалов. – Т. Ш.]»

Кроме того, хотя бы пару кусков столярного клея. Упаковать так. Чтобы не тарахтело. Пустынно и скучно моё житие. Хата летняя, и отчаянно борюсь за спасение моих женщин от замерзания (утром – 3–4 градуса!) У Оли обнаружилась серьёзная болезнь сердца, и это ещё ухудшило моё самочувствие. – Слишком жестокие выпали ей испытания!..

Все мы мало-мало помогли ей облагородить больницу (из анекдотической “Каки” больница превращена в образцовую!), а между прочим – высидел первый черновик повести о некоем враче в глухомани, листов на 9–10. Надо приниматься за шлифовку но .... откровенно скажу: “гуша не поворачивается”, когда подумано, что ждёт эту повесть даже в том случае, если она получится абсолютно безупречной. Невесело жить под знаком заживо погребённого!...А впрочем – “Прочь скука. Пусть лошадь скучает!” – так говорит некий чех в повести Бахметьева. Перевожу 40 р., а если окажется мало – дошлю без задержки.

Сердечный привет и пожелания Елизавете Алексеевне и двум богатырям. Тебя обнимаю.

А. Бибики 20/II.51. Станица Константиновская Краснодарская Почтовая ул. 7».

***

«Дорогой Георгий Филиппович!

Между 16–20 октября, проездом в Москву, я буду в Ростове. Мои душеприказчики в Москве за 3 почти месяца ничего не сделали, рукописи лежат у них без движения. Не обидно ли?! Но это отчасти, на пользу пьесе. После 6-й работы она стала поблёскивать, и мне больше нравится.<...> Вот мне и пришла мысль: а что, если устроить в Ростове читку? В ограниченном круге, лучше у тебя или у Закруткина, если он окажется в Ростове. Желательно присутствие пары артистов. Кстати и прочёл бы артист.

Помимо оценки произведения, мне хотелось бы опровергнуть старую, захватанную грязными лапами, легенду о Бибики – “Хохе”. Я должен оправдать доверие грузин! Поговори на эту тему с Закруткиным, Бирюком (шикарно издался, шельмец). До скорого, надеюсь свидания! Привет Ел. Ал. и домочадцам. А. Б. 10.10.1952 г. Ст. Константиновская-Краснодарская».

***

В другом письме о возможности такой встречи опальный писатель пишет с оговоркой: *«...Если вы, обсудивши моё предложение, ответите “нет”, я не обижусь, ибо понимаю, что для “га” требуется некоторое мужество» 27/II.53. ст. Константиновская-Краснодарская».*

Радостные вести о снятии 10-летнего «литературного карантина» и реабилитации последовали с разницей в год:

«...В Москве мне подтвердили, что запрет с моих произведений снят. Однако, найти их можно только в крупнейших библиотеках. А. Б. 05.04.1957 г. »

«...О реабилитации ты, разумеется, знаешь. Было желание отметить дату “1938–1958” бутылкой вина... А. Б. 22.03.1958».

Драматургия А. П. Бибики. 1950 – 1960-е годы

После возвращения из лагерей Алексей Павлович начинает собирать своё творчество по крупицам, многие пьесы были утеряны при обыске.

«Радость! Нашлась в архиве пьеса “Праздник мастера” и ... раз десять принимался плакать... Конечно, было бы лучше, чтобы плакали зрители, но что поделаешь, когда искренне, по совести, написанное произведение пролежало под сукном 17 лет и бог весть, сколько ещё будет лежать! Не захочешь, так заплачешь!» (06.05.1954).

«В журнале “Театральная жизнь” № 19 напечатан III-й акт из пьесы “Архиповы”, если достанешь стоит прочесть хотя бы потому, что это написано было 42 года тому назад» (12.11.1964).

«Пьеса (“Золотое зерно”), мне кажется, заслуживает внимания советской общественности, поскольку тычет носом в зловонную язву, ... следует ориентироваться на впечатлительность 200 млн. советских людей, изнемогающих под гнётом подлого бюрократизма...» (05.06.1957).

«...вчера имел любопытную беседу с одним из редакционного совета МХАТ. Прежде всего,

вместо 3-х дней по обещанию, он прочёл рукопись [пьесы «Белый халат. — Т. Ш.] через 3 часа после моего ухода от него. "Начал — и не мог оторваться". И тотчас вызвал меня по телефону. По его мнению, это — лучшая из всех пьес, предложенных вниманию МХАТа за последнее время... воскликнул: "Будь я директором, я взял бы эту пьесу вместо ста пьес, лежащих в нашем портфеле". Но — он не директор, во-первых, во-вторых — вся труппа и администрация, и совет — в разъездах, аж до самого сентября. В-третьих — театр может ставить новых пьес не больше 2-х за сезон, а от запасов их ломаются шкафы. Когда же я намекнул, что он мог бы, дескать, рекомендовать пьесу другому театру, сей муж (в общем — симпатяга) ответил: "Более слабую пьесу я, пожалуй, рекомендовал бы. Но если эта прозвучит в другом театре, мне в МХАТе не будет житья, почему упустил". И ещё: "Актриса, сумеющая сыграть Ольгу, закрепит своё положение"». От всего этого у автора (не первой молодости) закружилась даже голова. Если охота — можешь вводить поправочный коэффициент в слова т. М., но не в мои: за что куплено, за то продано.<...> А в общем — я горячо рекомендую писать пьесы всякому, чей вес превышает 70 килограмм. Учти!»

Это намёк с юмором на полноту моего деда. В письмо был вложен небольшой пожелтевший листочек — отрывок из пьесы, страница 72:

«Остановилась перед халатом.

— Запачканный халат. Я, Ольга Платоновна, запачкала свой белый халат?! — ложь! Тебя не пачкали гнойники! На огненном фронте, бывало, ты весь залит кровью, но не было на тебе чёрного пятнышка. Белый халат — моя честь! Моя гордость! И вот — тебя пачкают, — уже запачкали! Ведь горная молва о суде и враче-взяточнике пошла уже кругами, как вода от брошенного камня.

— И кто же, кто бросил этот камень? Кто дёгтем облил мой халат? Ядовитейшее из реликтовых, — Кармен! Не Кармен Испании, просто — блатнячка. Но эта блатнячка сильнее тебя, Ольга. Да и умнее (саркаст. смех) — Учись у неё списывать коров, торговать пенициллином!»

И ниже подпись: «С чувством большой симпатии — Елизавете Алексеевне Шолоховой-Синявской, на добрую память о первой читке пьесы. А. Б. 1960 г.»

В 1964 году Шолохов-Синявский ходатайствовал о постановке пьесы «Неведомые страны» (новое название «Архиповы») и получил положительный ответ от режиссёра Таганрогского театра имени А. П. Чехова. Он поспешил

телеграммой порадовать больного автора. Но, увы, пьесы Бибика не были поставлены в театрах, думаю по понятным причинам его «прошлых грехов».

Закончим драматургический период писателя на оптимистической ноте. В городе Минеральные Воды, где жил писатель последние двадцать лет, в клубе Стекольного завода пьесы были поставлены, имели большой успех у зрителей, их приезжали смотреть из соседних городов — Ставрополя, Невинномысска. Пьесы получили высокую оценку критики. С конца 1950-х годов популярность писателя возрастает, его произведения читают люди разных поколений, проходят литературные встречи, особенно А. П. Бибик любил встречаться со школьниками и юношеством.

«К широкой дороге»

В 1957 году впервые после освобождения А. П. Бибика переиздаётся самое крупное его произведение — роман «К широкой дороге». Роман переиздавался более десяти раз. Первая часть под названием «К широкой дороге» была издана в 1912 году, продолжение называлось «На чёрной полосе». По мере изменения мировоззрения А. П. Бибика менялись сюжетные линии и судьбы героев. Так один из главных героев — большевик Игнат Ракитный сначала кончает жизнь самоубийством, по рекомендации М. Горького в следующем издании герою продлена жизнь.

«Дорогой Жоржа!

Второй месяц уже я нахожусь в поликлиническом Доме творчества и пробуду вероятно до 2-го мая. Только что кончил переработку "К шир. дороге" и "На чёрной полосе". Обе книги объединил, придал большую историчность, отжал воду, обогатил красками, подлинными фактами и характеристиками. В общем, довёл, как мне кажется, до звона, и рад, что не поторопился с переизданием книжек в прежнем их виде. Хочется думать, что новая книжка "К широкой дороге" переживёт меня. Объём — 35 листов.

Помнится, я уже просил тебя запросить Ростиздат, не согласится ли он издать книгу? ... Прошу о том же ещё раз. Напомни, что последнее издание "К широкой дороге" принадлежит Ростиздату.

В Москве мне подтвердили, что запрет с моих произведений снят. Однако, найти их можно только в крупнейших библиотеках. Подчеркиваю: от прежних книг сохранилась не

больше 1/10 страниц, да и те переделаны, так что книга по существу будет новая. [Подчёркнуто автором. — Т. Ш.]

Поработал без передышки, больше 3-х месяцев, сейчас чувствую нечто вроде реакции, но эта реакция перекрывается удовлетворённостью результатами напряжённой работы.

Если ты оторвёшься от созерцания своего пупа и в переговорах с издательством увидишь возможность, то я на обратном пути остановлюсь в Ростове.

Учти и то ещё, что я числюсь (если не ошибаюсь) в группе писателей-ростовчан, во-первых: а во-вторых-в октябре с/г. мне стукнет 80 лет. Так надо же совесть иметь!

По этому поводу я сочинил оду:

“От моих

Седых

Восьмидесяти лет —

Лучшей на свете Елизавете

Сердечный привет!!!”

Само собой разумеется, что после такой оды источник надо засрать.

Обнимаю твою необъятность.

А. Бибик. 5/IV 57. Москва, Голицино, Дом писателя».

«... Прожил я в первопрестольной 2–2,5 месяца, а поработал — лет за пять. Пришлось переписать на машинке страниц 850, да повторно — добрую половину. (Отобрана половина). Я уверен, что ты, а тем паче — Елизавета Алексеевна — прочтёте копию рецензии на мою работу с должным почтением к моим седидам, — которые не идут к молодости моей души! А. Бибик. 05.06.1957».

В письмо вложена статья критика Шахмагоновой [имя, отчество не указаны. — Т. Ш.]: «... все мы ждали, все мы надеялись, что когда-нибудь выйдет из-под пера Алексея Максимовича Горького роман более глубокий, более объёмный, более широкого полотна о русском рабочем революционере. Максим Горький ушёл, не оставил нам такого романа, он положил на стол книгу о Клите Самгине. ... Роман “К широкой дороге” написан в том же ключе, что и “Мать” Горького. Мне кажется, что появилось новое выдающееся произведение, которое займёт в литературе место на той же полке, что и “Мать” Горького, рядом, корешок к корешку. Роман Библика написан не в спехе, поэтому его художественные достоинства не вызывают никакого протеста. Вывод: немедленно заключить с автором авансовый договор, книгу издать возможно большим тиражом к сорокалетию советской власти»

В характере главного героя Игната Ракитного, угадываются черты писателя, а описанные события во многом автобиографичны.

«Петро Беспартийный»

В 1938 году у Библика при обыске обнаружили рукопись «Петро Беспартийный». Её изъяли во время обыска в Ростове-на-Дону, по всей видимости, уничтожили, а автора осудили. «Теперь можно только догадываться о том, что это был за роман» [10].

Был ли это роман, или повесть, трудно сказать, потому что в ниже приведённой переписке Е. Т. Кабаченко и Г. Ф. Шолохова-Синявского произведение Библика называется и романом и повестью.

В 1962 году к Г. Ф. Шолохову-Синявскому обратился Е. Т. Кабаченко [11], литературовед из Ставрополя:

«Уважаемый Георгий Филиппович!

У меня к Вам есть просьба: сообщите, будьте добры, что сохранилось у Вас в памяти о рукописи А. П. Библика “Петро Беспартийный”.

В одном из писем мне Алексей Павлович пишет, что повесть “Петро Беспартийный” успели в рукописи прочесть два ростовских писателя. Первым называется Ваше имя. Меня это интересует, как критика и литературоведа. Прошу Вас откликнуться хотя бы кратким письмом.

Очевидно образ Петра — центральный в одноимённой повести. А. Бибик отмечает в письме, что Ваш отзыв был объективным и доброжелательным.

Ваше письмо очень желательно. Вы, конечно, меня не знаете. Ваши товарищи меня знают. Знает Ф. А. Чапчатов, А. М. Фарбер.

Адрес для ответа: г. Ставрополь на Кавказе, ул. Ясеновская, д. 48, кв. 23.

Кабаченко Ефиму Тимофеевичу.

С уважением, Е. Т. Кабаченко

24 марта 1962 года».

Ответ последовал быстро:

«Уважаемый Ефим Тимофеевич!

Роман А. П. Библика “ПЕТРО БЕСПАРТИЙНЫЙ” я читал 25 лет тому назад, многое, конечно, из содержания улетучилось из памяти, но главное впечатление осталось. Мне думается, — это был наиболее интересный, написанный на высоком художественном уровне роман. В его основу положено много автобиографического, поэтому, помнится, от него веяло глубокой искренностью, лиризмом и теплотой. Главные герои — рабочие — юноши, вступающие

на революционный путь. Чистота их идейных устремлений, благородных порывов на первом этапе их поисков часто носит наивный характер. Потом коллизии борьбы с самодержавием, все испытания подпольной работы захватывают их всё больше. Сколько мне помнится, пути их расходятся. Особенно ярко выписан Петро, центральная фигура книги, который не сразу, а через сложные колебания приходит к правильному пониманию своего места в с. г. движении, становится большевиком. Роман заканчивается началом периода военного коммунизма 1917–18 г.г., периодом восстановления жел. гор. транспорта и заводов. Главы написаны были очень ярко, впечатляюще, со свойственной А. П. Бибику искренностью и знанием души рабочего человека, борца за своё дело. Были в романе, конечно, и спорные места, но искусство без этого разве может жить? Сам А. П. Бибику в то время, ещё до своего ареста, говорил полушутя:

«За этот роман мне должны вручить партийный билет ВКП /б/». За шуткой чувствовалась серьёзная вера автора в успех романа, в то, что этим произведением он как бы окончательно избавлял себя от некоторых заблуждений прошлого.

«Петро Беспартийный» — на мой взгляд роман честный, правдивый — это большая яркая художественная страница в истории рев. движения России. И очень жаль, что роман этот утрачен и не увидел света.

Вот и всё, что я могу сообщить Вам об этом произведении.

С уважением Г. Шолохов-Синявский. 27 марта 1962 г.»

Предоставляя переписку Г. Ф. Шолохова-Синявского с Е. Т. Кабаченко, я надеюсь, что немного приоткрыла завесу таинственности пропавшего романа, и думаю, при определённом старании и упорстве следопыта, есть шанс отыскать рукопись романа «Петро Беспартийный».

Апокалипсис, или 13 редакторов – 13 микроскопов

Мы знаем множество рассказов писателей о редакторах-мучителях. Одна из ярчайших историй описана Булгаковым в «Театральном романе». Не обошла сия чаша и А. П. Бибику. Приведу несколько «криков души» Алексея Павловича:

«В канун Решающей Пятилетки, обнимаю крепко тебя, Елизавету Алексеевну, твоих

богатырей. Если ещё не добрался до своего “по толка” — гобирайся.

Твой истерзанный тринадцатью рецензентами и редакторами. А. Бибику

Пятигорск — санаторий. [26.12.58. Дата указана на штемпеле открытки. — Т. Ш.].

***

«В добрый час, хлопцы-молодцы!

Только что смастерил себе “рабочее место”, тем — много, но пока — ничего готового. Для начала, к концу ноября я постараюсь прислать рассказ из прошлого, не больше полулиста. Название — “Петька и Шаляпин”. Если не совсем прямое, то весьма близкое отношение к поминкам 1905-го года он имеет. А поминки того года будут ещё и в 907-м. [1907 г. — Т. Ш.]

С приветом и пожеланиями успеха журнала (уверен в этом успехе!) А. Бибику 4.XI.56 г.»

***

«Честь труду,

Алексеевна и Жоржа из непутёвой станицы! <...> Прохождение рукописи под 13 микроскопами (и число то, дьявол его, какое-то апокалипсическое!) — оставило у меня тяжёлый осадок — усталость.

Прямая линия! Герой-большевик 10-ти метрового роста!

Аще кто несогласный с канонами — хотя бы доморощенными — неизреченная кака!...

Спасая произведение, я шёл на большие компромиссы с правдой. Но ведь эти “микроскопы” вторгались не только в область истории и идеологии, а правила стиль, и правила не карандашом, а сразу чернилами. Да мало того, уже в согласованный текст были произвольно внесены изменения.

Например: рабочий, художник самородок, вдохновенно лепит из глины бюст Шаляпина, а разочаровавшись (ошибочно) уничтожает своё произведение. И вот — жест и краски, кот. сообщают жизнь произведению — вычёркиваются.

Или: На вокзале нечаянно взрывается бомба, разносит в куски хорошего парня-рабочего, а рука бомбиста повисает на железной ферме вокзального навеса. Предназначалась бомба для проезжавшего в поезде министра-палача, но террорист нечаянно её уронил. — Ясно? Ясно.

А один из “микроскопов” изобразил так, что не рука висела на ферме, а бомба, и кто-то её оттуда толкнул. — Уж как разберётся читатель в этой галактической туманности — не представляю.

“Равнодействующая сил”, — кто же теперь не знает эту простейшую формулу из механики?! Раз пять исправлял я невежество

машинисток и микроскопов, — и всё так напечатано: "равнодействующая сила" [подчёркнуто автором. — Т. Ш.].

Контрольного экземпляра не получал, да и вряд ли возможно было по нему исправление. — Вместо гранок была вёрстка, это чортово "прокрустово ложе"! Кое-что, всё же, удалось выровнять, а микроскоп... сделал по своему.

Читал твою статью в "Литературке" на счёт редакторской самостоятельности, хотелось "поддать жару"... да побоялся тем зарезать свою книгу. А больше, вероятно — по лени.

Вот почему, грузья мои, "гопак" у меня не лагится. И когда будете читать мою лебединую песню — учтите, что многие белоснежные перья были выдернуты не по моему негодотёпству, — что тоже нельзя отрицать.

Ладно, как вышло — то и вышло! Хочется гумать, утешаю себя надеждой, что мне и в таком виде книги удалось донести до читателя дух замечательной эпохи пробуждения рабочих масс и поисков дороги к счастью.

Если вы, прочтя (хотя бы при помощи булавки) скажете не кривя душой, что я трудился и претерпел не зря — я мало-мало успокоюсь.

Когда-нибудь, при случае, покажу тебе, Жоржа, рукопись.

Купи книгу — не жди авторской гармовщины! — и пусть Алексеевна от моего имени напишет тебе какое захочет преподнесение.

Привет вашим богатырям!

Вас обоих целую. А. Бибик. 2/VIII. 59.

P.S. не помнишь ли фамилии полковника, кт. пересматривал моё дело? Если забыл, то узнай, и там ли он».

***

«... Приезжал из Москвы редактор, недели две ковырялся в книге, было ему наказано издательством — сокращать. А мне всякая строчка, кажется нужной... Оно, конечно, точку зрения читателя надо учесть, убрать всё для него незанимательное. Мне, например, даже кое-что у Л. Н. Толстого кажется "скучным".

Понимаешь эту читательскую точку зрения, а — огорчаешься. А ещё досаднее вторжение редакторского карандаша в стиль! Тут и на стенку полезешь!

А всё-таки — из Москвы опять разговор о сокращении, а переиздание — в 68-м году.

Сейчас кончил одноактную пьесу «Девушка в комбинезоне», — потому и на душе легче, потому и пишу послание.

Крепко жму руку, надеюсь, что она, эта рука, наведёт нужный порядок!

Ваш А. Бибик 5/5 — 67 г.».

***

«Здоров, Жоржелло!

Хоть ты и «Свинявский» (случается), а все же — горогой. И я весьма опечален, что тебя валят гурацкие приступы. Ну — Я! А ты ж таки "щи молода дытина"! — А за то, что ты не слушаешь добрых людей, не помогаешь твоей машине (в общем, то она у тебя — того — ого!) — ну, хотя бы самомассажем, а то гантельками (вот скажем — как я) Кхе, кхе... (За небрежность к себе — решительно порицаю!!!).

Ну, а я, груже, «переживаю»...

Приехал редактор. Человек, как человек, — бог с ним, пускай себе топчется по грешной земле! Но, он, как большинство, видимо, редакторов, гумает, что знает больше писателя и... вторгается в чужой стиль. А этого я, как раз и не терплю — хотя — терпеть надо, ибо подчас и сам не замечаешь ляпсусов...

... Лихо могу варьировать кадры, а план романа — расплывается... Ни, хлопче: хоть ты из Свинявки, хоть маешь добру Лизаветту, а память, а молодость свою береги. — От и всэ... Целую. А. Б. 17.4.67 г.».

Да будет и впредь твоё перо неутомимо!

А. П. Бибик немало размышлял о тайнах творчества, о работе писателя над словом.

«Работа над художественным произведением и над словом требует большой сосредоточенности и неустанности, как тренировка скрипача и пианиста. Только тогда в произведении достигается конструктивная стройность, а его словесное одеяние достигает высшей выразительности и музыкальности. Конечно при наличии у пишущего творческих задатков» [2, с. 392].

«Писателю так же, как живописцу и композитору, как всякому творцу, а не простому копировщику, нужны условия творчества, помогающие сосредоточиться, думать, писать, слушая звук каждого слова» [2, с. 379].

Чутьем профессионала Бибик безошибочно угадывал в начинающих писателях будущих мастеров пера.

«Здоров, Жоржа Жоржонелло, (абож Егорий, та щей Пылыпович-1, — той, шо из Свинявки!) <...> Коротая время тоскливое, тянешься к "чтиву", ну и вот листая 11-й номер жур. "Новый мир". И напал там на Елену Ржевскую. Читал таку? Я прочёл с увлечением. Не скажу, что так именно и надо писать, но все же таки, рекомендую прочесть. Молодец !! Ваш А. Б.». [Письмо без даты. — Т. Ш.].

***

«Жоржа, если В. Д. Фоменко недалеко от тебя, передай ему, что я с большим удовлетворением читаю его "Память земли". Сердечно рад, что его рана затягивается успешно, — успешнее, чем моя...». (27.12.61 г.). [В. Д. Фоменко был арестован, удерживался в Ростовской тюрьме, освобождён в 1941 году. — Т. Ш.]

***

Г. Ф. Шолохов-Синявский. Ростов-на-Дону, 1958–1959 г.
Фото из семейного архива Т. А. Шолоховой

Это письмо можно отнести к готовой рецензии на трилогию «Волгины» Г. Ф. Шолохова-Синявского.

«Толстый (к сожалению — ещё не Толстой)! Разумеется, рад буду прочесть страничку моих воспоминаний в вашем альманахе. [“Дон”. — Т. Ш.]»

А что если я недели через 2–3 пришлю простой рассказ о случае в Акатуйской тюрьме с группой матросов-потёмкинцев? Для художественной грановки этого интересного сюжета у меня нет времени, но и в простой передаче рассказа очевидца это будет не плохо. Объём 1.5–2 листа. — Покумекайте с тов. Изюмским.

В очередном приступе хандры взял твоих “Волгиных” за неимением более свежей

писанины. И представь себе — увлёкся и читал с таким же удовольствием, как перечитываю некоторых классиков, а это, по моему мнению — верный признак качества произведения. Вот не потянуло же меня перечитывать “Искру”, хотя и её очень хаить не приходится [роман М. Соколова «Искра». — Т. Ш.]

При повторном чтении “Волгиных”, правда, яснее чувствуется “переигранность” (и отсюда и рыхловатость) кое-каких кадров; но за то я с большим удовольствием и даже радостью за тебя, Толстого, обнаруживал так не идущую — к твоей образине наблюдательность, тонкую линию. Хорошую такую лиричность и житейскую умудрённость. И даже — обработанность языка. Читая, боялся, что в баталических сценах ты будешь мазать и повторяться, — но и тут ты хорошо “вышел из положения”! А ведь не так-то велико, поди, было поле твоих живых наблюдений?!

Ай да Толстый! Даже завидно, как далеко ты ушёл от меня!

Эх, Ларя, Ларя... И то правда! Попахивало ладанком... дымок мало-мало извращал историческую перспективу, обеднял коллектив [нрзб.], но — так оно “тогда” требовалось... Будь здоров, не толстей больше.

Привет Елиз. Ал. и двум богатырям. 28/1 55. А. Б».

***

«Дней 10 тому назад под сильным конвоем детворы я был доставлен в одну из здешних школ. Добрался я туда “еле можаху” [Устар. шутовское выражение — в состоянии сильного опьянения. — Т. Ш.], неся галоши в руках. Какие славные мордахи! Какие глаза! Им хотелось видеть “живого” советского писателя, а пришёл к ним — “полуживой”. Но рады были и такому; и то, что на ногах было у писателя по пуду грязи, впечатление не испортило.

“Импровизировал” более-менее удачно. Но дело не в моей импровизации, а в том, что несколько учениц заговаривали о “Волгиных” (не зная о нашем знакомстве), в частности интересовались судьбой Тани (о чём у тебя сказано в третьей части. Которая до вопрошателей ещё не дошла.

А ты всё хнычешь! Э-эх... [на отдельном листе, без даты — Т. Ш.]

***

«Дорогой друг, Георгий Филиппович!

Сердечно поздравляю тебя с шестидесятилетием твоего бытия. Рад, что в литературу ты пришёл не с чёрного хода, не подхалимничал

и не кадил пресловутому культу личности. К творческим достижениям поднялся ты честным и упорным трудом. И за то хвалю тебя, что в тяжкие дни "ежовщины" ты не запачкал совести предательством и спекуляцией на политической бдительности, подобно другим, и поныне благоденствующим в лоне Союза советских писателей. А ещё хвалю тебя, груже, за то, что из написанного твоим пером ничего не приходится вырубивать топором (после недавней ассенизации). Да будет и впредь твоё перо неотомимо! Штаны твои — непросидимы! Бумага — терпелива! А милосердие спутника твоего — Неуссыкаемо! Аминь! Твой, находящийся на ремонте, А. Бибик. 13/11.61».

***

«Ты уже не весьма молод, но тебя мало трепали, ты в общем-то, сохранился. И "выписался". Память (и Лизаветта) тебя не подводят. Но нельзя тебе "апочевать". То время, что ещё имеется у тебя, ты должен рационально использовать, — работать без сверх нажима, но и не щадя штанов. И то, что ты дашь — будет куда ценнее суда хитрецов и подхалимов. Твой потенциал ещё не исчерпан!!! А не используешь — будешь потом каяться, как каюсь я.

Да грузья, невесело думать о том, что ты дошагиваешь последние километры ... дошагиваешь — не давший всего, что мог дать. Дрянная биография!! Ну а вы — шагайте! Крепко-крепко обнимаю обоих! ...» 12.11.1964.»

***

«Ну — здоров, Георгиопуло!

Дуже сердься? Прежде всего — спасибо за "Мёд". [Роман-трилогия Г. Ф. Шолохова-Синявского "Горький мёд". — Т. III]. Хорошо написал! А главное ловко использовал батька для своей автобиографии. Молчал же я долго потому, что стоило мне (ещё в октябре) перешагнуть за порог 90-го, как синявская (не иначе) сатана подставила мне "ножку", и я, не подумавши, треснул затылком о цемент, — да так треснул, что пришлось поднимать. Добре, хоть череп не треснул.

А тут как раз Сп [Союз писателей. — Т. III.] прислало рецензии каких-то шпингалетов и предложило обратить внимание на их замечание! Своё незнание эпохи и тогдашних людей эти развязные оценщики подменяют уточнить (датировать) ряд событий. — Боюсь, как бы на сей раз череп не треснул... А хочется, чтобы книжка была напечатана и пережила бы своего незадачливого автора. [роман «К широкой дороге» — Т. III.]. Ещё пару слов о твоей книге. Для

меня, знакомого с твоими ранними работами, приятно было видеть, что ты полностью овладел литературным письмом, — "выписался". Язык не претензиозный, но грамотный, мягкий, почти певучий. И Ёра твой шагает не на хогулях. [Ёра, сокращенное от Георгия, так близкие называли дедушку. — Т. III.]. Словом, твоя биография не теряется даже в ряду таких, как М. Горького и гругих. Читается легко и даже "увлекательно". Чего же ещё тебе, иголу?!

"Выписался"... Это качество появляется, конечно, не сразу, а после упорной работы, да ещё в обстановке, не мешающей сосредоточиться, ясно представлять образы, слышать музыку слов. Ой, как это много значит! И квартира, и базар, и число ухабов на дороге, и... подруга! Та подруга-попутчик, которая не мешает, а понимает свою роль в твоём творчестве и не превратится потом в навязчивое видение. Эх, груже, Георгиопуло! <...>

Возблагодари же Лизетту и тех добрых духов, что уберегли тебя.<...>

Помнишь ли, нет ли, — в те дни, когда М. Горький поучал писателей работать над словом! Ещё тогда я "имел дерзость" заострить вопрос о квартире и прочих удобствах для углублённой работы писателей? Да и сам Горький, в личной беседе с ним, придавал огромное значение "преодолению препятствий".

А присмотрись, попробуй, к условиям жизни любого из "великих". К примеру сказать — того же Тургенева, Толстого, Федина, Шолохова Михаила...

Для меня, груже, "ухабы" ещё не кончились. Тем охотнее жму руку Лизетте за то, что "не подводила" тебя, не ощипывала твои крылья.

У тебя же впереди добрых десятка два творческих лет. Агротехникой ты овладел, — так шагай дальше, шагай смелее! У тебя шансы-померансы не ниже шансов твоего однофамильца.

Будь здоров, — ты и твои "близкие" А. Бибик». [На конверте 30.11.66. — Т. III.].

Здорово будь, Жорженелло!

Итак, дёрнул ты в Переделкино, навстречу тамошней весны. С доброй рукописью в чемодане. Устойчивым курсом твоих писательских акций и заботливой Лизаветтой! — Завидно! А у меня целых пять (уже на машинке переписанных) рассказов... И нет у меня воли взять себя за шиворот и заставить просмотреть эти рукописи ещё раз... А в окно вижу сырую улицу, туман... чувствую одиночество, множество тем и сюжетов... и не желание работать... Так вот, груже, паки и паки глаголю тебе: не пропускай часу, работай и работай, используй остаток

дороги разумно..., чтобы потом не таращить глаза на уходящую жизнь вперёд. Не вздыхать о былых возможностях...

Приветствую и Лизаветту! И желаю вам обоим вернуть там хотя бы лет 10 молодости.

Жоржонелло, если ты хочешь меня мало-мало подбодрить, то в порядке интернационализма сделай вот что: невдалеке от дома творчества — гача К. А. Фебина. Если он дома (узнать можно по телефону) попробуй убедить его в желательности переиздания «К широкой дороге» (в изд. С/п) не в 1968, а в текущем году. Ежели, почему-либо, связаться с Фебиным не удастся, свяжись с Тихоновым Н. С., который в курсе вопроса, обещал содействовать... — Порадуй старика!...

И вот ещё что: в редакции «Нового мира» произошли какие-то перемены, и я не могу решить — посылать ли туда мои рукописи: тем более в них содержится, если не полное признание правоты Ленинских схем, т.е. чего добивались от меня в 1924 году.

Крепко обнимаю вас обоих. Отдохни, поздоровей, поработал ты. И дружеский привет Лизаветте Алексеевне, тебе непутёвому, двум богатырям, Монголочке [внучке Г. Ф. Шолохова-Синявского — Алёнушке. — Т. Ш.]. А. Б. 2.4.67 г.»

В статье «Слово о друге писателя» Бибик отметил: «Своим творчеством, ярким талантом романиста Шолохов-Синявский много сделал для развития нашей литературы» [2, с. 378].

Увлечение живописью

«Алексей Павлович был не только писателем, но и коллекционером произведений искусства. В его квартире на Мало-Садовой (ныне ул. Суворова. — Т. Ш.) была большая коллекция картин русских художников, особенно — передвижников. <...> Удивительное дело, в 1938 году, когда арестовали Бибика, его картина — подарок отцу — упала со стены, разбила графин с водой, стоявший на столе, и была насквозь проткнута пробкой от графина» [5, с. 138—139].

Это была картина И. А. Космакова — ученика знаменитого пейзажиста И. И. Шишкина. Мой папа Анатолий Георгиевич Шолохов как смог отреставрировал картину, у него был художественный дар, но картина ожила только в 2014 году, спустя 76 лет после реставрации, проведённой чудесным ростовским мастером-реставратором, художником Игорем Благодатыным.

А. П. Бибик в 1960-е годы подарил дедушке два этюда ставропольского пейзажиста,

заслуженного художника РСФСР П. М. Гречишкина. Во время моего посещения картинной галереи художника в Ставрополе в 2015 году, я разговорилась с директором галереи, биографом художника, и стала выяснять были ли знакомы художник и писатель, вопрос остался без ответа. В 2022 году задала этот вопрос директору музея А. П. Бибика в Минеральных Водах — и тоже безрезультатно.

И вот удача! В Интернете, на сайте букиниста, нахожу и приобретаю роман А. П. Бибика «К широкой дороге» с дарственной надписью автора: «Дорогому Павлу Моисеевичу Гречишину — на добрую память с пожеланием самого высокого потолка в его благородном искусстве. А. П. Бибик. Январь 1960 г.»

За спиной святой мученицы

Е. А. и Г. Ф. Шолоховы. Кисловодск, 1951 г.
Фото из семейного архива Т. А. Шолоховой

Алексей Павлович не однажды говорил Георгию Филипповичу, что ему очень повезло с женой. Бабушка Елизавета Алексеевна была для деда не только хранительницей очага, но другом, помощницей, секретарём в писательских делах. Бибик дружил с обоими.

«Не всякому писателю вменяется иметь воображение, и я бьюсь об заклад, что этих выражений не было написано лишь потому, что за спиной святой мученицы (каждая жена писателя — мученица!) — стоял ты, подобный коршуну с растопыренными когтями. А. Б. 05.04.1957».

***

«Вернувшись домой, получил вашу "коллективную" телеграмму. Здорово она прошибла меня своей искренностью. От всей души спасибо, грузьки! Прошу верить, что и моё расположение к вам обоим не менее искренне. А. Б. 4.5.1956 г.»

***

«Жоржа, а чи долго ты будешь мовчати, бис тоби на ливо ухо? Чи авторучка усю твою совість высосала? Дома я! Т. е. на старом пепелище... 8 месяцев больницы и клиники помогли очень мало. Пробую вот работать, да похоже, что нажимать на педали нельзя...

О хате — Согом и Гомора: проводят газ, отопление, ванну, — издырявили хату, а я — не найду собі места. А как ты? Слышал, что отлёживался. Не поддавайся хворобе. Уйти не трудно, трудно воротиться... И как раз тогда, когда овладел "агротехникой"...

Крепко тебя обнимаю. — Привет Лизаветте. А. Б. 17.8.64 г.»

***

«Дорогие Жоржа и Лизаветта!

26/12 была консультация. Обещают ещё десятков. Я — не возражал. — А ты небось занёс меня в святцы? Написал черновик новой пьесы, — Ура! Желая вам — чего вы сами желаете. Ваш А. Бирик. 20.12.64 г.»

***

«Дорогая Лизаветта Алексеевна!

Открытка Вашего... парня из Синявки и огорчила меня и рассердила. Хорошо, что там оказались Вы, и что нашлась добрая медпомощь!... Ух, Стоеросина!... Давно советовал ему следовать за собой, — не переутомлять нервы и тренировать сердце. Самомассаж и лёгкая гимнастика! Думаю, что только с их помощью докатил я до 90.

Теперь много зависит от Вас, Алексеевна. А что надо делать — это уж Вам виднее.

Ах, сук-кин-сын!.. Вот и теперь и возня с ним! Да ещё — вне дома!.. Всё же Москва поможет этому головану больше, нежели Ростов... А Вы — обеспечьте покой, — но помните о важности постепенных тренировок. Ваш А. Бирик. 5/V.67.»

***

«Дорогая Елизавета Алексеевна!

Вот уже третий день как я узнал об уходе от нас Георгия, а всё никак не найду слов утешения.

Это удивило меня своей неожиданностью, — ведь я считал его "ещё молодым", — но, правду сказать, не испугался. А не испугался потому, что и сам я готовлюсь в дальнюю дорогу... и даже с этим как-то примирился. Мне всё слышится, как на яву, вещице слова Пушкина: "Промчатся годы... и сколько бы не видно нас — мы сойдем под вечны своды"... Забота лишь в том, чтобы груз ошибок и прегрешений был не тяжёл. А у Георгия груз не тяжёл. Он уходит с именем свободным от подхалимства...

Ваша ближайшая задача — привести в порядок его писательский архив, а затем — установить тесный контакт с Вашими богатырями, — что не даст Вам почувствовать одиночество. А ещё лучше, если Вы найдёте, чем занять себя. Главное — не замыкайтесь! Мои архивные дела гораздо хуже, чем у Георгия, но у меня ни сил, ни желания приводить их в порядок. В частности — редактор мой сообщает, что издательство решило издать "К широкой дороге" в этом году, — так что я, возможно, увижу книжку "прижизненно". Но даже это не молодит.

Будьте здоровы, не унывайте сверх мер! Право же у Вас не плохое окружение.

Крепко жму руку!» А. Бирик 1.6.67 г.»

***

«"Ему и больно, и смешно..." — так чудесно и метко сказал Пушкин, — лучше, пожалуй, не скажешь. Дней 6 тому назад перепутал я какую-то мазь-перемазь с глазными каплями и ожёг левый глаз. К счастью, дома была Ольга А. и помогла эту агрессию приглушить. Но всё равно плохо вижу. Глаз болит, авторучка посмеивается.

Так-то вот, дорогая Лизаветта Алексеевна, и всё почти в моей жизни, — вернее — наоборот: чуть только развеселишься, засмеёшься, от лёгкости жизни, а сатана уже тут как — тут, и не с ложкой, бестия, а с целой лоханкой!... А ведь родился то, говорят, в рубашке. А. Бирик. 3.6.67 г.»

В ответ, спустя два месяца после смерти Г. Ф. Шолохова-Синявского, вдова Елизавета Алексеевна Шолохова писала А. П. Бирику:

«Вы всё тот же, неунывающий, весёлый, дорогой Алексей Павлович, которого так нежно любил Егор! А доказательством служит то, что, лёжа на койке, в московской больнице, в свой смертный день, он не забыл о Вас. Только Вам одному нацарапал первомайский привет и поздравление. 07.1967 г.»

Дедушка своей тонкой душой понимал, как много значил этот праздник для 88-летнего друга. Ведь первые шаги в революцию были сделаны им в Харькове, когда он выступил в числе

организаторов первой «маёвки» — демонстрации трудящихся 1 мая 1900 года.

***

«Часто вспоминаю Георгия. Сам-то хожу не по широкой дороге, а по обочине. А время, время! — “Все течёт, всё меняется”. Всего — всего доброго. Привет вашим богатырям. А. Б. 1.1.73 г.».

Восемь жизней, или Смерть его не брала

Послесловие

После северных холодов Алексея Павловича тянуло на юг. В конце жизни он хотел осуществить давнюю мечту: поселиться у Чёрного моря, или черпать вдохновение в горах Кавказа. После Константиновской некоторое время жил в Одессе, немного в посёлке Лоо у знакомых. Потом устремил взгляд на горы: ему понравился Майкоп. Мой дедушка стал хлопотать за друга. Попросил адыгейского писателя Тембота Керашева обустроить пожилого Бибика в Адыгее.

Тембот Магомедович сердечно откликнулся и начал хлопотать за коллегу по перу, подыскал ему жильё. Но дочь А. П. Бибика не захотела оставаться в Майкопе. Она, врач-курортолог, боялась, что не найдёт здесь работу. В итоге Алексей Павлович после десятилетних скитаний в 1956 году поселился с дочерью Ольгой Алексеевной Бауэр (Бибик) и её мужем в Минеральных Водах.

Выстроили дом, купили автомобиль «Москвич», осуществили мечту съездить к Чёрному морю семьёй, как герои его рассказа «К морю». Алексей Павлович много трудился, наслаждался изданием своих книг, последнее прижизненное издание датировано 1975 годом (писателю было 98 лет).

В возрасте 84-х лет случилось с Алексеем Павловичем, как он сам сказал, «приключение». Возвращаясь из Пятигорска, заскочил он на ходу в отходящую электричку и зацепился за скобу, торчащую из сложенных плит на платформе, одна нога застряла в проёме между платформой и набирающем скорость вагоном.

Е. А. Шолохова. Фото из семейного архива Т. А. Шолоховой

«Вместо законной паники было любопытно: сколько же, мол, можно провисеть на руке и чем это может кончиться. Озабочен был тем, чтобы не стянуло вниз к рельсам. На моё счастье, кто-то сообразил гёрнуть стоп-кран и поезду, проволочив меня метров 30, остановился. И тут, выбравшись в тамбур вагона, подвергся яростному нападению кондукторши. Но я был доволен исходом неожиданного приключения (очередного!?), что весело извинился за причинённое беспокойство. 15/X. 62».

С юмором А. П. Бибики вспоминал: *«припоминаю, сколько же раз посещала меня "липучая смерть"? Насчитал — 8 раз... Когда-нибудь, за стаканом вина, расскажу-поведаю об этих непрошенных визитах. В общем же — я начинаю верить в своё бессмертие — и оттого проникаюсь безграничным нахальством. А Б. 19/XI 62.».*

Хранил его Бог, впереди были пятнадцать лет плодотворной жизни, несколько переизданий главного романа его жизни «К широкой дороге», книги воспоминаний и рассказов «Сквозь годы и бури» и «К морю». Много встреч с читателями: *«Позавчера отзвонил "встречу", — вышло по-хорошему. Сегодня — встреча вторая. 19-го большая встреча в Ставрополе, затем ещё предстоит три или четыре (в клубах и библиотеках). Чувствую искренность людей, оттого и угу им навстречу. 15.10.1962 г.».*

Алексей Павлович поддерживал себя в физической форме. В письмах к бабушке призывал его к ежедневной гимнастике, проведению массажа сердца и обязательным дневным прогулкам, как неукоснительно поступал сам. Занимался физическим трудом; сделал мебель для своего кабинета. Трудился в саду.

Всего несколько месяцев не дожил он до своего столетия — столетничал, упустил молоток на ногу, началась гангрена. Так Всевышний призывал его к себе 18 ноября 1976 года.

За заслуги в развитии советской литературы А. П. Бибики в 1967 году награждён орденом Трудового Красного Знамени. Он почётный гражданин города Минеральные Воды, посмертно его именем названа улица.

У дочери писателя, Ольги, детей не было; после своей смерти она завещала дом городу, сейчас в нём краеведческий музей. Работники музея и горожане хранят добрую память об А. П. Бибики. Соседи по улице до сих пор рассказывают, как любили детьми гулять под окнами кабинета писателя и получали от него конфетки и другие угощения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шолохов-Синявский Г. Ф. Собрание сочинений : в 6 т. / [предисл. Т. А. Шолоховой]. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2019.
2. Бибики А. П. Сквозь годы и бури. Ставрополь : Кн. изд-во, 1975.
3. Бибики А. П. Полное собрание сочинений: [в 6 т.] М. : Недра, 1928.
4. Шолохов-Синявский Г. Ф. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. Ростов н/Д., 2019. С. 553 – 583.
5. Цит. по: Шолохов Л. Г. «Мне грезилась донская гроза...» // Донской временник. Год 2006-й. Ростов н/Д., 2005. С. 134 – 142.
6. Котовсков В. Я. Пять имён, или «Проходим прежнюю дорогу» : Лит. заметки о Шолохове, Горьком, Сергееве-Ценском, Бибики. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 2001. С. 87.
7. Бибики Алексей Павлович // Музей истории Гулага : [сайт]. URL: <https://gmig.bm.digital/author/370330439400841216/bibik-aleksey-pavlovich> (дата обращения 17.08.2022).
8. Закруткин В. А. Цвет лазоревый : страницы о Михаиле Шолохове. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1965. С. 29 – 32.
9. Бибики А. П. К морю! : Избранное. М. : Советский писатель, 1962. С. 193.
10. Селиванов Ю. Лабиринты судьбы : Очерк о жизни и творчестве писателя А. П. Бибики. URL: <https://proza.ru/2021/09/22/689> (дата обращения 17.08.2022).
11. Кабаченко Ефим Тимофеевич (1909 – 1978), журналист из Ставрополя (Литературно-художественный альманах Ставропольского краевого отделения Союза советских писателей «Ставрополье» : [сайт] URL: <https://almanac.ekimovka.ru/index.php?year=1966&no=4&task=articles&author=97> (дата обращения 17.08.2022); Государственный архив Ставропольского края. Фонд Р-6153.

Выражаю благодарность за предоставленные фотографии директору краеведческого музея Минераловодского городского округа Ставропольского края Людмиле Анатольевне Харьковской и директору Донского издательского дома (Ростов-на-Дону) Ольге Петровне Рыбальченко.

ЕДИНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А – Б

Агеева Валентина Анатольевна, историк 109 – 113, 116
Азовское море 10
Акиншин Александр Николаевич, историк, краевед 78 – 79
Алексеев Степан Ларионович (? – 1828), первый владлец Ейской пустоши (1784) 6
Архивы 111
Бакланов Яков Петрович (1809 – 1873), генерал-лейтенант, герой Кавказской войны 142, 149 – 153
Балацкая Надежда Михайловна, старший научный сотрудник отдела библиографии и краеведения

Российской национальной библиотеки, председатель секции «Краеведение в современных библиотеках» Российской библиотечной ассоциации 68
Бандурин Николай Сергеевич, учитель истории 117 – 118, 126 – 132
Бибик Алексей Павлович (1877 – 1976), писатель 211 – 226
Бочарова Алла Дмитриевна (1932 – 2005), директор Донской публичной библиотеки (1985 – 1997) 58 – 62, 63 – 64, 65, 67

В – Г

Валуцкова Ольга Владимировна, архивист 115, 170 – 174
Вегерин Василий Иванович, краевед 112 – 113, 115
Верхне-Лютовка, хутор (Миллеровский р-н) *ист.* 126 – 132
Вибе Пётр Петрович, председатель Союза краеведов России (2021 – 2022) 79
Водяная Балка (д. Водяная, хутор Водяной) Ростовского уезда 5 – 20
Волошинова Любовь Феокистовна, архитектор, краевед 115, 197 – 203
Высоцкая Елена Петровна, генеалог 44 – 45, 84 – 108
Гиляровский Владимир Алексеевич (1855 – 1935), писатель 145 – 149
Гоптаровка, с. (Беловский р-н Курской области) 7, 8, 10, 13 – 18

Глафировка, с. (Щербиновский р-н Краснодарского края) 5 – 20
Глафиловская, коса 5, 7
Головкина Галина Ивановна, искусствовед 54 – 56
Горбенко Анатолий Александрович (1948 – 2017), директор Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника (1973 – 2017) 46 – 54
Градобоев Вячеслав Александрович, краевед 115 – 116
Грамматин Андрей Иванович, мировой судья 5-го участка Черкасского судебного округа 193, 195
Гурвич Самуил Миронович (1885 – 1938), заведующий Книгохранилищем имени К. Маркса в 1925 – 1927 гг. 57 – 58
Гурвич Соломон Самуилович (1917 – 1997), журналист, краевед 57 – 58, 69 – 70, 80

Д – Е

Денежкин Антон Степанович, устроитель церкви в пос. Лютово, XIX в. 126 – 132
Дербаремдикер Авраам Лазаревич (1915 – 2010), главный инженер Ростовской студии кинохроники (1960 – 1995) 172 – 173
Донская государственная публичная библиотека (Ростов-на-Дону)

– история 57 – 83
Донской временник, краеведческий альманах (Ростов-на-Дону) 58, 65 – 66, 70 – 73, 77, 78
Друзаг, германская с.-х. концессия на Юге РСФСР 155, 159
Ейская пустошь *ист.* 5 – 6, 7
Ейский лиман 5, 10, 15

З – К

Зайдинер Виктор Изарович (1922 – 2020), историк, краевед 35 – 41
Зайцев Дмитрий Николаевич, лингвист 115, 165 – 170
Зайцева Александра Сергеевна, журналист 114 – 119, 191 – 196
Зайцева Наталья Николаевна, библиограф-краевед Донской публичной библиотеки 70 – 71, 72, 73
Зенюк Дмитрий Игоревич, историк 45
Зотов Захар Константинович (1755 – 1802), камердинер императрицы Екатерины II, помещик 6
Кинокомсомол, киностудия (Ростов-на-Дону, 1924 – 1927) 170 – 171
Кладбища
– Новочеркасск, г. 133 – 155
Ковынева Сталина Андреевна, краевед 35 – 41

Козлов Владимир Фотиевич, историк, краевед 71, 76 – 79
Колесникова Евгения Михайловна, директор Донской публичной библиотеки с 1997 г. 69, 72
Коршиковские чтения см. **Краеведческие чтения**
Краеведческие чтения
– всероссийские 76 – 77
– региональные
– – Коршиковские, 8-е (Ростов-на-Дону – Таганрог, 29 – 30 сентября 2022 г.) 114 – 226
Кринко Евгений Фёдорович, историк 114, 116
Кузина Ольга Ивановна (1926 – 1988), библиограф-краевед, заместитель директора Ростовской областной научной библиотеки имени К. Маркса (1977 – 1986) 59, 80

Л — М

Лесевицкие, помещики 13
 Любимов Пётр Яковлевич (? — после 1933), архитектор 197 — 203
 Лялин Аркадий Иванович, майор, помещик 13, 14
 Маневич Борис Исаакович (1910 — 1992), кинорежиссёр, кинооператор 173 — 174
 Маныч, германская с.-х. концессия на Юге РСФСР 155
 Маныч-Крупш, российско-германское с.-х. товарищество (1930 — 1934) 157, 162 — 163

Мартиросова Маргарита Бедросовна, заведующая отделом краеведения Донской публичной библиотеки (с декабря 2004 г.) 69, 72, 81
 Мартыненко Виктория Юрьевна, архивист 111, 115
 Матерновский Денис Сергеевич, генеалог, краевед 5 — 20
 Менделеев Дмитрий Иванович (1834 — 1907), учёный-энциклопедист 165
 Морозова Ольга Михайловна, историк 155 — 164
 Музеи 112 — 113, 114 — 115, 116 — 117

Н — О

Наливайченко Ирина Владимировна, учитель истории 113, 114 — 119
 Нарцкая (урожд. Похвиснева, по первому мужу — Романова) Глафира Васильевна (ок. 1775 — 1851), помещица, основательница с. Глафировка 7 — 18
 Нарцкий (Норецкий) Казимир (Козьма) Иванович (ок. 1790 — 1864), подполковник, помещик 8 — 18

Николаевка, с. (Щербиновский р-н Краснодарского края) 10, 12, 15, 17, 18
 Никольский Георгий Сергеевич (1896 — 1961), директор Ростовского кинотехникума (1928 — 1960) 171 — 172
 Орурк Иосиф Корнилович (1772 — 1849), генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 г. 9 — 10

П

Памятники
 — археологические
 — — Карповка, хутор (Багаевский р-н) 122 — 124
 — — Мелиховская, ст-ца (Усть-Донецкий р-н) 120 — 125
 — — Семикаракорск, г. 121 — 125
 Парамонов Николай Елпидифорович (1876 — 1951), предприниматель, издатель 158, 175 — 191
 Парамоновы, семья 175 — 191
 Пашиньян Карп Григорьевич (1950 — 2022), фотограф 21 — 35
 Петров Виктор Сергеевич, поэт 42 — 44, 73
 Петровский Иван Андреевич (1829 — 1903), врач, организатор Общества донских врачей 142 — 145

Подземгаз, опытная станция (Шахты, 1933 — 1934 гг.) 165 — 170
 Полевода Игорь Станиславович, художник-реставратор 21 — 32
 Попов Михаил Родионович (1851 — 1909), участник революционного движения на Юге России в 1870-х гг. 16
 Поповян Лариса Капреловна, библиограф-краевед; в 2001 — 2011 годах — заведующая отделом комплектования Донской публичной библиотеки 69, 81
 Похвиснева Глафира Васильевна см. *Нарцкая*
 Похвисневы, дворянский род Курской, Орловской и Слободско-Украинской губерний 7, 13

Р

Романов Савва Васильевич (1773 — 1814), майор, первый владелец с. Глафировка 7 — 8, 12 — 15
 Романовы, дворянский род Курской губернии 7
 Ростовская студия кинохроники 171, 173 — 174
 Ростовский кинотехникум (1928 — 1938) 171 — 172

Рудь Михаил Анатольевич, горный инженер 115, 165 — 170
 Рыбальченко Ольга Петровна, директор Донского издательского дома (Ростов-на-Дону) 110, 113, 118
 Рязанов Валерий Васильевич (1940 — 2022), искусствовед 54 — 56, 62

С

Сабо Александр Григорьевич, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени 101
 Сабо Александр Михайлович, штабс-ротмистр Псковского кирасирского полка 99 — 100
 Сабо Василий Стефанович (ок. 1727 — ?), секунд-майор, владелец д. Васильевка в Донецком уезде, исправник в Бахмутском уездном суде 88 — 89
 Сабо Владимир Григорьевич (1810 — 1871), генерал-майор, командир Михайловского Шостенского порохового завода 101
 Сабо Георгий Демьянович, поручик Переяславского полка 89, 95
 Сабо Григорий Демьянович (ок. 1764 — ?), подполковник Чугуевского казачьего полка, судья в Ольвиопольском уезде 89, 96 — 98

Сабо Демьян (Дамиан), капитан Чёрного гусарского полка, владелец д. Демьяновка 89
 Сабо Дмитрий, полковник австро-венгерской армии, в 1630 г. возведён в дворянское достоинство и награждён гербом 85
 Сабо Дмитрий Николаевич, юнкер уланского великого князя Константина Павловича полка 100
 Сабо Евгений-Жан, купец 2-й гильдии, владелец ювелирной фирмы 84
 Сабо Иван Петрович (ок. 1784 — ?), полковник, командир 11 егерского полка 98 — 99
 Сабо Иван Стефанович (ок. 1743 — ?), прапорщик, владелец д. Лугобеловка в Донецком уезде, межевщик в Новосенжаровском уезде 88 — 90

Сабо Константин Николаевич (1864 – после 1907), присяжный поверенный 106
 Сабо Константин Петрович (ок. 1789 – после 1824), майор Александрийского гусарского полка 100 – 101, 103
 Сабо Лазарь Лазаревич (ок. 1771 – ?), подполковник, предводитель дворянства Славяносербского уезда 90
 Сабо Лазарь Стефанович (ок. 1725 – ?), секунд-майор, владделец с. Журское в Донецком уезде 88 – 89
 Сабо Максим Васильевич (ок. 1750 – 1778), поручик Илирического полка 94
 Сабо Михаил Лазаревич (ок. 1767 – ?), ротмистр Илирического полка, предводитель дворянства Славяносербского уезда 90
 Сабо Николай Васильевич (ок. 1764 – ?), секунд-майор, титулярный советник, предводитель дворянства Славяносербского уезда 90
 Сабо Николай Константинович (1824 – после 1883), коллежский асессор 104 – 106
 Сабо Павел Лазаревич (ок. 1755 – ?), прапорщик Валашского полка, владделец д. Павловка в Донецком уезде, судебный заседатель в Донецком уезде 89 – 90
 Сабо Пётр Лазаревич (ок. 1750 – ?), капитан Харьковского гусарского полка, секунд-майор Валашского гусарского полка, судебный заседатель в Донецком уезде 91 – 92
 Сабо, род 84 – 108
 Сабо Стефан (Степан) (ок. 1697 – 1760), правнук Дмитрия Сабо, ротный капитан Славяносербской команды И. Шевича 89
 Сабо Фёдор Васильевич (ок. 1749 – ?), поручик Харьковского полка 91, 92

Сабо Фёдор Михайлович (ок. 1784 – ?), подпоручик Московского ополчения в 1812 году 99
 Сабов Михаил Васильевич, надворный советник, член Новочеркасского окружного суда 84
 Сальский округ (Северо-Кавказского края, 1924 – 1930) 155 – 164
 Сеятель, коммуна (Сальский округ Северо-Кавказского края) 163
 Сидоров Владимир Сергеевич (1936 – 2006), историк, писатель, поэт 57 – 59, 63 – 64, 65 – 66
 Скрынникова Людмила Ивановна, заведующая сектором культурных программ и проектов Управления культуры г. Таганрога 109, 117
 Смирнова Александра Геннадьевна, историк, краевед 76 – 79
 Сокольский Эмиль см. **Храмов**
 Союз краеведов России, общественная организация 76 – 79
 – Ростовское региональное отделение 76 – 79, 109 – 113
 Степанковский Александр Иванович (1877 – 1958), врач 192 – 195
 Степанковский Иван Иванович (1844 – 1914), управляющий рудником Русского общества пароходства и торговли (1888 – 1908) 191 – 192
 Степанковский Сергей Александрович (1907 – 1997), генерал-лейтенант инженерной службы Министерства гражданской авиации СССР 194 – 195
 Степанов Николай Павлович (? – 1918), педагог, учредитель и строитель частной мужской гимназии в Ростове (1913 – 1915) 201 – 202
 Сухарев Алексей Григорьевич, основатель и президент Фонда имени священника Илии Попова 72, 82

Т – Ч

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ) 109 – 110, 116 – 117, 118
 Тарасова Марина Николаевна, историк 115, 175 – 191
 Токаренко Сергей Фёдорович, археолог, краевед 115, 120 – 126
 Трайлин Фёдор Калинич (1836 – 1919), краевед 142, 152 – 154
 Трапш Николай Алексеевич, директор Государственного архива Ростовской области 111
 Трегубов Николай Яковлевич (1756 – 1845), генерал-майор, сенатор, градоначальник г. Одессы 6, 7, 10, 13
 Федотова Татьяна Александровна, учёный секретарь Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника 46 – 54
 Хазизов Виктор Сергеевич (1922 – 2009), краевед 74

Халдаев Евгений Васильевич, журналист, краевед 133 – 155
 Холера (в Новочеркасске 1847, 1892 гг.) 142 – 153
 Храмов Виктор Юрьевич (1957 – 2022), литератор, сотрудник Донской публичной библиотеки 42 – 45, 57 – 58, 69 – 70, 72, 73, 80
 Храмы
 – Верхне-Лютовка, хутор (Миллеровский р-н) *см.* 117 – 118, 126 – 132
 Центр краеведения, москвоведения и крымоведения (Институт Наследия, Москва) 78 – 79
 Цымбал Алла Августовна, старший научный сотрудник Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника 116 – 117
 Чибисова Светлана Павловна, историк 203 – 210

Ш

Шабельские, род 8, 10, 13, 18
 Шадрина Алла Валерьевна, историк 114 – 115
 Шахтинская ГРЭС им. Артёма 167 – 168
 Шишов Алексей Афанасьевич (1864 – 1937), художник, педагог 203 – 210
 Шмидт Сигурд Оттович (1922 – 2013), историк, председатель Союза краеведов России (1990 – 2007) 76, 77, 78, 109 – 110, 113

Шолохова Татьяна Анатольевна, внучка писателя Г. Ф. Шолохова-Синяевского 117, 211 – 226
 Шолохов-Синяевский Георгий Филиппович (1901 – 1967), писатель 211 – 226
 Штавадакер Лариса Александровна, библиограф-краевед 32 – 35, 57 – 83, 111, 114, 116, 119

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМЗ — Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, г. Азов
Г. р. — год рождения
ГАЗО — Государственный архив Запорожской области, г. Запорожье
ГАКО — Государственный архив Калужской области, г. Калуга
ГАКО — Государственный архив Курской области, г. Курск
ГАРО — Государственный архив Ростовской области, г. Ростов-на-Дону
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, г. Москва
ГАСК — Государственный архив Ставропольского края, г. Ставрополь
ГАТО — Государственный архив Тюменской области, г. Тюмень
ГАХО — Государственный архив Харьковской области, г. Харьков
ДАДО — Государственный архив Днепропетровской области, г. Днепр
ДГПБ — Донская государственная публичная библиотека, г. Ростов-на-Дону
дес. — десятина
РГАВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота, г. Санкт-Петербург
РГАДА — Российский государственный архив древних актов, г. Москва
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, г. Москва
РГАЭ — Российский государственный архив экономики, г. Москва
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва
РГИА — Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦДАК Украины — Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев
ЦДНИРО — Центр документации новейшей истории Ростовской области, г. Ростов-на-Дону
ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В краеведческом альманахе «Донской временник» печатаются не публиковавшиеся ранее материалы. Приветствуются оригинальные статьи, содержащие результаты научных исследований.
2. Подписанная *Автором(ами)* рукопись представляется на электронном носителе. Текст должен быть в формате Microsoft Word, с расширением *.doc. (гарнитура Times New Roman, кегль 12, интервал — одинарный). Страницы не нумеруются. Фотографии должны быть выполнены в форматах tif или jpg (отдельным файлом) с разрешением не менее 300 dpi.
3. Объём статьи не должен превышать 1 а. л., включая список литературы, таблицы и подписочные подписи, 5—6 рисунков или фотографий.
4. Материал следует присылать по электронной почте на адрес: donvtem@yandex.ru
5. При оформлении статьи *Автор(ы)* должны учитывать, что
  - название статьи, фамилия и инициалы автора/авторов должны быть набраны заглавными буквами, используя при этом ту же гарнитуру, что и основной текст (Times New Roman) и кегль 12;
  - не допускается размещение фрагментов текста, позаимствованных из Интернета;
  - ссылки помещаются в конце статьи в виде Примечания и имеют сквозную нумерацию. Отсылки в тексте документа заключают в квадратные скобки. При необходимости отсылки могут содержать определённые идентифицирующие сведения: имя автора (авторов), название документа, год издания, обозначение и номер тома, указание страниц.
  - Библиографическое описание должно соответствовать ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления»; Библиографические ссылки должны быть выполнены в соответствии с ГОСТ Р. 7.0.5-2008.
6. К рукописи статьи *Автор(ы)* прилагает сведения о себе.
7. Рукописи не рецензируются и не возвращаются авторам.
8. Редакция оставляет за собой право на сокращение объёма материала и его литературную правку.

ДОНСКОЙ ВРЕМЕНИК

Выпуск 31

Учредитель ГБУК РО «Донская государственная публичная библиотека»
Ответственный редактор Штавдакер Л. А.

Вып. 31. Сдано в набор 01.10.22. Подписано в печать 05.12.22.
Дата выхода в свет — 2021 год. Тираж 250 Заказ № .

Адрес редакции и издателя: 344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 175 А.
Донская государственная публичная библиотека. Тел.: 264-35-68, e-mail: donvrem@yandex.ru

Отпечатано в типографии ООО «Донской издательский дом»
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 170.
Тел./факс: (863)280-88-78, 8-928-214-22-88, 8-928-111-84-08, e-mail: donidom@mail.ru

КАРП ГРИГОРЬЕВИЧ ПАШИНЬЯН. МГНОВЕНИЯ ЖИЗНИ

Ростов-на-Дону, 7 августа 2007 года. Фото И. С. Полеводы

В Донской публичной библиотеке. 2018 г. Фото И. С. Полеводы

Фото О. В. Попова

Фото неизвестного автора